

**УЗБЕКСКАЯ
НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ**

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

*

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

УЗБЕКСКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1990

ББК 84. Узб. 1
У34

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (*главный редактор*),

И. В. Абашидзе, А. Н. Болдырев, Р. Г. Гамзатов,
Н. С. Гилевич, М. А. Дудин, А. В. Западов,
М. К. Каюват, Д. С. Лихачев, А. М. Малдонис, А. А. Михайлов,
Л. М. Мкртчян, Б. И. Олейник, А. И. Павловский

*Вступительная статья,
составление и примечания*
Т. М. МИРЗАЕВА

Редактор Л. Г. Чащина

У $\frac{4803640102-457}{083(02)-90}$ 422-90

ISBN 5-265-01484-5

© Издательство «Советский писатель», 1990

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ УЗБЕКИСТАНА

Если литература и история — это как бы зафиксированная память народа, многообразная, умудренная, выстроенная, то фольклор — скорее вечное, нестареющее самоощущение безграничности, неистощимости сил своих — и в радости, и в беде. Даже и в сложных, сюжетно, ритмически или словесно изощренных фольклорных жанрах нас неизменно покоряет, удивляет непосредственность восприятия мира, естественность выражения чувств и мнений. «Вышила тебе я тюбетейку чистым золотом своей любви», — говорится в одной узбекской народной песне. Таким вот «чистым золотом» живого чувства, детски наивного удивления, не умеющего себя сдерживать восхищенья, горя, любви — и дороги нам произведения народной поэзии. И потому естественно, что в ней в наиболее открытом, наиболее характерном виде проявляются национальные черты каждого народа, его способ мышления, специфика его образного мира. Как специфический феномен народной культуры он оказывается средоточием словесных, музыкальных, театральных, этнографических традиций. Не случайно В. И. Ленин назвал фольклор «доподлинным народным творчеством»¹, заметив, что это явление «нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни»². Это прозорливое замечание все более оправдывается: воспитательное значение фольклора растет год от года, — в формировании и совершенствовании современного советского человека, активизации человеческого фактора во всех сферах деятельности нашего общества. Фольклор ведь не просто художественное наследие народа — он хранилище его громадного духовного опыта, столь важного для культурной жизни. В том или ином виде, в том или ином жанре укоренившиеся в памяти образы эпоса, каждодневно

---

¹ Бонч-Бруевич В. И. В. И. Ленин о поэзии // В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1969. С. 701.

² Там же. С. 701.

всплывающие строки и мелодии народных песен и, наконец, не сходящие с языка пословицы и поговорки — это важная часть нашей духовной сокровищницы. В такой гигантской многонациональной стране, как наша, общая фольклорная «кладовая» многих народов поистине неисчерпаема, но, к сожалению, значительная часть ее остается еще как бы в «фондах», в «запасниках»: тут уже вступают в силу языковые барьеры. Настоящая книга впервые предпринимает попытку более или менее комплексно и представительно познакомить русскоязычного читателя с лучшими образцами узбекской народной поэзии, ввести его в огромный и яркий мир нашего фольклора.

1

Песенный фольклор и эпическая поэзия узбекского народа отличаются не только обилием тем, сюжетов, богатейшей палитрой выразительных возможностей и приемов, но и наличием своеобразных локальных стилей, свойственных разным историческим областям Узбекистана и обусловленных своеобразием историко-этнического и социально-экономического развития. Однако до Октября о бытовании и распространении в народе песен и дастанов наука располагала лишь отрывочными сведениями. Отдельные пересказы или извлечения из песен и эпических поэм, первые «записи» легенд и преданий, сложенных народами, которые заселяли территорию нынешней Средней Азии и Казахстана, встречались еще в трудах средневековых авторов. Однако именно лишь извлечения или пересказы. Начиная со второй половины прошлого века русские и зарубежные ориенталисты, путешественники, этнографы, дипломаты записывали и публиковали отдельные образцы узбекского фольклора. С другой стороны, в этот же период усилиями узбекских любителей фольклора, а иной раз и по инициативе самих народных сказителей были сделаны записи, сохранившиеся в виде рукописных списков или литографированных изданий; речь идет о народных дастанах. Однако записи эти научную ценность имеют лишь относительную, ибо подвергались литературной обработке, произвольным сокращениям и искажениям.

Сбор и изучение узбекского фольклора на научной основе начались лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, при постоянной помощи и содействии Советского государства. Эта работа велась сначала органами Наркомпроса, а затем и специализированными научными учреждениями. В первой половине двадцатых годов определенную работу по собиранию фольклора провели Газы Алим Юнусов, Гулям Зафари и Эльбек. Публикации тех лет по отдельным жанрам (песни, пословицы, устная драма, отрывок из замечательного героического эпоса «Алпамыш»), первые характеристики фольклора — явились тогда подлинным событием культурной жизни,

привлекли к записям фольклора внимание широкой общественности. Узбекская фольклористика, однако, еще не оформилась тогда как самостоятельное научное направление, а только стремилась к овладению марксистско-ленинской методологией, практической методикой работы, к выработке принципов отбора; и все же этот ее ученический период (1917—1925) принес свои плоды. Осваивались достижения тогдашнего востоковедения и краеведения, в ходе интенсивного сбора материалов накапливался методологический опыт.

В середине двадцатых годов сбор фольклорного материала фактически возглавил выдающийся ученый, основоположник научной узбекской фольклористики Ходи Зарифов. По его инициативе и с его участием были выявлены такие замечательные народные сказители, как Эргаш Джуманбульбуль-оглы, Фазыл Юлдаш-оглы, Пулкан и другие. Именно в это время и началась активная работа по записи полных текстов традиционных и новых дастанов непосредственно от ведущих народных бахши. За короткое время были записаны такие крупные произведения, как «Алпамыш», «Ядгар», «Шейбанихан», «Юсуф и Ахмед», «Алибек и Балибек», «Одинокий Ахмед», «Мурад-хан», «Рустамхан», «Рождение Гороглы», «Юнус-пери», «Мискал-пери», «Гулнар-перн», «Авазхан», «Хасанхан», «Далли», «Раушан», «Товарищ Ленин», «Джизакское восстание», «Маматкарим», «Ачилдав», «Хасан-батрак» и многие другие сказки, песни, пословицы.

Эта интенсивная работа продемонстрировала не только возможности узбекской фольклористики, но в первую очередь громадное богатство самого узбекского фольклора. По существу был открыт новый, неведомый дотоле творческий материк! А фольклорные экспедиции, начатые в 1926 году, продолжали из года в год обследовать территорию всех исторических областей Узбекистана, и в них участвовали такие выдающиеся русские ученые, как Е. Д. Поливанов, А. К. Боровков, Л. П. Потапов, Н. Н. Миронов, Е. Е. Романовская, А. Л. Троицкая, В. А. Успенский, не говоря уже о представителях разных поколений узбекской филологической науки: Г. Юнусове, Х. Зарифове, Б. Каримове, М. Афзалове, А. Алави, З. Хусаиновой, Т. Газизбаеве, Х. Раззакове, Ф. Караматове, А. Сабирове, Дж. Кабулнязове, М. Саидове, М. Кадырове, К. Имамове, Б. Сарымсакове, Я. Джураеве, М. Мурадове и многих других. Благодаря их труду и горячей, самоотверженной любви к делу возник и постоянно пополняется богатейший фольклорный архив Института языка и литературы АН УзССР.

Уже начиная с двадцатых годов, одновременно с записями народного эпоса узбекские фольклористы изучали географию дастанов и условия их бытования, личности исполнителей. Плодом этого явились методологически важные работы Х. Зарифова — и, параллельно, обширные публикации самих дастанов. В конце тридцатых годов уже были опубликованы «Алпамыш», «Ширин и Шакар», «Мурадхан» и

«Арзигуль», «Рождение Гороглы» и «Малика Айяр», «Раушан», «Кундуз и Юлдуз» и другие. В подготовке публикаций наряду с учеными принимали активное участие и видные узбекские литераторы — Хамид Алимджан, Максуд Шейхзаде. Появились и хрестоматии, сборники народных сказок и песен.

Началась также работа по переводу узбекского фольклора на русский язык. Замечательно, что уже в годы войны, в 1943 году, появились в русском переводе отдельные главы «Алпамыша» и «Раушана», а в 1944 году вышла полностью первая часть «Алпамыша» в переводах В. Державина, Л. Пеньковского, А. Кочеткова, с предисловием В. М. Жирмунского. В этот же период был создан и капитальный труд Жирмунского и Зарифова «Узбекский народный героический эпос», открывший мировому читателю гигантскую «геологическую карту» народной эпической поэзии Узбекистана.

Одним из важнейших достижений узбекской фольклористики последующих десятилетий явилась подготовка и публикация тридцати четырех томов, включающих лучшие образцы узбекского фольклора разных жанров. В целом это уникальное собрание должно составить пятьдесят томов. Нельзя не вспомнить и пятитомное собрание дастанов и терма, записанных от выдающегося народного сказителя Эргаша Джуманбульбуль-оглы. Это издание, в трех томах, появилось и в переводах на русский язык. Обширная научная серия «Исследования по узбекскому народному творчеству», капитальное трехтомное издание «Очерки узбекского фольклора» сопровождаются продолжающимися публикациями фольклорных текстов в оригинале и в русских переводах. И все же громадный и ценнейший в художественном отношении узбекский фольклорный фонд в основной своей части остается неизвестным широкому русскому читателю — тем более, что упомянутые выше издания осуществлялись, за немногими исключениями, в республике и, как правило, не попадали на всесоюзный книжный рынок.

2

Песня — древнейший фольклорный жанр. Конечно, это относится в первую очередь к песне обрядовой, тесно связанной с трудовыми процессами, с многочисленными народными обычаями, верованиями и возникающими на их базе обрядами. К числу обрядовых песен принадлежат песни календарно-обрядовые, семейно-обрядовые, заговоры, причитания, плачи.

Календарно-обрядовые песни возникли на основе определенных ритуалов, приуроченных как к смене различных времен года, так и к тем или иным природным явлениям, характерным для весны, лета, осени, зимы. Такие песни несли магическую функцию — способство-

вать урожаю, благополучию в хозяйстве, и поэтической основой их служила, как правило, суеверная персонификация природных явлений. Так при засухе дехкане обычно совершали обряд, сопровождаемый песней «Сус хотин» (название песни можно перевести как «Льющая женщина» — к ней обращалась просьба о дожде), при сильном ветре опять-таки исполнялся обряд, сопровождаемый песней «Чой-мома» («Ветер-матушка»), в которой просили усмирить ветер. Ритуальными песнями отмечалось и празднование смены времен года: например, наступление весны — исполнением песни «Бойчечак» («Подснежник»), «Навруз» («Новый год» — по мусульманскому календарю наступление Нового года приходится на 21 марта). Кроме сугубо религиозных мотивов песни эти, как правило, содержат пожелания счастья, удачи в новом году, рождения хорошего сына и т. п.

Семейно-обрядовая поэзия сопровождала все узловые моменты человеческой жизни: рождение и те или иные стадии становления маленького человека — первый его шаг, первый зуб, первую срезанную прядку волос и так далее. Позднее — сватовство, свадьбу, смерть... Свадебные песни исполнялись в ходе всех церемоний, от начала свадьбы и до конца: обряжение невесты, прощание с подружками, приход жениха, знакомство невесты и жениха через занавеску и прочее. Исполнялись песни из громадных циклов «Лапар», «Яр-Яр», «Улан», «Келин салом» («Привет невестке»), в которых воспеваются достоинства невесты или жениха, содержатся пожелания семейного счастья, рождения многочисленных детей; или, наоборот, звучат жалобы невесты, против воли выдаваемой замуж за нелюбимого...

К числу древнейших образцов песенной поэзии принадлежат заговоры. В основе заговоров — «бадик», «кинка» — лежит древняя вера человека в магическую силу слова, способного отвести беду, излечить болезнь, избавить от порчи, от несчастной любви или обрести любовь счастливую... Вероятно, магические песни-заговоры были в свое время наиболее многочисленной ветвью обрядовой поэзии, так как предусматривали неисчислимое количество разнообразных коллизий человеческой жизни. К нашему времени, напротив, этот жанр представлен наименьшим числом образцов — в силу ли рассеяния большей части былых суеверных представлений, или еще и в силу именно прежней своей многочисленности, то есть чрезвычайной «специализации» древних заговоров.

Особый жанр — плачи и причитания; в этих фольклорных песнях выражалось горе по поводу смерти близких — матери, отца, брата, сестры, сына, дочери, мужа, любимого. Как правило, содержанием таких песен служат перечисления достоинств покойного, горестные сожаления о том, чего он не успел увидеть или получить при жизни, о том, как недостаточно ценили радость общения с ним, пока он был жив, как тяжка теперешняя с ним разлука... Это обычно произведения

импровизационные, в которых традиционные приемы фольклора использовались в различных комбинациях, применительно и к каждому отдельному случаю, и к манере, лирическим возможностям исполнителя; впрочем, в них почти всегда присутствуют и жизненные конкретности, идущие от живого чувства, от подлинных переживаний и воспоминаний безымянного слагателя или исполнителя плача.

В сущности, причитания и плачи — это произведения, находящиеся уже на грани песни обрядовой и необрядовой. Как, впрочем, и песни трудовые.

Трудовые песни изначально носили характер сугубо обрядовый — они подразделялись на циклы, связанные с временами года, а стало быть, и с различными видами труда, земледельческого и скотоводческого. Земледельцы, например, сопровождали специальными ритуалами сев, жатву, молотьбу — частью этих обрядов служили песенные циклы. Так, во время молотьбы исполнялись песни, каждая строфа, а то и строка которых заканчивалась рефреном «Майда-е, майда...» («Молоти-молоти» или, точнее, «размельчай-медьчи»). Мелодический склад такого рода песен отражает или как бы воспроизводит ритм самого трудового процесса. В песнях скотоводов часто повторяются восклицания, которыми погоняют или уговаривают скот («хуш-хуш», «турей-турей», «чурей-чурей» — то есть «донсь-донсь»), звукоподражательные сочетания. Песни, исполнявшиеся при работе за прялкой, за ткацким станком, на ручной мельнице, звучат обычно медлительно, монотонно, опять-таки как бы воспроизводя характер самой работы.

Со временем, однако, суть трудовых песен стала меняться. Сохраняя внешние — подражательные, обрядовые — приметы, они начинают наполняться сугубо социальным содержанием — и в первую очередь жалобами трудящегося человека на свою тяжкую жизнь, беспросветную подневольность своей работы, изнуряющей, изматывающей и при этом едва позволяющей прокормиться; проклятиями хозяевам, на которых работающий гнет спину от темна до темна, несправедливому распределению земных благ. Свое жалкое и мучительное существование земледелец делил нередко с пахотными домашними животными, его положение немногим отличалось от положения рабочей скотины, и вот разного рода «жалобы вола» превращались в песнях в метафорически выраженный протест нещадно эксплуатируемого человека.

Именно в силу этого и тематические области, и области географического бытования, и самое число, многообразие трудовых песен чрезвычайно расширились и превратили их в один из обширнейших разделов песенного фольклора. Но это уже были песни именно социальные, а отнюдь не обрядовые.

Необрядовые песни разнообразны и по тематике, и по жанрам.

Так, к трудовым примыкают, как уже говорилось, песни о жи-

вотных, а также песни бытовые; это могут быть произведения и лирического, и шуточного, и сатирического характера. Последние, как правило, несут в себе явственный социальный заряд. Типичный пример — довольно многочисленные песни о «байской дочке»: она предстает в них существом патологически ленивым, неряхой, неумехой, а подчас и тайной развратницей.

По мере того, как становилась все более сложной, многогранной сама народная жизнь, усложнялось, углублялось и психологическое мастерство фольклорной песни, особенно в пору ее, так сказать, сосуществования с письменной литературой. Это и стало эпохой расцвета лирического песенного жанра, в первую очередь песни любовной, хотя, конечно, немало замечательных любовных песен пришло к нам и из глубокой древности.

Может быть, именно к числу любовных песен принадлежат самые проникновенные, самые гармоничные произведения узбекского народного творчества. В лучших из них с наибольшей силой изображено столкновение личности с трагической действительностью, с горестной неустроенностью окружающего мира, наиболее полно выражена сама острота этого конфликта. Нетрудно объяснить — почему. Любовные драмы (а ведь песни редко посвящены любви счастливой, счастливая чаще всего молчалива и выражает себя не в словах) — это, вероятно, высший всплеск жизненной энергии человека, сосредоточение всего духовного потенциала на едином предмете, в единый отрезок времени... И, естественно, человеческая натура, личность человека проявляет себя в них с особенной полнотой, чистотой и явственностью. И при этом — при всей глубокой личностности, подчас интимности — они не менее социальные, социально-контрастные, чем даже самые горькие, исполненные острого социального протеста трудовые песни. Не потому только, что причиной любовных коллизий слишком часто оказывалось социальное неравенство, несовпадение имущественных интересов родителей с выбором любящих. Просто в силу главного своего качества — предельной искренности — лучшие из любовных песен давали и как бы предельное обнажение, острейший вертикальный срез жизни:

Я стальные давно бы разбил кандалы!
Но прочнее стократ кандалы золотые...

И все же главное их достоинство — проникновенность, высочайший накал выражаемых чувств, и самого важного среди них: того несомненного бескорыстия любящих, вследствие которого человек готов всего себя, все свое — отдать другому:

Я влюбился в твой стан высокий,
недоступную прелесть уст.

И на радость чужим красоткам
посажу возле двери куст.

Пусть покроется он цветами,
станет крышею соловью.
Выйдешь с кем-нибудь на свиданье —
и посмотришь на дверь мою.

И как порой трогательно, захватывающе просто это высказано:

Я скажу тебе «приди» — с чего бы
не прийти тебе? Из лютой злобы?
Ведь мое «приди» — мы знаем оба —
это значит: «О любимый мой...»

Говорю «уйди!» — с чего тогда бы
не уйти тебе? Ведь люди слабы!
А «уйди!» (коль нет с собою сладу) —
это значит: «О любимый мой...»

И в то же время — как подчас за этими неподдельно наивными, полными чистого чувства строчками просматривается эпоха их создания, далеко ушедшие в прошлое социальные отношения и нравы:

Ах, не надо ходить в Наманган!
Там дороги — погибель ногам,
и урюк продают там — за деньги...

И еще: именно в любовных песнях особенно очевидной становится для нас универсальность авторства фольклорных произведений. Конечно, и в песнях трудовых — когда они посвящены сугубо женским профессиям, например, работе с прялкой или ручной мельницей, или, скажем, вышиванию и шитью, ясно, что безымянные их авторы были женщинами. Но песни любовные, сложенные от женского лица, открывают нам духовный мир женщины прошлого с такой полнотой, с такой широтой и достоверностью, что читаешь или слушаешь — и дивнисься. Ведь этот мир оставался для нас за семью печатями куда в большей степени, чем то, что переживали наши предки-мужчины. И роль женщины в нашей многовековой написанной истории, где фигурировали, кажется, одни мужчины, высвечивается по-новому; в этом смысле перед фольклором даже великая наша письменная литература решительно пасует. И что замечательно: если «мужские», то есть сложенные от мужского лица, любовные песни уделяют нередко главное место воспеванию красоты и прелести любимой, изяществу ее повадок и нарядов, словом, стороне внешней, то «женские», как правило, сосредоточены на самой силе чувства — муках неразделенной любви, ду-

шевных ранах, что нанесены изменой, безысходной горечи разлуки, тоске или радости ожидания.

Иначе говоря, в этих «женских» песнях раскрывается очевиднее всего выстраданная духовность фольклора — в них и еще, может быть, в колыбельных.

Колыбельные песни — область, которая, казалось бы, наименее должна быть подвержена воздействию времени, смене исторических эпох. В самом деле, в числе колыбельных есть весьма древние, дошедшие до нас из глубины веков в почти неизменном виде. Материнское чувство, направленное на маленького, беспомощного, целиком еще зависящего от матери человечка, проявляется здесь как бы в первозаданной чистоте... И все же это лишь кажется. Приметы и проблемы времени проникают и в колыбельные песни — эти как будто бы цельные сгустки вневременных материнских эмоций. Любование малышом в колыбели, произносимые в убаюкивающем ритме пожелания ему здоровья и счастья, надежды и мечты увидеть его большим, сильным, удачливым — перемежаются здесь с сетованиями на нищету, на горький ее хлеб, в поте лица, ценой изнуряющего труда и скитаний добываемый отцом... А в колыбельной «Девочка-пушок» есть, к примеру, и такие строки:

Предрассветная звезда. Скоро крикнет кочет.
Знать не хочет нас отец, не желает дочек...

Песни сатирические, о которых выше уже бегло говорилось, по мере ужесточения классового гнета, обнищания народа все более отходили от «бытовой» тематики, наполнялись острыми мотивами классового протеста. Их объектами делались не только баи, муллы, нерадивые судьи — казии, воры-чиновники, но и правители, феодальная верхушка. В конце XIX — начале XX века, когда давивший на человека гнет делается двойным: и феодальным, и колониальным, когда начинает активно расти недоверие к «уравнительным» догмам ислама, которые духовенство использовало главным образом для оправдания существующего порядка и сглаживания, вернее «заглаживания» социальных конфликтов, в сатирических песнях проявляются и усиливаются антирелигиозные, да и откровенно антиправительственные мотивы. Появляются произведения, открыто обличающие эмирскую, ханскую, царскую власть («Хан зуети» — «Гнет хана», «Николай кон жалоб» — «Николай-кровопийца»). Позднее, накануне революции, в период восстания 1916 года, вызванного мобилизацией местного населения на тыловые работы в России, появляются такие песни, как «Эликбаша», «Песня мардикеров», «Тысяча проклятий». По существу, в этих случаях мы имеем дело уже с политической песней!

В числе песенных жанров узбекского фольклора есть и такой, который большей частью, очевидно, складывался и уж во всяком случае исполнялся профессиональными певцами (бахши). Это так называемые терма, песни-размышления на самые разнообразные житейские, а иногда и религиозно-философские темы. Для терма характерен более или менее свободный ритм, свободная строфика, но вместе с тем — и четкая афористичность многих строк, которые по чеканности, законченности, отточенности можно сравнить разве что с пословичными изречениями. Заметно проигрывая в лиричности многим другим песенным жанрам, терма, однако, представляют большой интерес как своего рода поэтические сгустки народного опыта, народной мудрости — то есть как характернейшие образцы фольклора в прямом смысле этого слова.

Вообще мелодическая основа, ритмика, строфика — музыкальная и поэтическая форма узбекских народных песен — весьма разнообразны. В значительной мере это, как уже отчасти отмечалось, связано с тем или иным функциональным назначением определенного песенного жанра. Отчасти связана с этим и степень популярности самих жанров. Ведь понятно, что ни обрядовые или колыбельные песни, ни плачи или причитания не могли быть ежедневной духовной пищей. На такую роль едва ли претендовали и терма. Популярнейшими в народе были песни самые короткие, самые отзывчивые к интересам времени, легче всего складываемые и запоминающиеся — песенные четверостишия. Это, впрочем, не одна, а несколько жанровых разновидностей: «лапары», наиболее близкой аналогией которых в русском фольклоре может служить частушка, протяжные «кушики» (или собственно «песни»), ритмически стремительные «улань» и такие же «ер-ер», своего рода частушки свадебные... Все эти четверостишия, подчас не слишком отчетливо различающиеся ни системой рифмовки, ни даже метрикой, имеют много сходства в своей остроктуальной тематике, в стремительном реагировании на события, в меткости истинно народных словечек, неожиданных и потому особенно запоминающихся рифм и целых строк, и четверостиший... Трудные для перевода, поскольку требуют при переложении на другой язык усилий, равнозначных складыванию строфы в оригинале, в родной песенной стихии они занимают чрезвычайное по распространенности место.

Именно поэтому их в первую очередь и унаследовала от прошлого узбекская фольклорная песня советского периода.

Впрочем, ею продолжены и многие другие жанры, получившие развитие в фольклоре в последние один-два предреволюционных века. Для советского периода, однако, характерен расцвет индивидуального творчества создателей и исполнителей фольклора. Это не случайно. На всем протяжении истории народное творчество выражало худо-

жественное самосознание нации, оставаясь не только неписанным, не записанным, но и безымянным. Теперь, в силу того, что простой человек оказался в центре внимания, в фокусе возникли и многочисленные творцы-исполнители фольклорных жанров. В течение веков их устами народ выражал свою жажду свободы и счастья, торжества справедливости и человеческого достоинства, но вместившим его мечты оказывались чаще всего времена давно прошедшие, «золотой век» воображения. Теперь же эта мечта словно увидела себя в зеркале современности; не случайно после революции в эпическое творчество народа проникли темы и герои недавних, революционных лет, тканью многих песен сделались события и приметы новой жизни. И в этом же зеркале как бы сами себя увидели и всем стали видимы, известны безымянные некогда творцы.

В послереволюционном песенном фольклоре по-новому зазвучала прежде всего тема Родины; патриотизм обретает черты социалистической гражданственности. Ушло противопоставление интересов отдельного человека и власти; исчезло отношение к труду как к мучительному, неблагодарному процессу: издевательски звучавшая прежде строка одной из старых песен «На себя трудитесь, на себя!», производимая прежде от лица хозяев-эксплуататоров («нам зерно, зато и вам мякина»), обрела в строе новой песни прямой, положительный и гордый смысл. Теперь это всерьез произносили сами труженики, ставшие хозяевами жизни... Естественно, и пассивность в отношении к жизни, труду, обществу, которая в дореволюционном фольклоре могла трактоваться и восприниматься как одна из форм протеста против безнадежности, беспросветности существования, теперь обрела в глазах фольклорных авторов характер социального порока. Особенно заметно изменилась трактовка женской темы — ушли сетования на безотрадную женскую долю, бесправие; напротив, возникли образы женщин — героинь труда, женщин, ставших поистине хозяйками большого социалистического дома. И только любовная песня сохранила свою драматическую тональность.

Словом, народная песня продолжала и продолжает жить не только в устах и сердце народа, но и в процессе некончающегося художественного творчества.

Есть лишь одна тема, одна жанровая разновидность народной песни, которой узбекский народ не знал никогда и не знает сегодня. Это — так называемые «богатырские песни», вообще песни о сражениях, войнах, героях полей брани. Один из молодых узбекских поэтов написал стихи, где объясняет такой и в самом деле примечательный факт чуть ли не генетическим миролюбием узбекского народа. Это, конечно, несерьезно: наши предки воевали, и завоевывали, и защищали потом родную землю, и отнюдь не стыдились боевого ремесла — так было в разные исторические эпохи. Отсутствие же песен

об этом объясняется просто: такая тематика полностью принадлежит у нас героическому эпосу.

3

В Средней Азии, как, впрочем, и на Кавказе, и во многих других сопредельных странах Среднего и Ближнего Востока, эпос, эпическое повествование представлено жанром дастана. Включающий как поэтические, так и прозаические элементы (последние — это, как правило, рифмованная или ритмизированная проза), дастан в современном словоупотреблении оказался равнозначен поэме. В действительности это не совсем так. На стадии становления и развития не только фольклора, но и письменной литературы понятие «дастан» было куда шире нынешнего понятия «поэма», ибо дастан служил, так сказать, эпическим «жанром за все»: именно в его недрах возникли и развивались почти все повествовательные жанры. Само слово «дастан» употреблялось в значении «повесть», «рассказ», «приключение», «характеристика», «хвала». Отсюда тематическое и жанровое разнообразие поздних дастанов: героические, авантурные, сказочные, любовные и т. д. Однако изначально дастан был произведением, в основу которого ложилось предание о подвигах народных героев, так или иначе изменивших положение, жизнь своего племени или народа; о существенных событиях народной жизни, чаще всего войнах и сражениях, связанных со становлением самостоятельности или государственности народа, защитой или завоеванием земли, ставшей для него привычным пространством Родины. Сами герои и события могли быть поэтическими, легендарными или теми и другими вместе — в любом случае народная фантазия, так сказать, «наращивала мясо» на «кости» исторических фактов, а эти последние, в свою очередь, неизбежно оказывались в основе повествования, даже если легенда привносила сюда свою географию и пересочиняла имена. Огромное большинство народных дастанов пришло к нам из древности, более или менее глубокой; в отличие от произведений литературных, все эти века народные дастаны жили в памяти, жили своей жизнью, активной и творчески продолжавшейся в воображении и устах несчетных поколений исполнителей. Ведь исполнители неизбежно выступали и в роли соавторов. Стараясь сохранить в неизменности основные фабульные блоки, самую художественную основу, они столь же неизбежно должны были по-своему пересказывать иные строки, иные куски, ибо импровизация не могла не входить обязательным элементом в исполнение по памяти столь гигантских текстов; и при этом иные детали, частности, реалии заменялись более привычными, более естественными для самого исполнителя и его современников. Отсюда ясно прослеживающаяся историческая многослойность дастанных текстов, дошедших до нас: нередко она проявляется в очевидной несостыковке отдельных реалий, при-

надлежащих разным эпохам. И все это сохранилось в дастанах, словно в археологическом «культурном» слое; по этим следам современные исследователи и проникают в глубь истории дастана, к самым его истокам.

Узбекские народные дастаны возникли на почве архаического тюркского фольклора и нашей древней национальной истории. Другими словами, они вобрали в себя и древнейшие культурные традиции, и память о становлении своего народа, его духовного мира и исторических судеб, его гражданских, нравственных и эстетических идеалов. Самобытная народная эпическая поэзия узбеков создала художественные образы большой силы, ставшие в ряд самых значительных достижений мирового фольклора.

«Эпос народа всегда отражает героическую эпоху... и только те народы имеют героический эпос, которые веля активную борьбу за свою национальную независимость», — утверждает Н. Г. Чернышевский в своей рецензии на «Песни разных народов Н. Берга».¹ Эпос является «рассказом о прошлых временах в масштабах героической идеализации», — говорят В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов в книге «Узбекский народный героический эпос».² В этих справедливых определениях выдвинуто на первый план главное свойство, центральное содержание народного дастана. Героическая борьба с врагом за свободу или землю, за спасение соплеменников или любимой, месть за грабеж или за оскорбление, но в конечном счете всегда сражение за честь своего народа — вот что оказывается в дастанах главным, если даже исходной, да и дальше не отодвигаемой в сторону коллизией служит в них, скажем, любовная история или неожиданное развитие лихого молодечества юного героя, или что-либо еще. И этой важнейшей установкой народных творцов дастана определяется неизбежная приподнятость, пафосность изложения, гиперболичность в изображении своих героев, их физических и духовных возможностей — и столь же резкое, безоглядное принижение их врагов. Разумеется, в основе лежит обычная для народного и индивидуального сознания идеализация прошлого, но свобода фантазии, подсказывающая нередко откровенную сказочность фабулы, диктует ту мощь эстетического обобщения, которая свойственна лучшим дастанам, эпосу вообще, то есть, иначе говоря, художественному воплощению народного идеала.

Читая дастан в записи, следует помнить, что перед нами во многих отношениях как бы рыба, вытщенная из воды. Это относится не только к переводу, извлеченному из родной языковой стихии. Это

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15-ти т. М., 1949. Т. 2. С. 295.

² Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. М., 1947. С. 303.

относится и к литературной записи оригинального текста. Ведь дастан рассчитан не просто на устное исполнение. Он — почти в равной мере — произведение и поэтическое, и музыкальное. Его не читают — его поют. Поют в сопровождении домбры, и все ритмическое, строфическое построение, вся художественная композиция, все образные средства рассчитаны на это удвоенное, утроенное восприятие слушателей. Впрочем, почему только удвоенное или утроенное? Ведь музыка и стих, соединенные вместе, — это не сумма, это некое новое произведение, где в полном смысле слова играют свою важнейшую роль вместе со стихом разнообразные мелодии, звучание струн, и все это создает куда более разнообразные и многочисленные эстетические комбинации, рождает неизмеримо более сложный и обильный спектр слушательских настроений, чем это доступно отдельно взятому, как бы оголенному тексту. Поэтому литературная запись дастана — это и впрямь как бы рыба, уснувшая на прибрежном песке. Сохранилась форма, сохранилась плоть, но поблекли многие естественные краски, а главное — утрачено важнейшее: движение.* Нам остается лишь в воображении представлять себе, каким было это живое создание. Тут остается одно утешение: нам, современным читателям, привыкшим к писаным эпическим родам и жанрам, привычен и этот процесс — воображать читаемое...

Конечно, тут не следует преувеличивать: слово, стих, текст несут все-таки основной смысловой и художественный груз того громадного каравана поэтических картин, каким является эпическое повествование. И пусть такие характерные особенности фольклорного текста, как долгие перечисления, частые рефрены, повторы целых стихотворных блоков или кочующие по строчкам так называемые постоянные эпитеты, сравнения, гиперболы, устойчивые синтаксические конструкции, — много естественнее, эмоциональнее звучат в музыкальном исполнении, сплавленные с мелодией, все же своей художественной функции они не утрачивают и в тексте как таковом. Собственно поэтическая часть (это обычно семи-восьмислоговой стих или одиннадцатисложник), составляющая основную текстовую «массу» дастана, как правило, передает монологи или диалоги героев, батальные панорамы, описания природы, сопровождающие рассказы о путешествиях или подчеркивающие настроения героев, картины богатырских схваток; куски прозаические, носящие характер больших или меньших по объему вставок, исполненные ритмической или рифмованной прозой («садж»), посвящены обычно портретам героев, их внутренним монологам, а иногда в детализированном или упрощенном виде повторяют — с важными вариациями, конечно, — только что исполненный поэтический кусок. При отсутствии музыки эта конструкция кажется упрощенной. Но, как пишет Р. З. Кыдырбаева, «эпос — искусство слова.., без которого нет и остального: мелодии,

мимики, жестикуляции. Именно слову принадлежит доминантное положение в художественной структуре эпоса... Книжная жизнь фольклорных произведений свидетельствует именно о том, что в них решающую эстетическую нагрузку несет слово, только благодаря ему фольклор обретает свою „вторичную жизнь“.¹

Узбекская фольклористика, сделавшая в разное время записи большого числа бытовавших ко времени ее возникновения народных дастанов, предложила, совершенствуясь с годами, и классификацию узбекского народного эпоса.

Это, прежде всего, собственно *героические* дастаны («Алпамыш», «Ядгар»), чье возникновение и, так сказать, эпическая плоть тесно связаны с патриархально-родовыми отношениями, с жизнью, бытом, нравами узбекских племен, которые в далеком прошлом вели кочевую или полукочевую жизнь. Эти дастаны созданы, по-видимому, на последних этапах существования патриархально-родовых отношений или в период раннего феодализма, когда происходило постепенное оседание племен на определенных территориях, консолидация в народность. Этот процесс, зарождение форм ранней государственности сопровождалось мужественной борьбой союза племен с внешними врагами за свою независимость и давали богатейший материал для героических дастанов. В ходе этих схваток и войн, новообразований и слияний, поселений, передвижений и возник эпос, «наиболее важным, решающим признаком» которого «является героический характер его содержания».² Но, с другой стороны, как указывают В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов, «монументальный реализм богатырского эпоса», хотя и «в формах, героически идеализированных», отражает все же «реальную общественную действительность... образы героев и совершаемые ими подвиги превышают масштабы естественного и в этом смысле чудесны, но не сверхъестественны: отсутствует романтическая фантастика, основанная на творческой игре фантазии и субъективном вымысле певца. Чудесное присутствует в старинном героическом эпосе как элемент реальных народных верований, как мифология... Или как совокупность бытовых суеверий, объясняющих явления природы и человеческой жизни с точки зрения мифологического или магического мышления».³ Все эти черты особенно характерны для выдающегося узбекского дастана «Алпамыш».

Новый этап развития узбекского дастанного творчества представляет собой так называемый *романический* эпос, в котором, в свою очередь, выделяются дастаны *воинские* («Юсуф и Ахмед», «Алибек и Балибек»), дастаны *героико-романические* («Одинокий Ахмед»,

¹ Кыдырбаева Р. З. Сказительское мастерство манасчи. Фрунзе, 1984. С. 65.

² Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 5.

³ Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Указ. соч. С. 378.

цикл «Рустам», цикл «Гороглы»), дастаны *любовно-романические* («Кунтунгмыш», «Равшан», хорезмские дастаны), *общественно-бытовые* дастаны («Сахибкыран», «Кыранхан», «Арзигуль», «Эрали и Шерали», «Ширин и Шакар») и, наконец, *книжные* дастаны («Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Бахрам и Гуландан», «Варка и Гулхаш», «Вамык и Узро» и другие). Появление на свет этих произведений связано с общественно-политическими отношениями эпохи развитого феодализма; содержание их определяется многочисленными любовными похождениями героев, рассказами о фантастических явлениях, аналогичными сказкам,— и вместе с тем оно наложено на безусловно реальный пласт определенных жизненных событий. И как бы заметно ни отличался романический дастан от героического направленною действий своих основных персонажей, нельзя в конечном счете не заметить: и его главная задача — идеализация народных героев, своеобразная канонизация их лучших душевных качеств, их жизненных принципов в качестве образца для подражания.

Фабульные схемы романических дастанов весьма схожи. Герой, как правило, заочно влюбленный, в поисках возлюбленной отправляется в дальний путь, попадает в водоворот событий, переживает опасные приключения, сталкивается со сверхъестественными существами — и, преодолев все трудности, достигает цели. Сценой для событий служат величественные дворцы и шумные базары, дивные сады и заколдованные крепости, страшные пещеры и подземные или подводные тоннели. Все это повторяется в различных комбинациях почти в каждом дастане, и однако любой из них имеет свое композиционное построение, свою манеру раскрытия характеров, свою систему мотивировок, свой колорит. Но именно сочетание, переплетение реальных жизненных ситуаций с фантастическими и составляет, по-видимому, основную отличительную особенность романических дастанов. Применяя к ним термин «народный роман», Жирмунский и Зарифов пишет: «Сам герой, героиня, отношения между ними, враждебные силы и препятствия на их пути, подвиги, совершаемые для преодоления этих препятствий,— все это погружено в атмосферу сказочно-чудесного, определяющую в народных романах и поэтически-возвышенное, и фабульно-занимательное... С другой стороны, в народных романах впервые появляется детально разработанный бытовой фон, отражающий сложную общественную действительность в ее реальных подробностях и противоречиях. Этот фон изображается с тем наивным интересом к мелочам и деталям, которые так же характерны для наивного реализма средневекового повествования в его бытовых, новеллистических жанрах, как и для картины или миниатюры средневекового художника. С бытовой реалистической тематикой обычно связаны черты народного юмора и моральной дидактики. Это сочета-

ние сказочной фантастики с бытовым реализмом составляет основное отличие художественного стиля романического эпоса от монументального реализма богатырского эпоса».¹

Подчеркнуто лирическая, подчас даже интимная тональность, в которой как бы сливаются воедино неочевидное и все же несомненное влияние письменной литературы — и самодвижение дастанного сюжета, определяет стиль романических дастанов: и все же в составе их наряду с собственно «романическими» элементами, сохраняются и получают новое развитие унаследованные мотивы, темы, приемы героического дастана. Не случайно первоначальным этапом развития романических дастанов явилась воинская повесть. Древнейшие ее образцы до нас не дошли, хотя упоминания о них существуют. Списки, которыми мы располагаем, фиксируют сравнительно поздние произведения, где преобладают романические жанровые особенности, что и позволило отнести воинскую повесть к этой разновидности дастанов; но нет сомнения, что она, появившаяся уже в эпоху феодализма, формировалась под влиянием героических дастанов. Примером воинской повести может служить «Юсуф и Ахмед» или являющийся его продолжением «Алибек и Балибек», или «Халдархан» из цикла «Гороглы», ставящие в центр повествования легендарные или исторические сражения и воинские подвиги.

Господствующие круги использовали форму воинских повестей для пропаганды среди населения деятельности лиц, распространявших ислам силой оружия. В результате этого возникли воинские повести «Сказание об Абу Муслиме», «Сказание о борце за веру Саиде Баттале», «Сказание об Амуре Хамзе», связанные с именами представителей арабской аристократии. К числу же широко распространенных в Средней Азии древних воинских повестей можно отнести такие произведения, как «Рустам дастан», «Сказание о Джамшиде», «Хушанг» и другие.

В репертуаре узбекских сказителей воинские повести занимают незначительное место. Возможно, что со временем многие из них по разным причинам выпали из эпического репертуара. Да и сами боевые действия в воинских повестях впоследствии стали трактоваться как защита религиозных убеждений народа от иноверцев. Однако для тех воинских повестей, которые имелись в репертуаре узбекских сказителей, «священная война» против «неверных» служит лишь неким общим фоном для идеализации главного героя; и в самом деле, здесь воспевались мужество и отвага, которые служат защите родной земли, единству родов и племен. Ярким подтверждением этого могут служить дастаны «Юсуф и Ахмед», «Алибек и Балибек»: мотивы патриотизма и тоски по Родине-матери здесь особенно

---

¹ Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Указ. соч. С. 379.

сияльны. Стоит вспомнить хотя бы эпизод с восхвалением Юсуфом своей страны, то, как передает он привет родной земле через журавлей (кстати, подобный же эпизод читатели этой книги встретят и в дастане «Далли» из цикла «Гороглы»). Столь же впечатляют воспоминания Алибека о родном Ургенче. Более того: в дастане «Халдархан» в показе последствий войны звучит явный, яркий, резкий протест против захватнических войн!.. Дух народности, общечеловеческие идеалы — вот что в действительности составляло идейную основу таких узбекских дастанов, хотя показ героического начала в сравнении, скажем, с любовными темами и занимает в них ведущее, главенствующее место. В сущности, к их числу принадлежит большинство дастанов знаменитого цикла «Гороглы».

Характерная особенность любовно-романических дастанов («Кунтунгмыш», «Равшан», хорезмские дастаны) — наличие в центре сюжета, в основе всей фабулы сложной любовно-авантурной интриги — как правило, поисков красавицы, связанных с преодолением множества преград, в том числе и фантастического, сверхъестественного свойства. Здесь практически мы уже не встретим в действиях героя таких мотивировок, как патриотизм, борьба за справедливость, за честь и свободу своего народа... Любовная страсть — вот единственная движущая сила поступков и событий. Традиционность фабульных схем, однотипность, традиционность мотивов искупаются, однако, серьезной, зачастую очень точной и тонкой психологической разработкой образов, художественным анализом самого любовного чувства. Оригинальность, своеобразие каждого из этих дастанов заключается и в композиции, хитросплетениях мотивировок отдельных эпизодов.

Заметно отличаются от таких дастанов поэтические повествования общественно-бытового плана. Конечно, и здесь мы встречаемся с мотивами традиционными, со включением в ткань фабулы сверхъестественных явлений, с любовными приключениями и драматическими схватками, но подлинную сюжетную плоть таких дастанов составляют картины и коллизии жизни общественной и бытовой, через которые фольклорные авторы проводят своих героев. Описанные в дастане «Адылхан» («Кыранхан») условия жизни пастуха Худайкула, страдания Батакуз в темнице, несправедливые приговоры правителей, ухищрения алчных соперниц, готовых ради достижения своей цели даже на убийство невинных детей, жалобы и стенания бездетных — все это рассказано столь правдиво, что сразу чувствуешь за этим не фабульные измышления, а картины, созданные на основе действительности. В условиях растущего феодального гнета такая, демократичная по тематике и материалу, заряженная определенной долей социального протеста, разновидность эпоса обретала достаточно питательную почву.

Особое — весьма прочное и обширное место в репертуаре узбекских сказителей заняли так называемые книжные дастаны. Они представляли собой результаты переработки эпическими певцами, в свойственной фольклору манере, некоторых образцов классической поэзии, основанных в свою очередь на исторических преданиях и легендарных сюжетах, но ставших уже и сами как бы общим наследием. Так, народные дастаны «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Бахрам и Гуландам» созданы на основе произведений Алишера Навои, «Юсуф и Зулейха» — на основе персидских и тюркских произведений, написанных на этот сюжет, «Рустам дастан» — на основе «Шахнаме» Фирдоуси, «Сайфул-малик» — на базе поэмы Маджлиси, народные варианты «Варка и Гулшах», «Вамык и Узро» — в результате переработки переводов с азербайджанских письменных текстов. Зависимость таких дастанов от письменной литературы, легко заметное в них воздействие этой последней и вызвало к жизни определение «книжные». Книжные дастаны, смотря по тому, каков был характер использованного источника, могли сохранить особенности не только романического, но и героического эпоса; однако в этих случаях вторичность, несамостоятельность особенно явно давала себя знать: недостатком динамизма, энергии повествования, ограниченностью тематики.

Процесс возникновения книжных дастанов, проникновения их в репертуар сказителей был, вероятно, весьма многообразен; возможно, между ними и письменным их источником существовали тексты и промежуточные, составленные поэтами или во всяком случае грамотными людьми — скажем, домашними или уличными чтецами, рассказчиками «кисса» (устная повесть). Не случайно среди книжных дастанов есть такие, по которым трудно определить конкретный их письменный источник, хотя сама их «книжность» сомнений не вызывает. Таковы, например, «Санубар», «Зевархон», некоторые из хорезмских дастанов. А в таких народных произведениях, как «Малика и Диларом» или «Тахир и Зухра», мы сталкиваемся с весьма сложной формой скрещения разных литературных традиций, своего рода перекрестным заимствованием. Для книжных дастанов характерно, что переживания героев в них особенно легко принимают религиозную окраску или сугубо сентиментальные тона, чего не встретишь в близких им по времени произведениях подлинно фольклорных, как, скажем, «Равшан» или «Кунтунгмыш».

Еще одной жанровой разновидностью дастанов являются дастаны исторические. Их тематика, образы, идеи связаны с историческими событиями; хотя, как во всяком дастане, во всяком народном произведении, это легендарно переосмыслено и домыслено, историчность их основы, а иногда и конкретность исторического содержания в них более или менее сохранены, во всяком случае остается очевидной

их связь с историческими лицами и фактами. В репертуаре сказителей они занимали место незначительное, ограничен был и ареал их распространения, и все же интерес они представляют немалый. В их числе дастаны историко-героические (возможно, лучший из таковых — «Айсулу»); историко-фантастические, где факты исторические сплетены со сказочными мотивами («Тулумбий», «Шейбанихан», «Айчинар»); так называемые новые дастаны, повествующие о временах, событиях, деятелях, близких к нашему времени («Тулганай», «Назар и Актубабек», «Маматкарим-палван», «Джизакское восстание», «Мардикер», «Ачил-дав», «Хасан-батрак», «Комсомолка-айтути», «Герои Нарпая» и другие); наконец, дастаны автобиографические («Автобиография», «Дни мои», «Счастливые поколения»).

Историко-героический дастан «Айсулу» в своем подлинном виде до нас практически не дошел: не зарегистрировано ни одного помнившего его сказителя, хотя, по словам выдающегося народного певца и поэта Эргаша Джуманбульбуль-оглы, этот дастан широко бытовал еще в первой половине прошлого столетия и пользовался большой популярностью и у слушателей, и у сказителей. В частности, его любила исполнять бабушка Эргаша-шаира, известная поэтесса конца XVIII — начала XIX века, Тилла-кампир. Вот что вспоминает Эргаш-шаир: «Отец сказал: „Есть у Тиллы-кампир один дастан, его ни я не знаю, ни Джассак не знает, и мы не слышали, чтобы пели и другие сказители... Тилла-кампир в молодости его пела.., а когда состарилась, исполняла как сказку. Я часто и не слушал, полагая, что это просто какая-то сказка. Однажды я попросил отца, чтобы он рассказал мне сказку Тиллы-кампир. Тогда шаир, улыбаясь, сказал: — Я ведь не могу рассказать так, как твоя бабушка. Ладно уж, давай расскажу, что знаю...—“¹ Так что дастан «Айсулу» известен нам лишь в пересказе, хотя пересказ сделали такие выдающиеся мастера, как Джуманбульбуль и его сын Эргаш-шаир. Содержание дастана — героическая борьба среднеазиатских народов против иноземных захватчиков, правителей Ирана; главные герои — «богатырская дева», женщина — «алп» Айсулу и ее сын Кунбатыр. Это заставляет вспомнить полупоэтическое, полуйсторическое предание о борьбе царицы массагетов Томирис и ее сына Спарганиса против ахеменидского царя Кира, приводимое в «Истории» Геродота. Судя по всему, в основе сообщения «отца истории» лежал памятник устной литературы древнего населения Средней Азии. Как сохранился и трансформировался этот древний эпос, дойдя до нас в виде дастана «Айсулу»? Попытаться выяснить это — задача фольклористики.

В основе дастанов историко-фантастических — «Тулумбий» (XV в.), «Шейбанихан» и «Айчинар» (XVI в.) — лежат судьбы лич-

¹ Песни Бульбуля: В 5-ти т. Ташкент, 1971. Т. I. С. 38 (на узб. яз.).

ностей вполне исторических, историческими являются и многие описанные здесь события и факты, каковы, например, взаимоотношения Шейбанихана и Бабура, поход Бабура в Афганистан и т. д. Но задача фольклорных авторов явно заключалась в том, чтобы «расцветить» историю за счет вымысла. Характерно включение в дастан «Шейбанихан» рассказа о Хуршидаи, бытовавшего и отдельно, в качестве сказки. Еще в большей степени сдвинут в сторону легендарно-приключенческого жанра дастан «Тулумбий» («Эдига»). Кроме имен исторических личностей, исторического материала в нем уже никакого и не осталось. Проявляющаяся в этих дастанах тенденция является, в сущности, общей для фольклора. На их примере можно видеть, как исходный материал реальных исторических фактов, изначально, вероятно, служивших основой всякого фольклорного повествования, постепенно, в процессе складывания идеальных или во всяком случае идеализированных образов, замещался плодами народной фантазии.

С другой стороны, так называемые новые дастаны, положившие в основу более или менее близкие к ним по времени исторические события, несмотря на неизбежную, в силу использования традиционных фольклорных приемов, трансформацию этой исторической основы, — в целом все же сохраняют черты исторической реальности в обрисовке истории и ее деятелей. Нечто подобное, очевидно, было и в древности: такой была молодость и нынешних старинных дастанов, которую мы не застали. Новые произведения узбекских народных поэтов создавались, как и некогда, в процессе устной импровизации. Но для этого требовалось, конечно, владение всеми «тайнами», всем арсеналом дастанного ремесла — ведь, скажем, новый революционный или послереволюционный жизненный материал трудно поддавался укладыванию в традиционные фольклорные формы! И действительно: новые дастаны удавались лишь выдающимся народным мастерам. С их индивидуальными творческими усилиями, поэтическими находками органично соединялось наследие многовекового коллективного творчества народа.

В репертуаре ведущих сказителей заметное и важное место заняли в нашу эпоху автобиографические дастаны — такие, как «Автобиография» Эргаша Джуманбульбуль-оглы, «Мои дни» Фазыла Юлдаша, «Счастливые поколения» Ислама Назар-оглы, «Дни мои» Абдуллы Нурали-оглы и другие. О существовании в прошлом такого рода дастанов у нас сведений нет, но можно полагать, что тот или иной выдающийся сказитель создавал в конце жизненного пути такие поэтические воспоминания — своего рода «поучения» молодым. Не случайны же в репертуаре сказителей терма вроде «Моей домбры», «Что бы мне спеть?», «Дней моих», не случайно возникают и образы древних эпических певцов в некоторых фольклорных произведениях (Коркут-ата, Сопласлы Супира-джирав и других), не случайно сло-

жился и типический персонаж — тип бахши в некоторых дастанах (в «Юсуфе и Ахмеде», «Хирман далли», «Ашике Айдыне», «Ашике Албанде», «Наджаб оглане» и других), да, наконец, характерно и само существование дастанов о поэтах — «Мулла Гайиб», «Махтумкули», «Алланазар Алчибек»... Все это — как бы следы существования в прошлом автобиографических или по крайней мере биографических дастанов о мастерах народно-эпического жанра. Возможно, как сугубо личные, от первого лица исполнявшиеся произведения, автобиографические дастаны не переходили от певца к певцу, использовались или как-то учитывались в других вещах лишь их фрагменты. «Собственный жизненный путь» сказителя, пусть даже изображаемый, как в известных нам новейших автобиографических дастанах, на фоне своего времени, своей эпохи, не мог, по-видимому, стать предметом наследования другими певцами, оказывался лишь эталоном для подражания. И со временем эти не повторяемые тренированной памятью исполнителей, не возобновляемые автобиографические дастаны должны были, конечно, утрачиваться. Интерес же — по крайней мере для исследователей — они представляют чрезвычайный, ибо приоткрывают дверь в одну из самых удивительных, поражающих воображение творческих лабораторий: в тайное тайных певца-сказителя, держащего в памяти сотни тысяч строк и в то же время сохраняющего почти сверхъестественный, загадочный талант импровизатора.

Узбекский народный дастан прошел длительный путь исторического развития. Эпоха становления древнего тюркского эпоса где-то граничит с эпохой саков и массагетов. Эпические произведения тюркского фольклора, предшествующие «Алпамышу», вполне могли соседствовать и даже сосуществовать во времени с теми эпическими глыбами, от которых сегодня остались лишь осколки, — с «Томирис» и «Шираком», «Сиявушем», «Зариандром и Одатидой», «Стриангеем и Заранеей», «Искандаром» да и со всем тем, что сегодня рассматривается как тюркское и персидское или общее персидско-тюркское наследие. Во всяком случае принимавшееся до тех пор как безусловно истинное утверждение, что все записанные в советское время узбекские народные дастаны создавались не ранее XVI—XVII веков, подлежит самой суровой проверке. Накопившиеся наблюдения, если их должным образом суммировать, позволяют утверждать: время создания «Алпамыша» — X—XI века, причем это были варианты, в основном близкие к тем, с которыми мы знакомы сегодня.

Эпоха, пролеглая между этим временем и завершением XVII века, включившая и древний, кочевой период истории узбекских племен, и проникновение их в Маверраанхр и Хорасан, и последующее смешение, постепенное слияние с местным оседлым населением, столкновение и взаимопроникновение культурных традиций, создание уже собственно узбекской нации, — выдвинула на первый план, подска-

зала фольклору множество новых сюжетов и была эпохой сложения основной массы узбекских народных дастанов. Иначе говоря, основная часть записанных в наше время дастанов создана в XII—XVII веках, что, однако, отнюдь не определяет эти столетия как пору первоначального их возникновения. В пользу этого говорит та важнейшая, заложенная в большинстве из них идейная установка на консолидацию племен и народностей, на создание централизованного, идеального для сограждан и неприступного для иноземных захватчиков государства — установка, которая к этому времени стала и острой политической необходимостью и духовной задачей сложившегося узбекского народа.

Эпоха же с конца XVII по XX век была периодом интенсивного развития уже традиционного эпоса, устоявшегося в своих формах, приемах, фабульных канонах, идейном настрое. При этом сотни и сотни сказителей, участники и творцы этого процесса в меняющихся социально-экономических условиях развивали унаследованные традиции, вносили свои поэтические новшества, совершенствовались и, с другой стороны, окончательно канонизировали образную систему, арсенал постоянных тропов; происходило жанровое разветвление дастана, размежевание разновидностей — и в то же время объединение дастанов в тематические циклы, иногда необозримо громадные. Иными словами, хотя создавались и новые дастаны, и новые комбинации фабульных мотивов, новые сюжетные схемы, — это была эпоха уже главным образом традиционного бытования народного эпоса.

Количественный рост дастанного творчества, особенно интенсивный в позднюю эпоху, в XIX — начале XX века происходил большей частью за счет дастанов исторических. В таких новых дастанах явственно нарастает интерес к важнейшим общественно-политическим событиям времени, к изображению реальной жизни народа, демократизация тематики, причем вершины своей это достигает уже в наше, советское время. Естественно, все это сопровождалось оттеснением многих традиционных тем и мотивов — оттеснением, а под конец и полным вытеснением. Как сам рост числа новых произведений, так и смена тематических установок долгое время объяснялись по преимуществу влиянием и даже давлением письменной литературы. Главным проводником этого влияния в XIX и начале XX века выступали уже упоминавшиеся киссахоны. Эти устные рассказчики представляли, наряду с певцами-сказителями, тот средневековый «театр одного актера», который, при отсутствии театра настоящего, был в сущности основным «культурным развлечением», доступным народным массам. Материалом киссахонов, наряду с записями народных сказок, бродячих повестей и анекдотов, служили пересказы многочисленных и самых разнообразных произведений письменной литературы. Выступая, так сказать, «на общих подмостках» с киссахонами, сказители,

безусловно, черпали в их репертуаре новый материал для своих дастанов; причем, естественно, выбор их, чем дальше, тем все больше, падал на темы, картины, фигуры исторические или современные, но еще новые для жанра дастана, до сих пор им не разработавшиеся. В борьбе за внимание слушателей, возможно, срабатывала и своеобразная конкуренция жанров.

Если взглянуть на историю словесного художественного творчества, взяв ее в самом большом масштабе, обнаруживается характерная закономерность. Общеизвестно, что истоки письменной литературы лежат в устной традиции; со временем, когда письменная литература в разных своих жанрах достигает великих высот, а фольклор традиционализируется, до известной степени замедляет свое развитие — происходит обратное «переливание крови». Но этому процессу суждено повториться еще раз, и уже в обратном направлении. В истории узбекского художественного слова эпоха, начатая Октябрем, оказалась величайшей ломкой всех старых представлений, закостеневших канонов — и в то же время периодом зарождения, становления, создания новой литературы. Новой не только по своему отношению к жизненному материалу — в ней возникли и в полном смысле новые для нее, ранее в ней не существовавшие жанры и даже роды, в первую очередь художественная проза. И можно без всякого преувеличения сказать, что одним из главных художественных резервуаров, откуда черпала молодая проза, были именно дастаны, эти «народные романы».

В этом смысле наглядным примером может послужить известный героико-романический дастан «Далли» из цикла о Гороглы. Дастан этот в отличие от других образцов эпоса включен в настоящий сборник целиком — и в силу его высоких поэтических достоинств, во многом обязанных мастерству замечательного сказителя Эргаша Джуманбульбуль-оглы, и в силу отчетливо выраженной сюжетно-жанровой характерности, и не в последнюю очередь потому, что перевод его на русский язык оказался творческим и в то же время предельно точным в воспроизведении как собственно текста, так и поэтических форм дастана. Это произведение дает замечательные образцы истинной психологической прозы (даром что это проза рифмованная и ритмизированная, так называемый «садж»). Героиня дастана — царская дочь Далли, недавно похищенная из родного города сыном Гороглы Хасанханом и только что еще, казалось, ненавидевшая этого неизвестного ей похитителя (хотя его смелость и красоту она успела уже оценить), после отчаянных размышлений о возможной своей гибели в глухих горах, вдруг обрывает себя и начинает мысленно рассуждать так: «Э, да что я, думает, в судьбе своей прочитала? Для того ли меня украли, чтоб зарубить у земного края? Может, он меня и ославит, только он меня не оставит. Повезет к себе, к своей земле,

к своей семье. А я разве мертвая гнить желаю? Нет, я желаю жить живая!.. Одежду сменить — гордыню смирить. Бедна, богата — что мне надо? — останусь живой, стану его женой. Что ж тут такого? Он не хуже кого другого! А поближе взглянуть — оно и получится: он еще многих других получше. Будь у меня прежняя власть, да если б я выбрать взялась, собрала женихов целый кишлак — такого б, может, и не нашла. С ним и стесняться не стоит очень — он, видать, попроче прочих. И к тому же хорош с виду! Если не за него — за кого выйду? Посреди базара, среди стольких глаз, не побоялся меня украсть. Увез силой! Вот спасибо. А я пророчу себе беду. Искать — и то такого не найду. Чего ж оглядываться? Надо радоваться!..»

Это самый настоящий «внутренний монолог», до которого в пору художественного становления дастана и развитой письменной литературе было еще далеко, конспективная, но психологически на редкость точная и характерная «запись потока сознания»... И таких примеров, таких отрывков можно привести еще немало. Неудивительно, что дух фольклорного дастана, его романтическая атмосфера незримо и все же явно присутствует в первом узбекском романе — замечательных «Минувших днях» Абдуллы Кадыри. Впрочем, это относится не только к прозе. И молодая советская узбекская поэзия, в своем юношеском отрицании всего старого, начиная от иерархии жанров с их сковывающим церемониалом метрики и кончая самой стиховой системой — арузом, к чему обратилась в поисках новых путей? Да к народной поэзии, к народной песне, с ее раскованной стиховой системой — бармаком.

И, может быть, это определяет сегодня одну из острых граней общего нашего интереса к родному фольклору.

4

Есть еще один, исключительный по своей распространенности род словесного народного творчества, в котором поэтический элемент, хотя играет нередко как бы служебную, вспомогательную роль, с другой стороны, столь же часто выступает в роли формообразующего начала — именно начала; иными словами, оказывается здесь столь важен, что и сами эти фольклорные произведения нельзя зачастую не отнести к разряду творчества поэтического.

Речь идет о пословицах.

Пословицы — это, может быть, и не самая обширная, не самая объемная, но, бесспорно, самая характерная часть всякого фольклорного наследия — глубоко содержательная и предельно лаконичная, емкая. И при этом та часть, которая, собственно говоря, в первую очередь и вправе претендовать на само это обозначение — «фольклор», народная мудрость... «Черты народной истории и характера, труда

и быта запечатлены или метафорически зашифрованы в них с такою же достоверностью, как след древней жизни на окаменелости, с той разницей, что они остаются живыми те долгие века, пока существует народ, их создавший, и его язык, сделавший их своею частью, ступками своей образной энергии... Сколько человеческих жизней должно протекать время, во скольких судьбах обнаружить те или иные закономерности бытия, повторить те или иные повороты жизненного сюжета, сколько раз натолкнуть беглый или размышляющий ум на какие-то свойства мира, предметов, окружающей или человеческой природы, чтобы кто-то безвестный сформулировал, наконец, каждый такой закон, уложил его в короткую, емкую фразу, иногда похожую на строгую заповедь, иногда — на легкомысленную, оперенную рифмами строчку или двустушие! И сколько тысяч уст должны потом повторить это, обтачивая, перестраивая, максимально приспособлявая к языку, произношению, строю речи... Так появляется пословица. Но не это самое удивительное в ее истории, а то, с какою свободой переживает она поколения, образ жизни и мысли, породивший ее. Заключенная в неумирающую спору метафоры, она существует века и в нужный момент, как древнее семечко, разбуженное добравшейся до него весной, пускает росток, распускается красочным цветком, само осыпает в душе семена мудрости наших предков, отцеженной временем до кристального блеска, предельно сжатой, как пружина, крылатой, как бессмертная птица народной фантазии.¹

Все это справедливо по отношению к пословицам любого народа, но на Востоке и, как мне кажется, у узбеков в особенности пословица имеет как бы двойную ценность. И как мудрое слово, сказанное кстати, как эталон здравого смысла, сопоставляемый с конкретной жизненной ситуацией, поступком, высказыванием и показывающий таким образом то ли совпадение, то ли, чаще, явные ножницы между ними, и как нечто самоцельное, художественно законченное, подобное песне или яркому рассказу. Недаром с таким интересом, а подчас и с восторгом воспринимается цепь пословиц, умело нанизанная в речи какого-нибудь оратора, актера, публициста... Другими словами, пословица — это не просто служебный, подручный — это любимый в Узбекистане народный жанр, и одна из причин этого, несомненно, в самой форме пословиц.

Подавляющее большинство узбекских пословиц представляет собою не просто изречения, «афоризмы житейской мудрости» — это образные формулы, метафоры тех или иных крупниц жизненного опыта; и почти все они так или иначе ритмически организованы. В сущности, такие пословицы, даже если они не имеют дополнительной внутренней

---

¹ Узбекские народные пословицы и поговорки. Ташкент, 1985. С. 86.

стиховой организации, могут служить готовой строкой песни или стиха. Но в доброй половине пословиц наличествует и собственная, законченная стиховая организация. Они зарифмованы и являются либо двух-, либо даже трех-четырёхстишиями, иногда неравносложными, типа раешника, но чаще вполне строгого и определенного метра. Однако самым, может быть, ярким поэтическим их элементом служит характер рифмовки, то есть те неожиданные — точные или приближительные — рифмы, которые столь способствуют неординарности пословичной формы и ее запоминаемости. Зачастую и сама метафора, и рифмующиеся слова выглядят поначалу произвольными, как бы случайными по отношению к мысли, образующей пословицу, идут, кажется, на поводу у игры слов; но чем они произвольней на первый взгляд, тем точней и обязательней кажутся, когда привыкаешь к этому поэтическому обличью исходной пословичной мысли. Тем более, что та или иная мысль, заложенная в пословице, нередко повторяется в пословицах других народов, по-своему варьируется опытом каждого из них; метафорическая же плоть, словесная форма пословицы несет в себе неповторимую информацию, неизгладимый отпечаток быта и характера данного народа.

Без таких поэтических пословиц знакомство с национальным фольклором было бы, как мне кажется, просто непредставительным. И в этой книге читатель найдет образцы узбекских народных пословиц, переведенных на русский язык с воссозданием их яркой, «пословичной» формы.

* * *

О важности знакомства с народной поэзией выше уже говорилось; к тому же в числе читателей и почитателей поэзии достаточно людей, интересующихся фольклором, и убеждать их в естественности такого интереса, очевидно, нет необходимости. И все же в заключение этой вступительной статьи хотелось бы привести еще одну цитату. Не совсем обычную, но тем более убедительную. Это — стихи Гафура Гуляма из его последней книги «Итог», где отношение к словесному творчеству народа выражено с предельной, страстной силой:

Песни народной стенанья и боль,
и задыханья, и вскрики...
Все боли, что были до нас с тобой,
в ней непостижно скрыты.

Блеснет драгоценно пословицы смысл —
крупинка в море песчаном.
А тысячи судеб просеял и смысл
времени ток беспечальный.

ПЕЧИ

1

Отчий край вошел в тебя с дыханьем:
прожил в нем — хоть вволю подышал.
Лучше уж на родине дехканин,
чем в любой чужбине падишах!

Полил поле — урожаем платит.
Бросил — ты бесправнее скота...
Потерявши семьи — семь лет плачут,
родину утратив — до конца!

2. КАРАДАРЬЯ

И ячмень говорит на безлюдье:
— Я соломою стал без воды.
Без меня же — и корма не будет,
только будет в достатке беды.
А поля до поры порыжелели,
небо выцвело, жаром даря.
Неужели еще, неужели
не наполнилась Карадарья?

И твердит на безлюдье пшеница:
— Я в безводье — лишь колос пустой.
Значит, людям — не жить, не жениться,
не испечь и лепешки простой?
Или мало бывало лишений
в черных пропастях календаря?
Неужели еще, неужели
не наполнилась Карадарья?

И доносится голос кунжута:
— Без воды я полег на полях.
И светилен теперь не зажгут-то
в темноте и лачуг и палат.
Мало ль темень садилась на шею,
на врагов нас упорно деля?
Неужели еще, неужели
не наполнилась Карадарья?

И земли возвышается голос:
— Я иссохла от бед и обид.
И грядущий цветок или колос
наперед в моем чреве убит.
Мало ль голода, горя, сражений,
крови, смерти и власти старья?
Неужели еще, неужели
не наполнилась Карадарья?

3. МОЯ ДОБРАЯ ЖИВОТИНА

Моя добрая животина,
ты и мощь моя, и подмога.
Комья-камни размолотила
и от пота сама промокла.

И стоишь себе в клубках пара,
так и ходит живот опавший.
Землю черную раздолбала —
неудобица стала пашней.

Как прокладывала ты грядки,
рог опутав пучком соломы!..
Будут дыни, как сахар, сладки,
где ты пот пролила соленый.

Всё-то вытянет, не балуя,
безотказность твоя святая.
Я рогов твоих полулунье
поутру обовью цветами.

Красны, красны у гор отроги,
там гнездятся ястребы часто.
Чтобы крепче стояли ноги,
корм засыплю я полной чашей.

Эй, иди, и я бываю крут.
Эй, гляди, напрочишься на кнут!
Что поделывать, ни травы, ни хлеба
нам с тобою даром не дают.

Ну-ка, иноходец мой, спешу.
Измельчи зерно и раскроши.
Жизнь трудна, и лишь твоя работа —
радость в жизни для моей души.

Скоро, милый, дам тебе еду.
Сладко сено, словно на меду.
А беда на нас с тобой нагрянет —
мы за горы выбросим беду.

Эй, вперед, мой работяга, но!
Под ногами у тебя зерно.
Если мы работу не окончим,
не уйдем отсюда всё равно.

5—8. ЖАЛОБЫ ВОЛА

1

Иду я пахать, а глазами молю,
чтоб завтрак мне выдали мой невеликий.
И вволю хозяин дает повилики...
Как я эту землю взрыхлю?

Хозяин от бедности в горьком хмелю,
ночами
над нами
рыдают шакалы.
Он кормит меня, чтобы только шагал я —
как я эту землю взрыхлю?..

А то и, за рыжую шкуру мою,
он желтой соломы насыплет мне просто...
Но нынче посеять нам надобно просо —
как я эту землю взрыхлю?

Учуял я жмых у села на краю,
но запах куда-то проносится мимо.
Ташусь себе, тощей тоскою томимый —
как я эту землю взрыхлю?..

Новый день судьбины не меняет —
только тяжелее мне труды.
И вода, что ты даешь,— воняет,
и поносит от твоей еды.

И не пожалеешь бедолагу —
позади шагаешь, торопя...
Лучше я в сырую землю лягу,
чем весь век работать на тебя!

4

АХ, МОЙ ВОЛ

Жать серпом — это взять, положить,
гнать волов — это взад и вперед.
А труднее всего — это жить
на те деньги с семьею весь год.

Вяло топчут солому волю,
спины тощи, нахлестывать жаль.
И ярмо не поднимут с земли,
не поднимут — оставят лежать.

Погоняй да иди себе вслед,
зря семян — не просыпь нипочем.
Вишь, мой младшенький — силы-то нет,
а все борется с омачом.

Ах, мой вол, не роняй ты слезинок, не плачь:
как ни жаль твоей шеи истертой и плеч,
только если в ярме не потянешь омач —
нам в могилу с тобою останется лечь!

9. ПЕСНЯ ЖНЕЦА

Серп мой острый, мой алмаз,
полосни-ка еще раз!
Серп мой острый, очень много
дела впереди у нас.

Не ленись, дружок,
потрудись, дружок.
Колосок высок,
стебелек не лег.

Горький пот мой оплати,
ты меня обогати.
Жаль, что беднякам к богатству
все заказаны пути.

У меня богатства, друг,—
пара огрубелых рук.
Да чужое это поле
бесконечное вокруг.

Не ленись, дружок,
потрудишься, дружок.
Колосок высок,
стебелек не лег.

10. МОЛОТЬБА

Хворостиной тычу длинной
от рассвета дотемна.
Погоняю я скотину:
намолачивай зерна!
Твой живот — что мой котел,
    обмолачивай давай!
Коли кушать захотел —
    обмолачивай давай!
Всех ты держишь на горбу —
    обмолачивай давай!
Коли начал молотьбу —
    обмолачивай давай!
Ишь, рога — что два сукá,
    обмолачивай давай!
Коли шкура дорога —
    обмолачивай давай!
Вишь, глаза — как зеркала,
    обмолачивай давай!
Знай, иди вокруг кола
    (обмолачивай давай!).
Заведешь себе ребят
    (обмолачивай давай!),
тоже кушать захотят
    (обмолачивай давай).
Ведь не птички, чтобы им
    (обмолачивай давай)

добывать зерно самим,
обмолачивай давай!
Если только брюхо есть
(обмолачивай давай),
каждый требует поесть,
обмолачивай давай!
Только разнятся судьбой,
обмолачивай давай!
Трудимся-то мы с тобой,
обмолачивай давай!
Кто клянет свою судьбу,
обмолачивай давай!
Кто сидит себе в саду,
обмолачивай давай...
Погоняю я скотину
от рассвета дотемна.
Тычу длинной хворостиной:
намолачивай зерна!

11. ОБМОЛАЧИВАЙ ПОМАЛУ

Обмолачивай помалу —
будет нам зерно пока,
а там доброго помолу
белоснежная мука!

12. ПОСЛЕ ЗАСУХИ

Как же нам быть, правоверный народ?
Был и в прошедшем году недород.
Хуже прошедшего нынешний год.
Очень тяжелое время настало.

Бедною наша была сторона.
Нынче совсем обнищала она.
Нету соломы, не то что зерна.
В поисках пищи бредем мы устало.

Как же нам быть, правоверный народ?
Снег всё идет, всё идет и идет.
Падают люди и падает скот.
Было нам трудно, а так не бывало.

Пастбище наше покрыли снега.
Каждый купчишка хитрее врага,
ломают с голодного втридорога,
сколько ни платишь — а все ему мало.

Плачет бедняк от обилия бед,
старшие с младшими держат совет.
Держат совет, а спасения нет.
Горе и сильных сломало.

13

Повелось у нас искони:
белый хлопок — черные дни!
Рай — за гробом, а тут пока что
нам — труды, а другим — богатства!..

Долго белый хлопок растет,
но недолог с нами расчет.
Бог — на небе, а тут пока что
нам — работа, другим — богатство!

Коль посеял — куда же вспять?
Мягко стелешь, да жестко спать.
Там — награда, а тут пока что
пот — от нас, а другим — богатство!

Повелось уж так искони:
белый хлопок — черные дни...

14. КТО ПОЖАЛЕЕТ БЕДНЯКА

Коль в путь бедняку, на пути бедняка
река широка и гора высока.
Когда одолеет беда иль тоска,
бедняк пожалеет тебя, бедняка.
А как же мне быть: и беда велика,
и нету вблизи бедняка-земляка.

Молола я б на мельнице ручной?..
Голодная, поэтому мелю.
Горит душа, хоть ветер ледяной —
вот и высказываю боль мою...

17. СКРИПИТ, СКРИПИТ

Скрипит, скрипит моя ручная мельница —
прислушавшись, проходит караван.
Вот так и год пройдет и новым сменится,
вернется невредимым акаджан.

Я соберу пшеницу полной мерою —
пускай и бай дивится на меня!..
Ах, нет, недаром так живу и верую —
я доживу до радостного дня.

Тогда муки моя наметет мельница,
на все четыре света стороны
четыре брата младших не поленятся —
на очаги поставят казаны.

Мой братец самый младший — как ребенок,
зато когда взберется на коня —
за гриву схватится, как ястребеночек,
и гикает, буланого гоня!

Ах, очи мои, очи, что вы плачете?
Ах, грусть-тоска, томить меня кончай!..
Тебе луною белой буду, младшенький,
в твоей руке бесценною камчой.

Все радости и беды перемелются
и станут одинаковы на вид.
Ну, а куда жизнь моя, как мельница,
как та ручная мельница, скрипит...

Стонет мельница ручная, словно птица,
ручка так и вырывается из рук.
Может сердце рядом с сердцем приютиться,
и утешится подруга меж подруг.

Ах, ушла моя подруженька за ситом,
а на крышу нашу сели голубки.
То ли сердце мое нежностью не сыто,
голубиные ли стоны глубоки?

Золотые от нас заперты ворота,
за воротами дочурки, сыновья.
Как живется там и делается что там —
в той стране, что называется семья?

Ах ты, мельница ручная, тарахтелка,
ты звереныш с беспощадною душой.
Разве мы с тобой родня иль ровня —
тем-то,
что работают на мельнице большой?

Не из этого нас дерева рубили,
не из этой нас лепили черноты.
Гнет с нуждою нас родили — мы рабни...
Шея толстая у матушки Нужды!

Нету силы с этой мельницею сжиться,
заслонила, зачернила белый свет.
Ах, подружка, голова моя кружится,
тьма ложится под миндалинами век...

Отойду я от проклятой зернорушки —
и пойду к своей единственной подружке!..

У дверей лежит плетенка,
в старом сите — отруби.
Вы такой вот нити тонкой
не скрутили отроду.

Как хотите, так тяните,
пускай прялочки поют.
А тончайшей этой нити
не скрутил бы и паук!

Ты не падай, моя прядка,
черным пламенем гори.
Ты не молкни, моя прялка,
говори и говори.

Я кручу тебя, кручу,
нить моя крученая.
Станешь белой ты к концу,
а я стану черная.

То ли пот ресницы склеил,
то ли кровь бежит из жил?..
Перед домом моим — клевер,
в доме — прялочка жужжит.

В саду персики поспеют,
а на кухне — мастава.
Все я к вечеру успею,
только ты не уставай.

Пускай нить не тянется,
мне нельзя лениться.
Будет ткать племянница —
не порвется нитка.

20. НЕ ПУСКАЕТ МАЧЕХА

Кеклики в садах уже поют,
шишечки арча позавязала.
Вспомню я любимую свою —
тает сердце, как от жара сало.

Яркою становится луна,
время нам с тобою повстречаться.
Твой урок не выполнен сполна —
и прядешь ты до ночного часа.

Пусть цветенья ветер наметет
и луна старается всё пуше.
Но, не домотается моток —
мачеха на улицу не пустит.

А живот твой бедный — с кулачок,
что же тебя мачеха до ночи
мучит, не жалеет нипочем,
отпустить на улицу не хочет?

21. БУДУ ПРЯСТЬ

Буду прясть — и деньги заведу.
Не косая я и не рябая:
будут деньги — буду на виду,
станут парни смиренными рабами.

Только кто ж ту сделку мне скрепит?
Прялочка скрипит моя, скрипит,
ее голос и в Коканде слышен!..
У кокандца ж пара дочек есть:
их дела — не прясть, а сласти есть
да плеватьса косточками вишен!..

22. ПРЯЛКА СМОЛКЛА

Закапризничала прялка,
я тряхнула для порядка...
А, пускай ломается!
Надоело маяться!

Что-то вечером за дыней
засиделись старики,
хоть болтать им с молодыми
вроде вовсе не с руки.
То ли дело мой джигит,
славный да пригожий;
если ждет меня сидит —
бог ему поможет!..

Позову
уста-бову,
разберется в этом.
Ибо прялочке моей
он приходится, ей-ей,
прадедом иль дедом.
Смолкла прялка, не скрипит...

Подожди меня, джигит!

23. ЗЕРКАЛЬЦЕ

Прясть устали мои руки да и бросили.
Я забыла свое зеркальце на озере.
Кто-то зеркальце упрятал да себе в рукав,
вот и мучится душа моя в чужих руках.

Я пряла, моток смотала, да, увы, не жилá!
Показалось, что дождалась — я и выбежала...
Поглядела моя тетка: «Плачешь? То-то же!»
Ах, стенать в тоске по милым — горько, тетушка...

24. Я ПРЯДУ

Я пряду, пряду, я пряду, пряду,
не смотался еще моток.
Месяц кончится — на базар приду,
а продам — подведу итог.

Я пряду, пряду, наяву, в бреду,
не плоды ль надо мной висят?
Ох, не вмоготу, мне бы сесть в саду,
мне купить бы маленький сад!

Буду прясть и прясть, буду прясть и прясть.
Эту пряжу пойду продам
да куплю себе шелковых платьев влать
и отправлюсь в Шахимардан.

Я пряду, пряду, наяву, в бреду,
виснут руки хуже плетей.
Если пряжи вдосталь не напяду —
чем я буду кормить детей?

Ах, шуми, моя прялка, шуми, шуми,
пой, кормилица, пой, змея!
И когда уйдешь из моей семьи?
Сердце вынула из меня...

25. КАК ВЫБРАТЬ ЖЕНУ

Даже жаворонок ночью
не проводит в одиночку.
Так ищи себе жену!
Выбирай не отдыхая —
не длину и ширину;
ты учти — жена плохая
разекает пасть,
не умеет прясть.

26

Пару ровниц допрядем —
и к тутовнику пойдем.
Но и бедный старый тут
не знавал покоя —
и никто не знает тут,
что это такое.
Вышла замуж за родню —
так и будет день ко дню:
прялку вечную вертеть,
палку вечную терпеть...
Не тверди, идя домой:
черен, мол, котел —
да мой...

27. САНОМА

Я вышивала, считала стежки,
сердце мое изнывало с тоски,
тело мое сгорело.
Только попробуй не то сосчитать —
так отругает сердитая мать:
лучше бы плетью огрела!..

Я вышиваю, считает рука.
В старости — радость, ну а пока —
жизни моей проклятье.
Прежде чем я досчитаю — мои
смолкнут последние соловьи,
прахом рассыплется платье!

Нитка запуталась, словно со зла,
и развязать эти оба узла —
кажется, жизни мало!
Вся изрыдалась, наплакалась всласть...
Матушка на небо вознеслась,
покуда я вышивала!

Я вышивала, считала стежки,
тело мое изнывало с тоски,
чем я себя утешу?..
Продали вышивку. Где же он, тот,
что обещал купить мне платок?
Бедная радость — где же?

28. ТЮБЕТЕЙКА

Тюбетейку золотом я шила,
драгоценный выбрала узор.
Как наденет тюбетейку милый —
у любого загорится взор!

А вода бежала по каналу —
да и замерла, занемогла.
Как меня тоска не доконала:
поглотить куска я не могла!

Старый наш дувал — с глазами вровень:
выгляну, как выйдешь погулять.
Тюбетейку сдвинешь ты на брови,
непокорную пригладишь прядь...

Улицей твоей иду частенько,
когда тени вечера легли.
Вышила тебе я тюбетейку
чистым золотом своей любви...

29. ШЬЮ ЧАПАН

Старшему брату чапан я скрою,
пусть он красуется в нашем краю:
в праздник навруз,
как и в праздник руза,
в нем он покажется всем на глаза.

Дернулось правое веко мое,
чуть я не выронила шитье.
Эта примета не может соврать:
что-то случилось!

И вспомнился брат...

30. ВЫШИТ РОЗАМИ ЧАПАН

Чтобы и холод бока не щипал,
чтобы всю зиму ходить без помехи —
с ткаными розами темный чапан
младшему братцу сошью без примерки.

Братец мой, как твои кудри густы,
быть бы мне жертвою угольных прядей!
Я лишь трудом воздаю за труды —
нежной заботой о младшеньком брате.

Доску ли тешешь — крошится щепка...
Вот и на праздник в обновке пошел ты!
Как же к лицу тебе пестрый чапан —
новый чапан мой с каемкою желтой!

Всем чапаны своим братьям сошью,
каждый по-новому я простегаю.
Это уменье, отраду мою —
просто и радостно я постигаю!

Будет любимый — исполню наряд
дивный, с узором, из шелка «бенарес».
Словно арабскую вязью, подряд
вышить халат
для него постараюсь!..

31. ЯБЛОКИ

Стали красными бочки —
доспевайте, яблочки!
Яблочкам нашим
время падать наземь.

Вымахала яблоня —
червь ее не точит.
А сажал — она была
маленьким росточком.

Пестроглазые плоды,
блестящие щеки.
Вас сбивал я с высоты —
да и сбился в счете.

Уследить ли тут глазам?
Пробовал — куда там!..
Понесу на базар —
набегут ребята.

Обыщу вокруг траву:
всё собрал — нигде нет!..
А продам вас тому,
кто даст больше денег.

32. НЕТ ДЕРЕВА В МИРЕ, ПОДОБНОГО ТУТУ

Вот с яблони поздней плоды упадут,
и стук разнесется — и в ту же минуту
ватага мальчишек окажется тут...
Но яблоне всё же далёко до тута!

На лозах осенних поспел виноград.
Две кисти янтарных срезаеть оттуда,
кладешь на лепешку — воистину рад!
А всё ж винограду далёко до тута...

Доступен для всех невысокий инжир,
и сырость он любит — такая причуда!
А всё ж не единым инжиром ты жив...
Ему, и не спорьте, далёко до тута...

Вот райское яблоко — сладкий урюк!
Едва лишь зимы обвалилась запруда,
он цвет благовонный рассыплет вокруг...
А всё ж и урюку далёко до тута!

Хоть слива у косточки слишком кисла
и зреет позднее —

и с нею не худо:
она вам насыплет плодов без числа!
А всё же и сливе далёко до тута...

Смотрю я на ствол твой с корявой корой,
тутовник, кормилец рабочего люда!..
Кто сверху трясет, кто бежит за посудой,
кто держит паласы —

и ягоды груды
ложатся на красное черной горой!
Нет дерева в мире, подобного туту!

Шатром широченным с любой стороны
раскинулись крепкие ветви,

и тут-то
все девушки днем собираться вольны,
когда им в жару выпадает минута.
Лепешек возьмут, что замешены круто,
и ягодой доброй закусят они...
Нет дерева в мире, подобного туту!

33. ТЫ ДАВАЙ МНЕ МОЛОКА

Ты давай мне молока полными тыквянками,
лишь бы ручки не рвались да пиалы звякали,
полотняных два мешка
было катыка.

Пусть чабан тебя пасет, где только захочет он,
да на шею припасет звонких колокольчиков,
лишь текла бы молока
белая река.

Я тыквянку понесу твоему ребеночку,
привяжу ее внизу желтому теленочку,
не жалею мне молока —
напою телка!

Мне в ответ мычит: «Бери! — пестрая коровушка.—
Только хлев почисть внутри, чтоб играла кровушка,
а уж пестрые бока
дадут молока!»

Нет, не зря вокруг меня вся родня заахала:
от пеструшки молоко — слаще даже сахара!
Сахар слаще или мед —
кто его поймет?

34. ПЕСТРАЯ КОРОВА

Говорит мне пестрая корова:
«Доброго не пожалей мне крова,
поскорей возьми меня в тепло —
и увидишь, разом я удвою
белые молочные удои,
отплачу за все твое добро!»
Так и вышло, добрая коровка!
Стало вымя полным молока.
И подходишь ты ко мне неробко,
смотришь на меня не свысока...
Постоишь покорно,
подою.
И потом и корма
подаю!
Окупила все мои затраты!
Ежели и дальше так пойдет —
сделаешь хозяина богатым:
не за месяц —
значит, через год!

35. ДОЕНИЕ

Моя шумная скотинка, хош-хош,
моя умная скотинка, хош-хош,
ты постой сегодня тихо, хош-хош.

Погляжу, тебя поглажу, хош-хош,
славно я с тобой полажу, хош-хош,
дам травы тебе послаже, хош-хош.

Лишь проказы бы забыла, хош-хош,
молоко струей забило, хош-хош,
молоко — белей, чем было, хош-хош!

Так постой сегодня тихо, хош-хош,
хитрая моя скотинка, хош-хош,
хилая моя скотинка, хош-хош...

36. МОЯ КОБЫЛА

Тебе на спину посмотрю:
ну — тахта для молодоженов!
Ты дохнешь сквозь одну ноздрю —
два снопа горят подоженных!..
Уши мощные — хоть ушей.
Ляжет жернов промеж ушей!
Ах, медовая ты моя,
вся в тумарах моя кобыла,
ляг под ноги хоть вся земля —
обежать тебе хватит силы.
Был бы только живот твой здоров,
да была бы всегда ты в духе.
Впрочем, ведь при таких ноздрях
не задержится воздух в брюхе!
И хоть сорок суток беги —
будет хвост твой высоко поднят,
не умерят длины шаги,
не промокнет от пота потник...

37. КОЗА

Ушки прямые
(рожки — не в счет).
Доброе вымя —
как родничок.
А во рту, однако,
крепкие резцы,
прямо для улака
в брюхе близнецы!
Славную я, славную
купил себе козу!

Веревку с шеи снимет,
залезет в тесный куст...
Но даст тыквянку сливок,
отменнейших на вкус!
При этом, без подначек,
с веревкою и без,
и прыгает и скачет,
как резвый жеребец!
Славную я, славную
купил себе козу!

Дожди хлестали кстати,
и в рост пошла трава...
Коза ж — какие стати!
Что хвост, что голова!
Горит от нетерпенья,
торопится в луга...
Ах, понял лишь теперь я,
как ты мне дорога!
Славную я, славную
купил себе козу!

Хотя и озорница,
а всё же у меня
воды она боится
и мчится от огня.
Пускай бодает с ходу,
пускай в саду шалит —
не брошу ее в воду,
не сделаю шашлык.
Славную я, славную
купил себе козу!

38. ИШАЧОК МОЙ

Ишачок мой был красавец,
голосок — ну, чистый мед:
пока глотку не надсадит,
вопля так и не уймет.

В путь, бывало, собираю я —
ох, доволен, ох, и рад:
уши кверху, набок сбруя —
и пошел пастись в овраг.

Ишачок мой, голос — сахар!..
Охромел от чьих-то чар,
да лекарства не дал знахарь,
не помог тебе тумар.

Так и помер ты, не хныча,
от невесть какой беды.
У кожевенника нынче
я видал твои следы.

А смотрел — печальной лани,
тайный пыл тебя томил,
но земных своих желаний,
так и сдох — не утолил...

39. АРБАКЕШ

Еду я и летом, и весной,
пыль клубится за моей спиной.
Утром на меня роса ложится,
в полдень жжет меня горячий зной.

Целый день арба скрипит, скрипит,
целый день мой конь храпит, храпит.
От вожжей всё время ноют руки,
от кулей спина болит, болит.

Еду я — дороге нет конца.
Еду я — стираю пот с лица.
Я везу то для муллы барашков,
то мешки с пшеницей для купца.

Я везу — спаси меня аллах —
то добро в добротных сундуках,
то невесту со своей подружкой,
то вдову с ребенком на руках.

У меня полно своей беды,
я весь век страдаю от нужды.
Накормить конягу — нету сена,
напоить конягу — нет воды.

Арбакеш я, и моя судьба —
груз возить в чужие погреба.
Я везу чужую боль и радость,
а мои — лишь лошадь да арба.

Мой — лишь пот, стекающий с лица.
И дорога эта без конца.
И в селенье маленькие дети,
ждушие пропавшего отца.

Там, в селенье, ждет меня жена,
жизнь идет, она одна-одна,
горе быть женою арбакеша,
это горе — не его вина.

Ночью слишком поздно я ложусь,
утром рано за хомут берусь,
целый день о чем-то всё пекусь я,
всё я мчусь, всё не успеть боюсь.

От арбы проклятой не уйдешь,
от судьбы проклятой не уйдешь.
А судьба проста у арбакеша:
день проездишь — только раз пожрешь.

Но! мой конь худой, иди, иди!
Ты, арба, меня не подведи!
Еду я, и нет конца дороге,
нет конца тревоге впереди!

Так всю жизнь я еду и пою,
арбакешу отдых — лишь в раю.
Люди, не идите в арбакеша,
не губите молодость свою!

40. МОРКОВЬ

Целый год
работал я, как вол,
огород
копал я и полол,
поработал,
всё я сделал гладко,

полил потом
вспаханные грядки.
Словно глаз,
берег свои посадки,
каждый час
бежал, глядел на грядки.
Кустики от ветра
и от зноя
защищал порою
сам собою.

И моя душа
приободрилась —
хороша
морковка уродилась.
Я продам ее,
чтоб обернуться,
чтобы мне одеться
и обуться.
Мне не быть в долгу,
людей стыдиться,
дом поправлю я, смогу
жениться.
Но сначала
долю урожая —
и немало —
отложу для бая.
Отложу для казия
немало,
для мираба
и для аксакала.
И тому, кто мне желал
здоровья,
кто сказал,
чтобы сажал
морковь я.

Роздал всё,
не размышляя долго,
нет моркови,
нет зато и долга.
Вновь весною
я начну пахать,

о богатстве
буду я мечтать.
Мол, продам морковь,
чтоб обернуться,
чтобы приодеться
и обуться.

Для чего копал
я эти грядки,
всё сажал
в положенном порядке,
по ночам не спал,
посев берег,
охранял
и делал всё, что мог?
Для чего всё лето
я работал,
для чего все грядки
полил потом,
пыли не давал
на листья лечь,
солнцу не давал
морковку жечь?..

41. РАБОТАЛ У ХОЗЯИНА

Я с весны работал у хозяина,
гнал волов от света и до света.
А он и не думает — нельзя ему! —
как нас жизнь изматывает эта.

За год версты отшагал несметные,
проработал зиму, осень, лето.
Лишь обиды, хворь да деньги медные
заработал я за всё за это.

42. АЙ, БАЙ

Ай, бай,
ты в шелку,
гладишь пузо кошельку,
выспался, налопался.
А я поле век толку,
у тебя всегда в долгу,
надрываюсь попусту!

Ай, бай,
убегу,
надоело жить в долгу,
так ведь и состаримся!
Долю новую найду —
запиши долги на льду,
летом рассчитаемся!

43. ЭЙ, ЭЙ, МАМАДЖАН

Я посеял шалу, эй, эй, Мамаджан,
поливаю в жару, эй, эй, Мамаджан!
Будет год наш не плох, эй, эй, Мамаджан —
будет рис нам на плов, эй, эй, Мамаджан!

44. СТРАДАЕМ МЫ ОТ ТЯГОСТНОГО ГНЕТА

Стал править нами сам тиран Исфандиер.
И стало хуже нам, чем было до сих пор.
Для матерей — печаль, для дочерей — позор.
Страдаем мы от тягостного гнета.

Попробуй в воду брось, жемчужина всплывет.
Мы люди, мы на дне, мы терпим ханский гнет.
Обиду прячем мы — боимся: хан убьет.
Страдаем мы от тягостного гнета.

Я на подстилке сплю — она из камыша.
Я доченьку люблю — она моя душа.
На горе мне она уж больно хороша...
Страдаем мы от тягостного гнета.

Как брызжут искры звезд с небес в полночный час
так искры горьких слез из наших брызжут глаз.
Кто пожалеет нас и кто пригреет нас?
Страдаем мы от тягостного гнета.

Я доченьку ищу три ночи и три дня.
Туда иду пешком, туда гоню коня.
Я плачу, но никто не слушает меня.
Страдаем мы от тягостного гнета.

В случившейся беде есть и моя вина.
Я, дочь свою любя, порой не зная сна,
молилась, чтоб была красавицей она...
Страдаем мы от тягостного гнета.

Я, доченька, хочу стоять на ветерке,
стоять с тобой, дышать цветами в цветнике...
И рученьку твою держать в своей руке!
Страдаем мы от тягостного гнета.

Мой розовый кувшин — на розовом песке.
Нам не стоять с тобой на легком ветерке.
Твоей мне не держать руки в своей руке.
Страдаем мы от тягостного гнета.

45. ИСФАНДИЕР ЛЬЕТ НАШУ КРОВЬ

Источник наших бед и всех тревог,
правитель наш Исфандиер — жесток.
Не то что с нас — когда б он только мог,
он с рыб и с птиц бы тоже брал налог.

Кровь бедняков наполнила арык,
хаким, кази — над нами всяк велик,
прилип от жалоб к небу мой язык,
от горя тяжело я занемог.

Спят на пуховиках хаким и бай,
а нам клочок соломы да сарай
желанней, чем обетованный рай,
когда устало валимся мы с ног.

Рожден ли мститель, защититель наш?
Пусть он придет, чтоб пал мучитель наш,
чтоб сдох властитель наш, правитель наш,
чтоб рухнул мир, похожий на острог!

Я оседлал коня и в трудный час
иду продать последний свой запас.
Что делать, люди? Кровь течет из глаз!
Пошли нам счастье, всемогущий бог...

46. ЭЛЛИКБАШИ

Салам алейкум, элликбаши,
видно, дела твои хороши,
видно, дела твои хороши,
позволь поздравить тебя от души,
проклятый элликбаши.

Салам алейкум, алейкум салам.
Сказал ты начальству: «Рабочих я дам!»
И едем мы глину месить по полям.
А ты почему не поехал сам,
проклятый элликбаши?

У нас на губах кровава слюна,
у нас на щеках слеза солона.
А в чем, перед кем она, наша вина?
Мы всё от тебя получили сполна,
проклятый элликбаши.

В рот пересохший не лезет еда.
Не утоляет нам жажды вода.
Нас поезд везет неизвестно куда —
и в Пензу, и в Харьков, ну, прямо беда,
проклятый элликбаши.

Тревожен наш путь, не можем уснуть,
и в миски нам плещут какую-то муть.
Может, вернемся когда-нибудь,
и будет нам чем тебя помянуть,
проклятый элликбаши.

47. ПЕСНЯ МОБИЛИЗОВАННЫХ НА ТЫЛОВЫЕ РАБОТЫ

Саид Ахмад, ты важный бай,
ты знаменит и знатен.
Включил нас в список: «Погибай...»
Отцам твоим проклятье!

Ты б лучше сдох,
чем сласти есть
да щупать снох
под платьем...
Ты б лучше сдох, чем власти несть
тот перечень проклятый!

48. ПЕСНЯ МАРДИКЕРОВ

Дымил и гремел паровоз.
В болота за Двинском и Вильно
на трудную службу он вез
джигитов красивых и сильных.

Джигитам податься б назад
и жить бы, заботы не зная,
но очень уж много солдат
и пуль у царя Николая!

Будь проклят, неласковый край,
и камни его, и болота.
Будь проклят, палач Николай,
и тяжкая наша работа.

Сперва нас, поставив в ряды,
штыками в бараки загнали,
а там без еды и воды
три дня мы чего-то прождали!

Потом под угрозой штыков
солдаты голодных и босых
джигитов по тридцать голов
загнали в дома на колесах.

Раздался прощальный гудок,
вагоны заерзали глухо.
Кричала: «Прощай, мой сынок!» —
упавшая наземь старуха.

И в холод, и в дождь проливной
мы жили не лучше скотины.
Иголки в три пальца длиной
вгоняли нам лекари в спины.

Мясник, посильнее ударь,
сегодня скотина без счета.
Окопы заставил нас царь
копать до кровавого пота!

В далекий от родины край
отходят вагоны со звоном...
Тебя, наш палач Николай,
мы свалим не с трона, так с треном!

49

Навек меня наняли,
платить позабыли:
я — солнышко на небе,
слуга избыльи!

Друг друга сменяйте,
зубами не клацая,
наш дом — в Майманаке,
внизу у нас ткацкая.

Холодная осень —
всё скосим ли сами?
Сосед с нами косит
из Кызылсая.

Тяжка переноска —
и плечи не жидки!
Мешков девяносто
получится жита.

Вол грязен — доколе
вы шкуру не выскоблите!
Рога его — колья
внушительной изгороди.

Могучее нёбо,
глаза — как светила.
Как будто их с неба
мечта низводила.

А сзади — аулы,
а там — караулы.

Но караул свой —
и глух и недолог.
И девушки — соль
таскают в подолах.

Покуда их видят —
тихи, не нахальны.
А матери выйдут —
они с женихами!

Эх, вол, крепко сбитый,
машина из мяса.
Двойные копыта
потверже алмаза.

Мельчит себе знак
до темноты,
а в доме и так
полно мелкоты!

А впрочем, а впрочем,
давай, обмолачивай!
Ведь я озабочен
судьбой моей младшенькой.

Везде она кстати —
как червь для поклевки,
перо для тетради
и лук для похлебки.

И ручкой, и шейкой,
и прочим взяла,
и нашему шейху
она — назира.

Давай, молоти
помельче, получше,
ведь сызмала ты
к работе приучен.

Саман как река —
зерна уже столько! —
и пот твой с пупка,
как дождь с водостока.

Мельчи всё равно.
А пот твой — соленый!..
Работа — зерно,
награда — солома...

50. УИДУ НЕУТОЛЕННЫЙ

Послушайте, товарищи, друзья!
Хоть в мир пришел я в день неотдаленный,
сегодня с вами распрощаюсь я..
И как мне быть?

Уйду неутоленный!

Высматривали женщины меня,
а я пахал земли глухое лоно.
И на любовь не смел потратить дня!
И что теперь?

Уйду неутоленный!..

Плоды с дерев мигали мне, смеясь,
но вдоль садов я проходил, голодный.
В чужих домах я видел столько яств!
А толку что?

Уйду неутоленный!

Во сне и наяву я спину гнул,
земля впивалась в ребра костоломно.
И умереть-то, ноги протянув —
и то не мог!

Уйду неутоленный...

Почтительных вовек не слышал слов —
лишь ругани набор головоломный!
За что сей мир ко мне был так суров —
не понял я!

Уйду неутоленный...

Разбит мой дом, порушен мой айван,
там тьма вертеп открыла потаенный.
Своих сирот я оставляю вам.
Что делать мне?

Уйду неутоленный...

Я обличил несправедную власть —
и лег под палки

своре распаленной.

Хан надо мной поиздевался всласть.
Как отомщу?

Уйду неутоленный...

Душа из тела рвется в сон и синь,
а кровь из жил бежит в земное лоно.
Держаться в жизни больше нету сил...
Что делать мне?

Уйду неутоленный...

51. ХВАЛА ВЕСНЕ

Уже растаяли алмазы льда,
алмазная бежит с горы вода,
а в небесах виденья серых туч,
как парусные движутся суда.

Седые тучи поверху рычат,
внизу коровы и быки мычат,
вода из ямы плещет через край,
и по утрам туманы — словно чад.

И гром, играя молнией, прошел.
Туман остановился и ушел.
Вновь люди удивляются тому,
что мускус от весенних трав пошел.

Дожди идут без троп и без дорог.
Весенний месяц в небесах продрог.
А на земле жемчужницы цветов
раскрылись — и горит в них огонек.

Здесь красные и синие огни,
вон алые и белые — взгляни!
Им желтые пересекают путь,
но с зеленью смешались они.

Распутали баранов и овец.
Их в поле выгоняют наконец.
Ягнята и козлята побрели,
верблюду стоит над ними, как отец.

Вон бедные олени понеслись,
сбивая в беге ледяную слизь.
Они совсем как белый водопад,
с вершины низвергающийся вниз.

Идет лавина золотых коней,
гнедой вожак ярится перед ней.
Он ржаньем окликает жеребцов,
и в этом кличе голос вешних дней.

Зима снегами тальми горит,
весна ее ругает и корит.
Круг похвальбы построили они,
и девушка старухе говорит:

«Щеглы и славки от тебя бегут,
вдали тебя и соловьи поют.
А ласточки, мечтая о гнезде,
не у меня ль находят свой приют?»

Повсюду ты разводишь, не стыдясь,
гнилую слякоть и сырую грязь,
над углями трясутся бедняки,
от стужи дети плакали не раз.

А мой приход всем радостен и мил.
Он сладостью всю землю напоил.
И жеребцы, от счастья одурев,
кусаются, сдержать не могут сил».

52. ЗЕБИДЖАН

Куда ни идешь — я вперед забежал!..
Овечек твоих я бы пас, Зебиджан,
фисташки бы щелкал, а ядра держал
у губ у твоих, Зебиджан!

Но нет! Повернулась — и сразу ушла.
И чай свой оставила — не допила.
Упала, разбилась о пол пиала.
При чем здесь фарфор, Зебиджан?

Расстелет она на холме свою бязь.
Глядит — не глядит перекупщик, скупясь.
И дальше пойдет он, в дорожную грязь,
оставит в слезах Зебиджан.

Есть сад у тебя, а садовник твой — где?
И где твой целитель в сердечной беде?
Я сад бы растил, дал бы волю воде,
тебя излечил, Зебиджан!..

Кипящий родник — мое сердце в груди.
Идет перекупщик — мошна впереди.
Ты только вослед ему так не гляди,
когда он пройдет, Зебиджан!

А я бы вовек тебя не обижал,
водой родниковой у двери бежал,
последним осенним листочком дрожал
в окошке твоём, Зебиджан!

Росток стал цветочком на месте своем,
и каждая птаха поет соловьем.
Неужто весной мы гнезда не сошьем,
прекраснейшая Зебиджан?

Курильщикова — опий раздел догола.
Меня — комариная мощь догнала.
Ты раз поглядела, но взором лгала —
сгубила меня, Зебиджан...

53. Я БРОСИЛА ТЕБЯ

Судьба мне горести готовила вдвойне,
и яду мне в еду идущий год добавил.
В озерах слез моих, качаясь на волне,
и уток выводок поплыть бы мог вполне.
Уже не по годам такие беды мне!
Я бросила тебя, а ты меня оставил.

Пусть ястребы летят в бескрайней вышине —
птенцы им вслед глядят,
а клювы зной оплавил.
Пустыню я прошла, пешком я шла в огне.

Живущим нет числа — и все чужие мне.
Везде и всюду я с тоской наедине!
Я бросила тебя, а ты меня оставил.

Гора ли сдвинулась с песками наравне?
Иль чей-то лживый рот зазря меня ославил?
Иль новый сшил чапан ты в дальней стороне,
что впору и плечам, и впору по длине?..
Но где бы ни был ты — стоишь спиной ко мне.
Я бросила тебя, а ты меня оставил.

Пусть на вершинах снег растаял по весне,
не стаять седине —

такое против правил.

Стареть бы заодно и мужу и жене,
чтоб было суждено одно тебе и мне!
Но кара здесь, увы, сродни самой вине:
я бросила тебя, а ты меня оставил...

54. ТЫ ЛЖЕШЬ МНЕ

Всем учил, каких и не знала,
тайным горестям и утехам.
Я свой белый наряд измяла,
стал сродни он пустым орехам.
А теперь, когда сердцу жестко
спать в постели обыкновенной,
так я чувствую, что ты лжешь мне,
о, возлюбленный мой неверный!

Письма днями пишу, ночами,
рву в клочки и листки и сердце.
Сад не радует, как вначале,
и не просит в тени усесться.
Нет, корить я не смею —

что же,

общих нам оков не ковали!..
Только чувствую, как ты лжешь мне,
о, возлюбленный мой коварный...

Я светила тебе луною —
так твердил, и глаза блестели.
Я катила тебя волною
по безмерным морям постели.

60. НОЖ

Я острый свой нож уронила к ногам —
упал и скатился он в сай Наманган.
Пушкарь мой, что где-то бредет по дорогам,
далеко —
не слышит, кричи не кричи!
Когда он вернется живым и здоровым,
судьба, засчитай этот нож в суюнчи...

61. УЛЫБКА ТВОЯ

Да буду я жертвой сияющих щек,
паду ради тех нарисованных глаз.
Твои притеснения почту за почет,
за каждую бровь я бы умер не раз.
И так мою душу и тело влечет
к тебе,
что отныне не бог и не черт —
улыбка твоя мне единый указ.

62. КАМЕНЬ НЕ БРОСАЙ

Камень не бросай — в реке глубоко.
Бросишь камень — не найдешь следа.
Замуж дочь не выдавай далеко,
выдашь — не увидишь никогда.

Тот, кто дочку отдал в край далекий,
пожелтеет, как песок реки.
Как течет вода в реке глубокой,
будут слезы литься от тоски.

63. АЙЛАНАЙ

Камня в птицу не бросай,
буду злиться, айланай.
Улечу в далекий край
я, как птица, айланай!

Птица-ласточка иль гусь
возвратится, айланай!
Я вспорхну, так не вернусь,
я не птица, айланай!

64. ДУСТ ЯЛЛА-ЯЛЛА

Говорят, природа скуповата,
а тебе природа всё дала.
Ты умом и красотой богата,
но в богатстве есть опасность зла.

Дуст ялла-ялла, всё может статься,
ты не испытаеть зла богатства.

Скажешь мне: «Иди» — пойду я с богом
в край Кашгарский, чтоб тебя забыть.
Хуже, чем скитанье по дорогам,
только униженье может быть.

Дуст ялла-ялла, всё может статься,
ты не испытаеть зла богатства.

Буду петь я на дорогах длинных
о бровях, подкрашенных усмой.
Я в безлюдных заблужусь пустынях,
чтобы не найти пути домой.

Дуст ялла-ялла, всё может статься,
ты не испытаеть зла богатства...

65. ЕСЛИ ТАК

Убежим из дому, если так,
к шаху молодому, если так,
с жалобой придем мы, если так,
в ноги упадем мы, если так.

Нас с тобой — я знаю наперед —
бедняков, властитель не поймет.
Лучше в край пустынный от невзгод
убежим вдвоем мы, если так.

66. ЕСЛИ КОРМИШЬ, ДАЙ КОНЮ ПШЕНИЦЫ

Если кормишь, дай коню пшеницы,
если поишь — ключевой водицы.
Если дочку отдаешь из дому,
отдавай джигиту молодому.

Правда ль, что на мне лежит проклятье
и должна в отрепьях увядать я?
Правда ль, что на мне решил жениться
человек, что мне в отцы годится?

Всех платков платок мой шелковистой.
Мне на лоб с платка свисают кисти.
Мне тринадцать лет, а предо мною
встанет муж с седою бородою.

Белые браслеты и запястья.
У меня, несчастной, нету счастья.
Было б у меня, несчастной, счастье,
в пропасть не мечтала бы упасть я.

67. НЕ МУЧАЙ

Я камешек бросала ввысь,
чтоб скрылся за высокой тучей.
Писала милому: «Вернись
здоровый и живой, не мучай.
Не мучай, мой родной, не мучай!»

Косынку, что сейчас на мне,
соткал твой брат из пряжи лучшей.
Я слышу голос в тишине...
О милый мой, не пой, не мучай.
Не мучай, мой родной, не мучай!

Желаю розе, чтоб была
всегда цветущей и пахучей.
О мой орел, о сын орла,
хоть взглядом удостой, не мучай.
Не мучай, мой родной, не мучай!

68. НЕ РВИ ЦВЕТОВ

Растет цветок, но ты цветка не рви,
бутонам дай раскрыться, дорогая.
Не рви цветка, цветка своей любви,
успеем мы проститься, дорогая,
успеем мы проститься, дорогая.

Нет, не вернешься ты, как ни зови.
Я вяну, жизнь темна мне, дорогая.
Ты рвешь цветы, я заклинал: не рви!
Твоя душа из камня, дорогая.
Твоя душа из камня, дорогая.

69. БРОВИ У ТЕБЯ ЧЕРНЫ

Брови у тебя черны, как смоль,
что чернишь ты их усмой — не верю.
Я горю, меня сжигает боль,
что и ты огнем горишь — не верю.

Ласточка, как смоль, черным-черна,
только пестры крылышки у птицы.
Та любовь, что смолоду сильна,
горя и разлуки не боится...

70. ДРУГИЕ СЛОВА

Золотник железа бросишь в воду —
не удержит тяжести вода.
Никакому золоту в угоду
сердце не полюбит никогда.

Выпал снег на склоны гор крутые,
на деревья и на глину крыш.
Чтоб увлечь, нужны слова другие,
а не те, что ты мне говоришь.
А не те, что ты мне говоришь...

71. ПУСТЬ СПРОСЯТ

Пусть комар, летящий в вышине,
скажет про того, чью пил он кровь...
О моем страданье, обо мне
спросят пусть тебя, моя любовь!

Сам я не отвечу на вопрос,
как живу я, что я перенес,
лучше пусть спросят рыб, живущих
в озере пролитых мною слез.

72. ВОЙ ДОДЭЙ

От густых его бровей
темен день и ночь темней.
Ночь темней.
Лекарей скорей зови:
умираю от любви,
вой додэй!

Знают все: из тех парней
мой, который всех стройней,
всех стройней.
Средство есть от всяких бед,
от любви лекарства нет,
вой додэй!

73. НЕ ГОРЮЮ

Почему ты сумрачный такой?
Всё осталось: ивы над рекой,
и Гуласамхон с косою тугой,
блещущая неземной красой.

Не горюй, еще зажжется свет.
Не печалься, погляди вокруг.
Может быть, на свете правды нет,
но друзья на свете есть, мой друг.

74. ЗДЕСЬ РАСТЕТ ШИПОВНИК

Здесь растут шиповник и усма.
Рву, зачем — не знаю и сама...
Господи, прибавь хоть понемногу
мне — терпенья, милому — ума.

Чем чадить свече и тлеть свече,
лучше вовсе не гореть свече.
Чем любить и быть в любви неверным,
лучше не любить нам вообще.

75. НЕ НУЖНА

В вышине плыла бы я — луна.
Вся земля была бы мне видна.
Ну, а я на милого глядела б.
Вся земля мне, право, не нужна.

76. КАМНЮ ЧТО?

Камню все равно, что снегопад,
что осенний дождь, что летний град...
Разве с каменной тебя убудет,
если мне один подаришь взгляд?

77. БРАСЛЕТ

— Эй, джигит на берегу реки,
мы теперь с тобою далеки.
Ты не снял браслет с моей руки?
Возврати браслет — подарок это.

По горам помчишься ты, звеня.
Стану я подковою коня.
Ты рабою сделаешь меня.
Возврати браслет — подарок это.

Буду я подковой скакуну,
алой розой у тебя в плену,
я рабой к ногам твоим прильну.
Возврати браслет — подарок это.

— Все подковы есть у скакуна.
Есть и роза у меня одна.
И, рабу, раба мне не нужна.
И не брал я твоего браслета.

78. ЛУННЫЕ НОЧИ

Лунные ночи неделю подряд.
В лунные ночи и звезды горят.
Тот переулок, где ходит мой милый,
благоухает, как розовый сад.

Тот переулок, где ходит родной,
я подметаю своею косою.
А поднимается пыль — я рыдаю,
чтобы пылинки прибило слезой.

В лунные ночи блеснит небосвод.
По переулку мой милый идет.
Я подлетела, открыться хотела,
да оробела — увидит народ.

79. ОСТОРОЖНО

В дом любимой пробирался я,
озирался в темноте тревожно.
Задремала милая моя,
руку милой взял я осторожно.

В темноте блеснул любимый взгляд.
Милая сказала: «Рядом брат.
Он тебя убьет, ступай назад.
Ночью в дом являться разве можно?»

Я сказал: «Родная, не спеши.
Для спокойствия моей души
губ твоих коснуться разреши,
любящим отказывать — безбожно!»

Милая вздохнула: «Если бог
так велит нам, и рассвет далек,
губы алые мои разок
поцелуй, но только осторожно».

80. НЕ ЖЕЛАЮ

Никому страданья не желаю,
да минуют вас плохие дни.
Я вам расставанья не желаю,
чтоб, как я, вы мучились одни.

Потерял, о друг, я чудо-птицу.
Потому и грустно мне, поверь.
Выпустил из рук я чудо-птицу,
а кому поет она теперь?

Стал я одинокий, нелюбимый...
Почему, скажите, каждый раз
вместе с уходящею любимой
не уходит и любовь от нас?

81. НЕВЕРНЫЙ

Кривы ль руки, голова ль крива —
скроет шапка всё и рукава.
Стала я теперь желтей соломы,
от печали я едва жива.

Ты хоть раз спросил ли обо мне,
плач ли мой услышал в тишине?..
Стала я теперь желтей соломы,
ты в моей повинен желтизне.

Я сдержала слово, милый мой:
заплетаю косы я тесьмой.
Оказался лживым и неверным
ты, платок носящий поясной.

82. РАЗУЗНАЙТЕ

Эта птица где живет теперь?
Разузнайте и скажите мне.
В чьем саду поет она теперь?
Что теперь ей видится во сне?

Пожелтел я и ослеп от слез.
Птица, не вернешься ты назад.
В том саду, что весь репьем зарос,
ты поешь, покинув райский сад.

83. ЛЮБИМАЯ МОЯ

В селенье птица есть одна, любимая моя.
Томится взаперти она, любимая моя.
Что хмуро смотришь из окна, любимая моя?
В чем, объясни, моя вина, любимая моя?

Есть конь горячий у меня, любимая моя.
На свете лучше нет коня, любимая моя.
Коли тебе неверен я, любимая моя,
ужалит пусть меня змея, любимая моя.

84. ПРОЗРАЧНАЯ ВОДА

Течет вблизи прозрачная вода.
А ты хлебнула грязной, вот беда!
Посмотрим, как ты уживешься с глупым,
с кем жизнь соединила навсегда.

85

Пролетают по небу вороны,
в город Маргелан они летят.
Против нас и люди и законы,
плачем мы который год подряд.

Между нами норы и границы,
их преодолеть мы не вольны.
Как птенцы одной несчастной птицы,
в разных клетках мы заключены.

Безуспешны наши все усилия,
птицам певчим, нелегко нам петь.
От неволи ослабели крылья,
в небо нам уже и не взлететь.

Вряд ли о судьбе плывущих в море
кто-то знает лучше их самих,
вряд ли о великом нашем горе
кто-то знает лучше нас двоих.

Сам я расскажу о нашем горе,
сам отвечу на любой вопрос.
Рыбы плавают в огромном море,
море из горячих наших слез.

Раньше мы с тобой цветами были,
да на разных ветках мы цвели.
Мы с тобою соловьями были,
в разных клетках жизнь мы провели.

86

С черной бородой, в халате черном,
сев на черного, как смоль, коня,
кто приехал к нам и так упорно,
черным взглядом смотрит на меня?

За рекой кричит сова ночная,
увидав змею в своем гнезде.
Что мне делать, я сама не знаю!
Крикнуть? Кто поможет мне в беде?

87

Не позвал отец мой птицы-сокола,
ни о чем он не спросил меня.
Гордый сокол покружился около,
красоты моей не оценил.

Но зато позвал отец мой ворона,
воронье в наш сад слетелось вмиг.
Я кричу на все четыре стороны,
ворон врет, и мой не слышен крик.

В твоём саду цветок увидел я,
в твоём саду я слышал соловья,
сегодня ночью я во сне увидел,
что ты пришла, любимая моя.

Есть озеро у дома твоего,
не обойти, не переплыть его.
Тебе послал я весть и ждал ответа,
в ответ ты не сказала ничего.

Ты снова промолчала мне в ответ,
так ты молчишь уже немало лет.
Есть для меня в тебе одна загадка,
и есть одна беда — отгадки нет.

На базаре продают фисташки,
продавцы снуют, корзины тяжки.
Где мой милый, где любимый здесь?
Люди, укажите мне, бедняжке.

На базаре горы винограда.
Люди покупают, если надо.
Объясните, где любимый мой,
побыстрей его найти мне надо.

На земле всё шатко, всё туманно,
я была любима и желанна.
Покажите ж, где любимый мой,
плохо вижу я из-под чачвана.

Конь стоит у речки, смотрит в воду,
хоть оседлан, ждет он не меня.
У таких, как я, безродных,— сроду
верхового не было коня.

Пусть я нищ, но ты мне слово скажешь,
на меня горячий бросишь взгляд,
ибо тот, кто беден, но отважен,
лучше тех, кто робок, но богат.

91. Я В ПЛЕНУ ТВОИХ ОЧЕЙ

Я в плену твоих очей.
О, как сладок этот плен!
Был я вольный. Был ничей.
Видел только блеск мечей.

Я тобою взят в полон.
О, как сердцу сладок он!
Поманила ты меня —
смехом стал мой прежний стон.

Родинка твоя строга.
Брови — черная строка.
Отчего же, полонив,
бросила, как старика?

Держит душу черный страх,
кровь горит на трех кострах,
рану сердца моего
расцарапал я в слезах.

О, меня поймавши вдруг,
не гони потом, мой друг.
Слово дав — держи его.
Птицы мечутся вокруг.

Ночью мы покинем дом,
Ямар-речку перейдем.
Из нее попив воды,
на врага пойдем потом.

Эй, джигиты! Кто за мной?
На заре — туманной мглой —
дрогнет враг и побежит,
мы за ним летим стрелой.

Злобные согнутся пусть,
волк и лань пасутся пусть,
справедливость пусть цветет,
беды унесутся пусть!

Так постой же, обернись,
ты, что смотришь сверху вниз,
с черной родинкою — ты,
стройная, как кипарис!

Побеждающий в бою,
песню плена я пою,
глаз твой полон колдовства,
жалобу пойми мою!

92. УШЛИ ИЗ КАШГАРА

Когда мы ушли из Кашгара,
остались пустыми дома.
Осталась в пустыне Кашгара
любовь, что была мне дана.

Чуть вспомню я черные брови —
и в сердце вгрызается грусть:
своей не увижу любви,
в родимый Кашгар не вернусь...

93

Я приду в твой город —
пусть глядит народ.
Разорву свой ворот
у твоих ворот.

Сердце затвердело,
словно от огня.
Как же ты глядела
прежде на меня!

То, что мы бросаем —
не поднимем вновь.
И ведь на базаре
не купить любовь.

97. ВЛЮБЛЕННЫЕ

От завтрака до самого обеда
хоть раз увидеть своего красавца,
а от полудня вновь мечтать об этом,
на каждый шаг,
на каждый стук бросаться.

Чуть авровыми пестрыми штанами
мелькнет вдали — от жара сердце тает.
Но сдерживаю страстное стенанье:
любой из встреч минуты не хватает.

А томный час полднего намаза!..
Хоть признаваться в этом неприлично,
но в этот час сгораем мы,
как мясо
на одинокой палочке шашлычной.

Повсюду бродим, и повсюду люди.
Жар от земли, как будто пар от чаши.
Когда еще мгновенье раздобудем,
чтобы друг к другу кинуться тотчас же?..

Теперь уже, наверное, при свечках,
пока в тиши творят намаз вечерний,
моля им отпустить тот грех извечный,
что губит каждого и топит в скверне.

Нам невдомек,
куда нас помещает
воображенье евнухов аллаха,
но, не дай бог,
нам что-то помешает —
покажется, что под богами плаха!

Не стать бы пищей для чужого глаза!..
Но ветерок уже листву полощет.
Наш час — после последнего намаза,
когда покровом тьмы накроет площадь.

Тут наша кровь и наша плоть живая
от воли и от радости шалеет,
и всё, чего только душа желает,
ей тело яростное — не жалеет!

98. У ВОРОТ ТВОИХ

У ворот твоих, под сенью тала,
я ходила — тропу протоптала.
Как-то раз платок я потеряла:
поднял ты и подарил — кому?
Мой платок ты подарил кому?

Тихо тянутся цветы из сада.
Там лицо твое — для всех услада.
Глянул бы хоть раз, моя отрада —
вспыхну и лицо я наклоню.
В радости лицо я наклоню...

Ну, хоть раз поймай мой взор лучистый!
Не пренебрегай любовью чистой.
Неужели, вправду что случись, ты
и не пожалеешь обо мне?
Ты не пожалеешь обо мне?

Молится ли кто в глубинах дома
за тебя и этот рай садовый?
Или от беды ты заколдован —
не утонешь, не сгоришь в огне?
В ярой страсти не сгоришь, в огне?

Чуть луна взошла, лицо умывши —
вслед за ней и я взошла на крышу
с тайной мыслью: вдруг тебя увижу?
В сад твой загляну через поток,
загляну к тебе через поток...

Ты и впрямь ходил среди посадок,
меж кустов, и кустиков, и грядок
наводил обычный свой порядок —
а на поясе чернел платок...
Может, мой на поясе платок?

Ах, и на меня ведь смотрят тоже,
парень есть и ладный, и пригожий.
Не могу ему ответить ложью,
да и правду молвить не могу...
Нет, открыть я правду не могу!

Говорит: «Мы вместе быть могли бы,
для тебя сверну любые глыбы!
Брось мне яблоко — не комья глины —
мы бы его съели на бегу...
Пополам бы съели на бегу!»

Ходит он за мной, а я не рада.
Твой порог — одна моя отрада.
Будь ты мне хотя бы вместо брата —
может, легче было б для меня?
Верно, было б легче для меня!

Поднимусь на крышу, вечер ясный,
издали услышу: звуки саза
покрывает голос твой — и сразу
в душу мне кидает ком огня...
Мне кидает в душу ком огня!

Я скажу тебе «приди» — с чего бы
не прийти тебе? Из лютой злобы?
Ведь мое «приди» — мы знаем оба —
это значит: «О любимый мой...»

Говорю «уйди» — с чего тогда бы
не уйти тебе? Ведь люди слабы!
А «уйди» (коль нет с собою сладу) —
это значит: «О любимый мой...»

99. КАНДАЛЫ ЗОЛОТЫЕ

Эти горы вдали — это горы Аскар.
На ногах у меня кандалы золотые.
Как сковали их мне — так я их и таскал...
Мои очи и ум пробудила не ты ли?

Я ходил за тобою, вблизи и вдали.
Цветники позади нас пустынями стыли.
Я стальные давно бы разбил кандалы!
Но прочнее стократ кандалы золотые...

100. ПЕРСИКИ ПАДАЮТ

Персики все падают, все зреют,
я пришла собрать их наконец.
Посмотреть, как всем на обозренье
мой жених украсил свой дворец.
Стены белы, крыша золотая...

Сяду, себе платье залатаю.
А у той, что нынче умерла,
говорят, жених-то был — мулла...

101. УЖЕ ОСЕНЬ

Из-за гор холодным ветром дунуло,
стали листья по ветру носиться.
Мой платочек из батиста, думала —
оказалось, из простого ситца.

Наша радость в жизни — на беду, мала:
только что цвело — и, смотришь, осень.
Понарошку он ушел, я думала —
оказалось, и взаправду бросил...

102. ОСОБЫЙ ПОДХОД

Колышек вбил из камчи для коня,
скинул папаху — да и в хоровод.
Стой-ка, джигит, и послушай меня:
так ведь с тобой ни одна не пойдет!

Всех распугаешь ты с первого дня...
К девушкам нужен особый подход.

103. ЭТИ ГОРЫ—КАКИЕ ГОРЫ?

Эти горы — какие же горы?
Скалы есть, да нету вершины.
Это горе — какое же горе?
Зло вершили, да не свершили.

106. НЕ УСЛЫШАЛ

У ворот моих выросло дерево,
да и тенью накрыло до срока.
Не заметил, что знаки я делала —
и пришлось мне позвать тебя громко.

От обиды какой ли, спьяну ли —
ветерок зашумел по крышам.
Обернулись люди и глянули —
ты один меня не услышал.

107. ХОТЬ КРИЧИ

Птица на верхушке тополиной
всё не успокоится в ночи,
вскрикивает ночью этой длинной,
не смолкает — хоть сама кричи.

И опять я слышу, и опять я
птичий вскрик неугомонный тот,
и в чужих, немилых мне объятьях
не дождусь,
когда заря взойдет.

108. СТОЮ, СРАЖЕН

Юному она подобна тополю.
Волосы ее струятся до полу,
тоньше волоса небесный стан.
Я стою, сражен, глазами хлопаю,—
в очи ли взгляну, на белый лоб ее:
во мгновение безумным стал.
И боюсь движенье сделать робкое,
чтобы свет светить не перестал...

109. ПОДОЖДИ

Подожди: немного погода
будут деньги, будет и почет.
Не случится сильного дождя —
неужели крыша потечет?

Я иду наперекор судьбе.
Чья удержит мощь меня?
Ничья.

А когда соскучусь по тебе,
ноги — кони, а рука — камча.

110

Так душа, что бедствовать привыкла,
встрепенулась на исходе дня,
когда я у ближнего арыка
увидала рыжего коня!
Поняла: сейчас его увижу.
Он и впрямь с ведром из дома вышел,
напоил, подпругу вздернул выше —
только конь и глянул на меня.

Я платок стянула свой узорный,
зубы сжала, сколько было сил.
Видно, уж таков удел мой черный:
ты моей любви не оценил.
Разве я кляла тебя, корила,
что души твоей не покорила?..
Я тебе любовь свою открыла —
насмеялся, всюду раззвонил.

111

Вот идут они трое, и все — как один.
Но любимый мой — лучший цветок!
Дивный жемчуг, которого не находил
в этом мире доселе никто.

Ты из крепости выйдешь, гарцует твой конь.
Заходи,

я подам тебе чай...

И смотри ты открыто — глаза успокой!
И коснись ты меня невзначай.

Без тебя-то я плачу, как медленный дождь.
Не смущайся и не уходи!
Бродишь в сумерках, места себе не найдешь,
а оно — у меня на груди.

112. МОЛЧИТ

Идет вдоль дувала, папаха в руках.
Ах, мама, спросите, куда?
Уходит — не скажет, молчит, как река.
Зачем он женился тогда?..

Дувал перелезу я в восемь пахса,
тихонько пойду по следам.
Когда он вернется —
как осень я вся,
но виду ему не подам.

Мы ходим и злимся, аж стены дрожат.
Никто не простит никому.
Но глянет он с лаской —
как стену пожар,
я разом его обойму.

В три добрых вершка у меня каблуки,
а сердце — у горла, как тать.
Мы оба горим! Неужели могли
меня за него не отдать?..

В ночи твои очи казались черны,
сияло лицо, как луна.
Скажи мне, кто связан прочнее, чем мы?..
Целует. Молчит, как стена.

113. ЗЕРКАЛЬЦЕ ОСТАВИЛА ПОД ТОПОЛЕМ

Зеркальце оставила под тополем —
и обиду горькую в груди.
Мать с отцом — родные ведь!..
Так что бы им
не стоять у дочки на пути?

Кажется, я напрочь душу вынула,
стала, как травиночка, тонка.
Им богатства надо!..
А любимого
не заменят тысячи таньга.

— Узки улочки Бухары:
не пройдешь, не испачкав платье.
Я не гурия с той горы:
я смотрю на тебя — и плачу.

Ты мне близок, тебе близка,
но увянем в чужих ладонях:
мы два разных с тобой цветка,
нас не свяжет вместе садовник...

118. ГУЛЬЁР

— Две голубки сидят на иве,
различишь по перу, гульёр?
У которой крылья красивой,
ту себе я беру, гульёр!

Вон две девушки сели рядом,
угадай, где моя, гульёр?
— У которой пышней наряды
и богаче семья, гульёр!

119. БЕЛЫЙ ШЕЛК, СИНИЙ ШЕЛК

Ах, белый шелк, яр-яр,
ах, синий шелк, яр-яр!
Куда бы я ни шел,
все тот же вижу взор!..

Пойдем-ка в поле, друг,
кружится голова.
И в танце выйти в круг
посмею я едва.

С чего я так размяк?
Куда меня влечет?..
Ах, и не спорит мак
с румянцем этих щек!

О, белый шелк, яр-яр!
О, синий шелк, яр-яр!
Куда бы я ни шел,
всё тот же вижу взор...

120. ТАК Я ОДИНОКА

Каблучком потопала,
чтобы село ровно.
На верхушке тополя —
серая ворона.
Ишь, взъерошила бока,
воровское око!..

Ах, придите, джан-ака,
так я одинока...

121. УШЕЛ ОТ ВОРОТ

У ворот закурчавилась яблоня —
да и двинулась, милая, в рост.
Потянулась к любимому я было —
повернулся, пошел от ворот.
Что такого ему я сказала-то?
Руку выдернул: «Брось! Не держи!
Не нужны мне ни ахи, ни золото!
Еще встретимся — был бы я жив!»

Я желтей, чем платочек мой шелковый,
отошала, как ручка ножа.
Ведь, люби он — наверно, пришел бы уж,
значит, милому я не нужна.
Что вам нравится, парни, не нравится —
наперед и придумать нельзя...

Может, всё же ко мне собирается —
да его не пускают друзья?..

122. НЕВЕСТА

Этот угол полью, что джидою зарос.
Дом пустой, никого со мной нету.
Рок родню-то прибрал, бог другой не принес —
хоть сиди, хоть скитайся по свету.
А невеста — теперь я свободен от грез —
пусть как хочет: смеется ли, сохнет от слез...
Не внимала бы глупым советам!

Срезал, в воду поставил я ветку джиды:
поглядел — вдруг вода да прольется?..
Всё гадал: если хворь (далеко ль до беды?) —
навестить ведь невесте придется!..
Заболел — а она не пришла, не смогла,
и ягненка не выделила для котла,
не достала воды из колодца.

Я поставлю супу у твоих у дверей,
ее сделаю ровной и длинной,
но сперва для нее я на крови моей
замешаю холодную глину.
Если любишь — хоть броситься с крыши посмей.
Что там мать, что отец, что хоть тыща семей!..
Невозможно любить вполонину.

123

Черные кудри на брови упали,
черные дни извели навсегда.
Ах, да скажите вы этому парню:
я расставаем по горло сыта.

Меленький лук я посею на крыше,
день ли, другой ли — он хочет взойти.
Милого друга ничем не обижу,
день ли, другой ли — он хочет уйти.

Нет, не прибегну я к охам и ахам;
только помедли и не уходи!
Сердце влюбленное, слаще, чем сахар,
кину я под ноги, взяв из груди.

Здесь меня создал аллах всемогущий,
ну а тебя — на другом берегу,
и разделил нас рекою бегущей,
так что попасть я к тебе не могу.

С общей бедой мы повенчаны двое,
смотрим и тянемся, встав на носок.
Так и стоим над текущей водою:
что ни промолвим — река унесет!

Узки дороженьки до Намангана,
плачу — любимого не отыщу.
Дар этот — жизнь, что меня допекала —
можете взять:

чистоганом плачу!

Тысяча лет той арче, что на круче.
Ветку согнешь ли — могучий закал!..
Жизнь с нелюбимым — ничуть ты не лучше
блесток поддельных,
что лепит заргар.

Только коснешься — и всю заколотит!..
Ах, пожалей меня, я молода,
и не кидай в этот черный колодец,
если нам вместе не быть никогда.

Где ты, кольцо мое? В Араван-сае.
Поздно любимый гуляет в ночи...
Пусть он пришел бы с шальными глазами —
я б засчитала кольцо в суюнчи!

В Араван-сай уронила платочек,
где мой желанный и с кем он в ночи?..
Лишь бы увидеть те томные очи —
я б засчитала платок в суюнчи!

Уголь бровей ты не смоешь водою.
Чище тебя — отыщу ли я цвет?..
Если же чудо найдется такое —
разве садовник продаст его?

Нет...

Вижу лицо твое — шурюсь от света.
Всем твоя прелесть мила, как луна.
Платье атласное черного цвета
шею белейшую кажет сполна...

Зубы твои — словно низка жемчужин.
Взгляд твой волшебный в себе затаю...
Мать ли тебя родила,
или вчуже
создали гурией в горнем раю?

124. Я ПО УЛИЦЕ ШЛА

Я по улице шла, ты мне яблоко дал —
выбрал то, что как щеки мои, угадал.

— Ах, румяная,
дивная прелесть-краса!
Ты как пьяная:
смотришь — не видят глаза.
Словно птица, беспечна,
не хмуришь чело...
Ведь не можешь ты вечно
не знать ничего?
Не ходи ты у речки, волос там не мой,
а не то не вернешься однажды домой.
Неужели не знаешь,
певунья без крыл,
что отец тебя замуж
тайком сговорил?..

— И не знаю того я, и знать не хочу.
Не возьмут меня силой — из рук улечу!
А кто сватать придет, я того засмею,
и свободу на мужа вовек не сменю!

125. ШЕЛКОВАЯ КОСА

Очарован шелковой косой
и ушком с рубиновой серьгой,
тем, как взор ты кинула косой,
несравненно двинула рукою;
лебединой шейкой без прикрас,
дивным светом этих черных глаз,
формой этих век миндалевидных.
Позови, вели — и в тот же час
грудь я рассеку и сердце выну!..

Перед лучшей розой в цветнике
я стою невежей незнакомым,
в стареньком халате налегке,
а за ухом — веточка райхона.

И тебя боюсь окликнуть вдруг,
и спросить стесняюсь у подруг...

126. БЕДНЫЙ АРБАКЕШ

Все в шелках — ходи, глазами ешь!
Я одна невидима для глаза:
мой любимый — бедный арбакеш —
мне купить не может ханатласа.

Я уж с ним и ссорилась не раз,
только вижу — это безнадежно.
Если захотела ханатлас —
не ищи другого арбакеша...

127. ЕСЛИ ЛЮБИТЬ

Не приучай меня к саду, что тешит
тучей цветов — и обманет на деле.
Не приучай меня к жаркой надежде,
чтобы потом я ждала по неделе.

Если ж проходишь по улице, милый,
вспомни дорогу и к нашим воротам:
есть у нас яблоки — те, что затмили
щечек фальшивых пожар приворотный.

Если вода — так была бы прозрачна,
если б текла — наполняла арычки.
Если любить — пусть бы договор брачный
сладкие наши скрепил бы привычки...

128. ПОЮ ЛАПАР

Буду петь лапар, а вот кому — не знаю...
Люди не поймут — беда невелика.
Но огнем обиды жарко запылаю,
если не откликнется мирза-ака!

129. ХОТЬ ВО СНЕ ПРИСНИСЬ

Ах, ты мне хоть во сне приснишь,
хоть промелькни, как тень,—
видишь, тень от твоих ресниц
затмила мне белый день.

Ах, твой взгляд покорял меня,
твой наряд покорял меня.
О, недоступный губ коралл —
он тоской покарал меня!

Ах, ты мне хоть во сне приснишь
взмахом твоих ресниц...

Тоской покаран, я пью вино,
бокал за бокалом я пью вино,
ах, это только твоя вина —
то, что я столько пью вина!

Ах, ты мне хоть во сне приснишь,
хоть промелькни, как тень,—
видишь, тень от твоих ресниц
затмила мне белый день...

130. БЕЛАЯ ЮРТА

Я влезла наверх, подо мной шах-тута,
казалось бы, что мне — привольно, уютно.
А я всё гляжу неотрывно туда,
где парня высокого высится юрта.

Та белая юрта внутри хороша,
подобна луне близ нее молодуха.
Увижу бешик — замирает душа! —
а в нем и младенец, спеленатый туго.

Ах, зря убираю я пряди с виска,
что было — сгорело и стало золою!..
Но этот младенец лежит, как звезда,
и — красное яблоко у изголовья.

Мне красного яблока не откусить,
на нем не оставить привычную мету.
Чем горечь в себе безысходно носить —
уж лучше зимою отправиться в Мекку!

Пила я, пила из того родника,
да и не заметила, как опьянела...
Подружки ушли, надо мной — облака,
да склоны холма, да холодное небо.

131. ЧТО ГЛЯДИТЕ?

— Что, ака, глядите на меня —
или сравниваете с луною?

Я ведь тут не провела и дня —
не успели ж вы плениться мною!
Может, вам случайно наплели,
будто я знатна или богата?..

— Ты дороже серебра и злата —
ты прекрасна, как сама Лейли!
От тебя мне ничего не надо —
только взгляда, радостного взгляда,
что горит,
как свет для всей земли...

132. ЧЕРНОКОСАЯ КРАСА

Слушай, чернокошая краса,
быть нам вместе, вижу по всему я!
Если ты не отведешь глаза—
у бровей твоих перезимую.

Посредине солнечного дня
подойду к тебе и стану справа,
только бы не спорила родня,
свадьбу нам готовила исправно.

И пойдем мы в яблоневый сад,
и схвачу тебя, как полный кубок,
буду пить горящие глаза
и откусывать от сладких губок...

136. СУДИЛ МНЕ БОГ

Ваш айван глядит на восход,
и весна оцепила площадь.
Я ли гордый?.. Наоборот:
нет влюбленных
скромней и проще.

И спешу я на твой порог
не по воле хитрости женской —
просто знаю: судил мне бог
оказаться твоею жертвой.

137. АХ, ВЫ, ГОРЫ

Ах, вы, горы под шапкой седою,
не вернуться домой чужаку.
Но его вспоминают дома,
я ж —
один в своем доме живу...

138. ДОРОГА В ТАШКЕНТ

На Ташкент дорога камениста,
ведь недаром он зовется «Таш».
Из стекла на девушках мониста,
на обед готовят только маш.

И пока идешь туда —
чем дале,
тем грустнее музыка в ушах.
И Анар, что вы вчера видали,
просто слезы спрятала — ушла.

139. ПРИНАДЛЕЖИШЬ ДРУГОМУ

На оленя, что на круче горной,
как же я накину свой аркан?
Если ты принадлежишь другому —
как тебе я жизнь свою отдам?

Мне бы в праздник умереть досталось —
чтоб, как понесут, стоял народ:
мать бы в доме не одна осталась,
смертным криком разодравши рот.

140. ГЛЯНУ В НЕБО

Гляну в небо — светом свод окутан,
облачков белеющих не счесть.
И небесный изукрашен купол,
словно небывалая мечеть.

Всю тебя я вижу, молодую,
только как приблизиться, посметь?..
Нынче вечером к тебе приду я,
пусть за это
и приму я смерть.

141. АХ, РОЗОВЫЙ БУТОН

Ах, бутон, ах, розовый бутон,
что ж меня ты опаляешь жаром?
Прикоснешься молча — и потом
прочь спешишь, во мне оставив жало.

Ах, бутон, ах, розовый бутон,
что ж ты прячешь розы легкокрылость?
Посидела б рядом — а потом
цветом на глазах моих раскрылась!..

142. ЯБЛОЧКО

Яблочко румяное
я подбросил вверх —
только на меня она
не поднимет век.

Яблочко румяное
больше не поймать...
Вышла б за меня она —
не позволит мать.

Эх, сизоворонка,
старая воровка,
что ж не вижу я бочка
румяного яблочка?

Всюду нам помехи,
пламя да зола!..
А девушка — из Мекки,
звать ее — Зухра...

143

Старый дед завяжет узел туго,
подоит корову молодуха,
чуть я в шутку протяну к ней руку —
оборвет сердито: «Чтоб ты сдох!»

На холме, высоко, дом построю,
плотной обведу его стеною.
Из дому ты выйдешь за водою —
испущу влюбленный сладкий вздох...

144. НАВСЕГДА

— Когда ты подошел к моим воротам,
чего ж не вышла я и не вздохнула?
Так близко был: протянешь руки — вот он! —
да не решилась, рук не протянула.

Теперь ушел, уехал ты далеко,
не шлешь вестей оттуда, мне сказали.
И вот сижу и плачу у порога,
и плачу я кровавыми слезами.

— Когда я подходил к твоим воротам,
услышал голос твоего дутара.
Но ты горда была — река без брода! —
и сердце сжалось, сплавилось от жара.

Теперь ушел, уехал я далеко,
об отчем крае знаю по рассказам.
И снится мне обратная дорога,
да путь назад мне навсегда заказан.

145. ПЬЮ Я ВОДУ

Пью я воду, за касой каса — и
не утишу жар в себе самой.
Каждый миг к дверям бегу, босая —
кто там ходит, не любимый мой?

Что ж не умерла я в час тот самый,
как на свет пришла в родном краю?
Я б теперь на берегах Кавсара
с гуриями тешилась в раю...

146

По дороге в милый твой Кашгар
люди вслед спешат, как журавли.
За понюшку каждый отшагал
чуть не с самого конца земли.

Нет уж, брат, понюшку табаку
и в другом бы месте я нашел.
А вот по обманщице тоску
вылечу не песней — так ножом.

«Обо мне он полон был забот,
он ушел — да нежность не ушла.
Вспомнит кто когда-нибудь, как тот,
про мои заботы и дела?»

Голову отсюда унесу,
в двух руках — по камню, в двух очах —
по слезе, непролитой внизу,
где остался дом мой и очаг.

Как умру и лягу под травой,
милая, ты мимо проходи:
ветер от подола твоего
отзовется радостью в груди.

147. ТОНОК СТАН ТВОЙ

Брови ты нарисовала усмой,
что растет у сада на краю.
Стан свой препоясала тесьмой —
стан твой, что у неба я молю.

О, как тонок твой, сестрица, стан!

Белый мой нехолощенный конь
тихо переходит через сай.
А румянец у тебя такой —
хоть бери и яблоком бросай!

Жарок цвет твоих, сестрица, щек!

Горькие у яблони листки,
сладкий чай сварить из них нельзя.
Оба мы с тобою бедняки,
черноглазая, возьми в друзья!

О, как тонок твой, сестрица, стан!

Белый конь катался по земле,
дорогую сбрую повредил.
Рассказать хотел я о себе —
горький вздох слова опередил...

Жарок цвет твоих, сестрица, щек!

Птица я: пустите — полетит.
А в неволе я лишусь пера.
Купите — жалейте ваших птиц,
жизнь, она дороже серебра.

Ах, как тонок твой, сестрица, стан!

Вот какая жизнь была б сладка —
родинкою меж твоих бровей!..
Сына ты не родила пока —
и чужих не жалко сыновей...

Жарок цвет твоих, сестрица, щек!

148. НЕ ТАИСЬ

Ее новое платье из бязи —
не луна ли на нем, не луна?
Мы подругами не были разве —
что же нынче таится она?

Поделись, о подружка, со мною —
всё равно я пойму по глазам,
для чего ты рядишься луною
и спешишь, что ни день, на базар.

Шлет цветы не подруга подруге —
и приветы через соловья...
Соловьиную песню в округе
так и ловишь, подруга моя!

Твои волосы — цвета сунбула,
и в очах твоих — нежный вопрос,
и в речах твоих, полных сумбура,—
аромат расцветающих роз.

149. Я ПОСВАТАЮСЬ НАКОНЕЦ

Нынче кончу расчеты с баем,
погоною вдоль сая овец,
сваху кликну, все посчитаем —
и посватаюсь, наконец.

Я тайком в его сад не лазил,
не сгубил овцу ни одну.
Только дал бы мне бай согласие!..
Нет — в ночи его дочь умыкну.

Так нежна она белым ликом,
носит сорок девичьих кос.
Я ее девчоночкой кликал,
розы ей на рассветах нес.

И одно меня мучит малость,
словно сердце сдвинул правей:
что не так вчера улыбалась,
не распахивала бровей...

150. НАВСЕГДА ПОЛЮБИЛ Я МИЛУЮ

Уходил я отсюда в полдень.
Расплетала свою косу.
Был твой лик, как туман, бесплотен,
и любви — ни в одном глазу.

А меня аллах не помиловал,
разлюбить тебя — нету сил!
Навсегда полюбил я милую,
черноглазую полюбил...

Уходил я отсюда в сумерках —
и опять не глянула вслед.
И казалось мне: лучше б умер я,
лучше б я оглох и ослеп!..
Ибо дни миновали мирные,
всё безжалостней в сердце пыл!
Навсегда полюбил я милую,
черноглазую полюбил...

Назову тебя черноглазой —
сразу долу опустишь взгляд.
Обрываются речи сразу,
хоть молчать я совсем не рад.
Если хочешь ты — жизнь возьми мою,
но забыть тебя — свыше сил!
Навсегда полюбил я милую,
черноглазую полюбил...

Назову тебя черноглазой —
убегаешь куда-то прочь,
и опять я стою безгласный,
даже двинуться мне невмочь.
И беда моя, нет, не минула,
жар мучительнее, чем был.
Навсегда полюбил я милую,
черноглазую полюбил!

Мне отсюда бы до рассвета
уходить, да не так, не так —
а с цветами, что словно свечи,
с поцелуями натошак.
Что ж аллах меня не помиловал,
не пожаловал, погубил?
Навсегда полюбил я милую,
черноглазую полюбил!

Ах, не прячь ты от взгляда взгляда,
ты ж глаза подвела сурьмой,
и не мучай меня, не надо,
будет тошно потом самой.

И не стой с той холодной миною,
словно весь тебе мир не мил.
Навсегда полюбил я милую,
черноглазую полюбил!

Тебе выехать на прогулку
да коня отпустить домой:
жарких губ, жарких рук науку
постигала бы ты со мной.
Мою душу себе возьми, молю,
я бы дешево уступил!
Навсегда полюбил я милую,
черноглазую полюбил...

Приношу я цветы охапками,
хоть взглянуть соблаговоли.
Прикажи — и руками хваткими
строну звезды, чтоб вниз сошли.
Дай аллах тебе радость мирную,
я о ней уже позабыл.
Навсегда полюбил я милую,
черноглазую полюбил!..

Когда вижу — мой ум туманится,
когда слышу — теряю слух...
И смотрю на тебя, как пьяница,
что вином помрачает дух!
Если б мог хладнокровно мимо я
прошагать — да не хватит сил...
Навсегда полюбил я милую,
черноглазую полюбил.

Коротка твоя безрукавочка,
ты б накинула мой чапан.
Те будь прокляты, кому кажется,
будто я тебе — не чета!
Ах, аллах бы меня помиловал,
заронил тебе в сердце пыл...
Навсегда полюбил я милую,
черноглазую полюбил!

Всё гляжу я в щель да в щель,
 всё таюсь, простоволоса.
 Но красе уступят чьей
 смоляные мои косы?
 И, смотри иль не смотри,
 а всегда для взора внове
 соколиные мои
 нарисованные брови.
 Увези меня ты вдаль,
 что б соседи ни сказали,
 и возьми да и продай
 на любом любви базаре!
 А не купят — будь со мной,
 пока обок люд теснится,
 и убей меня стрелой
 из любой твоей ресницы...

152. РОДНЯ

Рвали белый виноград,
 виноград срывали черный,
 кто чья дочь, а кто чей брат —
 выясняли так упорно.

Нацедили соку в таз,
 переполнили посуду.
 Кто чей родственник — у нас
 всем известно и повсюду!

Чья сестра, чей сын родной,
 выясняли заодно — и
 парень с девушкой одной
 вышли близкою роднею...

153

Ваш дом — я помню — где река.
 Мне видится ваш облик светлый,
 хоть не понять издалека:
 в шелк или в ситец вы одеты.

Я это помню неспроста,
хоть вы меня давно забыли.
Ах, неужели лучше — та,
что выбрали вы, полюбили?

154. НЕВЕСТА

Эх, невеста! Глядеть не велено...
Дрожат волосы на ветру.
На верблюде, ступавшем медленно,
увезли тебя поутру.
Красота твоя нам светила,
зло смиряла твоя душа.
Хоть с ума ты всех нас сводила —
жаль, невеста, что ты ушла.

А ведь всё мне так ясно помнится:
шла с кувшином, накинув шаль;
я смотрел, как кувшин твой полнится —
было взор отвести мне жаль.
Вот ты двинешься, повернешься,
вспять отправишься, не спеша —
и насытишь душу немножко...
Жаль, невеста, что ты ушла!

Когда сон расставлял мне сети —
ты мне снилась блаженно так...
Просыпался я на рассвете —
снова видел тебя в мечтах!
Стан твой тонкий, весь облик ладный,
грудь под платьем, что так нежна...
И вздыхал по тебе я сладко!
Жаль, невеста, что ты ушла...

И теперь мои грезы — эти ж,
так же смех твой звучит в ушах...
А верблюд, на котором едешь, —
от обрыва всего на шаг!
Я спасу, сотворю я чудо —
пусть погибнет моя душа!..
И вздыхаю я с горьким чувством —
жаль, невеста, что ты ушла.

Пусть цветы бы путь покрывали
необъятным своим ковром
там, где едешь ты в караване,
что нагружен чужим добром.
Ну, хоть раз бы перехватила
взгляд мой робкий исподтишка!..
И вздыхаю, вздыхаю тихо:
жаль, невеста, что ты ушла.

По дороге твоих скитаний,
по весенним краям земли,
что встречали тебя цветами —
сотни тысяч мужчин прошли.
В благодарных этих пределах,
столь довольных своей судьбой,
всё, на что только поглядела —
возгордилось потом собой.
За горами и за степями
дали ждут тебя, не дыша.
В горе край, где ты не ступала —
не дождется, чтобы пришла...
Жаль, невеста, что ты ушла.

155. ЯБЛОК Я ПРИНЕС

Яблок я принес в твой белый дом —
не считал их, четные, нечетные.
Ты передо мною за столом —
лицо белое, а брови черные.

Никогда, всерьез или шутя,
никакого зла тебе не сделаю.
Не подам я горького питья
той, чьи брови — чернь, а лицо белое!

156. ВОЙДУ

Дувал ваш проломан —
войти или нет?..
Мне нужен твой локон:
сплести амулет!

Сомнения на кой нам?
По байскому саду
пройду я спокойно —
пройду я и сяду!

Ни бай и ни стража
среди белого дня —
никто мне не страшен:
ты любишь меня!

Хоть не было звука —
становится слышен.
Твой голос, подруга,
всё ближе и ближе...

157. ЯЛЛА

Ялла, ялла, ялла,
я бедный чужестранец!
Любовь меня прожгла,
а равнодушие ранит.
Ни дома, ни угла нет,
грустны мои дела.
Ты ж — роза, что не вянет,
бровей густая мгла
не блекнет, не обманет,
ялла, ялла, ялла!

В лохмотья не одет —
а все же нищий дервиш.
Как жребий мой разделишь,
поймет ли твой отец?
Иль только гневно глянет,
как будто взором ранит,
прогонит наконец?..
Зачем нас жизнь свела!
Ты — роза, что не вянет,
мне ж чужды блеск и глянец:
я бедный чужестранец,
ялла, ялла, ялла...

158. НЕ ЗНАЮ

У тебя я не был во дворе
и не видел твоего айвана,
и узоров дивных на крыльце,
и столбов с резьбою деревянной.

Я сижу один среди камней,
летний ветер — в сумерках свежее.
Хоть и знаю — выйдешь ты ко мне,
да не знаю твоего решенья...

159. БУДЬ ЛЮБИМАЯ У МЕНЯ

Будь любимая у меня,
черноброва и длиннокоса,
и — придешь ли к исходу дня —
никогда б не смотрела косо;

не забыла «хорманг» сказать,
не жалела нежного слова,
на железную бы кровать
постелила матрас пуховый;

будь любимая у меня,
да ждала б, натянув платочек —
никогда б я к исходу дня
не боялся тоскливой ночи.

160. ПРИШЕЛ ВЗГЛЯНУТЬ

Пришел взглянуть на милую мою,
с покорностью внимать твоим приказам.
А ежели ты сердисься, молю:
позволь твой гнев умилоствовать разом.

Открыт мой ум, душа моя чиста,
и заслужила страсть моя в разлуке
увидеть вновь медовые уста,
тугих бровей нацеленные луки.

Ты передай поклонников толпе:
явился я с необычайным торгом —
пожаловал

        продать себя тебе,
хоть собственной цены не знаю толком.

Добавь еще, что плату я возьму,
хоть голоден, не приглашеньем к тою:
позволь свою мне лицезреть весну —
и буду сыт твоею красотю.

Скажи им всем, кто жаждет губ твоих:
пришел я лечь у твоего порога,
а места там не хватит на двоих,
хоть самому и надо мне немного...

Я стал покорен, хоть и был упрям.
Был осторожен — а кидаюсь в пламя.
Былой храбрец — своих не чую прав,
в огне твоих очей
        решимость плавя.

Так помоги: задача так проста!
Я жалкую не одолею робость,
не перебросив через эту пропасть
двух наших рук
        единого моста...

161. АХ, ТЕТУШКИ

Ах, тетушки, милые тетушки,
дороги размокли в дожде.
Любимый ко мне не придет уже
и сердце оставит в беде.

Я платье нарядное скинула,
противна себе я сама.
Скорей бы уж солнышко сгнуло,
нахлынула черная тьма.

Ах, косы вы, косы до пояса,
Я вас развила, распрягла.
И речка, когда переполнится,
затопит свои берега.

Судьба за разлуку ответчица!..
Но нету свиданью цены,
когда разлученные встретятся,
как две половинки луны.

162. БУДУ ЖДАТЬ ОТВЕТА

Я к тебе явился издалика —
у кудрей твоих побыть в тени.
Ты идешь — и стелется дорога
под твои легчайшие ступни.

Не словами клятвы наши скрепим.
Гляну я и миру расскажу,
почему не гневаются гребень
на твою густейшую косу.

Издали я вижу лоб твой гладкий,
стройный стан, одежды нежный цвет,
двух сережек тонкие облатки,
на запястье золотой браслет.

Видишь ли, как твой легчайший локон
тень рассек тяжелую мою?
Я тебе явился издалика —
а в твоём-то чтут тебя краю?

Ты должна б на тое веселиться,
в середине дивного ковра,
во дворце высоком поселиться,
есть из золота и серебра...

Что ж тебе всё это незнакомо?
Не возносишь гордого чела?..
В сумерках стоял вчера у дома —
почему не вышла ты вчера?

Где велишь, там затаюсь бесследно,
поверну на шее амулет.
Встану там — и буду ждать ответа
от твоих миндалевидных век.

163. КАК ПРОЖИТЬ БЕЗ ТЕБЯ

У желтой шали, что ты подарил,
висят свободно шелковые кисти.
Шаль подарил — а сердце отдалил,
и руки мои бедные повисли.

Нелюбящих объятья холодны —
застыла в них, согреться не сумела.
Всё высветил холодный свет луны,
да высказать тебе я не посмела.

Жалеть о прошлом, говорят, нельзя,
но пусть обиду я в себе укрою —
не надвигай папаху на глаза
и не считай любовь мою игрою.

За домом у тебя инжирный сад:
как ни приду — он вечно на запоре.
Грудь застужу, толкаясь у оград,
но сон тебе дороже всех услад,
а может быть, смешно девичье горе.

Меня когда-то, где-то встретишь ты —
пустые речи запаси на случай.
Ты посадил красивые цветы,
а выросли корявые колючки.

Внутри огонь, и жажды не избыть
молитвами и средствами любими.
Я только девушка, и как мне быть,
где — и зачем искать тебя, любимый?

Возьму ведро и по воду пойду,
там робкий парень с шутками слепыми.
Не до тебя, попала я в беду!..
Ах, где я, где найду тебя, любимый?

Прочь, дурачок, мешаешь мне пройти,
а я полна тоски неистребимой.
Хоть, может быть, умру я на пути —
но как, скажи, к тебе идти, любимый?

Мой путь — позор, страданья и хулы,
а этот мир — кабак неколебимый:
суды — неправедны, и злы муллы...
Как тут прожить мне без тебя, любимый?

164. РОЗУ НЕ СРЕЖЕШЬ

Розу не срежешь — она не завянет.
И на кусте оставлять не с руки!..
В ваши края чужестранцев не манит:
дождь ли по стенам у вас барабанит,
слезы ль бегут да не сохнут платки?

Выйти ль, не выйи мне к байскому саду?
Я у ворот в ожидании сяду.
Локон ты срежешь — тумар я сплету.
Этот тумар я надену не даром:
коль посчастливится — этим тумаром
я заарканю твою красоту!

Волосьяная волшебная нитка!..
Чернь твоих кос на земле знаменита.
Вот тебе яблоко, спрячь на груди.
Память твоя бы да не обнищала,
и не забыла б ты, как обещала
помнить и вечную верность блюсти.

165. НА ВЕРШИНАХ ГОР ЗЕЛЕННЫХ

На вершинах этих гор зеленых,
где с тобой встречались мы не раз,
бегает, резвится олененок,
смотрит чернью
материнских глаз.

166. Я УВИДЕЛ ТЕБЯ

На вершинах холмов и ячень уже кажет колосья,
и на склонах холмов узелки завязала лоза.
Я увидел тебя — и глаза застилают мне слезы,
за слезою слеза, за слезою слеза...

Нелегко попасть на твой порог,
но стократ трудней уйти оттуда.
Не затем и жизнь ли дал мне бог,
чтоб увидеть мог
такое чудо?

Рок судил мне этот горький путь,
эту боль мне ниспослали свыше.
Жизнь отдам за то, чтобы взглянуть,
только как
потом тебя увижу?

Я б отвернулся от тебя
и, распростясь с казнящей болью,
стал жить бы дальше, не любя...
Но как мне быть
с моей любовью?

Она приказывать вольна,
и, подождав минуту, две ли,—
не я иду, она, она
ведет меня к знакомой двери!..

Этот мир — сокровище вселенной,
только блеск
укрыт от наших глаз.
Манит роза статью несравненной,
а шипы — невидимы для нас.

Платье милой, из тончайших нитей,
кажется прозрачным, как вода.
Нити же — как долго ни глядите —
вы не различите никогда...

Как ни строптив твой жеребец буланный,
любовью —

укрощается любой.

Вот так и ты: как ни горда была ты,
пришла послушать про мою любовь.

Что за число ты надвое разделишь:
моих заплат —

или палат твоих?..

Царица ты, а я бездомный дервиш —
одна любовь дана нам на двоих.

Я отдал рубище в залог —
пусть весел буду, хоть и наг!

Вина янтарного глоток
превыше мудрости и благ.

И ты, красавица, и ты —
душа в плену твоём давно.

От зла холодной красоты
спасет вино, одно вино...

173. ИНОЙ ПУТЬ

В любом саду есть яблоня, гранат.
В любой душе есть место для любви.
Лишь я судьбой из общих пут изъят —
мои пути иначе пролегли.

Но всё мне мнится: роза есть в саду,
какой никто доньше не нашел,
и я в тот сад когда-нибудь сойду
и срежу розу золотым ножом...

174. АНАР-ХОН

Ты «Иди!» велела — я и шел,
«На коня!» — и ехал я верхом.
Весь объездил этот мир большой —
а теперь вернулся, Анар-хон.

Бровь твоя чернее, чем сурьма.
Кровь моя — огонь, и в горле — ком.
Если б ощутила ты сама,
что со мной творится, Анар-хон!..

Запевает песню бедана,
льются звуки в небо прямиком.
Родинка твоей губе дана,
мне — любовь досталась, Анар-хон...

175

Кружу вокруг твоей красоты,
что над землей вознесена.
В ночные горькие часы
во тьме разлук схожу с ума.

Я пьян от страсти, и пусты
все лица, улицы,

пока
сияньем не поманишь ты,
как маленького мотылька.

Я мотылек твоей свечи,
лечу, отчаяньем влеком,
пока в безрадостной ночи
и впрямь не стану мотыльком...

176

Я бы жил на земле, не сетуя,
одаренный навек судьбой,
если б раз только сел, беседа,
за один дастархан с тобой.

Был бы рад умереть без имени
и в счастливом сгореть пылу,
если б ты меня, если б ты меня
отличила на том пиру...

177

Быть бы рядом — хоть нищим, хоть в рубище,
без ответа, надежд на успех...
Только всех — ненавидящих, любящих —
всех ты разом покинула,
всех!..

178. НЕ ЛГИ

Всечасно ты мукам меня предаешь,
другому — ты имя друга даешь.
Ты братом меня издалика зовешь,
а рядом глаза говорят твои: «Ложь!»
Кокетства тут горы, любви — ни на грош!

Не пробуй же лгать мне, не шурь этот взор,
нельзя ни понять, ни принять этот вздор,
не надо сплетать этот сложный узор,
мне ложь неприятней, чем самый позор!
Кокетства тут горы, где свет из-за гор?

179—206. Л А П А Р Ы

1

Жду беседы.
К тебе еду,
мчусь, как на улаке,
словно, выхватив победу,
вырвался из драки.

Я измучился в разлуке,
а тебя нигде нет!
Но не связывай мне руки,
тих я, как младенец...

130

По камням Ангрена смело
нога не ступала.
Ростом мал я — не сумел я
одолееть дувала.

Под вечер увижу где-то,
как идешь к колодцу —
и до самого рассвета
больно сердце бьется.

Над водою куст миндальный.
Нов чапан и плотен.
Доберусь в аул твой дальний
разве что за полдень.

Перееду вашу речку,
выбежишь со смехом,
схватишь лошадь за уздечку:
«Бедный мой приехал...»

Мной не выпит и глоточек,
а вроде напился:
увидал я — твой платочек
на ветру забился...

Так отцу и не сказали —
вдруг откажет, гордый! —
хоть слова во рту дрожали,
клокотали в горле...

В Бухаре-то — минареты,
сосчитай, как выйдешь!
Голову заломит — света
белого не взвидишь.

Когда время его минет —
во прах не ложись ты:
тебя этот кураmineц
не ценил при жизни.

6

В саду милой росли талы,
а теперь не стало.
Вдоль по улице, усталый,
пастух гонит стадо.

Пока можешь — живи, смейся,
развлекайся с милой.
Потом всё уступит место
савану с могилой.

7

В твоём маленьком ауле,
у подножья снежных гор,
сами ноги так шагнули —
привели к тебе во двор.

Мы — простые хандаляшки,
ты же — дыня, сладкий мяч.
Приюти нас, где послаще —
и за пазуху упрячь!

8

Ростом ты — верблюдо казахский!
Бровь — чернее, чем казан.
Чем сперва ты показался —
тем себя не показал.

Две щеки — аллах всевышний! —
каждая почти с арбуз.
Зато сам — кислее вишни,
как попробуешь на вкус...

И опять со мной такое:
кажется, задень рука —
твое платьице тугое
разорвется до пупка!

Не сиди со мною рядом,
не подмигивай судьбе.
Всем во мне — душой, и взглядом,
и рукой — тянусь к тебе.

У узбека, говорю я,
всё уместится в арбу!..
Ты поехал, не горюя,
всё привез не на горбу.

Мне ж — письмишко из Ташкента..
Чем, скажи, воздам тебе?
Столько радости и света
ты доставил на арбе!

Пускай сторож неусыпен —
подойди и рядом сядь.
А уж яблоч сам насыпет
старый яблоневый сад.

Ты не бойся здесь усесться —
не расквасишься потом.
И уж коль открыто сердце —
подыми с лица платок!

Я сказал, что ваши щеки —
два румяных хлебца.
Ах, ошибся я в расчете —
всё теперь не клеится...

Говорят мне ваши братья:
гложет вас обида.
Как же всё вернуть обратно,
к сердцу — как я выйду?..

13

Передай приветы наши,
чуть домчишь к отцу коня
и отец его привяжет
прямо в поле ячменя.

А меня-то выгнал: «Больше
здесь вовек не появись!»
И осталось, боже, боже,
только землю эту грызть...

14

Саженец у сая посадила,
полила горючею слезой.
Вымахал мой саженец на диво,
зашумел могучею листвою.

Далеко от горести до счастья,
а обратно — так подать рукой...
Вихорь неожиданный примчался,
погубил
дубок мой дорогой!

15

Всё я испытала, кроме смерти,
сосчитать — так жизни выйдет две!
Горестей, что знала я на свете,
больше, чем волос на голове.

Отчего ж судьба моя такая,
что несчастья тянутся ко мне?..
От беды пешком я убегаю —
догоняет на лихом коне.

134

Над твоим дувалом крик вороний.
 Выну я стрелу — ворону сбить.
 Я при людях — словно посторонний.
 Разве это грех — тебя любить?

Я ведь и не месяц и не солнце —
 без конца смотреть на твой порог,
 и не сай, что без конца несется,
 оставаясь у твоих ворот.

Знаю, что и лжив ты, и порочен,
 только я перед тобой слаба:
 у кого еще такие очи
 и такие сладкие слова?

Может, я б себя переломила,
 только сердце ранено насквозь.
 Я тебя бы проклинала, милый,
 да ведь ночью нынче — ты мой гость...

Все сады у нас сгубило селем.
 Мы идем за тутовой листвою.
 Шелкопрядам стелем ее, стелем,
 чтобы шелк выкармливали свой...

Некогда заплесть тугие пряди.
 Мама, мама, нету больше сил!
 Хоть бы сдохли эти шелкопряды —
 из-за них и милый разлюбил.

Все сады сгубило нынче селем,
 и цветы сгубило, и траву.
 Песни я забыла и веселье —
 только встречей будущей живу.

А как встречу — перехватит горло:
плох, хорош ли — уж такой мне дан!
В рубище — а держится так гордо,
словно сам провидец Сулейман...

20

Ты не стой, не жди часами случая,
чтобы проводить меня домой,
кос моих на пальцы не накручивай,
не клонись так жалко предо мной.

Ты не думай, вовсе я не гордая,
и свои не путаю следы,
попросту — сама люблю другого я,
попусту сгораю от любви.

21

Нрав ершистый я свой не пригладила —
что прошло, того не вороши! —
и развесила на перекладине
свои волосы в сорок аршин.

Никогда б я с тобой не поладила,
и не буду вовек за тобой...
Я б повесилась на перекладине,
если б стала твоею рабой!

22

Человек на углу показался.
Я стояла тихонько, какмышь.
Вдруг платок у него развязался —
и посыпался наземь кишмиш.

Наклонилась я было помочь ему —
не глядела, не подняла век.
Только слышу — стоит и хохочет он,
заливается человек!

Сколько дней дожди всё лили, лили,
уж пора бы кончиться, пройти.
Улица твоя — в размокшей глине,
до конца не хочется идти.

Засмеешься — и глаза как шелки!
И лицом похожа ты на мать...
В родинках сплошных у тебя щеки —
не отыщешь, где поцеловать.

На рассвете красит листья солнце.
Выбегаю, голову сломя.
На рассвете соловей проснется —
чем, скажи, я хуже соловья?

Если счастлив — все дела не к спеху:
подождет хозяйство и базар...
А Камбар уехал и приехал —
ни «прощай», ни «здравствуй» не сказал!

У меня есть ткацкий стан и прялка,
у меня есть кошка и амбар.
Завести бы мужа для порядка —
чем не муж, к примеру, Хашим-бай!

Он бы ласкою меня окутал —
прокормлюсь-то и своим трудом!
Крыша — есть, а вот над крышей купол
приобрел бы мой невзрачный дом!

Поднимусь-ка лучше я на крышу.
Не тяни — распорется подол!
И не трогай за косички, слышишь?..
А не то тумар мой упадет.

Что глядишь то жалостно, то косо?
Кое-что еще в запасе есть...
И не попрекай, что жидки косы —
это всё наделала болезнь!

27

Встал мой милый на дувал пахсовый,
месяц встал из зарослей джиды.
Этот вечер светлый нас поссорил:
не далась — боялась я беды!

Нынче он приди — была б согласна!..
Молодая, глупая была
и не ведала, что жизнь без ласки,
жизнь в разлуке — главная беда!..

28

Розу привязала я к запястью.
Сознаюсь, что ты мне мил, мой милый,
но в мужья не годен ты, к несчастью,
не такого у небес просила!

Не горюй, все в жизни утрясется,
снова где-то влюбишься вдали,
хоть в разлуке и пронзает сердце
всемогущая стрела Али...

207. ДЕВУШКА И ЧАБАН

О н а

Пусть не повяну я, как маков цвет,
но сай глубокий, и мне не перейти.
Меня словами не опутать, нет,
не скрыть в тумане то, что впереди
Ведь что пасешь ты — не твое оно!
А женишься — появится семья...
Ты — бедного бедней, и не дано
тебе меня посватать за себя!

Он

Пусть жертвой за тебя я, здесь иль там,
паду —

умру, твою потешив спесь!..

Но я полстада за тебя отдам —
бай далеко, зато ведь я-то — здесь!

Она

И стадом не расплатишься сполна!..
А хоть калым и приняли б такой,
так я рассыплюсь, словно горсть пшена,
что кинута небрежною рукой!

Он

Ну что ж! Я стану клушей...

Взяв цыплят,
пройдусь по полю с ними заодно —
и все мои дела пойдут на лад:
склюю по зернышку твое пшено!

Она

А коли стану ястребом тогда —
по одному схвачу цыплят твоих?

Он

И это, право, тоже не беда:
я стану ловчим, ловким за двоих!
Вот расстелю на этом поле сеть —
и, как ни бейся,
будешь в ней висеть!

Она

Тогда я стану мышью — и внизу
твою любую сеть я прогрызу!
Ну что?.. Подумай, кудри теребя!

Он

Я кошкой стану — да и съем тебя!

Она

А коли кошкой станешь... ну, уж тут
я сделалась бы черной сукой злой!
Догнать ту кошку было б мне не труд —
вот покрутился б ты передо мной!

О н

А я бы стал — огромным рыжим псом!
И не поставит мне никто в вину,
что где-нибудь — за домом, за овсом —
тебя настигну я и подомну!..

О н а

А псом ты станешь... что же, и на пса
управа есть: хозяин, ствол ружья.
Когда б не тем ты делом занялся,
тебя бы разом пристрелила я!

О н

И эту хитрость обойду твою:
будь ты охотник — обращай в змею.
Свернусь в пружину из пяти колец,
ужалю разом —
и тебе конец!

О н а

Ах, скольких ты колец в траве ни свей —
я стану заклинательницей змей.
И будешь ты — как следует усвой! —
вертеть в моей корзине головой...

О н

Драконом стану, в черной пасти — ад!
Вдохну в тебя мой смертоносный яд!

О н а

Ну, будь драконом, сам себе не мил...
Я — Азраилом сделаюсь самим!
Едва задумаю, едва решу —
и жизни тотчас же тебя лишу.

О н

Ну что ж, пускай и будет посему.
Но просчиталась ты в таких делах.
Не подчинюсь я в мире никому:
ты Азраил — тогда я сам аллах!
Что станешь делать?
Всемогущ и благ,
чуть захочу — тебя в свой рай возьму...

208. ДВОЕ ВЛЮБЛЕННЫХ

— Будь ты голубкой над речкой глубокой,
сизого цвета иль белого,
голубем горным я взмыл бы высоко —
что бы ты, милая, делала?

— Я обернулась бы ястребом быстрым,
когти стальные надела бы
и полетела стремительней искры —
что ты, о милый мой, делал бы?

— Я б оказался охотником метким,
зорче, умелей умелого,
в ястреба с этой прицелился ветки —
что бы ты, милая, делала?

— Тут и взаправду задуматься надо...
только я всё же успела бы
спелым в саду обернуться гранатом —
что ты, о милый мой, делал бы?

— Я бы прошелся садовником хитрым —
спелые или неспелые —
все бы с деревьев гранаты похитил —
что бы ты, милая, делала?

— Я б избежала опасности грозной,
уж исхитриться сумела бы:
верхней повисла янтарною гроздью —
что ты, о милый мой, делал бы?

— Я бы осой в полосатом наряде
сел на лозу онемелую,
выпил бы сок из твоих виноградин —
что бы ты, милая, делала?

— Я бы схватила голодную птицей
эту осу очумелую
и не дала бы ей соком упиться —
что ты, о милый мой, делал бы?

— Самым бы ловким из ловчих на свете
птицу словил бы я смелую —
и навсегда залучил тебя в сети...
Что б ты, любимая, делала?

209

Хотел в Андижан —
да поехать не смог.
Хотел полежать —
оказалось, не в срок.
Не лезть бы мне в грязь посредине базара:
теперь вылезая —
не вытащу ног.
Женился на дочери алчного бая —
и вот погибаю,
и всё мне не впрок...

210

Носить я устала —
сняла я платок,
и с веточки тала
упал он в поток.
Сама я тебя, мой единственный милый,
сперва отдалила —
украли потом.
Теперь не поможешь слезами любыми —
ушел мой любимый,
умчался поток...

Танцую всегда я —
 тружусь, не тружусь.
 Танцую, когда и
 на лошадь сажусь.
 Я милую вижу, хоть нет ее рядом,
 а следовать взглядом
 ничуть не стыжусь.
 У милой жены глаза огневые,
 гляжу как впервые —
 и не нагляжусь.

На крыше я села,
 как ветер, легка —
 на крыше, где сено
 да вздох ветерка.
 То сяду, то встану, верчусь неустанно,
 чтоб видели, как же я станом
 тонка!..
 А слишком вам стан мой покажется
 тонок —
 так я же ребенок,
 тринадцать пока...

Хотя тубетейка
 и пестрой была,
 да, всем на потеху,
 уж слишком мала.
 Надену, бывало, — смешков до отвала!
 Пусть вовсе б не стало —
 уж так немила!..
 А нынче она и взаправду пропала —
 и сердце мне сжало...
 Такие дела.

Спешить вам за нею
 не время пока:
 пускай покраснеют
 у яблочка бока.
 Когда они падать начнут — приходите,
 а там приводите
 с собой жениха!
 Когда у ней вырастут косы по пояс —
 уж тут-то, не бойтесь,
 вам будет сноха...

215. ШАХ-ТУТА

К шах-туте я лестницу приставил:
 всюду виснет ягода, грузна.
 А я глянул сверху — и представил,
 до чего же жизнь моя грустна.

Для своих готовы расстаться,
 мне — ни в чем и гроша не скостят!..
 Тяжела ты, доля чужестранца:
 места нет и мясу на костях.

216. ОСТАВЬ

Джигит холостой, да и конь неженатый:
 посмотрит на небо — и ржет, бесноватый!..
 Асаль его нежно ведет в поводу.
 Оставь его, девушка, лучше не надо!
 Зубов берегись и косящего взгляда,
 не то еще — чтоб ему — ввергнет в беду...

217. ВСЕХ ОБМАНУЛ

Я рвался в батыры — и вышел на поле.
 Там все меня били — аж выл я от боли.
 Не стал я батыром, но всех обманул:
 из боя умчался еще до заката,
 добрался к закрытым воротам Коканда
 и старым ножом их легко отомкнул!

218. НЕ ПОЙДУ Я В САЙГУЗАР

Не пойду я в Сайгузар —
там я должен мяснику.
От сапог, что заказал,
откажусь или сбегу.
Как прожить своим трудом,
коль душа едва жива?
Как войти мне к тестю в дом,
если бросила жена?..

219. ТОЛЬКО ЗАЦВЕТЕТ

Вьется снегом яблоневый цвет.
Прогуляться выйду я в саду,
а отец ругается вослед,
у влюбленных яблонь на виду.

Белые дорожки уберем.
Не ругайте же меня, отец:
краток век, что мне определен,
только расцветет — уже конец.

220. БЕДНЫЕ ДЖИГИТЫ

На краю арыка заросли примяты,
крепок запах мяты
на свету, в тени.
Бедные джигиты, те, что не женаты,—
как они ложатся спать одни?

221. ТЕ, ЧТО НЕ ЖЕНЯТСЯ

Тополь машет ветками, как мельница,
а на каждой ветке — ожерелье.
Эй, джигиты, те, что всё не женятся,—
как бы вы без нас не ожирели!

222. ЧТО НУЖНО МОЛОДЦУ?

- Что нужно молодцу?
- Счастливая звезда.
- Что нужно молодцу?
- Друзья, когда беда.
- Друзья, когда беда.
- Друзья нужны всегда.

- Что нужно молодцу?
- Конь, чтоб в пути помог.
- Что нужно молодцу?
- И дочка, и сынок.
- Оружие в борьбе —
- и память по себе.

223. МУТНАЯ ВОДА

Мутная вода, и пусть.
Утка в той воде и гусь.
Я стою невдалеке,
я стою на острове.

Я в кругу, а кто вокруг?
Гусь и утка, враг и друг.
Я хочу, чтоб было так:
друг остался, сгинул враг.

224. НЕ ОТТОГО ЛИ?

Черных косточек больших
в детстве я не грызла вволю.
Сладкозвучность уст моих,
сладость слов не оттого ли?

В детстве для бровей усмы
я не собирала в поле.
Брови у меня прямые
и черны не оттого ли?..

225. НЕТ ЛУЧШЕ ГОРОДА, ЧЕМ ФЕРГАНА

Нет лучше города, чем Фергана.
Хоть там и не бывала я, а хочется.
Нет влаги слаще горького вина.
Его хоть не пивала я, а хочется.

Тебя не увидеть мне, Фергана,
так говорю, хоть я и не пророчица.
И не пивать мне горького вина.
Не суждено нам делать то, что хочется!

226. НА БАЗАР НЕ СХОДИТЬ ЛИ, ДОЧКА?

— На базар не сходить ли, дочка?
Не купить ли тебе платочка?

— Не старайся, отец, не надо,
я платочку не буду рада.

— Побегу покупать я, дочка,
шелк и бархат на платья, дочка.

— Не старайся, отец, не надо,
я и платьям не буду рада.

— Так скажи мне на милость, дочка,
что с тобою случилось, дочка?

— Я любила, а ты не видел;
я просила, а ты не выдал.

Коль должна без любви пропадать я,
для чего мне платки и платья?

227. ЗОЛОТАЯ СТЕНА

Золотая стена, золотая стена,
черной пылью и сажей покрылась она.
Я вторая жена, я вторая жена,
в золотом моем сердце обида черна.

228. Я НЕ НАДЕНУ АТЛАСНОЕ ПЛАТЬЕ

Я не надену атласное платье,
мама моя.
Лучшее платье боюсь разорвать я,
мама моя.

Я за женатого замуж не выйду,
мама моя.
Может и мне причинить он обиду,
мама моя.

Персик к земле наклонился, бедняжка,
мама моя.
Много плодов, и от них ему тяжко,
мама моя.

Вот и мой милый склонился, невесел,
мама моя.
Много он милых на шею повесил,
мама моя.

За старика меня, мама, не сватай,
мама моя.
Моль у него на груди волосатой,
мама моя.

229. КОЛЮЧКА

Ой, колючка малая,
шла и не видала я.
А видала б — не ступала б,
горя бы не знала я.

По велению отца
выхожу я за вдовца.
Плачу я и днем и ночью,
люди, нет на мне лица.

Я спросила у отца:
«Нет вдовы ли для вдовца?
Нет ли для меня, несчастной,
помоложе молодца?»

Вот пошла я за водой,
плачет парень молодой.
Плачет мой джигит любимый,
раненный моей бедой.

Что ж поделывать: мой отец
дочку продал, как купец.
Ты, джигит, со мною не жил,
а уже и сам вдовец!

230. БРОВИ ЧЕРНЫЕ

Брови, брови черные вразлет.
Я не крашу их — и так сойдет.
Без того хватает мне забот.
День мой длинен, словно долгий год.

То, что ем я, — не еда, а яд.
Я иду — кругом кромешный ад.
И похож на саван мой наряд,
да меня могила не берет.

231. МАМОЧКА

— Плачу, плачу я навзрыд,
мамочка.
Голова моя болит,
мамочка.
— Чем помочь тебе, мой свет,
доченька?
Есть лекарство или нет,
доченька?
— Есть лекарство, видит бог,
мамочка.
Называется — платок,
мамочка.
То лекарство мудрецы
не толкут,
а базарные купцы
продают.

— Жизнь моя — кромешный ад,
мамочка.
Ушки у меня болят,
мамочка.
— Чем помочь тебе, мой свет,
доченька?
Есть лекарство или нет,
доченька?
— Есть лекарство, видит бог,
мамочка.
Пара золотых серег,
мамочка.
То лекарство не мудрец
в ступе трет,
в лавке ювелир-купец
продает.

— Жжет глаза мои слеза,
мамочка.
Пропадут мои глаза,
мамочка.
— Чем помочь тебе, мой свет,
доченька?
Есть лекарство или нет,
доченька?
— Есть, ты знаешь и сама,
мамочка.
Называется — сурьма,
мамочка.
То лекарство мудрецы
достают,
а заезжие купцы
продают.

232. КОЛЬ УЙДУ

Коль уйду в пустынные края,
в чьих сердцах оставлю память я?
Вспомнят обо мне враги со злобой,
с грустью вспомнят обо мне друзья.

Сад развесил свой зеленый шелк.
Мертвый ствол — как путник безлошадный.
Что нам делать, ежели пришел
смерти неотвязчивый глашатай?

Бесполезно прятаться в саду —
он тебя отыщет и за садом.
Не поверишь в темную беду —
посмотри на кладбище, что рядом.

Эй, наездник в черном чапане,
черный конь с ухмылкой неземною,
неужели прибыл ты ко мне,
неужели прискакал за мною?..

Белый день струит прозрачный пар.
Черных кос не серебрила проседь.
И едва раскрывшийся тюльпан
ты не пожалеешь заморозить?..

Бедный мой, немудрый мой отец,
мама неразумная родная,
что за долю вы мне дали здесь,
с тенью черною, с землей сровняли!

Злобную задобрили змею,
чтобы поначалу не кусала —
дорогую голову мою
посветили мертвому мазару.

Кеклик, не отец ли тебя звал?
Или мама выкликала,
кеклик?..

Вылетел из клетки — и не знал
цену той невыкупленной клетке...

С птицами взлететь я не могу,
не кидай же ты в меня каменья.
Цепь меня удержит на бегу:
ты уйдешь — я следом не сумею.

Вот идет с ягненочком овца —
ты смотри и на судьбу не сетуй.
Жалко мне лихого молодца —
пусть присмотрит дочку у соседа...

«Ах ты, мак мой, ты мой красный мак,
в зимний холод, в истовой жаре ли —
я б на грудь повесил, если мог,
из твоих головок ожерелье.

Ах ты, мак мой, ты мой красный мак,
всё равно — в здоровье и в болезни —
ты даруешь, как искусный маг,
нищим — рай, несчастным — избавленье...»

А теперь взгляните-ка, пока
не успел он проглотить немножко:
пузо — как тыквянка катыка,
шея — тонкая, как плодоножка.

Желтизна под кожей разлита,
невесомость чудится в походке.
Отказался б от его лица
даже тот, кто дохнет от чахотки.

В эту хворь он сам себя вогнал.
Как заснет — так словно и не дышит.
Жив ли он?..

Тому, кто пьет кукнар,—
ни жены не нужно, ни детишек.

И едва проглотит он питье —
пусть цедили хоть бы из портянок! —
как уже впадает в забытье...
Разве что секунду и протянет.

Что он видит — это или то,—
пребывая в райском своем саде?
Опухает желтое лицо,
словно его осы искусили...

Мельница ты, мельница,
всё вокруг железное.
С тобой силой меряться —
дело бесполезное.

Возле входа вырос вяз,
где же тень от вяза?
Не хочу я видеть вас —
и не вижу вас я.

Да хоть землю изгрызи —
не накопишь денег.
Лучше мне лежать в грязи,
пусть кричат: «Бездельник!»

Пусть я мокну под дождем,
как постель, что бросили,—
мы не долго подождем,
не дождемся проседи...

«Ах ты, мак мой, ты мой красный мак,
всё равно — в здоровье и в' болезни —
ты даруешь, как искусный маг,
нищим — рай, несчастным — избавленье...»

237. БЕДНЫЙ БАНГИ

Сбился — спроси у другого дорогу:
может, наставит на правильный путь.
Чем эти вечные жалобы богу,
лучше у ближнего сил почерпнуть.

Если же лег тебе на душу камень,
что и свернуть невозможно с души
ни самому, ни чужими руками,—
лучше ты сам себя жизни лиши.

Бедный банги — я поклонник чилима —
пусть это хворь или действие чар.
Горшее горе не минуло мимо:
в месяце прошлом
ее повстречал!

Только я глянул — и ополоумел!
Взор ее — молнией прянул в мозгу...
Как я не спился с тех пор и не умер —
уразуметь я и сам не могу.

Вышел из облака месяц трехдневный,
золото льет молодая луна.
Я же гляжу на полночное небо
взором безумным — сдается:
она!

Гости в Гурлен понаехали к баю:
шум, самовары, еда и питье...
Я ж заглянул туда — и погибаю:
между гостями я вижу ее!

Стражник меня не пустил за ограду.
День ото дня опускаюсь ко дну.
Деньги сулят мне — мне денег не надо:
только ее бы увидеть одну!

Ах, не спасут меня желтые степи!
Жгут эти очи мое естество.
Стражник, возьми и закуй меня в цепи,
чтоб не бежал
от себя самого...

238. ЧИЛИМ

Принесите скорее чилим,
на язык мне приходят слова.
Мы чилим кое-чем начиним,
а уж песня польется сама.
Вот, я слышу, чилим говорит:
«В голове моей уголь горит,
а все те, кто собрался вокруг,
от каких-нибудь чахнут обид.
Вон влюбленный сидит на углу,
орошает слезами платок.
Я смирить его горе могу,
подвести ему светлый итог.
Занавешу туманом удел,
вознесу у беды на краю.
Он-то думает — сам он запел,
а на деле-то — я в нем пою...»

239. ДЕВОЧКА-ПУШОК

(Песня матери)

Яблоко кидала я, а оно вернулось,
покатилось по лицу и тебя коснулось.
И на улице у всех детвора проснулась —
просыпайся же и ты, девочка-пушок!

Молочком я накормлю — просыпайся живо!
За носочек потяну, что сама я сшила,
на руки тебя возьму, выну из бешика —
только ты скорей проснись, девочка-пушок!

Предрассветная звезда. Скоро крикнет кочет.
Знать не хочет нас отец, не желает дочек.
Только мать одна с тобой жить на свете хочет —
просыпайся наконец, девочка-пушок!

240. ПУСТЬ ПОИГРАЮТ

Уж коли в стойле конь живет —
не жадничай нещадно:
сыпь корма вволю — пусть жует,
чтоб на зубах трещало!

А дочку замуж отдаешь —
отдал бы молодому:
пусть поиграет молодежь,
вернув веселье дому!

241. БЫЛ КОНЬ У МЕНЯ

Был конь у меня горячее огня —
украли коня!
А как он косился, глазами маня,
уздечкой звеня...

Душа мне свидетель,
и ночь, и луна —
найду скакуна!
И степи и ветер
верну я сполна!
Верну я сполна...

242. ДОМБРА

Договоримся так, домбра:
я оседлать велю коня,
а ты уж будешь так добра
сопровождать везде меня.
Поедем в горы, на закат,
там будет ждать меня родня,
и перед ней мы песен лад
настроим на закате дня.

Со мною вместе говори,
играй искуснее, струна,
и не выдумывай, смотри,
что наше дело — сторона!

Строгали для тебя арчу,
прижав к плечу, моя домбра,
фисташка тоже в дело шла,
моя душа, моя домбра,
и было для тебя не жаль
спилить миндаль, моя домбра,
и даже ивы старой ствол
сюда пошел, моя домбра!

Я долго шел и долго плыл,
чтоб залучить тебя к себе,
и если мы идем на пир,
то место лучшее — тебе!

243. НА СЕБЯ ТРУДИТЕСЬ

Молотите крепко, чин по чину,
потрудиться есть у вас причина,
наградит вас матушка-земля,
на себя сегодня гнете спины:
нам — зерно,
зато и вам — мякина!
На себя трудитесь,
на себя...

244. ИЗМЕЛЬЧАЙ, МЕЛЬЧИ!

(Песня молотьбы)

Дождь пошел, и душно теперь.
Где-то хлопнула вроде дверь —
измельчай, мельчи!
А из сада крошки моей
кто-то выбежал прочь, ей-ей —
измельчай, мельчи!

Черны тени черной горы,
узки щели горной скалы —
измельчай, мельчи!
К моей крошке хочешь пойти,
знай: полгода туда пути —
измельчай, мельчи!

Ваше место зовут Кырк-кыз,
все текут у вас саи вниз —
измельчай, мельчи...

И лишь раз в тридцать дней, лишь раз
светит новый месяц у вас —
измельчай, мельчи!

Путь через Мироки в Гилян —
там я с пери моей гулял...
Измельчай, мельчи!
Моя маленькая, моли,
чтобы шла вода из Мары —
измельчай, мельчи!

Я открылся — сказала: «Что ж...»
И ответом это зовешь?
Измельчай, мельчи!
Лучше выйти мне на базар,
я ж недаром снопы вязал!
Измельчай, мельчи...

245. МАЛЮТОЧКА

У моей малюточки
очи — словно блюдечки.
Уж такая красота:
что отсюда — то сюда!
Эх, мой вол, мычи —
измельчай, мельчи!

У малютки — титечки!..
На жилете выточки...
Из него горе Гиссар
Три бы выкроил базар!
Ах, мой вол, молчи —
измельчай, мельчи!

Процежу бузу сквозь бязь —
бродит, сброду не боясь.
А что есть у девушек?
Пара дынь без денежек!
Днем ли, вол, в ночи —
измельчай, мельчи!

У тебя ли длинный хвост
лучше всяких женских кос?
А копыта — как каска,
ханской лошади краса!
Ах, мой вол, мы чьи?..
Измельчай, мельчи!

246

Это вол тучнеет от еды —
измельчай, мельчи! —
женщина в объятиях у мужа.
А старухи сохнут от беды —
измельчай, мельчи! —
лишь в могиле и отводят душу.

Крепкие копыта — как алмаз,
измельчай, мельчи!
Ног не скрутит до ночи усталость.
Ах, мой вол, ты не сердись на нас —
измельчай, мельчи,—
сколько бы работы ни досталось.

В лето ты и дня не отдыхал —
измельчай, мельчи,
верная, покорная скотина.
Лишь бы у хозяев, у дехкан —
измельчай, мельчи! —
до весны еды на всех хватило...

247

Кинул альчик — выиграл,
измельчай, мельчи!
И в женитьбе выгадал —
измельчай, мельчи!

Баба, хоть без денежек —
измельчай, мельчи,—
лучше семи девушек,
измельчай, мельчи!

Те-то зря не падают —
измельчай, мельчи! —
сами парня сватают,
измельчай, мельчи!

Баба ж успокоится,
измельчай, мельчи —
за парнем не гонится,
измельчай, мельчи...

248. ПЕСНЯ О БАЙСКОЙ ДОЧКЕ

Как байская дочка хлебала шурпу,
так ложка упала — и хлоп о супу!
А парень, кому и надежд не давала,
влюбленный,
к ней кинулся из-за дувала.

Она же, увидев такие дела,
надулась капризно и сразу ушла.
Ушла, оставляя калитку открытой,
ушла, по пути опрокинув корыто.

А брови у ней — как худая трава.
А речи во рту — ровно те жернова.
А если садится, и криво и косо,
в пыли волочатся фальшивые косы.

249. КРОШКА

Бай уехал на базар,
крошка тесто замесила
и заставила верзилу
целоваться что есть силы,
чтоб не пялил зря глаза.
Для того и пригласила,
да не понял ни аза...

Заячьи в песке следочки,
и кулан бывает тут...
А у бая в доме дочка —
точно маленький верблюди!

Куль грудей лежит, как вата,
и хоть малость толстовата,
но бока — как две доски!
Кто ни видел эту прелесть,
враз отваливали челюсть
и зевали от тоски...

250. ДОЖДЬ ИДЕТ

Дождь идет, и воды по колено.
Байской дочке двор ни к чему.
Перемазалась, пока ела,
и глядит теперь сквозь чию.
Ни на миг она — из-под крова,
пусть в хлеву и мычит корова...
Ей не выдоить и овцу!
Знай одно:

подольстись к отцу...

251. ПОКЛОН НЕВЕСТКИ

Только занялась заря,
свет разлился за курганом —
вышел, кашляя зазря,
свекор со своим кумганом.
«Кхе-кхе-кхе» — конечно, он!
Свекру нашему — поклон!

Самой гордой в махалле,
но и мягкой, словно жвачка,
самой щедрой на земле
на попреки и подначки,
кругленькой со всех сторон —
наш свекровушке поклон!

Той, что благодней цветка
и милей его для взора,
и щедрее, чем река,
что вливается в озера, —
с самым искренним теплом
наш золовушке поклон!

И тому, чей бас глубокий,
кто с утра встает степенно,
до полудня чешет бок,
а с полудня косит сено,
чей могуч и храп и сон,—
дядюшке от нас поклон!

Мягкой, как нутро у дынь,
но и чистенькой, как мыло,
и хлопочущей весь день,
чтоб везде всё было мило,—
нашей тетушке пошлем
свой почтительный поклон!

И тому, кто наконец
поздоровается с нами,
кому впору — на коней
с золотыми стременами,
кто, как сам мулла, учен,—
брату старшему поклон!

Той, чья бровь — как гнутый мост,
как пиявочка в арыке,
вкусненькой, как костный мозг,
что гостям в шурпе сварили,
соблюдающей фасон
жене брата — наш поклон!

Энергичной, как всегда —
засыпает, где присела! —
худощавой, как скирда
заготовленного сена,
прикорнувшей за углом
сестре старшей — наш поклон!

Собиравшему везде
болтовню и пересуды
и походкой шахзаде
проходившему повсюду —
муженьку ее вдогон
наш чувствительный поклон!

Той, что разгоняет тьму,
проходя с утра по саду,
нашей звездочке в дому,
сада этого гранату —
тебе, розовый бутон,
сестра младшая — поклон!

Благородным, как чинар,
стройным, словно минареты,
кто еще не начинал
свар и сплетен в доме этом,
как ведется испокон, —
младшим братьям наш поклон!

И тому, кто прислонен
к дому лестницей,
кто было
святости прибавил в нем,
как ишанова кобыла,
кто с роднею породнен, —
свояку от нас поклон!

Красных яблок шелуха —
те, кто важности не нажил,
но дружками жениха
пошумел на свадьбе нашей,
пошумел и вышел вон, —
им признательный поклон!

И зачинщице всего,
что доселе жаром пышет,
обед сварит — и письмо
похитрей муллы напишет,
лучший выставит резон, —
нашей свашеньке поклон!

Кто минутки не лежит
и словца не молвит всуе,
кто кипит, как в супе жир,
и привязанный танцует —
как велит жене закон,
мужу моему поклон!

252. ПЕСНЯ НОВОБРАЧНОЙ

У мужей, могу сказать я,
никакого нет понятия!
Настоящий-то джигит
женам «пери» говорит.

А уж нам-то мед для слуха,
если кличут нас «старуха»,
хоть со свадьбы не пройдет,
скажем, месяц или год!

Наши старшие сестрицы
в этом деле мастерицы:
муж для них — так это тот,
кто все деньги отдает.

Меньше даст — и сразу, с ходу
станут требовать развода!
Дескать, дом степи пустей —
не пушу к себе в постель!

Как-то к нам явились гости —
пили, ели, грызли кости...
Из-за горе-муженька
вся заначка утекла!

Хоть бы нынче: из сарая
дров принес — всё гниль сырая.
Вот затопим — поглядим:
весь-то дом
заполнит дым!

И скажу вам, чин по чину:
тот бесовестный мужчина,
кто, имеячи жену,
приведет еще одну!

253. РЯБОЙ И ЗОБАСТЫЙ

Рябой

Таскай туда, таскай сюда
под горлом мяса груду —
теперь до Страшного суда
проходишь с этим грузом!
Наверно, ты в глуши ночей
приспал его с коровой,
или шесть тысяч кирпичей
обжег в печи холодной!

Зобастый

А сам-то ты?.. Паучий сок,
знать, надоил — и выдул!
Набрал себе осиных сот,
да за лицо и выдал...
Красавец — краше в землю лечь!..
Отрада нашим взорам!
Или тебя, сажая в печь,
истыкали узором?

Рябой

Своей красою дорожи —
в чужую бы не тыкал!
На шее вывесил хурджин —
а в том хурджине тыквы!
Небось, пришлось и ночью встать:
не сперли? Нет, он — вот он!..
Ты мог бы с этой тыквой стать
великим бахчеводом!

Зобастый

Тебе бы лучше помолчать
про то, про всё, про это.
Где сам ты дрыхнешь по ночам —
понятно по приметам!
Видать, споткнулся в темноте
или свалился в драке —
и всю-то ночь на лице
пускались в пляс собаки!

254. МИЛЫЙ У МЕНЯ — ХОРОШИЙ

Во дворе — анис, горошек
да четыре лопуха.
Милый у меня хороший,
только мать его плоха.

Что бы ни произносила —
а внутри свербит уже!..
Но одно словечко сына —
исцеление душе.

255. ГУРИЕЙ ХОТЕЛА СТАТЬ

Гурией хотела стать —
гурией не стала:
взор не тот, не та и стать,
брови вздеты мало.
Забери калым назад —
деньги и мешочки:
не подходят под разряд
родинки на щечке!

256. МИЛЫЙ БЕЗДЕЛЬНИК

Милый мой, ей-же-ей, бездельник.
Как ни спросишь — всегда без денег,
существует без суеты.
Для него и бахча — обуза:
нет, чтоб дыни или арбузы —
сеет к лету одни цветы!
А уедет на день иль на два —
воробьям лишь того и надо:
всё склюют, затопчут следы!..

257. ТОНКАЯ ДУША

На тот той, куда зван мой милый,
мне, конечно, и ходу нет.
Я бы век потом не забыла,
раз нарушив такой запрет.

Что же, женщины, все мы знаем
свойства тонкой мужской души:
ведь пока не задобришь чаем —
слово вымолвить не спеши...

258

О яблони ветка, ищу тебя всюду
и где-то, когда-то — найду.
А встретимся — ты не веди себя худо
и щечку подставь на ходу.

Я шел через горы, где сыро, где сухо,
почесывал голову, шел.
Однажды с размаху ухлопал я муху —
уж очень я сделался зол!

Ты знаешь обрубленный тал без верхушки —
растет на пути в Чоршанба?
А родинка, что на губе у девчушки —
ну, точно с замочком губа!

Коня осторожно к орешне привяжем,
не надо ходить с холостым.
Не станет внимать возражениям вашим —
возьмет и затащит в кусты.

Тот тал у дувала вознесся высоко,
и горлинка в ветках живет.
На горлинку смотрит в раздумье красotka —
глядит и чего-то жует.

Отец, говорят, у вас галантерейщик,
и пуговицы в два ряда.
Пока расстегнешь их — и утро забрезжит,
а что будем делать тогда?

Что смотришь? Иль стал я косматым местами?
Не видела раньше меня?
Сестричка, а конь твой зеленым не станет
от травки?.. Ведь жалко коня!

И брови взлет, и сама ты белее,
чем тоненькая пиала.
Давай-ка станцуем, чтоб стала смелее,
застенчивая не была!

Пойти бы к дороге, покуда дорога,
ей-богу, пустого пустей,
и боком, и боком, а там ненароком
скользнуть и к любимой в постель!

Смотрите, как мимо торопятся овцы,
как блещет коричневый глаз.
А дочка соседа игриво смеется —
и смотрит при этом на вас.

Денек начинается прямо с восхода.
Едва посветлеет — пора.
Придет, поцелует — была бы охота! —
а рот ее — как пиала...

259. БЛОХА

Забралась под одеяло
блошенька моя, блоха,
руки, ноги искусала
блошенька моя, блоха.
Бросил в воду одеяло,
блошенька моя, блоха.
Но обратно прискакала
блошенька моя, блоха.
Тетушка моя старалась,
блошенька моя, блоха,
наконец-то ей попалась
блошенька моя, блоха.
Тетка из блохи немало,
блошенька моя, блоха,
натопила в чашку сала,
блошенька моя, блоха.

260. ЯЙЦО

Как-то утром я по блеску
на дворе нашел железку.
Отыскал я кузнеца:
«Сделай косу для косца!»

Побежал я к косарю:
«Хочешь, косу подарю?»
— «Что ж,— сказал он,— пригодится,
вот тебе взамен пшеница!»

Я пошел в сарай к соседке,
зерна высыпал насадке,
за пшеничку эта птичка
подарила мне яичко.

И в печи разгреб я жар,
положил насадкин дар,
да увлекся второпях,
слышу:
«Трах-тарак-шарах!»
Что-то брызнуло в лицо...
Это лопнуло яйцо.

261. ПРИСЛУШАЙСЯ

И малое утратит тот, кто требует сверх меры.
Законов мудрых не дает неумный властелин.
Тому, кто пережил любовь, не страшны перемены.
Зато и ценит тот постель, кто сам себе стелил.
Кто сам себе стелил!

Кто к цели держит путь — тому потребен собеседник,
чтобы подчас услышать «да» в ответ на свой вопрос.
И соловьям, что пьют тоску на цветниках осенних,
пусть кто-то скажет о весне, предвестье новых роз.
Предвестье новых роз!

Годна не всякая для ниш расщелина стенная,
не всё пригодно для еды, на что польстится рот.
Не надо портить всем обед, без усталости стенам:
коль вправду грудь кровоточит — она свой ворот рвет.
Она свой ворот рвет!

Довольно, сердце, не стони, пора начать иначе!
Уж те умней, что у дверей красавицы легли.
Свиданий глупо ожидать, которых не назначил,
и ныть, покуда о твоей не ведают любви.
Не ведают любви!

262

Певец не может обойтись без струн,
охотник не обходится без пса.
Тот не джигит, немолод или юн,
кто болтовне напрасной предался.

Кто на подушке не лежал сам-друг,
не разнимая до рассвета рук,
кто не знавал свиданий и разлук —
возлюбленным не ведает цены!

Кто никогда не видел дальних стран
и расставанья не изведал ран,
кто ввечеру, в ночи и по утрам
вина не пил,

а лишь один айран,
кто гостю, что пожаловал к дверям,
приюта не дал, мрачен и упрям, —
и жизни-то не ведает цены!..

264

Голодному — как сахар, загора.
Уставшему — ишак коня важнее.
Зато без книг, бумаги и пера —
чем от невежд отличны грамотей?
Уйдет приязнь — родня уж не родня.
Любовь уйдет — признания не лестны.
А без куска точила и ремня —
как станет острым старое железо?..

Сперва железо прячется в земле.
В тени сперва

таится благородство.
Там и ищи друзей таких себе,
чтоб на подмогу сами шли, без спроса.
Чем бывший друг, что нынче и не в счет,
чем лунный рог, который светит тускло,
чем сая старого, что не течет,
обширное, но высохшее русло,
чем жадный бай, что не платил закят,
или дворцы, что без огня стоят, —
дом бедняка, где преданы уюту,
дороже нам во всякую минуту.

Когда не ценит младший старшинства,
тебе и лошадь даже не подержит;
когда, заслуги оценив едва,

173

тебя твой край признанием не утешит —
покинь его, не размышляя, где же
найдет приют седая голова...

Умелый путник избегает ям,
ум знает цену и другим умам,
суть жизни старцу и видней, и внятней,
честь переймет у родичей джигит,
и в мире этом — как на голубятне:
тот прилетит, а этот улетит...

265

Когда у джигита поспеет еда —
друзья его
сыщутся сами всегда.
Наверно, такое случалось и с вами:
в ту пору вам,
кажется,
каждый готов —
один стать глазами,
другой стать бровями —
ты только им пищу
почище
готовь!
Когда же джигита покинет достаток —
тут в недругах числи
и младшего брата!..
Тогда-то
нужна
дорогая жена,
и добрые речи,
и теплые плечи,
чтоб душу и тело
согрела
она...

Единственный тополь стоит перед домом.
Узорчатый вас облакает адрас.
Как нужен арычек посадкам садовым,
так нужен и мудрый наставник
для вас!

Отец — во главе и добра и порядка,
жена его — радость для глаз и для душ.

Брат старший — опора для младшего брата:
и в деле, и в горе,
и в споре
к тому ж.

Пускай пригодится скакун лишь однажды,
а годы выхаживал ты скакуна —
но выручит он из беды! И сполна
окупит заботы и хлопоты наши,
запомнится сердцу на все времена!

Сынок поначалу забава джигиту —
улыбки, и зубки, слова, и шаги там,
и как он смеется, и ходит, и спит...
А там — и забота!

А там — и подмога:
плечо твое, руки, и слух твой, и око...
Умрешь —

только в нем повторишься, джигит!

266

Пока ты живешь — обрастаешь добром,
но память уходит. Не помнит добра!
Всё меньше друзей у тебя за столом —
вот знак, что настала такая пора.

А признак того, что уходят друзья,—
в котле твоём

меньше и меньше еды!
И если их вовсе припомнить нельзя —
ты, значит, на самой границе беды.

А знак, что уходит еда из котла,—
немного в душе остается забот,
попробуй-ка разом прикинуть дела —
что падало на день,

выходит за год!

175

А если заботы
ушли из души —
так, значит, и годы,
и годы ушли...

267

Во-первых, скажу вам, чем ночью ходить —
уж лучше с ходьбой до утра погодить.
А дальше замечу: чем зимняя тьма —
пусть лучше весна нас голубит сама!

Где сено — там мусор, где пустошь — бурьян.
И нар в свою пору становится пьян.
Но чем от жены ненавидимой — мед,
пусть яд от любимой
кишки нам проймет!

Скончался старик — наполняют кувшин,
джигит —
опускаются шапки вершин!
Раз время припело — жалей не жалей...
Но гибель до срока — стократ тяжелей!

И душу и кожу дурная жена
дырявит словами, покуда жива.
А с доброй женою, с почетом знаком,
живешь ты султаном,
хоть будь бедняком!

268

Эй, братья, послушайте, вам говорят:
пришел в этот мир —
собирайся назад!
Ведь как ни держись правоверной дороги —
судьбы острое тебя ждет на пороге...

Стоит на Аксу наш родимый аул —
на шее излучины он прикорнул.
Отец твой наемни погнал мою сваху —
попасть на полгода б ему
на авахту!

176

Хожу я тихонько — траву не помять...
Как сети ни кину —
реки не поймать!
Пойдешь ли к кому из-под крыши родимой —
тебе усмехнется: потише входи, мол...

Есть птица «акку»: не перо — серебро!
Да тронешь его — вылезает перо...
Но если бы взять ты позволила руку —
и небо б не смело
сулить нам разлуку!

269

Дело не просто схватить за вихор —
что бы попробовать ни захотели,
чистить коня или ездить верхом —
трудности в каждом окажутся деле.
Путь не пройдешь за четыре шага,
долгий урок выполняй понемногу.
Только смотри: оседлав ишака,
в дальнюю не собирайся дорогу!
Не похваляйся, де, я, мол, бегун,
рядом с другими идти не могу...
В пешей дороге иные законы,
медленный путь
сорохода загонит!
Только глупцу это всё невдогад.
Знающий знает, что с многими сталось:
некогда ждет и могучих
закат,
подстерегает и алка
усталость...

270. О КОНЕ

Река переливается,
бушует
и кипит.
Джигит с коня не свалится —
смакует
стук копыт!

Поторопи свою судьбу,
садись скорее на коня.
Твой конь — с отметиной на лбу.
Гони его, врага коня!
Получит недруг пику в грудь,
а тот, что уцелел в бою,—
тебе навек покорен будь
и голову клони свою.
Друзья,
нельзя
терять лица,
и пусть, храня от жадных бед,
под вами будет до конца
туркменский шалый жеребец.

Река переливается,
бушует и кипит.
Джигит с коня не свалится,
покуда он джигит!

271

Если покупаешь жеребца —
осмотри конюшню и купца.
Молодого покупай конька,
чтоб недавно был подрезан хвост:
и поймешь и выездишь,
пока
матерее, набирает рост.

Будешь выбирать себе жену —
так из многих
выбирай одну!
Чтобы речь ее была кратка,
чтобы дело спорилось у ней,
а сама была она кратка
да родить могла бы сыновей.
А любовь — сама придет любовь,
и желание тебя проймет,
как усмой она нарисует бровь
и к тебе, горячая, прильнет.

Чувств своих не отражай в глазах,
выбравши жену иль жеребца:
сваху не обманешь и купца —
и сгоришь ты, как сухой кизяк!

272. БЕРИ БЛАГОРОДНЫХ

Бывает ли так, чтобы долго лежала
в бездействии

сталь дорогого кинжала?..

Доверенной тайны не выдаст джигит.
Бери благородных с собою в дорогу —
и цену узнаешь ты им понемногу,
хотя неказисты порою на вид.

273

Время крепко дубит кожу —
год за годом, шаг за шагом.
Шкура сделалась подошвой,
терпеливый — падишахом!

274. НАША ЗНАТЬ

Узнать нашу знать — барыш небольшой:
всех грабит — сама ж нищает душой!
Где знатного двор — в почете позор,
а честность и честь — за нашей межой...

275

Оказался в чистом поле —
так скачи во весь опор.
Не умеешь слова молвить —
не вступай в словесный спор!

Лети без страха в край любой,
ах, песня, песенка, яр-яр.
С души осыплется любовь
цветами персика, яр-яр.

Твоя невеста молода,
бела лицом она, яр-яр.
Сладкоречивые уста
как нарисованы, яр-яр.

Ее певучие слова
подобны сахару, яр-яр.
Сапфиром кажется сперва
вся синь в глазах ее, яр-яр...

И перламутр ее зубов
подобен жемчугу, яр-яр.
И зависть ловит, и любовь
такую женщину, яр-яр.

Ах, песенка, твой сладкий лад —
враг неурядицы, яр-яр.
Но помни: жизнь не вечный клад —
запас, что тратится, яр-яр.

Друзья, нет средства от любви,
нет исцеления, яр-яр.
Не поделюсь тоской с людьми —
не уцелею я, яр-яр.

Но кто любовь считает злом —
не знает ей цены, яр-яр.
Каких ни говори им слов —
презрения полны, яр-яр.

Что ж, не вкусит ее плодов,
кто отрекается, яр-яр.
К чему такого, что здоров,
кормить лекарствами, яр-яр?

Открыться милой поспеши,
в душе не прячь его — пожар.
Споешь «яр-яр» — с ее души
сотрется ржавчина, яр-яр.

Ах, песенка, развязку бед
не встречу тут ни в ком, яр-яр.
И этой горькой страсти свет
возьму я спутником, яр-яр.

Пою тебе, как соловьи
с огнем в душе поют, яр-яр,
и, как Меджнун, своей любви
паду я жертвою, яр-яр.

Порой сгодится для стрелы
ступица от арбы, яр-яр.
И беки для моей сестры
сгодиться не горды, яр-яр.

Ведь родом мы не ниже их
и не увечные, яр-яр!
С какими тощими жених
пришел овечками, яр-яр...

Где от арбы остался след —
там куст инжира цел, яр-яр.
На ветках каждый, кто не слеп,
златую видит цепь, яр-яр.

Кто эту цепь прислал нам в дар?
Заргар сковал ее, яр-яр.
А цепь, что выковал заргар, —
кто б разорвал ее, яр-яр?

Аллахом данной нам судьбы
кто узы бы расторг, яр-яр?
Где след остался от арбы —
усмы росток растет, яр-яр.

Хоть столько отдал золотых,
не встань нам поперек, яр-яр.
А деньги — зря ты тратил их,
себе бы поберег, яр-яр!

Там, на пути — ни дать ни взять —
соломы драный пук, яр-яр!
Да это ж наш почтенный зять
загородил нам путь, яр-яр...

Бурьян вдоль вишен — выше их
и вдвое больше их, яр-яр!
Хотите знать, кто наш жених?
Он — кара божия, яр-яр!

Ах, сватья, пусть казан наш пуст,
остыть успел уже, яр-яр —
не надо хлюпать, как арбуз,
что переспел уже, яр-яр.

Ах, песня, кто ее милей?
Как лук, тугая бровь, яр-яр...
Влюбилась просто, ей-же-ей,
в невестушку свекровь, яр-яр!

Когда добра душа, свекровь —
родное дитяtko, яр-яр...
Когда ж нехороша свекровь —
чужое дитяtko, яр-яр!

Ах, сватьюшка, открой сундук,
добра там — не сносить, яр-яр!
Подарками из щедрых рук
невестушку осыпь, яр-яр!

Как дочь Расула хороша
и как мне нравится, яр-яр!
И каждый взор и каждый шаг —
бальзамом на сердце, яр-яр!

В ее устах любая весть —
дороже яхонта, яр-яр.
Она звезда восьми небес
и рая ягода, яр-яр.

Качнулся занавеса шелк —
мышь убежала прочь, яр-яр!
Жених фисташек не нашел —
на свадьбе бросил дочь, яр-яр!

Нас косит времени коса —
кончает суету, яр-яр.
Кто не предчувствует конца —
подобен лишь скоту, яр-яр!

Ах, песня, коротки деньки,
как ты их ни держи, яр-яр.
Как на кострище угольки,
моя дотлела жизнь, яр-яр.

Ах, песня, песенка моя,
решетка медная, яр-яр.
Всё претерпела за меня
девчонка бедная, яр-яр.

По деревянному мосту
пришла к нам сватьяшка, яр-яр.
Как ветку тала, ей сестру
вручила матушка, яр-яр.

За брачным занавесом глаз
слепит ли золото, яр-яр?
Жених с невестою у нас —
ашички желтые, яр-яр.

И занавес красив, а там —
и тополь и чинар, яр-яр.
Чтобы не сглазить стройный стан —
им надобен тумар, яр-яр.

Весной на травку, в ближний лог,
гоню я лошадей, яр-яр.
Дождаться дал бы только бог
невестушки моей, яр-яр.

Хватило у невесты сил
на марлю, не на шелк, яр-яр —
да на руках ее носил
почтенный женишок, яр-яр...

279

На пути любимого —
ряд лачуг, яр-яр.
Боль слезой не вымыла
я ничуть, яр-яр.

По реке придется
самим плыть, яр-яр.
Не смирить червонцами
ее прыть, яр-яр.

Песенку, как девушку —
в душу брать, яр-яр.
Не поется — где уж вам! —
к чему врать, яр-яр?

Из высокой ниши я
взял ляган, яр-яр.
Красотой не ниже я
стих слагал, яр-яр!

Налью в сепаратор
молока, яр-яр.
Зятем взять я рада
свояка, яр-яр!

Как доска для теста —
улица, яр-яр.
А цветы невесты —
у лица, яр-яр!

Ходят верблюжата
среди овец, яр-яр.
Глядит дочка жадно —
где отец, яр-яр?

185

Будь он где-то рядом,
отец твой, яр-яр,
так позвал бы сватов,
сделал той, яр-яр!

До Ходжибада —
всё гора, яр-яр,
а вместо обеда —
джугара, яр-яр.

Каша джугаровая —
не еда, яр-яр,
вот платочек новый я
и продам, яр-яр.

Двери в доме отчем —
те по мне, яр-яр:
глядят нежно очень
по спине, яр-яр.

В доме свекра двери
пакостны, яр-яр:
дернут, чуть поверь им,
за косы, яр-яр!

Песня — моя сродница
до конца, яр-яр.
Для нее раскроются
все сердца, яр-яр.

Увы, дом непрочный —
этот мир, яр-яр.
Ухватить не проще ль
этот миг, яр-яр?

Молодость уходит,
близит срок, яр-яр.
К жизни приохотят —
тут и гроб, яр-яр!

Я слова бросаю —
вам ловить, яр-яр.
Перлами низали
их на нить, яр-яр!

У жены у лучшей —
руки врозь, яр-яр.
Рукава засучивает,
если гость, яр-яр...

Заходите, сваты!
Чтоб беда, яр-яр,
гостем у нас с вами
не была, яр-яр!

Пусть богатство свалится
на жениха, яр-яр,
обед сытный сварится,
о сноха, яр-яр!

Пусть напасть не помнится
стихшая, яр-яр,
дом растет и полнится
детишками, яр-яр!

Отсеку я прошлое
как ножом, яр-яр:
девушку хорошую
я нашел, яр-яр!

Красота — не сглазьте!
Речь сладка, яр-яр...
Приготовит сласти —
как с лотка, яр-яр!

Песенка, «спасибо»
заслужи, яр-яр —
то, о чем просили,
расскажи, яр-яр!

Невестку ту, свекровушка,
что с вами, яр-яр,
погладьте по головушке
словами, яр-яр.

Жених — плод граната!
Всем он взял, яр-яр.
Скажет слово — рядом
весь базар, яр-яр!

Двое станут многими
без затей, яр-яр.
Поставить на ноги им
всех детей, яр-яр!

Вырастят, оденут
в очередь, яр-яр,
девять сынов, девять
дочерей, яр-яр!

И чертами разные,
и в речах, яр-яр...
А чтобы не сглазили —
кузминчак, яр-яр!

280

Воду делают красивой
камешки со дна, яр-яр,
а у девушки вся сила —
красота одна, яр-яр.

Дверь, что сам отец мой сладил, —
эта дверь для всех, яр-яр.
Пока ж ты со мной не сладил —
там не ждет успех, яр-яр.

Словно гостя в отчем доме,
прожила ты тут, яр-яр,
и служил тебе тахтою
золотой сундук, яр-яр.

Ах, с тахты бесценной этой
как упала ты, яр-яр?
В даль, какой отец не ведал, —
как попала ты, яр-яр?

Плетусь улицей высокой,
туман пал уже, яр-яр,
плету темную тесемку
к белой парандже, яр-яр.

188

Подсадил в седло, сказавши:
— Ну и тяжела, яр-яр!
Не впустил отец, сказавши:
— Ты — ему жена, яр-яр!

Коль дурна — не стану краше!
Сижу с песнями, яр-яр.
Руку правую украшу
себе перстнями, яр-яр!

Кольцо с пальца серебрится,
прогибается, яр-яр.
Стоит вспомнить о сестрице —
грудь сжимается, яр-яр.

Говорить, что замуж рано,
уж не хватит ли, яр-яр?
Дашь ли жирного барана
на той свадебный, яр-яр?

С этих гор придут с поклажей —
и устроим той, яр-яр!
Лошадь черную поглажу,
коль придет пустой, яр-яр!

Петь «яр-яр» на свадьбе точно
будет молодежь, яр-яр...
Кто ж любимой будет дочкой,
когда ты уйдешь, яр-яр?

Подсыпать скоту не надо
лишней соли — нет, яр-яр!
Да и дочерей женатым
отдавать не след, яр-яр!

Кто катык, стоявший в нише,
пролил, когда брал, яр-яр?
Кто сестрице уходившей
следом бросил брань, яр-яр?

Закурил чилим — чубук твой
пускай сломится, яр-яр!
На сестру поднимешь руку —
рука сломится, яр-яр!

Ах, не плачь, не плачь, сестренка,
душу затвори, яр-яр!
Этот дом и вся сторонка —
завсегда твои, яр-яр!

Из овец — одних лишь маток
продает отец, яр-яр.
Купи мне платков несмятых,
серебра, колец, яр-яр!

В серебре хожу — по старость
буду им сыта, яр-яр.
Да недостойному досталась
моя красота, яр-яр...

Путник шел проселком нашим,
нес в руке камчу, яр-яр.
Ячмень зерна сыплет наземь,
а убрать — кому, яр-яр?

Посреди шести красавиц
звать тебя «Анор», яр-яр.
Твои щеки в кровь бросает,
только кину взор, яр-яр.

Ах, губам неутоленным
поддайся, щека, яр-яр —
был бы счастлив, как теленок
подле молока, яр-яр!

Разреши ты к шейке голой
чуть прильнуть устам, яр-яр, —
я б навек забыл про голод,
отдыхать не стал, яр-яр!

Ах вы, песни, всех почтили,
к счастью звали вы, яр-яр,
дозревайте, все четыре,
как рис в вареве, яр-яр!

Денек ушел не весь пока,
но дверь закрой, яр-яр.
Смотри, уважь, невестушка,
свою свекровь, яр-яр.

Ты ж, песенка, лети в полет,
лови судьбу, яр-яр.
Невесты стан — как тополек,
коса — сунбул, яр-яр.

Тонка, как прутик, в поясе
и высока она,
лицом — как пери в повести,
как полная луна.

И, как лепешка свежая,
ее щека, яр-яр.
А язычок подвешенный —
звук родничка, яр-яр.

А очи несказанные!..
Кто еще раз, яр-яр,
засмотрится в глаза ее,
что твой чарас, яр-яр?

Не ей годами хвастаться:
семнадцать ей, яр-яр.
Точь-в-точь как крылья ласточки
разлет бровей, яр-яр.

А что про жениха сказать?
Хорош на вид, яр-яр.
По виду — лучший в мире зять,
лихой джигит, яр-яр!

Веселый и уступчивый,
всегда он прав, яр-яр.
Начнете жить — получше вы
поймете нрав, яр-яр.

Неужто, моя песенка,
ты на мели, яр-яр?..
Продолжи — да не сбейся-ка —
сказ про Лейли, яр-яр.

Язык на гвоздь не вешаю.
Любой поймет, яр-яр,
что наш жених с невестою —
наш сахар-мед, яр-яр!

Ах, песенка, ну где же ты?
Ловлю я на лету.
К лицу капризы девушке,
невесте — не к лицу.

Из серебра я пополам
да с глиною, яр-яр.
Что ни пила я, пиала?
Жизнь длинная, яр-яр.

Невеста — роза, а жених —
как минарет, яр-яр.
Но что-то новое от них
придет на свет, яр-яр.

Лишь бы, в разлуке и вблизи,
не чаяли души
и, как Хулькар и Таризи,
друг другу подошли.

Мне сон приснился, наконец,
каков конец, яр-яр:
невеста, на челе — венец,
в руках птенец, яр-яр!

Богатством станет тот венец,
и, всех звончей, яр-яр,
ребенком станет тот птенец,
свет для очей, яр-яр!

Поклон невестке да любовь —
где ни пройдет, яр-яр,
а с нею свекор и свекровь
найдут почет, яр-яр!

Спасибо скажет махалля
и вся семья, яр-яр,
весь отчий край и вся земля,
а с ними — я, яр-яр!

282

Мол, в купцы жених попал —
где ж товар его, яр-яр?
Где струящий дивный пар
самовар его, яр-яр?

Будь не чай — вода пока,
мы напились бы, яр-яр.
На коня, на стригунка —
водрузились бы, яр-яр!

Песня, песня, слов не счесть,
нет в ней дум моих, яр-яр.
Где один хороший есть —
значит, два плохих, яр-яр...

283

— Говорят, сестрица, твои брови
невозможно хороши, яр-яр!
Не таись, как крепость в обороне,—
наглядеться разреши, яр-яр!

— Что вам, братец, эти мои брови —
чудеса ли дальние, яр-яр?
Разве крылья ласточек вам внове,
иль вы не видали их, яр-яр?

— Говорят, сестрица, твои очи
велики и хороши, яр-яр!
Хоть однажды хочется мне очень
насмотреться от души, яр-яр!

— Братец, что за странное желанье —
экие невидали, яр-яр!
Разве вы глаза у горной лани
никогда не видели, яр-яр?

— Говорят, лицо твое румяно?
Эй, сестрица, дай взглянуть, яр-яр!
Я прошел для этого немало
и проделал долгий путь, яр-яр!

— Братец, что за странные вопросы?
За насмешку я почту, яр-яр!
Разве цвет обычной красной розы
не встречали вы в саду, яр-яр?

284

Бурная речка, бушует поток,
как перебраться, не знаю, яр-яр.
Кляча, как мощи,— а мой путь далек!
Мне не добраться, я знаю, яр-яр.
Щебень извел мою клячу вконец,
сам наглотался я пыли, яр-яр.
Стал я желтее, чем тот огурец,
что и сорвать позабыли, яр-яр.
Эй, тонкобровая, выгни дугу,
душу до дна осуши мне, яр-яр.
Дом твой белеет на том берегу...
Кинусь, не жалко души мне, яр-яр!
Что привело меня к вашим местам?
Сам я не знаю и плачу, яр-яр...
Белым мелькает твой тоненький стан —
шелк или ситец на платье, яр-яр?
Нету для речки ни ночи, ни дня,
пенной поток захлебнулся, яр-яр.
Ах, неужели он лучше меня —
тот, что тебе приглянулся, яр-яр?
Вижу кувшин я на том берегу,
вижу кувшин золотой я, яр-яр.
Только руки протянуть не могу —
взять и наполнить водою, яр-яр!
Трудно кипящий поток переплыть.
Легче — дорожкой гладкой, яр-яр!
Смелость нужна тут, не жалкая прыть,
смелость нужна без оглядки, яр-яр.
Страннику, милый, отвага нужна.
Хочется выпить? Так пейте до дна!

Вот и время начинать уланы —
угощенье наше перед тоем.
Кто зачина мастер самый славный —
мы того и чести удостоим.

Снег лежит извечно на вершинах.
На отрогах — место гнезд орлиных.
Наше место скромное — в долинах,
ведь уланы — песни не из длинных.

Если небо в тучах, в полдень — темень.
Различай, где речки, а где саи.
Разберись сначала, а затем и
в обуви входи или босая.

Кто из нас в пострелах не ходил-то?..
Да ведь возраст меты не стирает.
В двадцать лет — уже, глядишь, и дылда!..
Только безбородый не стареет.

Шесть голов пригнал, как шел я сватать.
Подари на память хоть тесемку!
Или напускную твою святость
перед всеми обличу я громко.

Говорят: гони, гони ворону!..
А погонишь — недруга и нажил.
Те, кто женщин не держал за ровню,
исчезают пусть из жизни нашей.

Там, в Ахсе, и речка полноводна,
воду не считают там на ведра.
Тот, кто с людом водится хорошим,
тот, считай, и жизнь неплохо прожил.

Будешь петь — пусть нежным будет пенье,
как мука тончайшего помолу.
Слава матери, что дочку-пери,
как цветок, взлелеяла помалу.

Тебя нету, нету... Вечер тихий,
в даль пустую гляну отрешенно, —
и кричу верблюдицею дикой,
потерявшей в бурю верблюжонка.

Звездочка от месяца отстала,
как ягнята на пути — от стада.
Девушки, отставшие от свадьбы,
спор вели от самой от усадьбы!

Спорили да хлопали ушами.
Как тут обойтись без перепалок:
спор-то — про сапожки с каушами,
кожа каушей — из перепелок!

Среди шести прочих ты — Хурбуш.
В уголке платка таскаешь дрожжи.
В двадцать лет не подоспеет муж —
обойдешься родичам дороже!

Среди шести прочих ты — Анар.
С яблок — щек —
ну, разве кровь не каплет!..
Если б разрешила ты и нам
этих пламенных отведать яблок...

На рассвете в инее аул —
а в горах сугробы, не иначе.
Тот, что память взял мою и ум, —
пусть берет и жизнь мою в придачу!

Песни, песни! Перечень не скуп.
Что ж ты повторять их не велела?..
Коль не дашь коснуться певчих губ,
значит, вправо — мне, тебе — налево.

Слов не знает — лучше бы замолк.
Портит песню — перемажем сажей!
Или рот защелкнем на замок,
или попросту прогоним взащей...

Звать «Базар» — а ты и есть базар:
всех ты знаешь и со всем знакома.
Что бы кто ни сделал, ни сказал —
тут же и устраиваешь гомон.

С пестрых гор несут тяжелый груз.
По тропе трясется иноходец.
Так в разлуке нас изводит грусть —
места себе в доме не находишь.

Белых яблок, красных ли — навалом!
Да не спеют яблоки на ветке.
Жизнь уже, глядишь, и миновала,
а двух добрых не сведу я вместе...

Уж родник соленый, так соленый!..
А скоту засыпали соломы.
Но зато от самого рассвета
так тут пышно девушки одеты!

Конь, что начал бег от Намангана,
всё никак не добежит до цели.
Девушки — в одежде златотканой,
и не видно им, что постарели...

Нет, вы не из тех, что важных корчат —
госпожа вы, госпожа на деле!
Голосок — бесценный колокольчик,
а какие кауши надели!

Говорили «яблоки с урюком»,
так и было — яблоки с урюком.
В махалле познакомили друг с другом,
в махалле поссорили друг с другом.

В махалле устроили смотрины,
и сидели все на нашем тое.
А когда ребенка смастерим мы —
значит, будет в нем и ваша доля!

Если скажут «встань и попляши»,
так и встань, и попляши, пожалуй.
Я брожу без света, без души,
обожен невидимым пожаром.

Ах, презреньем губы не криви —
леденею сразу, как завижу,
с мукой и надеждою в крови,
от улыбки ласковой завишу.

Близ луны бессонная звезда
светит, как высокие Стожары.
Хоть пришла я с розой у виска,
твоего я взора не стяжала.

Ты, как конь породистый, на вид!..
Сохнут розы — и девчонки тоже.
Ежели умрет такой джигит —
так и всей земли конец возможен.

Ездить бы на добром скакуне,
да чтоб был хорошим иноходцем.
Удалиться бы в пустыню мне,
если там красавица найдется.

Есть киргизы высоко в горах,
у муллы Халбая — в доме дочка.
И не зря глаза парней горят,
чуть завидят эти звезды-очи.

Звать «Курбан» — а ты и есть Курбан:
где ни будешь — всюду станешь жертвой.
Ну, деляга!.. Вылез на айван,
стал столбом — ни слова и ни жеста.

Разбежались овцы по адырам,
только выхолощенный козел,
что служил при стаде командиром, —
поскользнулся, следом не пошел.

Снег растаял, не пробраться посуху.
Бел козел, а девушка черна.
У нее два яблока за пазухой,
у него на голове чалма.

Беглая лошадка в поле рыскала
и застряла посреди песка.
Рукава-то у халата узкие —
и застряла в рукаве рука.

Мама, мама, вам к лицу покрой — и
шелк цветастый этого халата.
Вам я, мама, тайну не раскрою,
и просить меня о том не надо.

Перепелка — так уж перепелка!
Я живу в предгорьях, на полях.
Заболи хоть палец — боль мне только
девушки-красотки утолят.

Вот уздечка — это уж уздечка!..
Не берет отец мне в жены ту,
что мила мне и близка сердечно!
Знать не хочет про мою беду...

Кожа девушки в жару прохладна.
Зыбкая звезда на небе есть.
В девичьи объятия мне надо —
это с детства у меня болезнь!

Высоко сарыч летает белый,
подстрелить — птенцы его заплачут...
Буду я уланы петь умело —
девушки любовью мне заплатят.

В жизни ты покоя не знавала,
я вовек не видывал покоя.
Вот и удивятся все немало,
коль его друг в друге сыщем двое!

По дурным мой конь ходил дорогам,
и слепни и мухи прилипали.
Девушек таких я видел много,
что хранили яблочки не строго —
потихоньку ими торговали.

Среди шести прочих ты — Зариф.
Скину с плеч тяжелый долг калыма,
в дом возьму, все стены озарив,—
ты меня навеки покорила.

Где сажал гранат — наделал ям.
Угостить гостей — козла зарезал.
Выпил чаю — оказался пьян;
насмотрелся щек твоих прелестных!

Сирота я — сердце пополам,
и воды в арыке половина.
И цветы завянут по полям,
как то сердце, что ты полонила.

Милая приходит в ночь луны.
Не твердите, что она с фасоном:
сразу видно, вы не влюблены,
вот и открывается не всё вам.

Я ж при ней — как будто в райском сне!..
Только лишних шуток не выносит.
Улыбнись — и с век слетает снег
и часы свидания заносит...

Как влюблен я в чернь твоих бровей!
Непонятна мне краса другая.
А тебя увидеть — всё трудней:
в клетке я, как птенчик попугая!

Я — слеза, что точит водосток,
пока милый тешится в Коканде.
Путь обратный пусть вам скрасит бог,
возвращайтесь в новеньком халате!

Я на берегу увидел вас,
и аллах мне кубок страсти выдал.
В первый раз на мир оставил глаз,
первой — вас, любимая, увидел.

Я тебя по следу каблука,
по любому шагу различаю.
Плачу каждый день исподтишка,
как пройдешь, меня не замечая.

Передайте, звезды, мой привет!
Нет мне сна, и вижу я воочью:
он в саду,

и знать не знает, нет,
как я жду
и днем его, и ночью!

Разве мало, что сгораю сам —
чтоб твой взор меня пожаром полнил?..
Девушкой была — а по глазам
я ведь этого сперва не понял...

Среди шести прочих ты — Турсун.
Будет так любить тебя не каждый!
Коль зовешь всерьез — прийти дерзну,
насмехаешься — аллах накажет.

Среди шести прочих ты — Сурма.
По ночам не ездь на верблюде,
а не то раскаешься сама:
позавидуют и сглазят люди!

Эй, пригнись-ка, сваха! Побожусь,
что с тобою сговоримся с ходу мы.
Но когда руками прикоснусь —
так не жалуйся, что, мол, холодные!

Отведу я взгляд от алатау,
за себя красавицу возьму,
но дыры в душе не залатаю —
и опять откроется в весну.

Говорили «гость» — ну вот, я гость.
С вашими знакомлюсь я краями.
Чем молить, таскать подарков горсть —
лучше жить холостяком, с друзьями!

Я из красной глины вылеплю курганчик,
лепестками дом украшу вместо ганча.
Стены цветом розы залеплю —
пусть на той и женят, что люблю!

Среди шести прочих ты — Ашур.
Муж твой будет жить как на постое:
в дом вошел — лепешки не нашел,
а посуду всю нашел пустою!

Вот урда — воистину урда!..
— Приходи,— сказала,— коль охота...
Я прокрался бы, да вот беда:
далеко постель твоя от входа!

Быть бы жертвой мне твоей, янга!
А пока
прими в подарок ситчик.
Дочь свою мне сватай с сорока
воронами змейками косичек...

Скользко — не садитесь на коня:
всё скользит, сползает сбруя с лошади!..
За невестой в эти шли края —
так полжизни за калым положите.

Конь мой для охоты — захромал,
и пробрались мыши в закрома,
молью шапка зимняя побита.
А какие девушки у нас:
спел улан неправильно — как раз
это им
горчайшая обида!

Сел во время скачек на бревно,
распустил я по-павлиньи перья...
Но пришлось умолкнуть всё равно,
только девушки улан запели.

Частой сетью дождь у нас повис.
Встретил я одну из тех певиц:
девушка, в сырой грязи по пояс,
камни перетаскивала с поля...

Двор наш там же, на вашей дороге,
но — всё мимо ваш пестрый халат.
Что ж сюда не заводят вас ноги?
С чьей обиды глаза не глядят?

У ворот твоих, рядом, где хауз,
мы цветы собирали в тиши.
И глядела ты всё, усмехалась —
понимала, зачем мы пришли.

Будь и родинкой я у тебя меж бровей —
я счастливым бы стал, не шутя.
Так ответь мне скорей и горе развей:
пожалей чужое дитя!

Взмыла ласточка — вот она, вот она!
Сил для неба ей хватит с лихвой...
А вот сердце, что страсти отдано,—
это неизлечимая хворь.

Твои брови черны густые.
Но не жмись к нему так плечом:
чуть желанье его остынет —
станет страсть твоим палачом.

Твои брови черны от рождения,
и неправда, что это усма.
Ты — любовь моя и наваждение,
но неправда, что любишь сама.

Ах, отец меня кинул, как яблоко,
и запродав меня, как айву,
только сам же всю жизнь и проплакал он,
видя, как с нелюбимым живу.

Умереть бы проклятому баю!
Всей душой его смерть стерегу.
Из-за вас я, отец, погибаю:
меня продали старику.

Что за шум от воды на улице,
словно речку не усмирят?..
Это снова в тоске волнуется
мой нетерпеливый мираб.

Мчится речка с камней, как с лестницы,
не задержится никогда.
Так и слезы бегут, не ленятся,
из-за милого, как вода.

Эта клетка на крыше — доколе
будет знаком и горя и бед?..
А у тех, что идут в мардикеры,
дети малые плачут вослед.

В лодку общую всех посадим,
наши думы — одно к одному,
и уйдем мы отсюда по саям —
разоренье у нас в дому!

Рассыпаются волосы прядями —
я их мелко и не заплету.
Но и жаловаться, по правде, мне
не положено на беду.

Мои волосы гладко зачесаны.
Своих милых могу менять.
Но родители — не на час они:
не заменишь отца и мать!

Посидела б, запела птицей —
да беда — колючек не счесть.
Собиралась тут веселиться —
а меня-то заперли здесь!

Сам Ишан-бобо меня встретил
и приветлив был неспроста:
— Поддержу тебя на том свете,
ты же мне на этом воздай!

Дал отец мне кумган негодный,
где вовек не вскипает вода,
и второй женой меня отдал,
где мне счастья не знать никогда.

Если топишь гузапаею —
едок дым у тебя в дому.
Быть одною из двух женою
не дай, господи, никому.

Снег теряют высокие горы —
закипает внизу родник.
Здесь умрем мы — а дома горе
сгорбит плечи нашей родни.

Улыбается, злится погода —
о твоей я гадаю судьбе.
Ах, мой милый, почти полгода,
как не шлешь ты вестей о себе...

Толстый бай в своей пышной одежде
задохнулся, хоть едет верхом.
А бедняк только голову чешет —
да и знай себе чешет пешком!

287

Стала бы мечетью мадраса,
были б крыши в парах голубиных...
Займеть бы шаха-мудреца —
чтобы все женились на любимых!

Ягоды поесть я влез на тут,
да, увы, обобран весь тутовник.
В девушку одну влюбился тут,
глянула в ответ бы — так и то нет!

В эту реку взбухшую, друзья,
не пуцу измотанную лошадь.
Жизнь и так уж промелькнула вся,
а другой, увы, мне не предложат.

Ты над крышею построил крышу,
очутился на балахоне.
В чем я виновата, говори же,
отчего ты спишь в мехмонхоне?

Спишь, как гость, на одеялах новых,
что же привкус чудится беды?
Утром ты встаешь — и от циновок
на лице багровые следы!

Белый голубь мой клюет зерно,
серый голубь — от лепешек крошки.
Ну, а байской дочке — всё равно:
неумытая жует лепешки!

205

В сае камешки блестят на дне,
очи милой блещут, как монеты.
Так мала — к ней не нагнуться мне,
в жены ее взять — так денег нету!

Мы пришли прогнать ворону с тополя —
слишком долго каркала, увы!
Мы издалека сюда притопали,
чтоб прогнать таких певцов, как вы!

Мы пришли усталые с дороги,
но такие нынче времена:
благо, что и живы и здоровы —
пусть остались в старых чапанах!

Брови твои черные — как вдовы!..
Вот хохочут девушки — о чём?
Уж пускай повеселятся вдоволь,
пока здесь, у матери с отцом...

У тебя — лишь стебелечки маша.
Мне хватило б места в их тени...
Неплохой я сам, да заплутавший —
и с дурной связался, извини.

Чуть я, перепелка, не попалась!
Да попала в клевер, повезло...
Зло пришло — да счастьем оказалось:
я попала к парню с ремеслом!

К платью две оборки прицепила —
вот что выдумала Асальхон.
И бежать, без всякой свадьбы, с милым —
вот что выдумала Асальхон!

Близ луны созвездие Весов.
У отца — забот несчетных войско.
Если куш мне выпадет весом —
и отец мой заживет в довольстве.

Что за песня странная — Гульер!
Нашим старым песням — не замена.
Что ж глядел джигит через забор,
когда вечером ее запела?..

Не стоял, не обрезал я тал —
отчего же разболелись руки?
Не влюблялся, не сжимал я стан —
что ж так ноет сердце от разлуки?

Я пою, но слушать не обязываю —
что ж влезать и слушать на весу?
Кто придумал, что рубашка бязевая
неизменно бедному к лицу?

Хрупки ветки персика, нежны.
В Фергане недорого жениться!
Вот цена за девушку: штаны,
бязевое платье, пуд пшеницы!

Влезешь ты на крышу по стене —
засмеешься, когда я заплачу...
Видно, что-то знаешь обо мне —
а вот что?

Не разрешить задачу!

Как три ушка — яблоневый лист.
Далеко ты, не дойти ногами.
Между нами реки разлились,
и душа колотится о камни...

Вся в шелку, в руке орехов горсть —
дочка бая
модница такая!
Но едва зайвится к ней гость —
так немедля полог опускают.

И в шелка, и в жемчуг разоденет
ту, кого приметил, мингбаши.
От него она получит денег —
и семью прокормит от души!

Легче воздуха платок мой шелковый:
перекупщик мой-то муженек.
Только отчего, едва вошел ко мне,—
сердце, словно лапою, сожмет?..

Я себе не вырастила селезня,
из хвоста я перьев не взяла.
Вот и вместе в лодку не уселись мы —
ты не оценил мои дела...

Выросшие от росточков тоненьких,
эти деревца — скажите, чьи?
Эти все сады — мои, садовника,
а не ваши,
беки, богачи!

Как наперстки, красные цветочки.
Всё не сыт я — вновь к тебе пришел...
Милая, и кто придумал только,
будто надо брать всё новых жен?

Вы скажите вашему имаму,
пусть, мол, больше он не тратит пыл,
не встречается третьим между нами —
баню бы нам лучше истопил!

Эти горы — горестные горы.
Разореньем пахнет и ворьем.
Черные, лихие дни и годы —
больше вас, чем на поле ворон!

Эти близнецы — земля и небо —
переполнены... Но не грустим:
если бы холостяком я не был —
сделаться мечтал бы холостым!

В сад не заходи — расцвел миндаль,
в дом не заходи — полно народу,
тут не стой — и выйти не мечтай:
мой отец пришел седебородый!

Замерло у прялки колесо,
на глазах не высыхают слезы.
Всё встаю, выглядываю всё:
не идет ли мой громкоголосый...

Эта прялка чертова — не мед,
колесо заело — и не дышит.
Ну и парень — знаков не поймет,
а позвать — так все вокруг услышат!

Прялки моей дед — кокандский тал,
мои косы — гуще конской гривы,
но аллах мне не предназначтал
ни богатой жизни, ни счастливой...

Милого упрятала тюрьма.
Понесу шурпы ему в кувшине —
всё вкусней, чем то, что задарма
в миску сторожа ему крошили.

Если улицу водой зальет —
уткой поплыву по водной глади.
Горькую любовь, что длится год,
опишу я не в одной тетради.

Низко ветви персика висят —
слишком много там плодов поспело.
Слишком многие в тоске глядят —
вот любимая и поглупела.

Что на этом платье, на груди,
за цветы — не с луга, не из сада...
Не хочу за старика идти:
сам седой и с грудью волосатой.

Чем носить атласное — ей-ей,
лучше б я себе купила бусы.
Чем идти за старика — скорей
к речке побегу и утоплюсь я!

В сад твой лазить — только и умел,
подбирать там падалицы груды.
Но зато теперь я поумнел,
больше делать глупостей не буду!

Эй, берут в солдаты!
Плач в ночи,
мирные деньки у нас забылись.
Возгордились было байваччи —
ну, а нынче по углам забились.

Озеро у нас за кишлаком.
Вымок весь от слез мой бедный ворот.
Дом с детьми — цветами полный дом.
Дом бездетных — степь, что выжег ворог.

Пусть луна высоко — на луну
влезу я, усядусь, коли выйдет,
и на землю с высоты взгляну:
это вас мне хочется увидеть!

Мал арык, но вашего конька
даже та преграда задержала.
Так что не для вас это пока —
взять себе жену из Андижана!

Матушка, неутомима боль —
но кому я расскажу об этом?
Если это и зовут «любовь» —
лучше без любви пройти по свету.

Где твои ворота, милый мой?
Мой платок брошенный — из марли.
До заката надо бы домой,
только платье мы с тобой измяли...

Я-то ведь не птичка в небесах —
мне от слов о милом станет худо...
Мог бы и письмо мне написать:
я ведь серебро, а не полуда!

Песенка Гульер — нехороша,
и певец-то не поет, а воет.
Плох мой милый — не дал ни гроша
мне на шелк по имени «червонец»!

Не твердите, что воняет жутко:
что сварила — то и дожужим!
Пусть еда — на масле из кунжута:
будем жить — до мяса доживем!

Лучше нам браслеты снять с запястий,
если выбилась — упрятать прядь.
Девушки, хорош наряд из бязи:
в нем прохладно хлопок собирать!

Разве не прокладывали ровно
грядки, когда сеяли усму?
Пусть бедна —
и ты отыщешь ровню,
землепашца полю своему!

Ну, продашь ты теплый мой платок —
в золоте утонешь с головою!
Ну, жену добудешь... А потом
повезешь куда ее с собою?

Пусть на мне платок завяжет мой,
кто края не связывал доселе.
Брови наведу себе усмой —
пусть сгорают те, что не горели!

Натянулась — лопнула струна,
когда я играла на дутаре.
Сердце дрогнуло, когда сполна
в памяти черты твои предстали.

Ты поешь — так веселее пой.
Пусть джигитов обжигает зависть:
бросят кетмени, стоят толпой —
и рубли считают, угрызаясь.

Ах, любимый, нанести ли хну
на ладони, белые, как вата?
Бросить ли ради тебя родню —
мать мою с отцом, сестру и брата?..

Вьются длинных кос моих концы.
По тебе я выплакала очи.
Эта ночь длинней моей косы —
жизнь моя
короче этой ночи!

У арыка лед покрыл края.
Над водой застывшею сижу я.
У тебя любимая своя —
так что не высматривай чужую.

Не черни ты брови так и здесь
их усмой не наводи нещадно!
У тебя уже любимый есть —
иль еще кому-то обещала?

Я стяну иначе чернь волос —
чтоб не падать пряди одинокой.
Разные любимые у нас —
только голос страсти одинаков.

Яблони цветок — цветок не твой:
он увянет, вынесен из сада.
И чужой дружок — дружок не твой:
он с тобой не засидится рядом!

Выхваляешь белого коня —
серый с ним померяется силой!
Милый — у тебя и у меня —
самый лучший в мире и красивый...

Мой любимый в город укатил,
обещал весною воротиться.
Воротился — сердцу б угодил,
что дрожит, как пойманная птица!

Вот следы моих верблюжьих стад,
вот костер, доселе не потухший.
Вот и милая, что мне под стать —
два дыханья на одной подушке!

Свой платок я постирала там —
и на тал повесила проворно.
Будь он проклят, этот черный тал —
память счастья утащили воры!

Ах вы, саи длинные мои,
кони, пролетающие дальше,
треугольник плача — журавли,
вы привет любимой передайте...

288

Когда я уходил в дорогу,
встала милая у дверей.
Говорит: «Вернешься ли к сроку?» —
а слезы сбегают у ней.

Ненадолго оставил милую —
до Ташкента подать рукой.
Что-то вслед она говорила —
а в душе у ней был другой.

213

На ташкентскую глянь дорогу —
косит мысли тоски коса.
Так его ожидала долго —
проглядела я все глаза.

Как копыта цокают сочно
по камням улицы нашей!..
Если ты заигрывал с дочкой,
познакомишься и с мамашей.

Сделать посох из ветки персика —
ну, кому, скажи, не захочется?
Мать не сладит с тем — хоть и бесится,—
кто за дочкой ее охотится.

Заблудился я, бедный путник,
где же спутник мой дорогой,
что воды в пути раздобудет,
да и путь укажет другой?..

Когда воды стекают струями,
пойм землю не той водой ли?
Знаю, что от любви умру я — и
не кляню этой горькой доли.

Умолял твоих псов ночами,
сам себе до рассвета врал.
Ты не вышла, как обещала,—
пожелтел я, что твой шафран.

Я скажу тебе, глядя в очи —
а намеки, что толку в них,—
я приду к тебе нынче ночью —
и возьми меня в свой цветник.

Звезды ль в небе мигают слепо?
Звездный свет то слепящ, то желт.
Загляни в мою грудь — и слева
ты увидишь любви ожог.

Распахните двери пошире,
на вас, милого, нагляжусь.
В очи ваши нырну большие,
вашим запахом надышусь.

Ах, мой милый, спеши, не медли,
в сад мой яблонево́й сойти.
Караулю — идешь ли, нет ли —
вот и встречу на полпути.

Эта улица — кочки, вмятины —
так длинна, что пройти невмочь.
Не скажите, смотрите, матери,
что так жарко влюбился в дочь.

Соловьи замолчали ранние,
вянут розы, склонивши стан.
Милый чьей-то поверил брани,
замечать меня перестал.

Скажешь — где он такой, мол, выискался
в нашем персики рвал саду...
Но взгляни на меня хоть искося —
для тебя и на смерть пойду.

Персики в саду у вас ветвисты,
заходил я как-то по весне.
Наяву однажды отзовись ты,
как в моем ты откликалась сне.

Яблоки в саду твоём висят —
весь бы век впивал я аромат.
Пожалей ты чужака-беднягу,
не гони, а пригласи в свой сад.

Твои яблоки спеют крупные —
не пора ли сорвать, стряхнуть?
Так нежна твоя грудь округлая —
не пора ли тебя умыкнуть?

В сад зайдите отве́дать яблoк,
очень яблоки хороши.
Милы речи ваши и облик,
обещания — от души.

Подпоясан, затянут туго,
недоступен ни для кого.
После бед моих и недуга
и не спросит, мне каково.

Когда пьешь кумыс — это кисло,
выпьешь — кажется, сад во рту!
У девчонки во взоре — искра,
речи ж — словно нават во рту!

Пой, соловушка, пой над розой —
ветка сломится, наконец.
Бросит милый меня всерьез — и
тут опомнится, наконец!

Ах, подруга моя, подруга,
ты проведать меня пришла.
Где, скажи, от любви порука,
средство против этого зла?

Были ль на небе тучи черные,
что пустились снежинки в пляс?
Жизнь отдать из-за той девчонки —
было ль это достойно нас?

Где те дни — у пары тополей
вы ко мне протягивали руки,
говорили — всех, мол, я милей,
а любовь — сильней
любой разлуки?..

Воробыи щебечут — эти на кусте,
те — деревья оседлали разные.
А красавица-то наша — где?
Ходит, где захочет, черноглазая.

Я уж было заснула ночью —
проскакал на своем коне.
Не подъехал, не глянул в очи —
а оставил сердце в огне.

Ах, тогда, в начале начал,
оставаться бы мне поодаль.
Лучше б я тебя не встречал:
сохранил бы сердце, не отдал.

Что ж, уйдешь? Скорее уходи.
Не замечу или позабуду,
жизнь была бы да огонь в груди —
а возлюбленных найду я всюду.

Если в сердце женщину не вступишь —
против пули сердце устоит.
Но и крепость обратится в пустошь,
если вступишь женщину, джигит.

Дочка бая: две ее косы,
словно две бородки у козы.
Уши — две колодки деревянные,
две руки — как две морковки вялые.

Этим черным горам впереди
время вроде бы снегом одеться.
Повернуться бы мне и уйти —
да что делать?

Люблю ее с детства...

Громко сердце мое колотится,
когда в гости к милой иду.
Словно чистой воды из колодца,
первых слов ее нежных жду.

Я куплю на копейку ниток,
прочь из лавочки убегу.
Моей милой в городе нету:
ее отдали старику.

Что ж теперь мне: пусть люди видят —
к ней пойти и стать у ворот?
Ждать и ждать, хоть она и не выйдет,
а на холоде сердце мрет?

К себе меня любимая зазвала,
пришел, а мать ее поет, поет...
Мы с дочкой вышли, встали у дувала,
заплакала — и слезы льет и льет...

Ждет меня, но не подаст и виду
и словами колет, как приду.
Пусть: любимой сладкую обиду
я не посчитаю за беду.

Весна в нашем кишлаке,
на заре — красиво!
Поют птицы налегке,
полнят сердце силой.

Залезаю в сад — вайдут! —
розу умыкаю.
А тем временем войдет
девушка такая!

Прялка делает «гум! гум!»,
слышно и в Коканде.
А кокандки под тот шум
спорят скуки ради.

Кто-то яблоко надгрыз,
принесла сорока.
Что не кинет его вниз —
я не дам зарока!

Пил я, пил — и пьян я стал.
Девушек заметил.
По каким ни глядь местам —
всё у них на месте!

Вижу их и там и тут —
светят платьем красным.
Платья красные идут
девушкам прекрасным!

По реке плыву — река
так и крутит петли.
Милая недалеко —
как же тут не петь мне?

Петь-то пел, да к ней не сел,
запутался в шелке,
поцелуем не посмел
тронуть эти щеки.

Красный склон наверх позвал,
душа встрепенулась.
Сердце красной розы вам
сладко улыбнулось.

Дам заргару я стекло —
сделает ли жемчуг?
Всё отдам души тепло —
что в ответ прошепчет?

Человек взберется ввысь —
не может спуститься.
Нет причин — не торопись
сердцем прилепиться.

В сад полез, не повезло —
и рука сломалась.
Ждал добра, попал во зло —
и душа сломалась.

Навела усмою бровь —
сменил милый планы.
У него — с другой любовь,
в моем сердце — пламя.

Кумачом дувал укрась.
Красится усмой она.
Молодую смог украсть —
учи жить по-своему.

Ты мне марли не дари,
на пути не стой моем.
Отец ищет свах вдали,
выдаст за достойного!

До Манкента путь далек,
только мало толка.
Что ни той тут — то улак,
а весь калым — телка!

Были б вместе — ты права:
степь бы садом стала!
Просто грех таким бровям
пропадать задаром.

Дверь открыть — взметнут цветы
стебли, как фонтаны.
Вдруг заглянешь в гости ты —
постелю вон там я.

Кисти на платке моем
взметнутся в порыве.
Ах, как сладостно вдвоем,
когда всё впервые!

290

Тополь вырастет в саду —
дом из веток возведу.
Заведу себе подружку —
на пирушку поведу.

Сын подрос — гони невеж.
Сад подрос — чини навес.
Не захочет сын учиться —
пусть живет среди овец.

Гору с речкой помирю.
Ты — цветок в моем миру.
Не сыщу с утра любимой —
значит, к вечеру помру.

Платье шила я — у шва
недошила я, ушла.
Не нашла себе я ровни,
хоть всю землю обошла.

Поднялся на крышу я:
там был птенчик воробья.
В эту улицу хожу я —
там любимая моя.

Старый тал — глядит и тот:
моя милая идет.
Взор косой в меня метнула,
я ж стою, как идиот.

В огороде, на задах,
кеклик смотрит на закат.
Полюбила я кокандца —
до чего же языкат!

В сад твой шел я от жары,
рвал гранаты до поры...
Поумнел с тех пор — и знаю:
стоят дорого дары.

Смотрит с горок под откос,
свесив сорок тонких кос:
потеряла ожерелье —
только где? Ведь вот вопрос!

Только тронешь ты дутар —
жизнь отдать готовы в дар!
А платочек, что ты носишь,
почему-то очень стар...

Ах, мой голос, ах, мой саз!
Что бы делал я без вас!
А хороший чайник чаю
был бы кстати нам сейчас...

291

Звезды не потухли —
стать хотят луною.
Хочется старухе
побыть молодою.

Говорит лягушка:
свадьбу, мол, сыграю!
Как у всех, не хуже,
завопят карнай...

Щебет воробьиный.
Вроде бы светает.
Если бы любимый
вышел на свиданье!

221

У тебя, спасибо,
яблоня большая.
Тот, кому по силам,
возьмет дочку бая.

Яблоньку же нашу
все трясут за ветки.
И возьмут беднячку
силою в невестки.

С гор сбегают сая,
к саям вышли бай.
Каждый взор бросает —
высмотреть красавиц.

Ветку гну лукаво,
плод склонился сам уж.
Говорю «ака» вам —
сама хочу замуж.

Чай кипит надсадно,
всхлипывает, плачет.
Что глядишь?

А сам-то
купил одно платье.

Ах, уехал парень,
не позвал — и точка.
Не дал мне на память
даже лоскуточка.

Кинула я камень —
уронила бусы.
Шарила руками —
байский сын проснулся.

Соловья-бедняжку
в саду увидала.
Он терзался тяжко:
роза увядала.

Пеной нарисует
край воды нечеткий.
Тот старик безумец,
что берет девчонку.

О тебе толкуя,
затянулся дымом.
Коль любовь такая —
лучше без любимой.

Я в тебя влюбился,
а ты любишь каждого.
Вот бы сон мой сбылся:
ты меня возжаждала!..

ЧAPAN его — красный,
конь его — киргизский.
Горело — погасло,
играло — прокисло...

ЧAPAN бекасамовый,
узор — как наклеен.
Догадался сам бы он —
взял бы на колени!..

Мой хирман из красных роз!
Сколько же желаю...
Как прикину — силы прочь,
сама чуть живая.

Мчитя неумно
с гор поток несытый.
Жить не суждено мне
с молодым джигитом.

Шла по речке, как вода —
не нашла я крова.
Сами видите, куда
я дошла — до гроба.

Кличешь меня черным,
а какой я черный?
И не вижу я, как ты
смотришь обреченно...

Мне звездой бы огневеть,
золотой ячейкой...
Ах, не мучь:

я тоже ведь
единственный чей-то!

На горах не тает снег.
Глянь хоть раз любовно!..
Не желает. Нет так нет.
Сыщется мне ровня.

292

Обложило небо тучами,
не дожидаться мне луны.
Окружили беды жгучие,
милы очи не видны..

Вроде месяц пробивается,
а на деле света нет.
Милый мой перебивается,
только где — ответа нет.

Почему, как стал у двери ты,
не позвала вздохом в дом?..
А зато уж, не поверите,
как я плакала потом!

Ту сырую ветку тала я
сдуру кинула в огонь:
вся истлела, как истаяла,
словно не было такой!

Мила друга с душой крепкою
кинула в огонь любви,
и сгорел он тонкой веткою,
затерялся меж людьми.

Ах, дутар мой, брови кеклика,
как у кобры, голова.
Раз любовь на сердце теплится —
и ответная жива.

Светится бумагой белою,
кто любви вкусил едва,
но шафраном желтым сделала
нас любовная беда.

224

Вода горькая нахлынула,
бедный сад сгубила весь.
Всё любимая покинула,
как узнала злую весть.

Шел и шел от юрты к юрте я,
всё искал я среди юрт.
Нет приюта бесприютнее,
чем любви моей приют!

В твоём саде незаметною
буду веткой миндаля,
чтобы место то заветное
знали двое: ты да я.

Пусть твой тихий сад озвучится
нежной песней соловья,
а разлучник и разлучница
промахнутся, нас ловя.

Твои брови вижу черные.
Я на горке, ты в саду.
Слышу песню, а о чем она —
я пойму, когда сойду.

Разбросал по речке просо я,
поймал рыбу на крючок.
Мы с тобою стали взрослые,
и друг к другу нас влечет.

Над камнями речка катится,
над бровями вьется прядь.
Только вспомню тебя в платье —
мне и плачется опять.

Над водою сели сами вы,
не мутите же воды.
А халат ваш бекасамовый
сердце рвет в моей груди.

Перед домом лед да дерево,
стоит девочка на льду.
Всё сама себе наделала
и одна лежу в бреду.

Перед вашими хоромами
я стегну коня опять.
Разбудить тебя попробую,
если только можешь спать.

Косы по спине разложены,
а их десять раз по пять.
Это тело белокожее
кому дашь поцеловать?

Вместо палки ему — веточка,
вещи — ветошь да сума,
кто моей желает смертушки,
сам пускай умрет сперва!

Шел, куда глаза глядят мои,
вел корову по селу.
Молоко вам, сливки знатные —
нам же только поцелуй!

Караван с купцами чинными,
до Ташкента путь велик...
Сам же ты всему причиною,
на кого ж теперь валить?

Захожу из сада душного —
твоя комната светла.
Глянул — а между подушками
ты лежишь нежней цветка...

293. ГОВОРЯТ

Когда от нас салом —
от вас алик, говорят.
Когда от нас кумыс —
от вас каприз, говорят.

Вот песня — хороши
ее слова, говорят,
как зерна, что прошли
сквозь жернова, говорят.

Благодарите мать,
что вас взрастит, говорят,
и, что ни наломать,
вам всё простит, говорят.

С равнин, как и с высот,
стекает дождь, говорят.
У тетки, что идет, —
красотка-дочь, говорят.

Кто ни встречал — всегда
ей все «люблю» говорят.
Полночная звезда
у ней во лбу, говорят.

Верблюды-то у меня —
и вправду нар, говорят.
Шерсть на два чекменя
с него я снял, говорят.

Тем слава, что слова
не тратят зря, говорят.
Их сила не слаба
пред силой зла, говорят.

Судьбу я не корил,
а гнал овец, говорят.
За девочку калым
уж брал отец, говорят.

С девчонкой в десять лет
нельзя ж играть, говорят!
Других в ауле нет,
чтоб в жены брать, говорят.

Ее попросишь: «Спой» —
так не споеет, говорят.
Всю дурь свою дурной
с собой берет, говорят.

Коль брать жену пора —
так не тяни, говорят.
Жена, когда стара,
не гнет спины, говорят.

И ветер задувал,
и нынче дождь, говорят.
Не выйдет за дувал
у бая дочь, говорят.

Лошадке ли овсу —
«Не понесу!» — говорит.
«Не подою овцу —
а уж козу!..» — говорит.

294—306. ЗАКЛИНАНИЯ ПРИ УХОДЕ ЗА МЛАДЕНЦЕМ

1

ПРИ ПЕРВОМ УКЛАДЫВАНИИ В КОЛЫБЕЛЬ

1

Дитяtko душевное,
украшенье шейное!
Даровал тебя аллах,
чтоб любила, нежила,
чтобы шли дела на лад,
шесть бешиков вешала!
— Так положим?
— Нет, нет!
— Так положим?
— Нет, нет!
— Так положим?
— Да, да, да!
Уйди, Баба́, навсегда —
пришел сам хозяин,
чье ты место занял!

Если мать твоя с отцом
вдруг рассорятся потом
да начнут ругаться —
нечего пугаться!
Если спор заладят
сестры да братцы,
пестрый пес залает —
нечего пугаться!

Кошка замурлычет —
мальчик не захнычет.
Ишак закричит —
сын промолчит.
От чужого голоса
не побеспокоился!..

II

Ой, луна, луна пришла,
чтобы закатиться.
Я сыночка принесла,
спать пора ложиться.
Вот так сын! Вот так сон!
Посмотрите сами...
Только б не проснулся он
от нашего касанья!

III

Ты уйди-ка, Баба!
Забери свой мешок,
потому что сюда
сам хозяин пришел.
Моему цветку цвести
в золотой крепости.
Ай да звон-ураган,
ураган да звон!
Здесь назло всем врагам
воцарится он!

IV

Пестрый шелк
посох от жара.
Хозяин пришел —
собака сбежала!
Ах, ты мой беленький,
словно от мельника,
ты наш венец —
где твой отец?..
Денег, может, много
у матери твоей,
только еще больше
сыновей.

КОГДА ВПЕРВЫЕ БЕРУТ ИЗ КОЛЫБЕЛИ

I

Мой сыночек вышел вон,
а в бешике дрыхнет сон!

II

Вот и вышел, наконец,
маленький наш мальчик,
принеси ему, отец,
маленький чапанчик!
Бусинки на ворот,
чтоб не сглазил враг...

Пускай приосанится,
да беда не вяжется!
Ворот пусть засалится,
а пола — измажется!

3

КОГДА ВПЕРВЫЕ ОКУРИВАЮТ

I

Эй, раскуривай, исырк,
веточку за веточкой,
пусть дымит, а не искрит
над моею деточкой,
завидуший выест глаз,
этот глаз уйдет от нас,
мы б его пустили
в пески да пустыни!
Вытечет в озерко —
глянет мальчик озорно!

А дыму-то, дыму!..
 Духи — вон из дому!
 Уходите,
 голы,
 угодите
 в горы!

КОГДА ВПЕРВЫЕ КУПАЮТ

Льется чистая вода.
 Мы тебя начистим,
 а твоя нечистота
 пусть уйдет к нечистым.
 К злобным да немилым,
 ханам да эмирам!

А вода
 худа —
 мальчик толстенький!
 Прибавлял бы без труда
 в весе, в росте бы...
 Вода, смой с него грязь,
 утекай себе, смирясь,
 будь ему полезней,
 чтоб не знал болезней!

КОГДА ИСПОЛНЯЕТСЯ ПЯТЬ ДНЕЙ

Через пять дней прошел —
 через камни прошел,
 с жерновом мельницы
 силой померился,
 шел в чарыках через степь,
 всё боялся не успеть!

Ах, ты мой малюсенький,
глазоньки да ушки,
материна бусинка,
отцова игрушка!

6

КОГДА ИСПОЛНЯЕТСЯ ДЕВЯТЬ ДНЕЙ

Дней отмечено —
девять,
смерти нечего
делать!
Усмирись ты, зависть,
это наша завязь,
будь любимым он везде,
в доме нашем шахзаде,
наше солнце и луна,
наша крепкая стена!

7

КОГДА ВПЕРВЫЕ ПОКАЗЫВАЮТ СЕМЬЕ

Всего хватит и на двух у нашего парня:
вон какая повитуха у нашего парня!
И отец — дебелый у нашего парня,
да и дед-то — бек у нашего парня,
и матушка здесь у нашего парня,
и бабушка есть у нашего парня,
и братец силен у нашего парня,
и пара сестер у нашего парня.
И готовят место нашему парню,
посвятят невесту нашему парню!

8

НА ПЕРВЫЙ ЗУБ

Зиму прочь несут,
весна полнит сая.
У младенца зуб
лезет, вылезает.
Не глядите, что он мал —
дело молодое,

зато нынче заимел
собственную долю:
будет жить-поживать,
будет пищу жевать!

9

КОГДА ВПЕРВЫЕ САДИТСЯ

Как уж сел на зад —
нет пути назад!
Славно это выйдет
у нашего месяца:
девчонки увидят —
от любви повесятся!

10

КОГДА ВПЕРВЫЕ ВСТАЕТ НА НОГИ

I

Он бы бегал — мать смотрела,
отец глянул на пострела,
а тот сбегал на базар,
мяса взял да риса взял,
мать помыла б риса —
плов бы и сварился!

II

Пусть бежит и прыгает разом,
и занозы в ножки не влазят,
рабы божии с дурным глазом
пускай маленького не сглазят!

11

КОГДА ШЬЮТ НОВУЮ ОДЕЖДУ

Пойдет новая в ход,
жить ей тысячу лет,
ну а старой — сроку год,
и того уже нет!

КОГДА ШЬЮТ НОВУЮ ОБУВЬ

Я сыночка нашего
в новое обую.
Топочи да снашивай
новую обувку!
У обувки старой —
жеребец усталый...

КОГДА ВПЕРВЫЕ МОЮТ ДЕВОЧКЕ ВОЛОСЫ

Расти за день — на ладонь,
за месяц — до полу.
Ей — жених молодой,
а нам — казан плову!

307. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Стройна, как тополь, как цветок, нежна,
добро,
    добро пожаловать в наш дом!
В павлиньем оперении луна,
добро,
    добро пожаловать в наш дом!
Рубины губ и зубки-перламутр,
глаза — миндаля, прелестней летних утр —
добро,
    добро пожаловать в наш дом!
Сама Лейли, добро и красота,
с достоинством явились вы сюда —
добро,
    добро пожаловать в наш дом!
Пусть вас богатство свекра осенит
и радости возносятся в зенит —
добро,
    добро пожаловать в наш дом!
Одиннадцать сынов пусть даст вам бог,
семь дочерей — утех вам и подмог,
пусть с вами счастье входит на порог,
добро,
    добро пожаловать в наш дом!

Пусть длится жизнь и долго, и легко,
и доля ваша встанет высоко —
добро,
добро пожаловать в наш дом...

308. НА ТОЕ

Как друг на друга сундуки
глядят-поглядывают, хой-хой,
глядят-поглядывают,
а свахи обе, в две руки,
себе подкладывают, хой-хой,
кладут-подкладывают.

За занавесками, стройны,
чинары прячутся, яр-яр,
чинары прячутся!
От сглаза каждому нужны
тумар на платьице, яр-яр,
тумар на платьице!

Что ярким пламенем горит,
арча ли жаркая, яр-яр,
арча ли жаркая?
А на невестушке блестит
парча ли яркая, яр-яр,
парча ли яркая?

309. ЧЕРТИЛ Я ИМЯ

Чертил я имя на песке
твое единое, яр-яр,
теперь стою, смотрю в тоске
на пламя дымное, яр-яр.

Кумган с водой не оставляй —
покроет ржавчина, яр-яр.
Чужому дочь не отдавай —
уедет прочь она, яр-яр.

Уедешь прочь — начнет тоской
тебя трясти в ночи, яр-яр,
и станешь тощей и пустой,
как та тростиночка, яр-яр.

Друг дружке оба сундука
совсем не нравятся, яр-яр,
а свахи две, с рукой рука,
спешат заправиться, яр-яр.

Моя знакомая не пьет,
на локон дунула, яр-яр,
и, надкусив румяный плод,
бежать надумала, яр-яр...

310. СЕСТРА И ЗЯТЬ

Шурша, в камыш упала —
теперь не сыщешь там уж! —
моя серьга, яр-яр.
За молодого парня
сегодня вышла замуж
моя сестра, яр-яр.

Стоят пустые пальцы,
кольцо у ней на пальце,
кольцо у ней, яр-яр.
Не знаю, где усесться,
так больно ноет сердце
в груди моей, яр-яр.

Посмела б речка взять — и
я всё б ей заплатила:
сестру спасти, яр-яр!
Умчала б речка зятя —
легла бы я плотиной
ей на пути, яр-яр...

Давай я тебя укачаю, алла,
тебя я взращу на руках, алла-ю,
чтоб песня всю силу тебе отдала,
а сон успокоил кровинку мою!

О черные очи мои, алла-ю,
о сладкие речи мои, алла-ю...

Ты спи, мой сыночек, пока я пою,
прикрой свои очи скорей, алла-ю!
Я в шелк бы одела тебя и парчу,
да что-то бродягу-отца не сыщу...

Кому рассказать мне про наши дела,
про вечную горькую бедность, алла?

Сыночка несу —
тюбетеечки нет,
зима на носу —
телогреечки нет!
Достатка
в погоне
отцу не поймать,
остатка
покоя
лишается мать...

Ах, черные очи твои, алла-ю,
ах, горькие речи мои, алла-ю...

В синих пролетают небесах
 надо мною журавли, алла,
 вот письмо б на крыльях написать —
 и отцу бы отнесли, алла.

Пусть он возвращается, спеша,
 пока не добрался враг, алла,
 пока бедная моя душа
 с телом не рассталась враз, алла!

Только тот тюльпан еще живой,
 что я в воду ставила, алла.
 Если муж мой со второй женой —
 жизнь моя истаяла, алла!

Рано утром я прерву свой сон,
 молоком я накормлю, алла,
 а когда ты станешь взрослым, сын,
 не забудь любовь мою, алла.

Ну, да будешь помнить или нет,
 всё равно расти могуч, алла,
 и пускай тебя признает свет
 и не знает небо туч, алла!

Свой закон у колыбельной есть,
 есть для сна своя пора, алла.
 Мать твоя, что пить дает и есть,—
 самых горьких дум полна, алла!

Кончилась, сгорела я дотла,
 не осталось ничего, алла.
 Всех и всё судьба отобрала,
 вот и плачу оттого, алла.

Горе мое выше головы —
 нету больше силы жить, алла.
 Не ушла одна беда, увы —
 новая уже спешит, алла...

Алла-ю, алла,
свивальники —
всей длины-то в них аршин.
Алла-ю, алла,
мой маленький,
скоро вырастешь большим.

Моего ребенка локоны —
золотая голова.
Что носить —
соткем из хлопка мы
ему, алла-ю, алла!

Замутила воду рыба ли,
нет ли, алла-ю, алла?
Золотые брызги прыгали,
помутились зеркала.

Золотые брызги-родинки
твоя грудка приняла.
Спи, мой маленький,
мой родненький,
спи же, алла-ю, алла!

Проползли в траве не змеи ли?
Мы отсюда поспешим.
Алла-ю, алла,
я смерила:
скоро вырастешь большим!

314

Это туча ли тянется черная,
град вбивает ли горькие вмятины?
Боль ты, боль моя неизреченная,
ты ли мучила дни моей матери?

Сдерни напрочь платочек мой траурный —
видишь, мама, как дети заплаканы?
Не спасли тебя добрыми травами,
погребли твои мягкие локоны...

Ах ты, бязь похоронная белая!
Ах, газели-слова над могилою!..
Мама, милая, что ж ты наделала,
на кого ты нас в мире покинула?

315

Ах ты, синяя-пресиняя река!
Истощенные зеленые поля!
Мама бедная, иссохшая рука,
приняла тебя холодная земля.

Где ты, ласточка?.. Непрочного гнезда
возле сая, о красавица, не вей.
Вот и мама моя больше никогда
не появится на свадьбах сыновей.

В небе облако не обещало дождь,
а пошел — и превратился в град.
Вот не думала я, мама, что уйдешь
без прощанья и надежды на возврат.

240

Не копай в себе, душа, не вороши,
что ты высказать хотела с давних пор.
Мы по улице широкой не прошли,
упустили самый главный разговор.

По ночам теперь ты снишься, по ночам.
Малый холмик, притулившийся над ней,
показал бы хоть на миг мне, хоть на час
мою бедную, что бедных всех бедней.

И словечка-то не скажешь, всё таишь:
как живется там, у сверстников твоих?..

316

О бедные рабы, кому — туда,
вы передайте матери привет.
А если спросит: как влачу года? —
Как все! — скажите.— Среди зол и бед.

Тому бы согнуть дальнему пути,
что иссушает ноги лошадей.
Проклятье смерти, коль таких, как ты,
себе избрать спешит среди людей.

Не насмотрелась на твои глаза,
слов не сказала, что могла бы я.
Теперь ни глянуть, ни сказать нельзя,
о мамочка, наставница моя!

Полны узлы неношенных одежд,
из них не пригодилась ни одна.
Полна душа погубленных надежд,
из них не воплотилась ни одна...

317. ПЛАЧ ПО ОТЦУ

Тоска навалилась, отец мой, тоска навалилась!
И книжная связка, отец мой, совсем запылилась!
Гляжу я на книги, знакомые с детства, отец мой,—
зачем ты нас только покинул, скажи мне на милость?..

Спешу ли, иду ли, отец мой, походкою скорой,
вдоль белой твоей, о отец мой, покинутой школы —
лишь розе с райхоном там в хауз глядеться, отец мой,—
доколь же душе суждены этой боли уколы?..

Ох, нет, не тверди мне, отец мой, что я, мол, живая!
Ходячий мертвец я, отец мой,— покоя желаю..
Как сорванный листик! Куда бы мне деться, отец мой,
с той горькой минуты, с той страшной минуты не знаю.

Хоть в степи уйти мне, отец мой, хоть в степи пустые!
Слезами своими, отец мой, омою пустыню..
А встретиться там не найдется нам места, отец мой,—
я грудь разобью, о аллах милосердный, прости мне!

Ходил ты, отец мой, в нестеганом тонком халате,
и душу чуть грело, отец мой, холодные платье.
А жизнь — лишь на время в миру этом тесном, отец мой!
Кому ее отдал, в какие чужие объятья?..

Стучат, о отец мой, топчут копытами кони,
как будто, отец мой, о крышу колотятся комья.
Я той затевала, поставила тесто, отец мой,
но с тоя ушел ты, оставил застолье такое!

Дома наши нынче, отец мой, остались без тени,
добро, о отец, без хозяина всё в запустенье.
Кто словом разумным наставит вот этих, отец мой,
кто властной рукою сурово расправится с теми?..

Придет ли хоть кто, о отец мой, дорогой кружкою
узнать, о отец мой, что станет нынче со мною?
Дорогой прямою придут ли: что, дескать, отец мой,
она еще здесь, не рассталась с юдолью земною?..

318. ПЛАЧ ПО СЫНУ

Оставил свой платок —
я руку завяжу.
Что на сердце — о том
кому я расскажу?

Пусты мои глаза —
один лишь блеск нагой!..
Душа ведь не казан,
чтоб ставить на огонь.

Был черен твой платок —
тебе глядела вслед.
Стал желтым твой платок —
повыгорел от бед.

О черные дела,
как желт огонь беды!..
Платок я продала,
чтобы купить еды.

Живу я, как в бреду.
Вот вечер накатил.
По улицам бреду,
которыми ходил.

Куда, зачем бежал?..
Душою не криви.
Платок твой, Бабаджан,
по краешку в крови.

Сады твои, пруды —
пристанища гусей.
Кому сказать «приди»
в пустыне жизни сей?

Выкрикивать «вайдот»
напрасно по ночам.
Когда душа уйдет —
окончится печаль.

А как пока терпеть
и где набраться сил?..
Я поняла теперь:
не возвратится сын.

Взлетела б, может, я —
да с крыльями беда.
Присела б, может, я —
нет у меня гнезда.

Перед дверьми арык —
ни моста, ни доски!..
Нутро мое горит —
не высказать тоски...

319

Из красных маков наберу букет.
Родня расходится, спешит обратно.
С тобою вместе в землю нам — не след...
Хоть порыдаю над тобой, о брат мой!

Заплачет плачем глиняным вода,
и всхлипнет сай в камнях тысячекратно.
Коль слез из глаз не выжала беда —
так лучше очи выколоть, о брат мой!

Весь путь сюда под тысячью подошв
истерся в пыль, улегся безотрадно.
Пока тут сам навеки не пройдешь —
с ушедшими не встретишься, о брат мой!

На брови шапку надвигал всегда,
шел по проулку, как на подвиг ратный...
Ах, горькою мне кажется еда,
как затоскую по тебе, о брат мой!

Стираются в работе жернова,
засыпаны мукою неопратно.
Вот умер ты, а шапка-то жива:
висит себе на колышке, о брат мой!

Еще порой дороги и сады
твои шаги мне возвратят украдкой.
Еще звучат речей твоих следы
среди твоих ровесников, о брат мой!

В дом Шаимкула змеи заползли —
когда же ныне уползут обратно?..
Твоих друзей увижу я вблизи —
и горько мне становится, о брат мой!

Из улицы и в улицу бреду
и долг в душе влачу я неоплатный.
И малого цветочка не найду,
чтоб горе это скрасил мне, о брат мой!

Осенним овцам посреди долин
сухой травой кормиться неприглядной.
Кто б эту боль на сердце утолил,
смягчил беду жестокою, о брат мой?

В доме твоём командует отын,
ты сорок дней как сгинул безвозвратно.
Здесь все твои ровесники,
один
пустым свой пост оставил ты, о брат мой...

320

Гнется ветка цветущего персика,
что когда-то ты сам же сажал.
Тянет горlinkа горькую песенку
над могилой твоей, акаджан.

Сколько дней мне пришлось, неприкаянной,
по тебе убиваться потом!..
Перекрыла я крышею каменной
твой последний, твой глиняный дом.

Коль хвороба тебя не убила бы,
не оставила спать на спине —
и тебе почти столько же было бы,
сколько нынче исполнится мне.

Ударяются ль капли о лужицу
в неизвестном каком-то саду?
Иль ушам моим всё еще слышится
его стон, когда был он в бреду?

Как заполнился мутными водами
наш прозрачный, просвеченный сай,
так до смерти и дни мои — вот они! —
будут полниться вечным «вай-вай»...

Как верблюды с тюками несметными
под луною бредут без воды,
так и в горькие семьдесят лет мой
я бреду с этим грузом беды...

321. ПЛАЧ МАТЕРИ

Ноги белые подкосились
от того, что чинар мой срубили,
крылья сильные подломились,
моего соколенка убили.

Я вчера надевала богатое
из атласа белое платье,
нынче черное и проклятое
нитяное надела я платье.

Лишь вчера еще шла я гордая,
шла счастливая, улыбаясь,
а сегодня иду я черная,
и слезами я обливаюсь.

Кто был сверстник тебе когда-то,
станет старше тебя и выше,
и друзья твои — соколята
не слетятся под нашу крышу.

Жгутся слезы мои безответные,
как тебя ни зову, не внемлешь.
О мечта моя, самая светлая,
ты упала с небес на землю!

322

Разве это платье было синим —
то, что ты, мой маленький, носил?
Пояска ли не было на сыне,
когда приближался Азраил?
Если б только наперед я знала
про такие страшные дела —
я не отдала бы, отстояла,
удержала б, алла-ю, алла!

Разве не был окружен родными,
когда ты, мой маленький, болел?
Что ж не отыскалось между ними
одного, храбрейшего, как лев?
Нынче-то все плачут, провожая,
горькая возносится хвала.
Я же — одинокая, чужая,
не нужна я, алла-ю, алла!

Мать моя ль, развивши косы, плачет,
стонет, подпоясавшись, отец?
Или где-то голос обозначит
мой ушедший, бедный мой птенец?
Нишу погребальную замажут.
Всё мое ты, ниша, отняла!
Ручкой или ножкой не замашет
мой сыночек, алла-ю, алла...

В черную бы птицу превратиться,
так бы и кричала день и ночь!
Только даже птице, даже птице
это горе вынести невмочь.
Лучше б ты взяла меня, могила!
Ах, когда бы встретить я могла,
я бы упросила, умолила
Азраила, алла-ю, алла...

323. ПЛАЧ ЖЕНЫ

Ты седлал скакуна гнедого,
ты меня понимал с полслова,
ты халат покупал —
все глядели,
сапоги надевал —
блестели.
Ты берег меня ото зла.
При тебе я ханшей была.
Я одежду трепала
царскую.
Я парчу покупала
бухарскую.
Я платки надевала
расшитые,
гребешки покупала
самшитовые.

Что же ты оставил меня
жить, не видя светлого дня?
Или не было ячменя
для коня — твоего коня?
Иль была недобра родня?
Или ты разлюбил меня?
Что ж оставил ты нас одних —
и меня, и сирот своих?

324. ПЛАЧ ПО КОРМИЛИЦЕ

С чем душа
не мирится?
Ты ушла,
кормилица!
Мир широк, мир широк,
только всё мне здесь немило!
Ты взрастила и вскормила,
приютила ты сирот,
а не видела от мира
никаких себе щедрот!
Сладкой жизни не знавала,
прожила на свете мало...
Нет, не мирится
душа:
с тем кормилица
ушла!
Милая кормилица,
сладкая кормилица...

325. ПЛАЧ ПО ЛЮБИМОМУ

Безжалостный садовник наших лет
верхушку срезал с моего цветка.
Ушел ты юным, мой прекрасный цвет,
а я одна — на годы... на века!

Перо ресницы обмакну в слезу,
а написать, а посылать — кому?..
И колосом поверженным лежу,
живая — а сгниваю на корню...

326. ИГРАЙ

Саз настрой на новый лад,
торопи живые струны,
потому что каждый рад
твой напев услышать юный.

Эту музыку твою,
что так сладко правит слухом,
в нашем молодом краю
оценили по заслугам.

Весели народный дух
и в сердца вселяй сиянье,
а тебя твой каждый звук
дарит новыми друзьями!

327. КАМЫШ СОЗРЕЛ

Камыш созрел — стал наем,
ручей бежал — стал саем.
А мы трудились год подряд:
богат колхоз, и я богат!

У нас дома — хоромы,
у нас по две коровы!
Откуда прибыль вся моя?
А вот — хлопковые поля!

У каждого в колхозе
и овцы есть, и козы.
Неважен возраст или чин:
что заработал — получил!

328. ПРИЯТЕЛЬ, НЕ НАДЕЙСЯ НА МЕНЯ!

В той жизни все мы были, словно прах,
в зинданах жили, не имели прав
и светлого не видывали дня!

Решил продать ты, как скотину, дочь,
но не проси меня тебе помочь,
приятель, не надейся на меня!

Довольно! И не вспомнить, сколько лет
от нас скрывали знанья добрый свет,
как саваном, мешком от ячменя!

Тех черных дней
напоминать не смей...

Чтоб снова рис наш обращать в ячмень —
нет, в этом не надейся на меня!

За годом год рубили нас сплеча
и бай с муллою, и хитрый байвачча —
теперь мы сами сели на коня!

В былом осталась подленькая рать,
и в эти игры старые играть —
приятель, не надейся на меня!

329. ЕСЛИ НЕТ

Что же делать в степи, если нет
там ни деревца, ни человека?

Что и в горы вгрызаться —

где снег,

а руды не бывало от века?

Ведь земля не рождает сама,
как ни будь хороша и жирна,
и откуда возьметса саман,
если нет на хирмане зерна?

Безрассудно куда-то спешить,
не взглянувши сначала под ноги.
Для чего и с друзьями дружить,
коль в нужде в них не сыщешь подмоги!
Цвет ума и любезности цвет
может быть у тебя меж друзей,
но коль скоро в них совести нет,
лучше кончить с той дружбою всей!

Дружба только тогда хороша,
когда не на словах, а на деле.
Скольких знаем: как сажа душа,
а личину сиянья надели.
Посмешить тебя или польстить —
это часто уловка врага!
А себе потом трудно простить,
что разыгрывал дурака...

Невозможно обжечь кирпичи
на любом, что ни есть, солнцепеке.
И горшки, если нету печи,
обжигать не умеют и боги!
Тех друзей, что ужалят, — не жаль:
оттолкни и обиду снеси.
Но всю жизнь тебе будет мешать,
коль вначале — увязнешь в грязи...

330. ПАРАНДЖА

В парандже темно, как ночью,
паранджа длинна, как ночь.
Чтоб увидеть свет воочью —
паранджу отброшу прочь.

Пусть наслушаюсь я брани,
раздобуду синяков —
но открытой на собранье
появлюсь у земляков.

Чтобы заново родиться,
посмотреть на белый свет,
чтоб светло, как все, трудиться —
мне другой дороги нет.

331. НЕ УНЯТЬ ЛЮБОВЬ

Как услышу: в Хиве тебя нет —
обернется рассвет закатом.
А мне парень глядит вослед
и кидает в меня наватом.

Мне навата того не надо,
что по вкусу он мне — навет,
и за это держать ответ
я у всех на глазах не рада!

Я люблю на тебя глядеть —
как смеешься, ходишь...
Не ты ли
так серьезно о чем-то здесь
говорил в кооперативе?
Хоть до нас докатилась весть:
у тебя, мол, невеста есть —
только мне этот слух противен.

И пускай пригласила мать
двух почтенных свах из Ургенча —
я-то знаю, что им отвечу:
не умею любовь унять...

332. ПОЙМЕШЬ, КОГДА ВЛЮБИШЬСЯ

Мимо окон прошла — не увидел.
Отослала письмо — не прочел.
Отвернувшись, нарочно обидел —
или, может, не знал ни о чем?

На меня ты не смотришь при встрече,
по моим не читаешь глазам.
Что такое любовь? Не отвечу:
ты поймешь, когда влюбишься сам...

Стать бы мне камышинкою тонкой
подле длинной-предлинной реки.
Быть бы мне хоть знакомою только
с этим парнем,
всему вопреки!

Говорят, что он слишком заносчив,
говорят, его речь озорна.
Ну и что? Я бы ночку за ночкой
песни пела ему, как зурна...

333. ЛУЧШИЙ ПАРЕНЬ — НЕ ЛУЧШЕ ТЕБЯ

Мне рукой до тебя не достать —
надо мной ты стоишь высоко.
А иные облик и стать
даже знать не желает око.

Лучше парень не может быть,
а и был бы — так мне противен.
Как бы мне тебя ни любить —
я тебе не переплатила.

Будут милые, говорят.
Будут яблоки и гранаты.
Только кто же этому рад,
коль пока нам других не надо?

За урок — спасибо тебе.
Меня губы к тебе тянули,
ты всё понял... Не потому ли
и пошел по другой тропе?

334. ТОТ, КТО НАС ЗАБЫЛ

Не закат ли это ранний догорел?
Не листву ли ветер посметал?..
Мое шелковое платье — до колен,
за мной парни ходят по следам.

Выйду ли на крышу — с наших крыш
разом виден твой и дом и двор.
Вижу, на супе своей сидишь,
продолжаешь с кем-то разговор.

На тебе — папаха из папах,
позавидовал бы и Шираз!
Только сам ты — ложью весь пропах
и в обмане горестном погряз.

Налиты водою пиалы.
Чьи же ты останки полюбил?..
Не беда, что очи слез полны,—
пусть ослепнет тот,
кто нас забыл!

335. Я УЕДУ

Я уеду — спеши, насмотришься на меня,
трогай волосы мне, заплети эту прядь,
нарисуй мой портрет, чтобы с этого дня
мог всегда посмотреть,
как соскучишься впредь.

Будешь брать за себя — полюбивши бери,
говори, что не встанет ничто промеж нас,
а коль сам не уверился в этом — не ври:
повернись да и скройся скорей с моих глаз.

336. ТЫ ЗДОРОВА ЛИ, МОЯ ЛЮБИМАЯ?

Ленты в косах — крылья голубиные.
В сердце врезан взор ее и вид.
Но здорова ли моя любимая?..
Исподлобья на меня глядит.

Те слова, что были мне дарованы,
распустились в сердце, как цветы.
Что с тобой, любимая, здорова ли?
Отчего так странно смотришь ты?

337. ЛУЧШЕ ПЛАКАТЬ ВДАЛИ

Лучше погреб не рой ты под домом,
выбрось яблоки эти в арык.
Оглянись на меня и подумай,
отчего мое сердце горит?

Был хорош — точно выкормыш пери!
Так влюбилась — сказать не могу...
Если б знала, как знаю теперь я,
до чего ты бессовестный лгун!

Как ты холоден и бессердечен,
как тебе мои чувства скучны...
Для чего ж мои белые плечи,
косы черные вдоль спины?

Точно тал при лихой непогоде,
я дрожу этой теплой весной.
Ты женился — любил меня вроде,
неужели пресытился мной?

Будто кустик осенний безлистый,
жду восхода, часы торопя.
Чем таким увидеть тебя близко —
лучше плакать вдали от тебя...

338. ВСПОМНИ ОБО МНЕ

Как в садах порою жаркой, летней
распускает роза лепестки —
в кишлаке у нас пустые сплетни
распускают злые языки.

И цветенье осыпает осень,
и болтают в нашей стороне,
будто ты любил меня — и бросил,
и не хочешь вспомнить обо мне.

Напишу письмо я на рассвете,
но прошепчет ветер мне: порви,
ничего тебе он не ответит,
никакой ведь не было любви.

Ну, а вдруг болтали здесь недаром?
И в чужой далекой стороне
ты приляжешь вечером, усталый —
вспомнишь ненароком обо мне?

Вспомни, милый!..

Станет правдой сказка,
и раскроет роза лепестки,
и придешь, и будут на завязках
у соседок злые языки.

339. У КОЛОДЦА

Иглою достану воду из колодца!..
К воде выходит милая из дому.
— Дай вытащу, ни капли не прольется —
не обижай джигита молодого!..
К какой-то книге, видел, ты приникла —
зачем читать при этакой погоде?
А книга та — не русская ли книга?..
Ее слова и нам небось подходят!

— Ты что-то говоришь, не поняла я —
всерьез ты говоришь, или играя?

— Игра иль нет — ты это бы узнала,
когда б меня домой к себе позвала!..

— Ну, что ж, я курпачу бы расстелила.
А на тарелке яблоко краснеет...
Я на двоих его бы разделила,
и мы его с тобой бы вместе съели! —
Сорвавши розу — и колючке рады...
Лицо любимой на луну походит,
но и луна тускнеет с нею рядом
в ту ночь, когда любимая приходит!

340. ЧЕГО МОЛЧИШЬ?

Свой шелковый платок мостом я сделаю,
тебя на том я буду ждать мосту,
и протяну тебе я руку белую,
переведу на сторону на ту.

Под ветром бьется мой платок и мечется,
советов я не слушаю ничьих,
моя любовь — одна моя советчица...
Чего же ты всё ходишь и молчишь?

Покрою желтым смоляную голову —
заметь меня!

Ну, смилуйся, взгляни!
Из-за тебя совсем отстану скоро я
от всех друзей и ото всей родни.

Э-гей!.. Приплюснем шапку островерхую!
Войду в твой дом — ведь нету ж там волчих!..

Ах, где найдешь любовь такую верную?
Чего же ты всё ходишь и молчишь?

341. ПЕСНЯ БАХШИ

А рассказать тебе, дружок,
как на скрещении дорог
построил город в малый срок,
с богатых собирал оброк,
хорош лицом, душой широк —
бесстрашный Гороглы?

А рассказать тебе, мой свет,
как старец праведный Ахмет
на свете прожил много лет,
превыше воинских побед
чтя данный совестью обет, —
душевный человек?

А рассказать тебе, мой брат,
как, почитаем и богат,
сменив на тяжесть медных лат
расшитый золотом халат,
вершил кровавый газават
суровый Юсуфхан?

А рассказать еще кому,
как бек Шадман носил чалму,
как люди кланялись ему,
как, не покорный никому,
под ним смирялся конь?

А рассказать тебе, как жил,
большое войско в бой водил,
Чамбиль из пыли возродил,
по дальней цели точно бил
и жадно жизнь свою любил
отважный Ташбекхан?

А рассказать ли просто так,
как по дороге шел ишак
и как за ним печатал шаг
великий в стрельбищах мастак,
мечтатель, странник и чудака —
веселый Хасанхан?

А рассказать ли, наконец,
как жил на свете молодец,
соратник Гороглы, храбрец,
и сколько он носил колец —
властитель девичьих сердец —
прекрасный Авазхан?

ДАСТАНЫ

342. РУСТАМХАН

О ТОМ, КАК РУСТАМ ПОБЕДИЛ ДРАКОНА

В те дни жил Рустам на горе Бахра,
Поселившись подальше от ханского двора.
С матерью жил да с двумя борзыми.
Время шло, ничего не случалось с ними.
Ни людей, ни дэвов они не встречали.
Никакие печали их не посещали.
А была эта местность чудной:
Обширной, безлюдной,
Лесами поросшей, —
В самый раз для охоты хорошей!
Однажды мать говорит Рустаму:
«Сын мой, о нас ты неплохо заботишься,
Много охотишься,
То кабана принесешь, то оленя.
А не видал ли ты поблизости людского селенья?
Если б ты мог,
Дорогой сынок,
Съездить в селение хоть разок!
Наша одежда грязною стала,
Уже давно бы я постирала,
Но вот беда — нечем стирать.
Да и веки стали у нас отекасть,
Потому что давно без соли сидим,
Давно несоленую пищу едим.
Поехал бы ты, раздобыл бы соли и мыла!»
Разгорелась в джигите удаль и сила.
Сказал Рустам:
«По здешним местам
Я поездил уже немало.

Однажды под вечер глянул я с перевала:
Оттуда видны равнины просторные,
А дальше деревья какие-то черные.
Что за деревья, хотелось бы знать!
Я бы съездил туда, если отпустишь, мать.
Соли и мыла тебе достал бы,
Заодно про деревья эти узнал бы».
Мать расспрашивать стала сына:
«А велика ли эта равнина?
Вернешься ли в тот же день или нет?»
А Рустам в ответ:
«Если рано утром ногу я вдену в стремя,
То домой возвращусь в обычное время,
Когда мы ложимся спать».
Подумала и сказала мать:
«Если так, отправляйся хоть завтра в путь,
Мыла и соли нам раздобудь.
Но смотри: веди себя осторожно,
А то на сердце что-то тревожно.
К закату вернись, сынок!»
— «Хорошо», — обещал Рустам, в этот день
спать пораньше лег.
Назавтра, чуть горы заря осветила,
Поехал Рустам на поиски соли и мыла.
Вот как это было:

Коня камчой хлестнул джигит,
В горах стрелой блеснул джигит,
В густых кустах веселых птиц
Лихой ездой спугнул джигит,
Несется с гор во весь опор
Из чащи на степной простор.
Луга нагорные видал,
Деревья черные видал
Неутомимый наш Рустам,
Когда всходил на перевал —
Теперь он хочет по пути
Деревья черные найти.
И вот уж пастбища видны:
Луга свежи и зелены,
Стада бесчисленных овец
Пасут в предгорьях чабаны:
Протяжно окликают их,
Отважно охраняют их.

А дальше степь лежит, звеня,
Как закаленная броня.
Торопит юноша коня:
Вернуться бы к исходу дня!
Раскинулась степная даль —
Доехать засветло едва ль!
А солнце всё сильнее палит,
Скаун подковами звенит,
Взглянул Рустам на край земли
И юрту увидал вдали.
«Здесь бай живет, — джигит решил,
Свернуть с дороги поспешил, —
Здесь, видно, отдохнуть смогу,
Разведать верный путь смогу».

Едет Рустам, про себя рассуждая:
«Что-то не похоже на жилище бая,
Не похоже и на стоянку чабанов.
С тех пор как поставили юрту,
Едва ли стадо хоть раз сюда пригоняли:
Не видать на земле следов ни от копыт
овецьих,
Ни от подков, ни даже от ног человечьих.
Да это и не юрта: как яркий костер,
Сверкает в степи богатый шатер.
В чем же тут дело?»
Спешился Рустам и полог откинул смело.
Глазам своим не поверил джигит:
В шатре красавица-девушка стоит.
Любой, увидав ее, без сомненья,
Потерял бы рассудок хоть на мгновенье,
Как всадник, выбитый из седла, —
Так ярко ее красота цвела.
Стояла девушка без покрывала —
Солнце весеннее затмевала.
Но испуганной, печальной красавица была:
Глаза опустила,
Слеза на щеке застыла,
Блестя подобно звезде.
Сразу видно: красавица — в беде.
Кем-то покинута или обманута —
Накрест веревками крепко стянута.
Или, быть может, за что-то наказана?

Волосы к столбам шатра привязаны,
Руки скручены за спиной.
Тяжко, наверно, ей тут одной!
Если не помочь, от веревок сама не избавится.

Смотрит Рустам, с изумленьем никак не справится.
Дело-то, видать, не совсем обыкновенное!
Откуда в этом пустынном месте — богатый шатер и
девушка пленная,

Да еще такая красавица!
Подумал Рустам: «Чем гадать напрасно,
Сперва обо всем ее расспрошу,
Тогда и решу, чем помочь несчастной!»
И обратился к ней джигит с такими словами:
«Что с тобою?.. Алифу подобен твой стан,
Ты нежна и свежа, словно горный тюльпан,
Кто ж обидел тебя, кто накиннул аркан,
Заманил в эту крепкую сеть, о красавица?
Чья ты родом? И в чем злоключенье твое?
Ты знатна — из парчи облаченье твое.
Дай тебе помогу — на мученье твое
Не могу равнодушно смотреть, о красавица!
Ты, как пери, красой затмеваешь луну —
Кто ж оставил тебя в этом месте одну?
А ведь здесь, в этой дикой пустыне, в плену,
Может каждый тобой овладеть, о красавица!
Объясни, что с тобой — никому не скажу,
Смело правду открой — и тебя развяжу,
В отчий край провожу, а врагов накажу,
Чтоб не мучили девушек впредь, о красавица!
Беспощадно веревками связана ты —
За какой же проступок наказана ты?
Или стала ты жертвой слепой клеветы?
Не стыдись и не бойся, ответь, о красавица!»

Пока он говорил, тонкобровая красавица
От испуга и смущенья успела оправиться,
Глаза подняла и шепотом сначала,
А потом всё горячей джигиту отвечала.

Вот что сказала девушка:
«О цветок, распустившийся ранней весной,
О достойных родителей сын молодой,
Ты не знаешь, как видно, о здешних делах,
Это место грозит неминучей бедой.

Иль тебя всемогущий рассудка лишил?
Или ты добровольно погибнуть решил?
Не кружи возле смерти! Послушай меня:
Я прошу, чтоб скорее ты прочь поспешил.
На пустые расспросы мгновенья не трать,
Поскорее коня поворачивай вспять!
Ты меня не спасешь — только сам пропадешь,
А поверь, тяжело молодым умирать.
Торопись же! У смерти не стой на пути!
Скоро должен громадный дракон приползти,
И кого бы ни встретил свирепый дракон,
Тот погибнет, — его никому не спасти.
Всё дракон превращает дыханием в прах,
Всю страну повергает в смятенье и страх,
И живым от него не уйдешь ты, джигит,
Если скрыться сейчас не успеешь в горах.
Этот жадный дракон покори́л наш народ,
И с народа кровавую дань он берет:
В день по девушке губит из каждой семьи,
И сегодня, увы, настает мой черед.
Прочь отсюда! Умчись по степи, как стрела,
Замечай лишь добро, проезжай мимо зла!
Ненасытен дракон! Не хочу, не хочу,
Чтобы смерти твоей я причиной была!
Не смотри на меня! Я сегодня умру!
Стану жертвой сегодня на страшном пиру.
Ах, наверно, желта я лицом, как шафран,
А давно ли я розой цвела поутру?
Уезжай поскорей! Беспощаден дракон!
Он проглотит тебя — кровожаден дракон!
И в отчаянье мать станет волосы рвать,
И в родимой семье будет плач, будет стон.
Всех сильнее дракон! Что ты знаешь о нем?
Всё живое он губит дыханьем-огнем.
Неужели ты хочешь бесславно пропасть? —
Беззащитным попасть в ненасытную пасть?»

Слушал Рустам эти горькие слова,
Разгоралась в нем ярость раненого льва:
Уж очень ему не хотелось,
Чтобы девушка стала добычей дракона,
Страну захватившего беззаконно.
Не мог он спокойно глядеть на ее мученье.
И сказал Рустам: «Хорошее есть изречение:

Барс добычу бросать не станет,
Обещал джигит — не обманет.
Знай: не пугает меня дракон,—
Пусть он будет зол и силен,
Пусть он будет с огромной пастью —
Верю я своей удаче и счастью!
Пусть подобен я стану степному костру,
Когда он горит на сильном ветру —
Или ярче вспыхну, или погасну.
Не торгуйся со мной, красавица, понапрасну:
Укажи мне к дракону в логово путь,
С ним попробую справиться как-нибудь.
Некогда мне — надо ехать за солью и мылом!»

Отвечала девушка с прежним пылом:
«Что ж, пререкаться не стану зря,
Но напрасно ты строишь из себя богатыря.
Ты — упрям, любое слово готов оспаривать,
Поезжай, безумец,— не стану отговаривать!
Можешь считать себя мертвецом:
Пожрет он тебя — и дело с концом!
Ты уже не джигит, а пища драконья —
Разве сможешь пресечь его беззаконья?
Пропадешь и ты, пропадет и конь боевой,
Уж таков, наверное, жребий твой!»

Тут кивнула девушка головой в ту сторону,
Где над равниной пустынной
Высился холм одинокой голой вершиной.
И добавила: «Знаю от многих людей —
Приползает оттуда дракон-злодей!»

Выслушал герой, молчанье храня.
Стало его сердце горячее огня.
Ничего не ответил девушке Рустам —
Вскочил на коня,
Камчою хлестнул, стрелюю блеснул,
Взлетел на холм
И с вершины орлом взглянул.

А тут уже не нужно никаких расспросов — видно
с холма:

Выползает дракон из-за черных утесов.
Значит, там пещера его была.

Громадная туша толста, тяжела,
Глаза — как пламя,
Сопит ноздрями,
Скрипит по песку когтями.
Хлещет дыханье огневое,
Сжигает дотла всё живое и неживое.

Вот как выглядел этот дракон-исполин.
Направляется чудище к озеру Чархин.

Громадным брюхом по песку шурша,
Ползет дракон, на водопой спеша,
Подмяв кусты, сквозь гущу камыша
Влезает в воду, тяжело дыша,
И — осушает озеро Чархин,
Опустошает озеро Чархин.
Тут с изумленьем воин увидал:
Пронесятся, свистя, обломки скал
Дракону в пасть, в зияющий провал, —
С такую силой воздух он вдыхал!
Их на лету подхватывал дракон,
И, как изюм, заглатывал дракон,
Темнее грозной тучи стал Рустам,
Такой могучий крик издал Рустам,
Что, дрогнув и согнувшись пополам,
Попятился дракон к сухим кустам,
Хвост подобрал, смятением объят,
И испустил невыразимый смрад.
Вот, отплатить желая наглецу,
Пополз дракон навстречу храбрецу,
Пополз навстречу смелому бойцу,
И замерли они лицом к лицу:
Дракон — при виде дерзости его,
Рустам — при виде мерзости его.
От гнева богатырь заклокотал,
Зубами богатырь заскрежетал,
Рванул из ножен гибельный металл,
Булатный меч, как пламя, заблестал.
Клинок недаром обнажил Рустам —
Дракону череп размозжил Рустам.
Да, богатырский был удар неплох —
Как молния, врага застиг врасплох!
И захрипел дракон, ослеп, оглох
И в корчах омерзительных издох.

Ступив на череп мертвому врагу,
Стоит Рустам на черном берегу.
Но прежде чем он в ножны меч вложил,
Громадный труп герой рассечь решил,
Чтоб враг не ожил, не набрался сил,
Чтоб людям новых жертв не наносил,—
И от хвоста до грозных челюстей
Его на сорок разрубил частей.
Потом подумал: нужен зримый знак,
Что побежден непобедимый враг.
И, молвив: «Дай-ка девушке снесу»,—
Драконьей кожи срезал полосу.
Так пал дракон — гроза богатырей.
Добычей стал прожорливых зверей.
А тот, кто всех воителей храбрей,
Спешит к прекрасной пленнице скорей:
Спешит ее утешить, развязать
И о своей победе рассказать.

Уж не ждала красавица встречи с ним.
А когда увидела, что юноша невредим,
С горечью подумала: «Так я и знала,
Так и понимала с самого начала:
Не решился джигит на битву с драконом,
Только с виду был смелым и непреклонным.
Значит, спасенья нет,
Избавленья нет.
Значит, погибнуть придется во цвете лет!»

Но драконью кожу к ее ногам
С гордой улыбкой бросил Рустам
И сказал: «Смотри, победил я страшного зверя».

Вздрогнула девушка, глазам своим не веря.
Глядит: а ведь правду говорит джигит!
Да как заплачет от счастья навзрыд!
Постоял, дал утихнуть ее слезам,
А потом сказал ей ласково Рустам:
«Успокойся, красавица, плакать не надо.
Рад я и сам, что осилил этого гада.
А теперь не будем времени терять,
Дозволь мне руки тебе развязать
И поедем вместе к твоим родителям».
Любовалась девушка победителем.

Видела: он и красив, и умен, и смел.
Но едва к ней джигит подойти захотел,
Испуганно глянула,
Назад отпрянула,
Сразу стала гордой и строгой.
Крикнула: «Постой! Отойди, не трогай!»

И так продолжала:

«Много плакала я в эти страшные дни,
Не надеялась вырваться из западни,
Если б ты не явился, могучий батыр,
От меня бы остались лишь кости одни.
Знай: я — шаха Хисрова любимая дочь,
Я — владыки Бурджила любимая дочь,
На заре он со мной распрощался в слезах,
Будет счастлив, найдя невредимую дочь.
О мой бек дорогой, спасена я тобой
И откроюсь тебе: я зовусь Офтоб-ой.
Мой батыр! Ты душой, как булат, закален,
От которого пал кровожадный дракон.
Много милых прислужниц моих умертвил
Этот смрадный дракон, беспощадный дракон.
И меня бы чудовищный змей проглотил,
Но явился ты, полный отваги и сил,
Словно быстрый орел, на врага налетел
И когтистую смерть от меня отвратил.
Говоришь ты теперь: «Я тебя развяжу»,
Но послушай, джигит, что на это скажу:
Уезжай, не касайся меня — берегись!
Прочь из логова смерти скорей устремись.
Скоро явится мать, соберется родня,
И увидят живой, и развяжут меня.
Вместе с ними в столицу вернусь, и тогда
Я сама и тебя разыщу без труда...
Уходи и моих не развязывай рук —
Ты погибнешь, мой хан, мой спаситель и друг!»

Постоял Рустам,
Помолчал Рустам
И решил поверить ее словам.
Не стал ей ни рук развязывать,
Ни о себе подробней рассказывать.

И, зорко следя за дневным светилом,
Чтобы вернуться в срок,
Поспешил могучий ездок
В прежний путь — за солью и мылом.
Черные деревья, которые он видел с перевала,
Оказались городом Бурджилом.
С горы-то казалось: добраться легко,
Ехать недалеко.
А сколько озер,
Сколько высоких гор,
Сколько рек и пустынь миновало —
И всё же ехать осталось немало.
Торопился Рустам,
Ни разу не сделал привала.
Лишь к закату он добрался до города Бурджила.

Всё его в этом городе удивило.
Вот каким был город Бурджил:
Стены — синие,
Дома и дувалы — синие,
Все городские кварталы — синие.
А прохожие,
Сами на себя не похожие,
Ходят и косятся с опаской.
Даже их бороды измазаны синей краской.
И все, как один, молчат:
То ли мудрят, то ли хитрят,
То ли от рождения не говорят.
Ну и народ непонятный!

Богатый и бедный, знатный и незнатный —
Друг с другом не общается,
С вопросом не обращается,
Тяжб не ведет,
Торговли не ведет —
Как только живет этот странный народ?

Подумал Рустам, глядя на них:
«Это, наверное, город немых!»
К одному да к другому хотел обратиться —
Сторонятся все, закрывают лица.
Проехал базаром — ни шума, ни давки.
Остановился он возле лавки,

Вошел, мыла и соли спросил,
Но и лавочник будто язык прикусил,
Только взглянул на джигита с испугом.
Постояли молча друг перед другом,
И ушел с пустыми руками Рустам,
Скрывая с трудом свое удивление.
Увидал он вдалеке большое строение.
Это оказался караван-сарай.
Вошел Рустам, заварил себе крепкий чай
И сел, угрюм и невесел,
Голову свесил.

Думает: «Мать ожидает меня сегодня к исходу дня,
Смотрит сейчас на дорогу,
Молится богу.
Ждут и мои борзые —
Покинул я их впервые.
А я еще сам не знаю, как быть,
Долго ли здесь придется пробыть,
В этом незнакомом крае!»

Эту ночь провел джигит в Аксарае —
Так назывался тот караван-сарай.
Там мы его пока и оставим.

Был в горе великом властитель Бурджила,
А с ним и вся страна скорбела и грустила.
Отправив к дракону единственную дочь,
Не в силах он скорби был превозмочь.

И вот приказ отдал жителям столицы:
Запретил разговаривать, смеяться и браниться,
Запретил торговать — покупать...
И, страшась наказания, все молчали —
Не спрашивали, не отвечали.
А в знак печали приказано было
Весь город выкрасить в синий цвет.
Ночь прошла, занялся рассвет.
И едва наступила пора пробуждения,
В час неурочный, без предупреждения,
От горя и тоски не владея собой,
Явилась безутешная мать Офтоб-ой
Пред светлые очи великого Хисрова.

Глянул властитель печально и сурово,
И, горем сражена,
Смятения полна,
Вот что сказала падишаху верная жена:

«О послушай, мой великий падишах,
Многомудрый, солнцеликий падишах,
Ты о дочери погубленной скорбишь,
Но меня, супруг возлюбленный, услышь!
До утра не шел ко мне желанный сон,
А под утро мне приснился странный сон,
Будто умер огнедышащий дракон.
Будто насмерть был он ястребом сражен!
Этот ястреб из неведомой страны
На дракона устремился с вышины,
Смело с чудищем вступил в неравный бой,
И живой осталась наша Офтоб-ой...
Над страной дракон шесть месяцев царил,
Неповинных он шесть месяцев губил,
Но, быть может, наконец, погиб дракон,
Если правду мне поведал вещий сон?
О, послушай, падишах великий наш,
Если это — не обманчивый мираж,
То жива твоя единственная дочь,
И должны мы поскорее ей помочь.
На челе ты носишь царственный венец
И к тому же добрый, любящий отец!
Ободришь же, прикажи гонца послать —
О судьбе любимой дочери узнать».

Задумался падишах Хисров,
Знал он о вещем значении снов,
Придворных созвал во дворцовый зал,
О странном сновидении им рассказал,
А под конец обратился к ним с такими словами:

«Мудрейших и достойнейших собрание,
Как нам узнать, сбылось ли предсказанье?
Как нам узнать, правдив ли этот сон,
Жив или мертв мучитель наш — дракон?
Вы, что стоите у подножья трона,
Герои и блюстители закона!
Кто вызваться готов в опасный путь,
Чтоб тайне роковой в лицо взглянуть?»

Я вам клянусь, что этот смелый воин
Награды щедрой будет удостоен,
Коль весть правдивую доставит он:
Жива ли дочь, погиб ли злой дракон.
И если он живым найдет дракона,
И в схватку вступит, и убьет дракона,
И дочь спасет от гибельных когтей,
Клянусь, что он супругом станет ей!..»

Много там было бойцов закаленных,
Военачальников непреклонных,
Отвагой блиставших в былые дни.
Но когда о драконе услышали они,
Сразу содрогнулись и отшатнулись,
Молча, испуганно переглянулись,
Всех охватил нестерпимый страх.

Презрительно глянул на них падишах,
Но гнев сдержал,
Только губы сжал,
Помолчал и с достоинством продолжал:

«Что ж, если в этом зале не найдется
Богатыря, вельможи, полководца,
Что подвиг захотел бы совершить
И в этот путь опасный поспешить,
Тогда народ об этом известите,
Глашатаев на площади пошлите,
И я уверен, что наверняка
Мы в тот же день отыщем смельчака!»

И, не поднимая смущенных глаз,
Поспешили придворные выполнить приказ.

Целый день глашатаи кричат,
Но угрюмо жители молчат,
Постоят, послушают немного,
А потом уходят и ворчат:
«До чего же богачи хитры:
Только на словах они щедры,
Шлют на неминуемую гибель,
А сулят богатые дары!
Если же умрешь, какой расчет
Получить богатство и почет?
Кто дракон? Твой друг-приятель, что ли?»

В гости ждет, лепешек напечет?
Это — змей коварный, жадный змей,
Ждет в засаде он среди камней,
Как узнать, живой он или мертвый?
Ну-ка, подойти к нему сумеи!
Кто ж поедет прямо к смерти в пасть?
Кто захочет без толку пропасть?
Разве только что силком заставят —
Ведь на то и существует власть...»

Жил в городе нищий, по прозвищу Тогай.
Ума у него было хоть отбавляй,
Знал он честной жизни строгие правила,
Хоть и побираться судьба его заставила.
С детства он бродил по майданам, по базарам.
Был не молодым, но еще и не старым.
Славы дурной не водилось за ним:
Он был весел, на шутки неистощим,
К любому обману непримирим,
Среди дружков уважаем и любим.

И за всё это городские нищие
Выбрали Тогая старостой своим.
Честно жил Тогай — не умел иначе.
Раздобудет свеклу, испечет в золе горячей —
Другой бы съел за один присест,
А он в одиночку никогда не съест,
Хоть с кем-нибудь да поделится...
Дружбой дорожил — а это не безделица!
Учил и других всё поровну делить,
От друзей ничего не таить.
Бывало, какой-нибудь мелкий мошенник
Захочет припрятать горсточку денег —
Он отнимет, всем раздаст.
Обиду в шутку превращать горазд —
Всегда полюбовно ссоры улаживал.

Из сытых людей к ним никто не хаживал.
Но и они, хоть бывали голодны,
Не считали чужой казны,
С презреньем глядели на знатных и богатых,
Что ездят на конях, в дорогих халатах.

Был веселым Тогай — ни о чем не тужил.
В бане огонь разжигал и на это жил.
Доли чужой боялся,
Доли своей не стеснялся,
С праведного пути в сторону не уклонялся.
Сам не обманывал,
Не воровал
И своим приятелям не давал.
Считал одеждами самыми богатыми
Рубаху да халат с сорока заплатами.
В жизни не сидел не только на коне,
Но даже у ишака на спине —
Ходил по земле своими ногами.
В тот день, отдыхая в тени с дружками,
Лежал Тогай на боку
И от нечего делать волю давал языку.

Вот что он говорил:

«Падишах во дворец приглашает всех,
Кто только захочет.
Ну просто смех!
Нашелся бы лев среди нас, предположим,—
Как во дворец мы явиться сможем?..
Нищие мы.
Притаись да молчи.
Пускай ему служат одни богачи —
Те, что считают нас жалким прахом,
А мы не умеем служить падишам».

Подхватили приятели:

«А к тому же конь для этого нужен,
Доспехи, оружие.
Где добыть бедняку и оружие и коня?»

Возразил Тогай:

«Если б шах пригласил меня,
Если б дал скакуна лихого,
В путь снарядил,
Оружьем снабдил,
А потом по заслугам меня наградил,
Я бы, пожалуй, съездил к дракону в гости —
Не побоялся бы силы его и злости,
Удачу свою испытал бы в смертном бою».

Изумились нищие:
«Мудрость мы знаем твою,
Но на этот раз тебе не поверим.
Неужели б сразился с таким зверем?»

Разгорячился Тогай: «А почему бы и нет?
Меня вы знаете много лет,
А каков я на деле, еще не видали!
Эх, если б мне коня и оружие дали,
Я показал бы, на что способен Тогай!
Съездил бы я в тот гибельный край,
Трусить не стал бы — клянусь честью!
Сдох дракон — вернулся бы с радостной вестью,
А жив — уложил бы его на месте,
Голову ему снес мечом,
Прослыл бы героем и силачом,
Какому на свете всё нипочем!»

И добавил Тогай: «Обещал властитель:
Если вернется живым победитель,
Не только дракона убьет,
Но и шахскую дочь спасет,
Окажут ему небывалый почет:
Станет его женой Офтоб-ой-красавица!»

И сказал, смеясь:
«Может, впрямь во дворец отправиться?»

Встревожились нищие: «Что ты! Что ты!
Нет у тебя другой заботы?
Даже и не думай! И нас не пугай!
Никуда не пустим тебя, Тогай!
Если с падишахом ты породнишься,
Сразу вознесешься и возгордишься —
Станешь знаменитым, великим человеком,
Вельможей именитым или знатным беком!
Разлюбишь нас,
Позабудешь нас,
Сторониться, стыдиться ты будешь нас.
Может, и не оставишь своими щедротами,
А всё ж без тебя мы станем сиротами!»

А Тогай смеется: «Что ж, я не прочь
Взять себе в жены шахскую дочь!»

Вот была бы новость!
Сроду не видел, чтоб породнились с нищим правители!
Только зря боитесь, с вами не расстанусь —
Каков сейчас, таким и останусь.
Стань я богачом, победителем чудовища —
Вам не изменю ни за какие сокровища.
Эх, закатил бы я пир горой
Да к вам бы вернулся с молодой женой...
Славно бы кутили,
Время проводили,
А ей бы приказали нам готовить чай!»

Так, лежа на боку, разглагольствовал Тогай.

Слуги падишаха мимо проходили
И этот разговор услышали невзначай.
Постояли, послушали, сначала усмехнулись,
А потом смекнули, переглянулись
И болтуна за шиворот хватить!

Говорит Тогай: «Чего ж халат-то рвать!
И так халат из одних заплат.
Объясните лучше: чем я виноват?»

А слуги падишаха ему в ответ:
«Никакой вины за тобой нет.
Но не ты ли сказал, что пойдешь и убьешь дракона?»

Возразил Тогай: «Не слыхал я такого закона!
Из-за нескольких слов, среди бела дня,
Будто вора, хватаете меня!
Кому помешала моя болтовня?»

Рассердились слуги: «Эй, нищий, смотри —
С кем хочешь мудри, а с нами не хитри!
Пойдешь ты к дракону, а ну, говори!»

Молчит Тогай, не знает, на что решаться.
А слуги давай над ним потешаться:
«А ну, бродяга, где ж твоя отвага?
Утрись-ка, герой, полою с дырой,
Да пока живой — беги с глаз долой!»

Стоит Тогай, разобиженный, злой.
И вдруг как рванет на себе рубаху:
«Давайте, ведите меня к падишаху!
Бывает и нищий бродяга храбрый
Ваших хваленых богатырей!
Чего стоите? Чего глядите?
Давайте, ведите меня скорей!»

Тут окружили слуги Тогая, повели, толкая, ругая.
А народ побогаче глядел и шептался:
«Видели? Староста нищих попался!
Видно, с поличным поймали, наконец,
Вот на расправу и ведут во дворец!
И поделом! Никого теперь не обманет!
Хоть одним проходимцем меньше станет!
Полон город и так этих наглых бродяг —
Вымести бы их, как вонючий кизяк!
Покончить пора с этой рванью нищей —
И воздух в столице станет чище!»

Во дворец привели Тогая:
Звенит в ушах, рябит в глазах,
Растерялся бедняга, еле держится на ногах.
Перед ним — падишах, кругом — вельможи,
Разодеты один другого дороже.
И среди блеска и великолепья
Еще жалче глядятся его отрепья.

Глянул падишах, как орел, парящий над степью,
Всё оглядел — и лицо, и драный халат,
Выслушал молча подробный доклад,
А потом обратился к Тогаю с такими словами:

«Вот и нашелся смелый удалец —
Нет на земле отважнее сердец!
В опасный путь спеши, лихой гонец,
Чтоб мы узнали правду, наконец!
Я ждал: найдется не один храбрец,
Но все они — трусливее овец,
А ты не льстец, ты истинный боец,
И доблести и чести образец!
Я многих ехать убеждал, Тогай,
Лишь ты один согласие дал, Тогай.»

Едва зарей зарделся небосклон,
Жене моей приснился вещий сон,
Что будто ястребом сражен дракон
И дочь мою уж не погубит он!
Как будто после горестных времен
Мой край от бедствий навсегда спасен,
И смолкнет он повсюду, скорбный стон,
Вновь мой упрочится старинный трон!
К дракону поезжай теперь, Тогай!
И этот вещий сон проверь, Тогай...
Я дам тебе священного коня —
Быстрее ветра, горячей огня,
На плечи ляжет крепкая броня,
От всех ударов гибельных храня.
И тоньше волоса, прочней кремня
Пусть меч свисает с твоего ремня.
Кто знает, осчастливишь ли меня,
Иль буду жить, свой жребий злой кляня?
Мгновенья попусту не трать, Тогай,
Езжай скорей — я буду ждать, Тогай.
Я не скупец, порукой — мой венец,
Получишь и богатство и дворец.
Но если ты всего лишь жалкий лжец,
То поскорей одумайся, слепец!
Тогда тебя бесславный ждет конец,
Не скроется от нас любой беглец.
Найдем тебя — тогда считай, хитрец,
Что ты мертвец, на свете не жилец!
Пока не поздно, откажись, Тогай,
А слово дашь — тогда держись, Тогай!»

Обиделся на падишаха Тогай:
«Сперва испытай, а после ругай!
Ишь какой, заранее грозишься!
Да я не из робких, зря не пугай!
Думаешь, если сидишь на троне
И все пред тобою гнутся в поклоне,
Значит, можно меня, бедняка,
Считать за ничтожного червяка?
Знаю, у богатых есть поговорка:
«За нищим всегда приглядывай зорко,
Не то обманет да убежит...»
Но и нищий честью своей дорожит,
Не желает сносить обиду!»

Так подумал Тогай, но не подал виду,
а вслух сказал:

«Увидишь сам, великий падишах,
Что я смельчак не только на словах:
Пусть будет бой — не отверну лица,
Останусь верен слову до конца!
Ты не гляди, что оборванец я,
Горжусь, что ныне твой посланец я,
У нас, у нищих, тоже гордость есть,
И дорога нам тоже наша честь.
Дай мне скорей оружие, дай коня
И в ратном деле испытай меня!»

От этих достойных слов
Возвеселился душой великий Хисров:
«Сын мой Тогай,
Если так — поезжай,
И да зацветет наш мирный, старинный край!»

Встал, посветлев и сердцем, и лицом,
Владыка перед нищим храбрецом
И сам Тогай с головы до ног
В одежды драгоценные облек.
Был только что в одних заплатах он —
Теперь в наряд вельможи облачен,
Красивый, статный — настоящий бек,
Преобразился сразу человек!
Горд и смущен, себя со всех сторон
Украдкой оглядывает он,
Но больше, чем парче и жемчугам,
Он радуется новым сапогам.
Вот гордого ведут ему коня:
Чеканную уздечкою звеня,
На волю рвется несравненный конь,
Священный конь, благословенный конь!
А вот вручают и тяжелый меч,
Что голову шутя снимает с плеч.
Сел на коня Тогай, и в гиблый край,
Простясь со всеми, двинулся Тогай.

А слуги у ворот, друг друга толкая,
Вот что потихоньку говорили про Тогай:

«Наконец-то отыскали храбреца!
Ишь, как важно выезжает из дворца...
Во дворец явился нищим оборванцем,
А в какого превратился гордеца!
Видно, память у бродяги коротка,
Как вельможа, едет, смотрит свысока,
А давно ли на базаре, на майдане
Унижался ради черствого куска?
Ну и здорово бродяге повезло —
Хвастовство ему богатство принесло!
На словах-то он — герой непобедимый,
А живот, небось, со страху подвело!
И с чего к нему так шах благоволит?
Неужели за его отважный вид?
Разве можно верить нищему-бродяге —
Обмануть кого угодно норовит!
Эх, умчится он отсюда на коне
Да укроется в далекой стороне,
А уж там коня, оружие и одежду
Живо спустит он по бросовой цене.
Снова нищих проходимцев соберет,
Жирной пищею набьет себе живот,
А как денежки растратит — снова станет
Попрошайничать у чьих-нибудь ворот!»

Но ехал Тогай прямо, смело —
Решил совершить геройское дело.
А тем временем у выезда из Бурджила
Вся нищая братня его сторожила.
Были тут многие: хромые и убогие,
Оборванные, грязные, босоногие.
Увидели старосту своего —
Не узнали старосту своего:
Будто во дворце подменили человека!
Смотрят на него — не поймут ничего.

Не тот он, что прежде:
В богатой одежде,
На статном коне,
В золоченой броне.
Совсем не узнаешь нищего бродяги!
Соколом сидит,
Исподлобья глядит,
Полон гордости взор и отваги.

Растерялись — что делать, не знают бедняги.
То ли своим его признавать,
То ли беком его называть...
А самые близкие его приятели
Совсем от волнения рассудок утратили:
Стали хватать его за узду,
Следом бежать, кричать на ходу:

«Не оставляй, не покидай,
Не уезжай от нас, Тогай!
Боимся мы, что на тебя
В последний раз глядим, Тогай!
Как жить мы будем без тебя?
Грешить мы будем без тебя!
Вражда придет, нужда придет
К убогим людям без тебя!
Все говорят: свиреп, силен,
Ужасен в ярости дракон.
К тому ж откуда слышать мог
О нашем старосте дракон?
Себя от смерти берегай,
Опасностям не подвергай,
Дракона злого избегай,
Не уезжай от нас, Тогай!
Но если впрямь ты так удал,
Что падишаху слово дал,
Тогда мы сами не хотим,
Чтоб ты от слова отступал.
Спесивых трусов посрами,
Весь мир отвагой изуми,
Чтоб люди, глядя на тебя,
И нас считали бы людьми.
Да будешь ты неколебим,
Неуязвим, непобедим,
Найди врага, покончи с ним
И возвращайся невредим!»

Глянул Тогай на бездомных бедняков,
Жаль ему стало своих дружков,
Еще крепче стало его решенье,
И вот сказал он им в утешенье:

«Отправляюсь я в далекую дорогу,
Не печальтесь за меня, молитесь богу.

Или в битве я погибну, иль с победой
Ворочусь назад, к родимому порогу.
Падишах меня с победою поздравит,
Управлять каким-то городом поставит,
Соберу туда всех нищих, всех бездомных,
И от горя вас навек судьба избавит.
Мы наш город назовем Столицей Нищих,
Там поселимся мы в собственных жилищах
И на зависть нашим недругам проклятым
Город сделаем красивым и богатым,
Всю казну на нашу братию истрачу,
Одного из вас миршабом я назначу,
А того, кто всех умней,— своим вазиром,
Да и денег вы получите в придачу...
Пусть враги горят в огне неугасимом,
Пусть развеются печали черным дымом!»

Мчался Тогай вперед и вперед.
Казалось, не конь — орел его несет.
Потоки и скалы,
Леса, перевалы —
Всё так и мелькало, путь был немалый!
И вот уже степь пустая видна —
Черна, будто пламенем опалена.
Лишь голый холм венчает равнину —
Точно поднял верблюдов горбатую спину.
Вихрем Тогай взлетел на вершину.
И вдруг задрожал, в страхе поводья сжал,
Еле на скаку коня удержал.
Видит в котловине черное болото,
А на берегу громадное что-то:
Уродливое, длинное, лежит — не шевелится,
Только на солнце блестит, лоснится.

«Вот он! — решил Тогай.— Остается помолиться...
Ну и громадина, ну и силища —
В жизни не видел такого страшилища.
Как поступить? Нельзя ж на попятный...
Но что у дракона за вид непонятный?
Как неживой, лежит — может, он сыт и без просыпу
спит?»

Если б меня он уже заметил,
Совсем бы не так, наверное, встретил!

А ну, Тогай, надо силы напрячь:
Конь мой горяч, кинется вскачь.
Доверюсь мечу да коню моему:
Не проснется дракон — ударю по нему,
Проснется — смерть от него приму.
Раздумывать нечего! Будь что будет,
А за трусость меня никто не осудит!»

Сорок раз беспощадной камчой обожжен,
Взвился конь, будто крыльями был наделен.
Взял с обрыва стремительный, мощный разгон
И понесся, не чуя преград и препон,
Так что пыль заволакивала небосклон.
Мчался к берегу конь, где разлегся дракон,
В непонятный, таинственный сон погружен.
А Тогай уже выхватил меч из ножен,
И раздался клинка оглушительный звон —
По дракону могучий удар нанесен:
Разрубил ему череп с размаха Тогай,
Хоть в душе чуть не умер со страха Тогай.
Но не вздрогнул дракон, не проснулся дракон,
За обидчиком он не пустился вдогон —
Ведь не ведал Тогай, что давно умерщвлен
Этот яростный бич человеческих племен...
И не зная, какой причинил он урон,
Нестихающим страхом своим ослеплен,
Прочь помчался Тогай, чтоб не сдаться в полон,
И не веря, что будет от смерти спасен,
От стремительной скачки совсем запален,
Еле выбрался конь на обрывистый склон —
Лишь когда на холме очутился Тогай,
Поглядеть на дракона решился Тогай.
Оглянулся Тогай — и стоит, изумлен:
Даже с места не сдвинулся грозный дракон.
Присмотрелся Тогай, тишиной ободрен,
И вдоль берега медленно двинулся он.
Сделал круг — и, по-прежнему насторожен,
Стал осматривать чудище с разных сторон.
Осторожно спустился по склону Тогай,
И тихонько подъехал к дракону Тогай.
Видит: череп дракона совсем разможен,
И лежит он, бесчувственный, насмерть сражен;
И, в неожиданной победе своей убежден,
Засмеялся Тогай — и осекся, смущен:

На огромные части разрублен дракон,
Кем-то был уже раньше погублен дракон!
Кем же был этот подвиг уже совершен,
О каком и не слыхано с давних времен?
И, как будто пред всеми во лжи уличен,
Огорчен, омрачен и стыдом отягчен,
Постоял над прибрежною кручей Тогай,
И наполнился завистью жгучей Тогай.

Подумал Тогай: «Если шахская дочь жива,
Я всё равно имею на нее права!
Кем бы смельчак неведомый ни был,
Но первым не я ли из города прибыл?
Кто знает, что мне суждено судьбой?
Попытаюсь-ка я обмануть Офтоб-ой!
Верно, сейчас ей и страшно, и тяжко —
Всё еще гибели ждет, бедняжка.
Откуда ей знать, что проклятый дракон
Раньше меня был кем-то сражен?
Я перед нею смущаться не стану —
А вдруг да она поверит обману?
Тогда красавицу развяжу,
В седло посажу,
Домой провожу,
В город вернусь с великой славою,
Стану ей супругом, завладею всею державою!»

Так решил Тогай и помчался во весь опор,
Вскоре нашел шатер,
Смело вошел в шатер
И повел с красавицей вот какой разговор:

«Я примчался сюда по велению шаха,
На дракона напал я, не ведая страха,
Этот меч обнажил я — и с первого взмаха
Исполина рассек от ноздрей и до паха!
Я дракона убил! Я дракона убил!
Слишком долго невинных людей он губил!
Этот подвиг прославят и дети и внуки.
Дай, красавица, я развяжу тебе руки.
Мать с отцом истомились в жестокой разлуке,
Но окончились беды, окончились муки!
Я дракона убил! Я дракона убил!
И на сорок частей я его разрубил!

Долго мучилась ты в этом гибельном месте,
Но внемли, о красавица, радостной вести:
Злой дракон не ушел от заслуженной мести,
И теперь мы в столицу отправимся вместе!
Я дракона убил! Я дракона убил!
Ненасытное чудище я истребил!
Сядь со мной на коня, пусть он вихрем помчится,
Скоро нас ликованием встретит столица,
Будут песни звучать, будут радостны лица,
Сердце шаха-властителя возвеселится!
Я дракона убил! Я дракона убил!
И теперь мы отправимся вместе в Бурджил!»

Подняла глаза Офтоб-ой, чтоб взглянуть на Тогаю,
Каков он собой.

С головы до ног его оглядела,
Удивленная дерзкою похвальбой.

И про себя заметила:

«В первый раз такого человека я встретила!

Он и храбрец,

Он и хитрец —

Неужели и вправду прислал его отец?

Придется умерить подобную прыть!»

И решила красавица его пристыдить. Вот что она
сказала:

«Из дальнего края явился могучий орел,
На злого врага устремился из тучи орел,
И прежде чем ты проявить свою храбрость задумал,
Злодею-дракону конец долгожданный пришел.
Ты знаешь и сам: твой рассказ — очевидная ложь.
Тебя недостойна такая бесстыдная ложь.
Ты первым проведаль меня, и за это спасибо.
Я вижу: ты добр и совсем на лжеца не похож.
Как душу твою мог подобный обман соблазнить?
Одумайся, друг! Эту ложь я готова забыть.
Меня не касайся! Садись на коня поскорее,
Отцу-падишаху спешу обо всем сообщить.
И если отцу ты доставишь счастливую весть,
Тебя наградит он за эту правдивую весть,
Тогда от него ты по праву получишь награду,
А сам в чистоте сохранишь ты и совесть и честь».

Смутился Тогай,
Устыдился Тогай,
Сам на себя рассердился Тогай.
Ни слова не вымолвил он от смущенья,
Не попросил у красавицы прощенья,
С нею не простился, даже не взглянул:
Вскочил на коня, камчой хлестнул
И помчался стрелой обратно в столицу.

Сперва не поверил Хисров очевидцу,
Правдивую весть принял за небылицу,
А когда поверил — возликовал,
Со слезами к небесам воззвал,
И вельможи, от зависти изнемогая,
Стали скорей поздравлять Тогаю,
Заранее зная, что он будет властителем высоко вознесен.

А властитель, окончив молиться богу,
Стал приходить в себя понемногу
И, сияя солнцем счастливого лица,
Приветствовал снова гонца-храбреца.
Тут приказал, чтоб спешили слуги
Счастливую весть сообщить супруге,
Сказать, чтоб скорей собиралась в путь —
Спасенную дочь во дворец вернуть!

А падишах сказал, усевшись удобнее:
«Сын мой, расскажи обо всем подробнее!»

И начал Тогай рассказывать:

«О мой шах, отправляясь дракона искать,
Я насмешек немало успел услышать.
Да и страшно, признаться, мне было сперва,
И не раз повернуть я подумывал вспять.
Будь что будет! — решил я, вперед поскакал,
Через горы и дебри мой путь пролегал.
Наконец, возле озера, в черной степи,
Ненасытное чудище я отыскал.
Был дракон недвижим, точно крепко уснул,
И тогда скакуна я камчою хлестнул,
И помчался, как вихрь, на полном скаку
Исполина булатным мечом полоснул.

Я ударил дракона — и прочь поспешил,
Вид его чуть рассудка меня не лишил,
Но заметив, что даже не вздрогнул дракон,
Я к нему осторожно подъехать решил.
И увидел: на части разрублен дракон,
Кем-то был уже раньше погублен дракон!
Невредимую дочь я увидел твою.
Расспросила она про тебя, про семью,
Приказала, чтоб в город я мчался скорей,
И осталась одна в этом диком краю.
Я сначала ее развязать предложил —
Отказалась, велела вернуться в Бурджил.
Откровенно скажу, не гневись, падишах,
За упрямой послать торопись, падишах,
Хоть она и горда, хоть она и смела,
Оставаться опасно ей в этих местах.
Обо всем рассказал, обо всем доложил —
Бескорыстно я службу тебе сослужил!»

И, разгадав лукавый намек,
Усмешки сдержать падишах не мог,
Спросил смельчака: «За свою бескорыстную службу
Какую награду потребуешь ты, дружок?»
Но Тогай был недаром умен и хитер.
Ответил он, скромно потупя взор:
«О падишах, не нужна мне награда,
Об этом и спрашивать даже не надо.
Если корыстной была моя цель,
Просил бы я денег, просил бы земель.
Но я не какой-нибудь бек,
Я всего лишь твой верный слуга;
Изволишь мне что-нибудь дать — бескорыстно дай,
Как бескорыстно служил тебе твой Тогай!»

Тогда рассмеялся премудрый Хисров:
«Вот ты, оказывается, каков!
Старостой нищих недаром тебя избрали —
Такого, как ты, обведешь едва ли!
Теперь ты мне хорошо знаком:
Не только отчаянным смельчаком,
Достойным самых высоких похвал,
Ты в этом деле себя показал,
Но и умным, находчивым человеком!
Станешь отныне знатным беком».

И поставил править его Хисров
Одним из многих своих городов.

Нищим пришел во дворец Тогай —
Беком ушел из дворца Тогай!
Не зря он приятелям дал обещанье:
Едва получил богатство и званье,
Всех их собрал, обул и одел,
С ними сорок дней пировал,
А потом в свой город вступил и Столицей Нищих его
назвал.

Долго прожил Тогай, и на радость жителям
Был бескорыстным и справедливым правителем.

А меж тем Хисров приказал жене торопиться:
Велел снарядить две большие колесницы,
Отобрать из конюшни своей
Самых быстрых и горячих коней.
И вот спозаранок,
Со множеством слуг и служанок,
С богатой поклажей
И многочисленной стражей
Отправилась мать
Любимую дочь выручать.

Что говорила она по дороге, хотите знать?

«О дочь моя, единственная дочь!
К тебе стремлюсь, спешу тебе помочь.
Пока не вижу твоего лица,
Спокойною не буду до конца.
Как ход тяжел у этих колесниц,
Как вид сонлив бесчувственных возниц —
Но потерпи, голубка Офтоб-ой,
Недолго ждать, я еду за тобой!»
Так мать без усталости твердила вслух,
Смятеньем и тоской томился дух,
И всю дорогу не смолкала мать
И не желала никому внимать.
Но вот померкли звезды, рассвело,
И солнце долгожданное взошло,
Пустынна степь, куда ни кинешь взор,
Лишь одинокий высится шатер.

«Дитя мое!» — в слезах вскричала мать,
Слуг и служанок растолкала мать
И бросилась в шатер быстрее всех,
И донеслись оттуда плач и смех,
Вошли служанки радостной толпой
И развязали руки Офтоб-ой,
В арабские одежды облекли,
Распущенные косы заплели.
Лицом, как солнце вешнее, светла,
На колесницу Офтоб-ой взошла...
Старинный многобашенный Бурджил
Такой восторг впервые пережил —
Шумя, толпясь у городских ворот,
Спасенную приветствовал народ.
Весельем огласился весь дворец,
Сошел с престола падишах-отец
И встретил у дверей, и обнял дочь,
Счастливых слез не в силах превозмочь...

Утро пришло,
Стало светло,
Над синими крышами солнце взошло,
И люди столпились, волненьем объятые,
Слушая, что выкликают глашатаи.

«Именем нашего падишаха всем объявляем!
Рассеялись тучи над нашим краем,
Стране уже не грозит беда — с драконом покончено
навсегда!

Нечего людям больше бояться —
Могут разговаривать и смеяться,
Могут продавать, могут покупать,
Сделки заключать, тяжбы затевать.
А синюю краску, которой вначале
Весь город покрасили в знак печали,
Повсюду приказываю смыть!
Повелел падишах — так тому и быть!»

Забурлила столица.
Оживились лица,
Стали люди шуметь и веселиться.
Со стен и дувалов, с одежд и бород
Стал синюю краску смывать народ.

Люди, соскучившись по базару,
Навезли всяческого товару.
Наполнилась площадь шумной толпой.

В тревоге одна только Офтоб-ой.

Нет, не забыла она победителя —
Гордого джигита, своего спасителя.
Не забыла отважного лица
Того неведомого храбреца.
Не забыла, как на прощанье
Она дала ему обещанье:
«Мой хан, уезжай, найду тебя сама!» —
И теперь от волненья сходила с ума.

Решила девушка: «Медлить не буду!
Надо джигита искать повсюду!
Меня он от смерти спас,
От дракона избавил нас,
Готова ему в жены я хоть сейчас.
Где же мой сокол? Сама сперва гляну,
Отцу-падишаху говорить не стану.
Слышала: на базар собирается народ.
Жив мой джигит — и он на базар придет!»

Так Офтоб-ой втихомолку решила,
Подруг и служанок созвать поспешила
И с ними отправилась из дворца,
Не спросив ни у матери, ни у отца.

И всюду, где, красотой сияя,
Шла она, красивая и молодая, —
Толпился народ, ликовал народ,
С восторгом ее узнавал народ.

Поспорят со звездой любой
Краса и прелесть Офтоб-ой,
Идет — и девушки за ней
Теснятся пестрою гурьбой.
Тайком красавица глядит:
Не встретится ли тот джигит?
Идет, стройна, как деревцо.
И, плотно взяв ее в кольцо,
Спешат подруги, шепчут ей,
Когда чадрой закрыть лицо.

Нет, не тщеславная она,
Хоть здесь и главная она,
В толпе служанок молодых
Идет, как равная, она.
Идет, глядит на свой Бурджил,
А тот живет, как прежде жил.
Прошли богатый Шахристан,
Прошли базар, прошли майдан,
Уж солнце клонится к земле,
Вечерний поднялся туман.
Встревожена и смущена,
Домой торопится она.
«Везде прошла я — нет его!
Увы, пропал и след его!
Весь город обошла пешком,
А не видать примет его!
Где ж сокол мой, любимый мой?...»
В слезах пришла она домой.
Лучи рассветные горят,
Повсюду люди говорят:
«Зачем велели всех мужчин
На улицах построить в ряд?»
Вдоль улиц Офтоб-ой прошла —
Опять джигита не нашла.

Тут именем падишаха спросили:
«А точно ли всех сюда пригласили?
Не остался ли кто-нибудь из мужчин?»
И кто-то сказал: «Есть юноша один.
Живет в Аксараяе. На вид — не из наших людей.
Спросили: чем занимаешься? Я, говорит, перекупщик
лошадей.

Но сразу поймешь: говорит ложь —
Совсем этот юноша не похож на тех,
Что коней скупают, а там табуны перегоняют...»
Тогда повелел владыка страны: «Пусть приведут
и этого!»

И послали вельможу разодетого.

Смотрела Офтоб-ой, от волненья дрожала,
А сама наготове яблоко держала.
Вот и Рустам появился в дверях.
«Тот ли это?» — спросил у дочери шах.

Узнали друг друга Рустам и Офтоб-ой.
Но молчит красавица — не справится с собой,
Не может стыд пересилить девичий,
Правду сказать о своем царевиче.

Постоял, помолчал и прочь зашагал джигит.

Лишь тут Офтоб-ой пересилила стыд —
Кинула яблоко в любимого джигита,
Отцу и вельможам призналась во всем открыто
Вот кем убит свирепый дракон,
Вот кем народ от бед освобожден,
Вот кому обещала, что станет ей супругом он!

И сказал Хисров — справедливый правитель:
«Что ж ты так долго скрывался, победитель?»

Пусть народ собирают на свадебный пир,
Пусть о радости нашей узнает весь мир!
Пусть на дочь надевают венец золотой,
Пусть потомки гордятся прекрасной четой!
Пусть возлюбленным сыном нам станет герой
И по праву наследует нашу державу!»

Ликовал народ, пировал народ, воздавая герою славу.

343. ДАЛЛИ

Вблизи от Ургенча, в давние дни,
на западе, где искони
на Чамбила-платогорье,
без зла и горя,
не зная смут,
жило племя таки-явмут,
правил бек Гороглы.

Духи-пророки — гайиб-эраны —
в детстве спросили у Гороглы:
«Скажи-ка, йигит, тоскуешь о ком?
Кто тебе нужен: сын или конь?»
А Гороглы еще молод был,
он, конечно, коней любил.
Не знал, что значат сын да родня.
«Коня! — говорит. — Хочу коня!»
Тогда они его
так благословили:

«Будешь беком, и весь свой век
конским бегом прославишь, бек.
Под ясным небом проложишь след,
коня оставишь, а сына — нет,
Гороглы!»

Так они ему предрекли.

Гороглы после понял, что сплеховал,
уж так по сыну он тосковал,
всех пророков о нем просил,
так и не дан был ему сын.
Когда его духи благословляли,
на прощание наставляли:

«Возьми из Ваянгана Хасанхана,
а из Хунхара — Авазхана.
Привезешь и усыновишь».

Как набег Гороглы затеял впервой —
дочку Райхана украл, Зайдиной,
Ахмаду Сардару отдал женой.
Потом с купцов погонял он жиру,
сорок молодцов собрал в дружину,
до зубов вооружил их.

Из Ваянгана
привез Халдархана.
Бился кроваво Карадив,
да он и его победил,
диву Тохтамышу выдавил зрачки,
а с Койкафа, из сада Санам,
вывез пери Юнус-агы,
на удивленье людским сынам!
Был он, видать, крепче скал.
Из сада Ирэм привез пери Мискал.
Из Ваянгана взял Хасанхана,
из Хунхара — Авазхана,
сделал их сынами:
жить, мол, будете с нами,
очей моих свет,
шагов моих след,
а дни
придут последние,
вы одни
наследники,
гробу гвоздем,
народу вождем...
Вот с поры-то самой с этой
и стал Гороглы грозой соседей,
мир о нем зашумел, его слава стала
гремять до самого Дагестана.

Перед Гороглы до дна души
дрожали кизилбаши и сияхпуши.
Пусть же пока Гороглы-бек
здоровствует в славе и длит свой век...

Перед Гороглы не только дрожали,
все его уважали —
богат, в дружине сорок друзей!

С ватагой всей,
на зная скуки,
скакал на своем Гиркуке,
сокола брал с собой,
охотился под барабанный бой.
Раз под вечер шла за оленем погоня,
возле озера встали кони,
взглянул Гороглы во все концы —
видит, на том берегу купцы.
Он и поскакал
со своими сорока,
думал взять с каравана дары,
а тут, глядь, костры, костры,
столько тех купцов
набралось,
словно со всех концов
собралось.
Позвал Гороглы караванбаши:
«Ну-ка, говорит, скажи,
из какой вы державы,
куда путь держали?»

Купец говорит: «Господин мой бек,
мы из Эрзерума, да не знать вам бед.
Идем в Ташкент и Аулие-ата».
А ему Гороглы тогда:
«Ездите вы, торговцы, по миру,
слыхали такое, о чем у нас — ни помину,
видать, за любой забредали
предел,
там повидали
дивных дел.
Вот вы из Эрзерума —
что там нынче наделало шума?»

Купец отвечает: «Да, мой бек,
таков торговый человек.
Он и сам-то на виду,
и виды видывал на веку.
Всюду ведь что-нибудь произойдет,
без этого народ не живет.
А в Эрзеруме — коль мы оттуда —
есть одно настоящее чудо...»

«Послушаем,— сказал Гороглы.— Расскажи!»
— «Так,— отвечал караванбаши.—
У царя эрзерумской земли
есть дочка по имени Хан-Далли.
Полмира слава ее облетела,
ее совершенствам нет предела,
равно прекрасна лицом и телом,
без изъяна, как пери, сложена —
такая еще на земле не жила!
Сиянья не скрыть девяти покрывалам —
ликом светила она затмевала!
Так у нас о ней говорят.
Все подряд!
В Эрзеруме люди
только и судят об этом чуде...
А что до Хан-Далли — она
к тому же еще оказалась умна.
Сама во всем понимает толк,
с согласия отца затевает торг,
между делом
правит своим уделом...»

Рассказ купца
Гороглы выслушал до конца,
развеселился,
взять дары не согласился,
да еще при этом
весь караван накормил обедом.
В тот день ночевать вернулись домой.
Утром затеяли пир горой.
Ели жирно,
пил Гороглы в кругу дружины,
да спьяну и говорит он
своим сорока йигитам:
«Прежние, мол, падишахи
как себя потешали?
Если им услуга нужна,
наполнят чашу вина,
поднимут чашу:
«Ну, кто тут смел и отважен?
Поднимите, осушите —
и дело до конца доведите!»
И вот батыры прежних времен
примут у шаха чашу с вином,

выпьют — утрусся.
Выполнят — вернутся.
А теперь, батыры мои, дальше.
Вот перед вами какая задача.
Хочу узнать, кто из вас самый могучий,
кто порученье выполнит лучше,
чтобы, в укор трусам да слабым,
стал среди вас он и самым славным.
Ну, йнгиты...»

И Гороглы-бек
налил в чашу вино и шербет.
«Теперь и узнаем, кто кажет тыл,
а кто настоящий храбрый батыр!»
И Гороглы, испытанье начавши,
над своими сорока поднял чашу.

«Есть ли без снега в горах перевалы?
Разве весна не в садах пиновала?
Чашу златую вознес Гороглы —
кто ее выпьет, воитель удалий?»

Конь настоящий от бега не взмокнет.
Гнев в моем сердце мгновенно умолкнет.
Верности чашу вознес Гороглы —
те, что верны, отказаться не могут.

Всех ты прекрасней, Чамбиль мой цветущий!
Храбрые здесь — или слабые души?
Винную чашу вознес Гороглы —
кто не осушит, клятву нарушит.

Плачу о правде, о славе рыдаю.
Где ты, о храбрость великих святая?
Чашу златую вознес Гороглы —
так, о йнгиты, я вас испытаю.

Беки, не вместе ль мы дни проводили?
Беки, мы разве не весело жили?
Кто ж эту чашу, батыры мои,
с нами разделит, как радость делили?

Тех, кто осушит, утешит мне душу —
сделаю первым за верную службу.
Тех, кто возьмет эту чашу мою —
щедро дарами осыплю за службу.

Речи о разном — в праздник и в будни.
Гоним галопом коней на безлюдье.
Дело поручено вам, сорока —
служба за вами, а мы не забудем.

Туже стяните себя поясами,
сабли до боя попробуйте сами.
Чашу, молю, поднимите мою —
разве вы зря себя клятвой связали?

Вождь вам недаром твердит про обеты —
дела важней вы не знали, о беки.
Каждый, кто чашу поднимет мою —
мне, Гороглы, будет другом навеки».

После этих слов Гороглы-бека
все его дружинники, до одного человека,
молча сидят,
в землю глядят.
Даже от земли исходит эхо,
а вот до них не доходит это,
сидят безмолвно,
как оглохшие смолоду.
Решил Гороглы — не дошло его слово! —
и к ним тогда обращается снова:

«Сорок удалых, опора Чамбия!
Скачет скакун — значит, пот в изобилье.
Барсы Чамбия! Не лгите потом,
что не слышали или забыли.

Жизнь, о друзья мои, длится недолго.
Тленна вселенная! Сгинет — и только.
Только, батыры, не лгите потом,
что не слышали веления долга.

Бек Гороглы я — и в этом краю
слушают люди, что я говорю.
Чаша вот эта — чаша обета!
Беки, хлеб-соль отслужите мою!

Ну же, батыры, примите решение!
Смело, как львы, вы ходили в сраженья!
Кто моей службой не пренебрежет,
тот и заслужит вознагражденье».

Сорок дружинников, как сидели без звука,
так и молчат, не глядя друг на друга.
Гороглы, такое увидев,
«Ну и негодники!» — думает в обиде,
а сам говорит:

«Мужи! Неужто у вас не хватило
мужества долг отслужить господину?
Что же с тобою, дружина моя —
ты же недаром в героях ходила!

Каждому гляну в глаза: это ты ли?
Как вы могли перетрусить, батыры?
Разве дружина служить не должна?
Или доселе вам мало платили?

Так ли вы шли за подарками? То ли
вы у меня обещали на тое?
Есть ли хотя бы один среди вас,
без оговорок на подвиг готовый?

В тесные уши да втиснутся речи:
будьте готовы к походу и к сече!
Чашу служенья держу я в руках —
кто же осушит, душу излечит?»

Трижды взывал Гороглы понапрасну —
молчат, словно в рот воды понабравши.
Когда с Гороглы такое стало,
что вся дружина в ответ молчала?
Тут были Хасан-батыр и Аваз,
Аваз еще мал, а Хасан — как раз:
вошел в силу.
Задумался Хасан, сам себя спросил он:
«А не сломится ли у Гороглы воля?
Ведь никто за него не рискнул головою.
Сам чашу осушит — плохо будет.
Ведь он-то, может, так рассудит:
«Эх! Вот как бывает, коль сына нет.
Прошу — а мне ни слова в ответ.
Если дружинник мне не послушен,
значит, и меч мой мне не послужит.
Если сначала слуга откажет —
потом, глядишь, и рука откажет!

А был бы сын,
я б зря не просил,
принял бы он чашу,
осушил до конца,
лишь бы выполнить волю отца...»

Чтобы отец себя в боль не вводил,
поднялся с места Хасан-батыр,
говорит с поклоном: «Дайте чашу, я осушу,
а чем прикажете, вам послужу».

Гороглы сердито сверкнул глазами,
послушал и так ответил Хасану:
«О мой лев, мой тигренок! Ты еще молод.
Уж если негодники эти не могут —
так ты ж еще мальчик. Труден путь,
тебе до конца не дотянуть.
Да и не к тебе совсем
я обращался, а к ним ко всем!»

«О мой повелитель, — говорит Хасан, —
я ведь всё понимаю сам.
Вы об них не горюйте, о тех,
да и меня не жалейте, отец,
пусть за меня не болит у вас сердце,
я-то могу на коня усесться,
я уже мужчина, йигит,
всё смету, что на пути стоит!»

И взял у отца чашу.
«Постой, — говорит Гороглы, — ты не пей!..
Ну, им-то я цену знаю теперь.
Хотел-то послать я их, а не вас,
вы еще мальчишки, ты и Аваз,
да они-то трусили, подлецы!
Слава аллаху, хоть вы молодцы.
Слушай, что говорит отец.
Ладно, разговору конец...»

Пошел спор меж Гороглы и Хасаном. Это —
вопросы их и ответы:

— Чистый цветок мой, не тронутый жаром!
Что ж ты спешишь, словно паводок шалый?

Я не к тебе обращался, а к ним!
Им — не тебе — отвечать надлежало!

— В суетном мире, в толкучке огромной,
кто помышляет о жизни загробной?
Я же подумал о долге своем —
бек, не отринь этот помысел скромный!

— Чаша такая пьется не даром!
Ты пожалеешь о слове, мне данном:
ты еще мальчик, мой милый Хасан,
дело ж — по силам батырам удалым!

— Бек, не считай меня трусом последним!
Ты меня вырастил, взяв семилетним.
Не отвергай же и службы моей,
дай расплатиться за милости эти.

— Сердцу извечно желанное снится...
Жизнь храбреца — как слеза на реснице.
В чаше моей — не простое питье:
пота и крови в ней — до поясницы!

— Храбростью с трусом не делится смелый.
Мал я годами — но воин умелый.
Бек, разреши мне тебе послужить —
я не вернусь, не закончивши дела!

— Трудностей в деле
не чуешь ничуть ты:
здесь и до цели
добраться — не шутки!
Сядь! Малолетним ли в это вступать?
Сам рассуди, коли в здравом рассудке.

— Праздно, без дела, живу я в Чамбиле.
Сыт, и одет, и щедрот в изобилье.
Но ни к чему
скучать смельчаку —
лучше рискну я, хоть после б убили...

— Подлый обманет, не сделает дела.
Слабый — не сможет, хотя б и хотел он!

Полно, мой мальчик! Тебе ни к чему
взрослое дело решать неумело!

— Храброго век не двукратен, а краток:
гибнет — а враг доживает остаток!
Чашу я принял — пусть в латах умру,
чем на пиру объедаться в халатах.

— Тут уж свою я послушаю душу:
тяжкую эту не дам тебе службу!
Сядь же, Хасан, и не требуй, сынок:
сердца приказов я не нарушу!

— Дали пустыни удобны для скачек.
Храбрый решенья не переиначит.
Смерть мне маячит —
пойду всё равно!
Пусть отступленьем лишь трус обозначит.

— После меня — разве это не лестно? —
землю и власть ты получишь в наследство.
Это для них ты и должен, Хасан,
жизнь да и силы беречь с малолетства.

— Пусть и народ и Чамбиль мой родимый
бог сохранит для тебя, господина!
Ты же в узде не держи смельчака —
долг и порыв мой сведи воедино.

— Жаждет отрады душа — и покоя.
Красен мой век только рядом с тобою.
Юн ты — не знаешь, как жребий жесток,
камни дорог не изведал стопою.

— Может, Хасан и юнец непутевый,
только врага ниспровергнуть — готовый.
Бек мой, отец, отпусти меня в путь,
чтобы не тратил я дни по-пустому.

— Верь повелителю, слушай, как друга:
слишком опасна такая услуга!
Храбрый Хасан мой, отца пожалей:
сушит напрасно лихая разлука!

— Бек, не грусти,
благоденствуй в почете,
дни проводи
на пирах и в охоте.
Только, отец,
объясни, наконец:
ты о какой нам толкуешь работе?

— Глянь: разодеты сидят и прекрасны
матушки-пери, приятные глазу...
Дело в Эрзруме, мой милый Хасан:
взять Хан-Далли и доставить Авазу.

Задумался Хасан, услышав эти речи.
«Да-а, бывают дела полегче...
Выходит, я из чужой земли
должен привезти Хан-Далли.
Залезь-ка, попробуй, в чужой двор
и сведи кобылицу, как вор.
А тут не какой-нибудь двор — столица!
И дочь падишаха — не кобылица...
Там, поди, прислужниц дюжины,
да обойти охрану нужно.
Рискни, обмани-ка слух
доброй тысячи слуг.
А народ там хитрый — зевать не моги!
И к тому же они наши враги...
Отец у ней — шах, у отца — войско.
Я-то один, а у него их — вон сколько!
Как же я у него дочь украду?
Не зря отец уговаривал: не лезь, мол, в беду.
Ох, до чего трудно! Хоть и сам Гороглы-бек
со всеми сорока совершит набег —
и то едва ли справится тут.
А одному — непосильный труд...»

Долго голову ломал Хасан,
пока, наконец, додумался сам:
«Если отказаться мне самому —
вовсеки с себя я позор не сниму.
Тут хоть какая будь причина —
всё равно скажут, что я не мужчина,
А вот попрошу у отца для меня
Гиркука, его коня:

он-то, конечно, откажет, не даст —
и будет повод для нас.
Если, мол, вы коня пожалели,
как же мне добраться до цели?
Приходится выбирать из двух зол:
просто так отказаться — вечный позор...»

Почему Хасанхан, на хитрости горазд,
хотел на Гиркука свалить свой отказ?
Да ведь ясно: Гороглы Гиркука любил
больше всех сокровищ своих любых,
больше жен своих — пери Юнус-агы
и Мискал,

больше сыновей, которых сам отыскал.
Потому-то Хасан и решил попросить Гиркука:
это — отказа порука.
Решив, что так он избегнет бед,
сияет Хасан, как весенний цвет,
и о своем
разливается соловьем:

«Родину нашу Чамбилем зовут.
Так называют отчизну явмут.
Сын твой, Хасан, снарядился в дорогу —
дай, повелитель, Гиркука ему.

Ты Чамбильбеля владетель и вождь.
Недруги — следом, куда ни пойдешь.
Дай же Хасану чудо-Гиркука,
что повергает недруга в дрожь.

Ты шахиншах необъятной страны,
благословением страх устрани.
Дай мне Гиркука — счастья поруку
в самом начале трудной страды.

Трус я, храбрец ли — сам испытай:
суд твой высокий — свят, государь!
Но, как о друге, прошу о Гиркуке —
чтобы живым воротиться сюда.

Как мне не плакать — горек удел
всех, кто со смертью спорить хотел.
Пусть она сгинет!
Вспомни о сыне —
дай мне Гиркука для воинских дел.

Слов, горемыка,
я не занимал.
Пери владыка,
шах Сулейман!
Взялся Хасан за нелегкую службу —
и о Гиркуке возносит слова.

Смелому крыльями кажется конь,
если сольется в одно с седоком.
Милости ради
прошу о Гирате —
к цели пробиться на звере таком.

Если Гиркука мне дашь под седло —
сын твой, увидишь, добьется всего.
Дай же коня хоть на время Хасану —
так ты поддержишь геройство его!

Конь твой — как птица над ширью земли.
Бек солнцелиций, Хасану вели
сесть на Гиркука, просьб не отвергни —
мигом доставлю тебе Хан-Далли.

Храбрый, коль беден — стыдится ль забот?
Тот, кто бездетен — впустую ль живет?
Милый отец, я спешу к Эрзеруму —
дай же Гиркука мне в этот поход!

Милый отец, я решения жду.
Дай мне Гирата, вручи мне узду.
В крепкую руку поводья Гиркука
отданы будут, врагам на беду.

Если бы жребий ты мой усладил
и на Гиркука меня усадил —
верь мне, Хасану: в чуждые страны
я бы без страха поехал один.

Волею отчей
иду, одиноко,
путь не отсрочу
ни на денек.
Нет мне награды лучше Гирата —
друга батыров, бека дорог!

Будь подо мною крылатый тулпар —
я бы в барханах не утопал:
службу исполнил споро и полно —
всюду прославил твой царственный дар!

Я бы галопом
промчал по лугам,
тупоголовым
задал врагам,
я бы доставил Далли, повелитель,
вдвое быстрее, чем ты полагал!»

Теперь, после Хасанова слова,
Гороглы-бек ободрился снова,
светлеет ликом,
говорит с улыбкой:
«Слава тебе, лев мой, храбрый мой воин!» —
и продолжает, Хасаном доволен:

«Выпадет дождь — и прибавится грязи.
Пусть же твой враг в этой битве увязнет!
Сотни гиркуков в жертву тебе,
если ты вызвался в бой без боязни!

Мечен тулпар золотою подковой.
Нету йигита второго такого:
сотни гиркуков в жертву тебе,
если выходишь ты, к бою готовый!

Бек за тебя да останется жертвой!
Век ты мой скрасил отважностью этой.
В деле нелегком решив послужить,
сам на отцовскую слабость не сетуй!

Скорбь отожду я в слова по крупнице!
Сила явмут да растет и крепится!
Если решается сын послужить,
кто для него на коня поскупится?

Славный Хасан, ты старался и вправду.
Дам скакуна за усердые в награду.
Жертвой твоей да падет Гороглы!
К цели придет оседлавший Гирата...

Службой оплатишь — надежною данью.
Конь будет твой — не томись в ожиданье.
Пусть же скакун будет жертвой твоей!
Что ни захочешь — исполню желанье.

Внемли отцовским, Хасан, повеленьям:
сядь на коня, что быстрее оленя!
Воину, что послужить захотел,
самого лучшего не пожалеем.

Мелкая сошка — великим не пара.
Не стригунка ты берешь, а тулпара!
Сыну, что вызвался мне послужить,
не пожалею бесценного дара.

Пляшет Гиркук, ожидая событий.
Всяк позавидует, кто ни завидит.
Принарядись, на Гиркука садись...
Пару прекраснее мне назовите!

Чтобы как надо исполнил ты службу,
дам я Гирата, дам и оружие.
Не посрами же, Хасан, Гороглы,
недругов встречных в пути обнаружив.

Видно, отважными вырастил вас я...
В путь же, Хасан мой, как сам вызывался!
Не расслабляйся — не вышло бы так,
что перед недругом ты зазевался!

Юность твоя расцветает тюльпаном.
Сядь на Гиркука — и в путь по барханам!
Не возвращайся назад без Далли,
если зовешься не зря Хасанханом!

Вскачь, Хасанджан, на Гиркуке крылатом!
Был ты давно ли ровней ребятам?
Ты еще мальчик... Езжай же, сынок,
И с Хан-Далли возвращайся обратно.

Дочь у безбожного шаха похитив,
сети порвав, не запутайся в нитях!
Из Эрзерума — прямо домой...
Так ты сумеешь опередить их.

Смелой, умелой рукой молодецкой
розу из сада выхвати дерзко —
сладкоречивую Хан-Далли,
что называет народ чародейкой.

Силою страшен
недругам нашим,
редкую птицу отбей в рукопашной.
Выкрав Далли,
смело дели:
слава — себе, а позор — кизилбашам!»

Вот теперь Гороглы развеселился,
щедрый дух какой-то в него вселился:
дам, думает, Хасану Гиркука —
и подмога будет ему и наука.

Смиряет великодушно в груди бурю,
обращается к конюшему Саки Бульбулю,
с дружиной дружному Саки Бульбулю:

«Зорю встречает базар воробьев.
Дервиш не чаёт дозваться рабов.
Эй, оседлай моего иноходца:
храбрый Хасан навещает врагов!

Как оседлаешь Гиркука, Саки —
так Хасанхана в седло посади.
Он хоть и молод —
разумом может
соревноваться со старцем седым.

Слушай, Саки, и запомни приказ —
хлеб мой и соль ты отведал не раз:
седлай Гирата!
Конь мой крылатый
будет такому всаднику рад.

Вождь всех удалых я в Чамбильбела.
Сызмала сила в сыне спала.
Седлай Гирата!
Конь мой крылатый
долг свой Хасану исполнит сполна.

Ведь у тулпара крепок хребет!
Просит недаром Гороглы-бек:
нужен Гиркук для похода Хасану —
на Эрзерум он замыслил набег.

Враг нас попомнит
до смертного дня.
Киньте попоны
скорей на коня!
Шах скакунов повезет Хасанхана,
к цели домчит, головы не склоня.

Если Хасан и не знает чего —
учится пусть и не хмурит чело.
Парню наука — скачка Гиркука.
Смело сажайте Хасана в седло.

Долг свой исправно выполни, дед,
славно Хасана в путь приодев.
Сядет высоко храбрый мой сокол,
создан для сотен доблестных дел».

Шелком зеленым
стелется луг.
Низким поклоном
приветствуя люд,
бек из конюшни кличет конюших:
пусть-де батыру коня приведут.

В ливне весеннем
вымокнет сад.
Сердце не всех ли
тронул Хасан?
Вывел Саки из конюшни Гиркука,
как Гороглы приказал ему сам.

На ухо что-то шепчет коню —
мыслей Саки не узнать никому! —
вывел на луг, привязал он Гиркука,
колышек вбивши на самом краю.

Сбрую сначала сбросив совсем,
молча Гиркука седлает при всех.
Шерстью сверкает Гиркук среди поля,
мастью играет: черен — иль сер?

Ерзает повод на длинном колу,
пляшет Гиркук, не стоится коню,
трудно Саки, не с руки старичине:
крутится конь, как волчок на кону!

Мышцы катаются в теле тугом.
Дед наш умаялся в деле таком.
Еле Саки успокоил Гиркука.
Чистит и чешет его гребешком.
Шепчет Саки скакуну потихоньку:
«Бог да смирит тебя, бешеный конь!

О всемогущий, что я могу?
Стар я тулпаров седлать на скаку!
Э, да уймись ты, конь норовистый,
утихомирься, чертов скакун!

Сызмала я при тебе состою,
жемчугом гриву украсил твою.
Зла ли желаю? Дай оседлаю —
я ведь худого не сотворю!

Срежет садовник
лучший цветок.
Господа вспомнит
бедный седок.
Да ведь покуда снял я подпругу —
сам от натуги чуть не подох!

Может аллах нас рая лишить —
но без рассудка стоит ли жить?
Чуть не свихнулся, нагрудник снимаю.
Сдерну наушник — лишусь и души!

Души заблудшие — вера щадит.
Кровью умоется лживый шиит.
Крою коня дорогою попоной —
край ее пестрый золотом шит!

Горе, как ржу, не отчистишь, друзья.
Край наш туркменский — отчизна моя!
Вытру Гиркука тряпкой парчовой.
Хвост заплетенный — точно змея!

Кто по дорогам дальним прошел —
мужества тайны все превзошел.
Старый Саки иноходцу на спину
потника ладит ласковый шелк.

Беки на западе смотрят в трубу.
Мастер, позавтракав, годен к труду.
Я же, Саки, да на потник из шелка
сверху и бархат плотный кладу».

Сорок — граница радостным дням.
Наром гордится каждый степняк.
Старый Саки подседельник расстелет,
потник добротный с лошади сняв.

Души батыров — кладезь добра,
у завидущих — просто дыра.
Снова Саки на коне расстилает
потник добротный из шкуры бобра!

Мудрость муллы, словно книга, стара.
В тайнах ремесел сильны мастера.
Дед поднимает, с лукой золотою,
седло литое из серебра!

Медленно к цели паломник шагал.
Слезы блестели, текли по щекам.
Так же и стремени два золотые
блещут, висят у коня по бокам!

Шелковой грива подобна кайме.
Только и речи — о дивном коне.
Старый Саки ременную подпругой
крепит седло на лихом скакуне.

Пери прекрасны у нас на пирах —
ангелов создал прекрасней аллах!
Кроет коня дорогою попоной,
золототканый покров разостлав.

В розы Ирэма влюблен соловей.
Смерти удары — что солоней?
Деда Саки необъятна попона —
кисти до бабок свисают у ней!

Кожаной сбруей Гират захрустит.
Скажете «Чу!» — он обгонит и птиц!
Дедом Гиркуку надетый подхвостник
дюжиной бляшек бесценных блеснит.

Сызмала выбран святыми для битв,
конь изукрашен от глаз до копыт.
Плеть, заплетенная по-чигатайски,
дедом подвешена, сбоку висит.

Трость в изумрудах свисает с луки.
Красный нагрудник готовит Саки.
Вся в украшениях конская шея,
вся в серебре и камнях дорогих.
Чудо-Гиркука из ханской конюшни
к беку подводят с правой руки.

Рядом с грызущим железо конем
пышет Хасан молодецким огнем.
Молнии пламя, язык ли змеинный,
узкий кинжал ли без ножен при нем?
Вот он, решившийся в путь к Эрзеруму —
взглядами разом к Хасану прильнем.

Перенял много Хасан от отца.
Рад он — и радость вокруг без конца.
Сорок дружинников кинулись разом
стремя держать, посадить молодца.

Всем поклонился парень вокруг,
сел на Гиркука — пляшет Гиркук.
Так из отчизны — Таки-Явмута —
в дальний отправился он Эрзерум.

Сев на коня, сердцем — в пути,
словно бы вырос юный батыр.
Так из отчизны — Таки-Явмута —
в путь к Эрзеруму он выходил.

Вот теперь Хасан, как цветок, сияет,
как селезень, перья расправляет,
пока под ним, дороге рад,
танцует Гират.

Перед всей улицей,
как павлин, красуется,
в парчу и золото одет —
оглядывается, где дружина, где отец? —
изгибается, как тростник,
благословенья просит у них.

Чамбильбела, где прошло мое детство,
где оступившимся — братья поддержка,
благословения жду твоего:
в нем и подспорье мое и надежда!

Пусть, горемычный, слез я не прячу —
не о себе я, о родине плачу.
Так помолитесь же, бек, мой отец,
о возвращенье моем и удаче.

Милый Чамбиль, где я рос и резвился,
где я в бойца из мальчишки развился,
ты — моя Мекка, Медина моя,
путеводительный знак на развилке!

Сад покрывается цветом весенним.
Еду, в пути оставляя селенья.
Дальше молитесь, отец, за меня
вслед за сегодняшним благословеньем.

Пусть ниспошлет мне силы всевышний,
в путь необычный нынче я вышел.
Утренней вашей молитвы слова
я в набегающем ветре услышу.

Эта разлука —
сердцу разруха.
Только молитва — мира порука.
Благословения просит Хасан.
Не позабудьте же сына и друга.

Был я мальчишкой, смелым и шалым —
мужем я стал, обзавелся кинжалом.
Благословите, отец мой, меня
и помолитесь с искренним жаром.

Бек мой, душой оставайтесь с Хасаном.
Ведь равнодушие сравнимо лишь с адом.
Вы же — молитесь, отец, по утрам,
чтобы вернулся к вам сын, а не саван.

Ваша молитва — помощь в дороге,
смелость для битвы, гордость, здоровье.
Благословение ваше, отец,
сына поставит с храбрыми вровень.

Юн ведь Хасан, станом могучий,
словно тюльпан, в мае цветущий.
Будет достаточно сыну в пути
вашей молитвы, от сердца идущей.

Мы ведь с Гиркуком не озоруем —
многих зарубим под Эрзерумом.
Благословенье ваше, отец,
будет со мной, и с конем, и с оружием.

«Призрак — из гроба, милость — от мужа»
Доброе слово путнику нужно.
Ваша молитва, сила моя
недруга дружно в битве порушат.

Враг не дождется славы кровавой.
Нар я с поклажей, без каравана.
Сорок друзей, помолитесь со мной —
нас не одна ли весна согревала?

Сорок йигитов, могучие братья,
в битве — любой из вас лев, без изъятья.
Так помолитесь и вы обо мне —
ради Чамбила и дружества ради.

Бродят на кручах стада без охраны.
Ловкий стрелок караулит архара.
Беки, молитесь о брате своем —
да упасется от смерти, от раны.

Беки, услышу ль отцовские речи?
Даст ли всевышний вернуться из сечи?
Благословите, батыры мои,
чтобы дожить мне до радостной встречи».

Смерть не минует ни нищих, ни шаха.
Слова для славной картины не жалко.
Руку высоко вознес Гороглы —
и Хасанхан в ожидании жадном...

Пери в дому — перед речью в волнение.
Сам Гороглы — словно речка, в волнение.
Сорок дружинников молвят «аминь»,
чуть лишь он руки сложил для моления!

«Долго я ждал и терзался, бездетен.
Сын — мое счастье, аллах мне свидетель!
Милость зову на сыновню главу,
небу вручаю молением этим.

Рос он в Чамбиле, всечасно крепчая.
Сын мой! Опоры иной я не чаю.
Маленьким был ты, а вырос могуч.
В путь! Я аллаху тебя поручаю.

Горем Чамбиль заморозит разлука.
Сладкая речь — не для горького слуха.
Сколько пророков ни видывал мир —
всем поручаю тебя и Гиркука.

Где бы утесы в снегу ни сияли —
птицы гнезятся над белым зияньем.
Сколько пророков ни видывал мир —
пусть они все тебе станут друзьями.

Жить без отчизны, аллах, непосильно.
Коль клевета не коснулась — спасибо.
Духи святые — гайиб-эраны —
вам поручаю отважного сына.

В жизни ведь горе и радости — рядом.
Резво скачи, управляя Гиратом.
Цели достигни, Хасан, и в Чамбиль,
жив и здоров, возвращайся обратно.

Страсть соловьиная льется над садом.
Радость расти, а не грусть и надсаду!
Долю твою я вручаю святым,
чтоб невредим ты вернулся назад к нам.

Семеро мудрых жили в усядах.
Духи святые, наставники слабых,
пусть возвратится мой сын невредим,
провозглашая всевышнему славу!»

Тут Гороглы и вся дружина
Хасан-батыра окружила,
в путь благословила.
А под Хасаном танцует Гират,
грызет уздечку, яр и рад,
Хасан сияет, как майский цвет,
отца и друзей получив совет,
и с напутствием, понемногу
выбирается в путь-дорогу.

Как выехал он из ворот,
по обе стороны стоял народ.
Мужчины на улицу вышли,
женщины и дети — на крыши.
Все на него глядят,
Хасан поздоровался со всеми подряд,
со старым и малым,
с йигитом и аксакалом,
обращается к тем и к этим,
ко вторым и к третьим,
к старухам, женщинам, девушкам, детям:

«О бедный люд,
все, кого я вижу тут,
все седобородые, все седовласые,
благословенья прошу у вас я!
Вон их сколько, женщин на крышах,
их молитвы будут услышаны!
А ведь я еду в сторону дальнюю,
родину покидаю
для пустой пустыни, для чуждых стран,
еду прямо во вражий стан!
Дай бог свидеться, мертвым не лечь...»
И дальше сказал он такую речь:

«Как повелось, мы поплачем в дорогу,
доброй беседой разгоним тревогу,
руки сложите, скажите «аминь»
и помолитесь за путника богу.

Речка несет корабли или лодки.
Перед судьбой и пройдохи неловки.
Весь поглазеть набежавший народ
молится пусть за поход мой нелегкий.

Яблоки, сливы из сада выносим.
Дороги дни в урожайную осень.
Этот до зрелища жадный народ
пусть за меня вседержителя просит.

Чамбильбела —
это родина наша —
жизнь нам дала
и спасла не однажды.

Не на меня ли взглянуть вам охота,
бедные пахари и скотоводы?
Вы-то что ж медлите молвить «аминь»,
важные люди, народ благородный?

Воздухом общим в Чамбиле дышали,
вместе батыры росли и мужали.
Благословения жду я от вас
юноши, дервиши, старцы, ишаны.

Склоны горы тeneвые в тумане.
Люди, стоящие перед домами,
благословите в дорогу меня —
дервиш, мулла да и все мусульмане!

Ястреб кольцом не бахвалится новым.
Важное дело — решает сановник.
Руки поднявши, скажите «аминь»,
благословите мой подвиг сыновний!

Чамбильбела — мой очаг и отчина.
Юн я — и пламень в душе моей чистый.
Молви «аминь», мой речистый народ,
да помолись, чтоб беде не случиться.

Конь подо мною, Гиркук неумемный.
Сын Гороглы я, чьи земли огромны.
Жду я хорошей молитвы от вас,
чтобы «аминь» заключил ее громкий.

Звонко гарцует Гиркук, не раскован.
Путь в Эрзерум и далек, и рискован.
Все помолитесь, стар или млад,
сладок мне голос участия людского.

Слов мы немало сказали друг другу.
Пусть победит ожиданье разлуку.
Девушки, слабых священны мольбы —
к сердцу прижмите нежную руку.

Света рабыни святы чертами:
очи, как звезды, бровей очертанья.
Слабым дарована сила молитв.
Вы бы, красавицы, их прочитали!

Горе аллахом да отвратится!
Недруга храбрый не побоится.
Ваши аллаху угодны мольбы,
нежные девушки и молодежи.

Тонкие станом, хрупки плечами...
Да не мрачат вам душу печали!
Добрые матери, ваши слова
путнику к цели путь облегчали.

Вот ухожу я горькой дорогой.
чашу разлуки пью у порога.
Весь помолись, о мой добрый народ!
Путь мой пролег далеко, одиноко...

Пусть бы, живя
в ласковой шири,
вы у себя
век не тужили!
В дальние дали уходит Хасан.
Свидимся ль снова? Были бы живы!

Скачет скакун долгою степью,
мнет на скаку тонкие стебли.
Радости всякой вам, люди! Аминь!
Свидимся ль вновь мы, отчие стены?

Трель соловьиная — речи Хасана,
ликом — цветок он из майского сада.
Вторят ему люди явмут,
благословить его тянутся сами.

Нас половодье речей заливало.
(Духи — во власти очей Сулеймана).
Все, как один, прокричите «аминь!»,
благословите путь мой немалый.

Чамбильбела — это край мой родимый.
Гороглы-бек — мой защитник единый.
Молод я — к вам я взываю: меня
благословите все, как один, вы!

С благословением воин уедет.
Борет разлуку воля к победе.
Я еще молод —
господа молят
пусть обо мне и друзья и соседи.

Кто отрекался от бренного мира?
Я оставляю всё, что мне мило.
Грома раскатом грянет «аминь!» —
Пусть неудачи мчат себе мимо».

Пусть и лихой твой конь не устанет,
пусть и плохой твой день не настанет,
бог да поможет избежать беды,
втуне желаний твоих не оставит.

Пояс Хасан украшает алмазом.
Скажем «аминь» — и помолимся разом.
Если беда угрожает тебе —
бог да наставит душу и разум!

Все возглашаем разом «аминь» мы.
Больше не будет бед и в помине.
Крепче косичку, Хасан, завяжи.
Храбрых от века враги не сломили.

Знай, что добра тебе хватит любого:
быстрых коней и удачной любви.
Только в бою не беги, Хасанджан,
бейся — не бойся ни смерти, ни боли.

В жизни живи себе, сколько живется,
счастья пожни себе, сколько пожнется.
Горестей вовсе не знай, Хасанджан,
черпай желанья из жизни колодца.

Будь, Хасанджан, и живым и здоровым,
срок тебе долгий для жизни дарован.
Бог тебе в помощь! Аллахуакбар!
Будь безопасен твой путь по дорогам.

Где бы ты ни был — будешь ты первым.
Водят святые конем твоим верным —
сорок чилтанов, гайиб-эраны...
Бог тебе в помощь! Будь нам примером!

Как танцевать ты заставил Гирата,
так и во всем ты выискивай радость.
Будь безопасен трудный твой путь,
жив, невредим возвращайся обратно.

Гайиб-эраны да сочтут тебя другом,
будешь ты всюду с крылатым Гиркуком,
всюду укрытый охраной двойной —
вечной защиты таинственным кругом.

Пусть в караване будешь ты наром —
помнить о прочих первому надо.
Выбери меч исфаханский, жену,
краше которой стель и не знала.

Понароди сыновей да и дочек,
скот твой в долинах достаток упрочит.
Цветом весенним,
светом веселья,
вечным везеньем
сверкай среди прочих!

Пусть погибают враги Хасанджана,
вечно сияют деньки Хасанджана;
пусть по дороге его не язвит
горькой разлуки острое жало!

Люди, скажите разом «аминь» — и
доброй молитвой горы мы сдвинем.
Вот на Гиркуке едет Хасан —
солнышком ясным на небе синем.

Едет Хасан, горячится Гират,
грызет удила, полететь горазд.
Завидуют все, кто идет навстречу,
заводит Хасан веселые речи
(если б теперь их увидел враг,
задумался да и сник бы враз).
Едет Хасанхан, и Гороглы не слеп:
стоит и смотрит Хасану вслед.
Слышал он слова, что сказаны им,
слыхал, как народ закричал «аминь».
Видел, что из дому обе пери
тоже выглянули, не утерпели.
Да и сам он
порадовался за Хасана,
но как вспомнит, на что сын идет,
всего покрывает холодный пот.
Жалко послать на такое подростка,
но удержать его тоже не просто.
Если сказать ему: «Нет!
Тебе, мол, мало лет»,
так ведь не устроишь
этим затор,
только устроишь
этим задор...
Послать с ним дружину — он не рад,
самому поехать — дела не велят...
Такая вот смута в душе наступает,
когда против воли человек поступает.
Вслед Хасану на пути
крикнул Гороглы-бек: «Погоди!»
В мыслях Хасан-то уже в походе,
но услышал, натянул поводья.
Подошел Гороглы-бек, протягивает руку,
берет за уздечку Гиркука,
смотрит на своего юнца,
глаз не сводит с лица —
как не понять отца! —
жалко ему, нету силы
отпустить в разлуку сына,
вот ему снова
и говорит напутственное слово:

«Вот о разлуке несколько слов,
об одиночестве, черном и злом.

Попридержи, Хасанджан, иноходца,
слово напутствием следом пошлем.

Прежде чем мир пустят на слом,
слово к аллаху отпустим послом.
Попридержи-ка, Хасан, иноходца,
это напутствие следом пошлем.

Чуть лишь, Хасан, минешь пески,
вскачь скакуна дальше пусти.
Выслушай слово, Хасан, о разлуке —
горькие мысли отца не пусты.

Будешь пустою степью скакать —
будем тоскою злой тосковать.
Мать и отца помни в разлуке,
горькую речь дай досказать.

Тут под тобой пляшет тулпар,
там без тебя вянет тюльпан.
Мать и отец сохнут в разлуке:
цел молодец — или пропал?

Милый Хасан, конь твой крылат.
Ты ведь и сам странствию рад.
Мать же с отцом плачут в Чамбиле,
слезы со щек наземь скользят.

Перевалив множество гор,
с кем-то начнешь бой или спор.
Не забывай всё же при этом
этот с тобой наш разговор.

Не без следа слезы со щек.
Снова слеза — кто их сочтет?
Высохнет мать в долгой разлуке,
саван себе ранний сошьет.

Как же не лить матери слез,
думать: живой — или уж слег? —
и, что ни день, слепнуть от плача,
сердце травить горечью слов?..

Что же, скачи, сын, и следи:
время в пути — встречи с людьми.
Пусть тебе путь сгладят святые.
Волей аллаха — вернешься с Далли...

Если же дело не выйдет, Хасан —
вспомни тогда, что я сказал:
в землях чужих не укрывайся,
кару себе выдумав сам.

Скажешь: Далли, мол, не добыл,
не оправдал дерзостный пыл —
что я отвечу Гороглы-беку,
как я вернусь в милый Чамбиль?..

Я — по твоей сохну вине.
Скроешься — мне горе вдвойне:
стану искать всюду по свету,
силы сгублю в долгой войне.

Слово отца: добыл не добыл —
ждет молодца, любит Чамбиль.
Встретят тебя тут, как родного,
глядя, кем стал, помня, кем был...

Встретишь дурных — зло во плоти —
злом им за зло не отплати.
Перенимай добрых повадки,
светлый пример в жизнь воплоти.

В дружбе держись чистых людей,
мудростью мудрых — сам овладей.
Ждать за добро воздаяния — дурно,
горечь неверья — злобы лютей.
Помни, что каждый, дружный с дурными,
сам не избегнет черных сетей.

Ты, произросший от зерен жемчужных,
в край улетаешь дальний и чуждый.
Милостей свыше всечасно не жди —
щедрых уловов от каждой речушки.

Не по пути тебе с тем, кто не ровня.
Знай себе цену — но вежливость помни:
первым приветствуй встречных в пути!
Немощным помощь — подвиг бескровный.
Сын мой, Хасан мой, опора моя,
зря не гордись и веди себя скромно!

Ты уезжаешь — рай я теряю.
Мать зарыдает, меня укоряя.
Сын мой, Хасан мой, гордыню смири:
вот что лишает праведных рая.

Соколов семьи живут на высотах.
Клады души запечатаны в сотах.
Ангел за гордость в шайтаны попал —
злее соблазна создатель не создал!

И на отважного свалятся беды.
Добрые, злые он слышит советы.
Помни же отчие речи, Хасан —
мудрым воистину свойственно это.

Слушай слова мои, сердцем внимая.
Что бескорыстней отцова вниманья?
Если ж когда-нибудь им пренебрег,
после — хоть поздно! — поплачешь немало.

Зверем гарцует Гиркук под тобою,
имя прославишь ты славной судьбою.
Слушай, Хасан, наставленья отца:
из-за тебя я не знаю покоя.

Верил всегда я: плохим ты не станешь,
людям в наследство грехи не оставишь,
чтобы, кусая локти, в тоске,
в вечном пути не лишиться пристанищ.

В путь же, сынок, что йигиту положен,
будь же, сынок, и с плохими — хорошим.
Я поручаю аллаху тебя —
дальше живи, как доселе ты прожил.

Поводыри наши, духи-пророки,
что помогали уставшим в дороге,
вам я вручаю Хасана судьбу —
не оставляйте его одиноким.

Семеро дервишей жили в веселье,
на остальных же заботы висели.
Будь из семьи этих семи,
соколом взмой над заботами всеми!»

Приняв наставленья и благословенье,
укрепившись в отваге и вере,
слыша приветствия там и сям,
всем отвечает улыбкой Хасан —
знай лишь в седле повернется живо
то к отцу, то к дружине,
да и ко всем вокруг,
сияет, как солнечный круг,
пляшет под ним Гиркук,
распускает крылья,
ждет, чтоб ему простор открыли.
Вот поскакал он к большой дороге,
а за ним, при всем народе,
бежит Гороглы, взявшись за стремяна,
улица полным-полна,
на сердце прощанье, в глазу слеза.
Проводили в путь — вернулись назад.

Вот и довелось батыру нашему:
едет себе один-одинешенек,
по большой дороге туркменской —
Эр-Хизира, гиблое место,
пустыня, пески —
едет и думает: «Господи, помоги!
Рабу своему опорой будь,
один ты, создатель, знаешь путь,
только б молитву мою услышал ты
и вывел, аллах, раба Хасанхана!»

Милостью нас одаряет творец.
Долю свою принимает мудрец.
С благословенья Гороглы-бека
в путь выезжает Хасан, наконец.

Храброго мать уж таким уродит.
Камню оправа отнюдь не вредит.
Камень бесценный лежит без охраны.
Едет один по пустыне йигит.

С полным запасом воды в бурдюке,
трут и кремьень зажимая в руке,
с благословенья родного народа
выехал в путь Хасанхан налегке.

Пояс стянул без особых потуг.
Булькает сбоку тяжелый бурдюк.
Просит Хасан: «Не оставь меня, боже!»
Ровно и весело едет Гиркук.

А на луке-то кольчуга висит,
а за спиной перевернутый щит.
С думой о боге в дальней дороге
храбрый Хасан к Эрзеруму спешит.

То запоем, то смолкает опять,
как верблюжата, зовущие мать,
ах, полюбуйтесь храбрым Хасаном,
что Хан-Далли снаряжился искать.

А скакуну его мчаться не лень —
вот и сейчас он летит, как олень.
В беге испытан, легок, подтянут,
к дальним вершинам спешит он весь день.

Всюду пески — и вблизи и вдали.
С думой о цели, о дальней Далли
одолевает безводье пустыни —
ада явленье на лике земли.

Яр и неистов конь, как стрела,
мчится со свистом, скачет стремглав.
Стоит дохнуть ему — ветер полдневный
шарит в долине, жарищу стремя.

Среди безводья мчится Гират —
словно бы птица в снежных горах!
Так и мелькает тело Гирата,
словно летящий из пушки снаряд.

Среди барханных бесчисленных стад
пулею мчится скакун, не устав.
Ичиги трутся о стремя со скрипом,
сохнет дыханье на жарких устах.

Клонится всадник в порыве — вперед.
Скачет, утративши времени счет.
С чмоканьем хлещет камча иноходца,
словно бы ветер со снегом сечет.

Неутомимый бег их вперед —
как соколиный ловчий полет.
Мчится и мчится скакун по безводью —
только что ветер навстречу поет.

Черной стрелою, громадный такой,
свет затмевает чудовищный конь.
Дать ему волю, ослабить поводья —
птица за ним не успеет вдогон.

Что же коня понукает йигит?
Ярость Хасана и дивов дивит:
чуть лишь замедлится скачка Гиркука,
от нетерпенья он так и кипит.
Вздрогнет скакун от удара лихого —
мир оглушается громом копыт.

Вновь он и вновь он заносит камчу —
трудно осилить себя силачу.
Полнится громом пространство пустыни —
ярость Хасана ей не по плечу.
В даль за Далли устремился отважный —
будет на чем разгуляться мечу.

С маху Гиркука камчою ожег —
боль пронизала, видать, до кишок!
Так, что заставил вздрогнуть пустыню
чудо-Гиркука ярый прыжок.

Конь без того уже скачет как черт —
он его снова камчою сечет.
Ярости слезы в глазах у Хасана —
так уж влечет его битвы почет.

Скачет, не видя ни гор, ни низин —
тут бы другой головы не сносил.
Мчит по безводью Хасан на Гиркуке,
просит у бога подмоги и сил.
Из-за Далли в Эрзеруме далеком
всё он веселье в душе погасил.

Молит святых он, шайтана клянет.
Тверже алмаза в ножнах клинок.
Скачет отважный Хасан по пустыне,
словно голодный лев, одинок.

Звяканьем сабли округа полна,
золотом чистым блестят стремена
там, где доселе только шакалы
с воем шагали
во все времена.

Это запас в бурдюке не иссяк
или гусиный гогочет косяк?
Словно стремительный беркут по высям,
мчится Хасан по пескам на рысях.

Скажет он «чу» —
и посмотрит вокруг.
Чуя камчу,
встрепенется Гиркук.
Скачет Хасан по степному безводью,
не выпуская поводья
из рук.

Пыли встает
впереди пелена —
мчит он вперед,
горячит скакуна!
Будь это недруги — храбрый не дрогнет,
хоть перед ним и стальная стена.

Рубит он воздух, как вражью сталь.
Скачет Гиркук по пустынным местам.
Долго скакал Хасанхан по безводью —
видно, и он притомился, устал.

«Чу! — говорит он Гиркуку-коню.—
Что ж ты не рвешься, когда я гоню?
Пусть одиноко —
бог нам подмога.
С именем бога главы не склоню!

Пусть, о аллах, я в пустыне ослаб —
ты не оставь меня, силы послав.
Я, Хасанхан, ради воинской славы
душу отдам — ради лучшей из слав!»

Перепоясан
туго Хасан.

Высколил разум,
руку Хасан.
Так полюбуйтесь, друзья, на батыра:
встретит не раз он
друга, Хасан!

Крикнул он «чу» — иноходец бежит,
хочет Гиркук иль не хочет — спешит.
А Хасанхан призывает аллаха,
силы в молитве находит, спешит.

Гонит коня, словно давши обет
наибыстрейший испробовать бег,
хлещет и хлещет камчою Гирата,
чуть не наделав воистину бед.

Носят из плюша поплоче штаны
те, что ходить по канату должны.
Но скакуны ведь не канатоходцы —
бил он Гирата без всякой вины.
Мокнет Гиркук, покрывается пеной,
пот из-под потника льет со спины.

Но понемногу в себя он пришел,
черные уши поставил ковшом,
вытянул шею, силы нашел —
вроде бы вылечил сердца ожог...
И посмотрите теперь на Гирата —
прям, как струна, и лоснится, как шелк!

Скажете «чу» — и возьмет он разгон
аж до Дербента, до лысины гор!
Только от пыли бы вычистить гриву
да обтереть его разик-другой...

С ходу возьмет он каждый подъем —
хоть обойдет он, что не по нем.
Перелетает арыки и реки:
всюду пройдет он, куда ни пойдём.

А украшенья на шее спешат
выдать любое движенье и шаг,
и между черных ушей иноходца
золотом чистым блещет шишак.

Если дорога немного ровней —
пляшет Гиркук, пробегая по ней.
Глядя на это, от зависти б лопнул
каждый, кто впрямь понимает коней.
Ну, а теперь полюбуйте Хасаном —
скачкой лихою доволен и сам он,
к цели желая добраться скорей.

Мох у арыка,
в речке бобры.
Скачет он лихо
в гору, с горы.
Гонит коня он, не разбирая
утренней или вечерней поры.

Верный, крылатый несет его конь.
Очень он кстати в дороге такой.
Гляньте, как муж скачет туркменский,
дергая повод могучей рукой.

Если Гиркук — настоящий тулпар,
так и седок ведь под пару попал:
бек уж добычи никак не упустит,
если в пути попадется архар.

В красном Хасан. Постарался, поди,
он и косичку себе заплести.
Если в пути повстречает оленя —
он уж ему не позволит уйти.

Не уступая дороги своей,
мчит он, как пуля, сквозь ветер и свей.
Зверь ни за что не уйдет от батыра,
если какой повстречается зверь.

Словно охотник небесный, крылат,
птиц он настигнет — хоть десять подряд
Чтобы разлуку скрасить Хасану,
ржаньем округу полнит Гират.

У Эр-Хизира, в безводной пустыне,
едет Хасан, одинёшенек ныне,
один у него спутник, один друг —
верный Гиркук.
Понукая его, гоня,
глядит батыр на своего коня.

А конь в безлюдном месте этом
веселит хозяина своим цветом,
то и дело меняет цвет,
точно дневной измеряет свет,
опустив гриву,
семенит игриво,
а сменит ход —
летит, не идет,
растопырив ноги,
станет поперек дороги,
глянет в стороны,
заржет задорно,
уши торчком,
вскинется вдруг,
всё дальше и дальше идет Гиркук.

Глядит Хасан — конь, нет-нет;
снова и снова меняет цвет,
с каждым мигом блестит иначе,
скачет себе по пескам и скачет.
Вот как скакун себя показал!
Едет и смотрит на него Хасан —
на могучие конские стати,
на стройные ноги, что в пути не устали,
и, словно впервой,
снова глядит
на литой
полумесяц копыт,
холит в походе —
гладит по холке.
Ведь славный Гиркук —
он что за скакун?
Велик, как султан,
избалован, как ишан,
надежней испытанного батыра,
жарче лепешки едва из тандыра;
почует чужака —
уши в два вершка,
уж так-то горд —
превыше гор.
Посмотришь сзади —
словно тигр в засаде.
Велик он и сам,
а копыта — с казан.

Смотрит Хасан,
гордостью дыша,
так и крепнет от радости душа,
глядит на коня и гладит:
таких, говорит, нет и в небесной рати,
таких четвероногих
видом не видали земные дороги.
Среди всех коней славных
не было тебе равных.
Такой, говорит, как ты, тулпар,
еще по этой земле не ступал...
Небом, говорит, не будет забыто
желанье седлавшего тебя йгита!..
И дальше, словами, как струнами, звеня,
хвалит и хвалит своего коня:

«Годовалым Чилтан тебя дал, годовалым.
Ты богатством для бедного стал небывалым.
Ты ребенком бездетного сделался, конь —
все задачи решал, что тебе задавал он.

На вершину Сунбула поднялся ты рано,
годовалым увидел красоты Ирэма.
В том волшебном саду, где жилище Санам,
за тобою красавицы шли невозбранно.

Года в три тебя снова в поход оседлали —
На Райхана мы с беком тогда заседали.
Зайдиной на твоём увозили седле,
Кукбулак в темноте объезжая задами.

Так всему и учили, чего ты не ведал.
И отец на тебе уносился к победам.
Когда, взяв Дайрабад, перебили врагов —
сколько взял ты добычи в сражении этом?

Всё, что было, нельзя перечесть за мгновенье.
Вспомни пира высокое благословенье.
Крым с наскака с тобой захватил Гороглы,
Халдаршаха наставивши в истинной вере.

Вспомни деда Камбара, и мускус, и амбру
на косичку твою расточавшего храбро.
Или вспомни пророков на этой горе,
освятивших твой нор и подвиг твой ратный.

Всех ты недругов рушил,
топтал их подряд — и
жалких жалоб не слушал,
не ведал пощады.
А в пещере чилтанов, добравшись туда,
пил вино антахура — нектар непочатый.

Дед Чилтан тебе гриву разглаживал справа.
Сорок тыщ золотыми сулили арабы,
и совсем, было, отдал тебя Гороглы —
да народ отмолил тебя, нашу отраду.

Ты народа родного и честь, и надежда.
Скажут «чу!» — и помчишься, наездника теша.
Дед Чилтан тебе сам и подстилку сплетал.
А от ветра, что вслед за тобой пролетал,
замерзала вода! Но по старым следам
ты пройдешь — и арыки заплещутся те же.

Твой седок
в тебе видел победы поруку.
Как пророк,
ты дарил покровительство другу.
Ты встречался с Бекташем четырнадцать раз —
и бежал он, бросая порубленных груды.

Как страшит он врагов, этот рев первозданный!
Получили мы знамя от Шахимардана.
Дед Камбар добавлял тебе в воду шербет —
и шербет, словно воду, ты пил постоянно.

Ты походов с отцом моим сделал немало,
получая подмогу святого имама.
Кто в седло твое славное сел без обмана —
тот в беде не останется, добрый мой конь.

Тот йигит, что седло твое занял литое —
победителем выйдет из каждого боя,
сам аллах одарил тебя этой судьбою.
Твой наездник — счастливцев, могучий мой конь!

Посреди скакунов не сыскать тебе равных,
ты не знаешь изъянов, ни тайных, ни явных,
седока ни на кручах не сбросишь, ни в ямах,
ты — мечта верхового, могучий мой конь!

В битве — пламенем жарким горишь ты без дыма.
Ты выходишь из тысячи бед невредимо.
С Карадивом схватился ты непобедимым —
одолея ты и дива, могучий мой конь!

Мой отец, как седлал тебя, конь мой крылатый,
он врагов не считал: дескать, будь вы неладны!
Ослепил Тохтамыша — отныне проклятый
не забудет обоих вас, славный мой конь!

Твоя шумная слава
дошла до Койкафа,
и молва тебе слала
приветы лукаво,
а сама впереди тебя шумно скакала —
и враги пред тобою дрожали, мой конь!

По шесть месяцев в каменной жил ты конюшне,
был подкован подковой из стали кольчужной,
что дробила булыжник, как панцирь жемчужный —
и удар твой раскалывал скалы, мой конь!

И полгода не знал ты обычного корма —
кишмишом заменяли ячменные зерна!
А чтоб ты не шумел и кормился покорно —
зажигали над стойлом светильник, мой конь!

На один только голос отцовский и шел ты,
под полоной из бархата, красной иль желтой,
в изукрашенной сбруе, с веревкой из шелка.
Пусть потом и спалось и жилось тебе жестко,
протиралась и шерсть на спине до подшерстка —
жил ты лучше иного йигита, мой конь!

И покудова сил твоей славы достало
докатиться до самого Дагестана,
и дрожали враги в отдаленнейших станах,
как покорных баранов бессонное стадо —
ожидал ты приказа хозяйского, конь!

Одолея ты все беды, сиятельный конь мой,
выпил реки шербета, взыскательный конь мой,
со святыми в беседы вступал ты спокойно,
добывая победы, свершая погони,
обгонял ты пернатых в полете, мой конь!

Даже слух, даже страх твоего появления
заставлял становиться врагов на колени,
и дрожащие сляхпуши в отдаленье
от испуга и разум теряли, мой конь!
Сколько раз попадал ты, стремительный, к пери,
и они о тебе говорили и пели,
да и сам ты в беседе участвовал, конь!

Ты умней человека, дела в том порука.
И прошу я тебя, умоляю Гиркука:
дове́ди до Далли меня, царственный конь!»

Едет Хасан, и весь он
гордостью полн и весел.
Хвалит коня от ушей до копыт
и, обращаясь к коню, говорит:
«Эй, Гиркук, благословен твой шаг,
ведь средь коней ты — шахиншах,
все йнгиты, что на тебя сели,
всегда достигали своей цели.
И мы тоже с края земли
добудем и вывезем Хан-Далли.
Неужто, Гиркук, до Чамбиля нашего
не опередишь ты толпу кизилбашей,
догнать себя дашь ей?»
Так разговаривая с конем,
едет на нем,
сам себя развлекаая,
а его порой понукая,
как туркмен во время улака,
и ехать ему на Гиркуке сладко.
Чутко прислушивается Гиркук,
поглядывает вокруг,
идет ходко,
разной походкой.

Клин гусиный тянет к небесам.
Клич любви прочитан по глазам.
Одолжи, о господи, почета:
вот наследник Гороглы — Хасан.

Мчит Гират, грызущий удила.
Раскалились степи добела.
Одолжи, о господи, почета:
вот Хасан — любимец Чамбиля.

Отчий дом да не сгорит вовек,
пламенем не вспыхнет человек.
Одолжи, о господи, почета:
в путь Хасана шлет Гороглы-бек.

Преграждают путь отроги гор.
Час придет — и мы покинем двор.
Вот, создатель, путник из Явмута —
будь ему вернейшей из опор.

И Хасана кто-то обласкал,
эту душу милостью взыскал.
В путь-дорогу помолился богу
наш Хасан — любимый сын Мискал.

Золотой на голове венец.
Средство от любви — страстям конец.
В путь пустился трудной славы ради
наш Хасан — из храбрецов храбрец.

Уж не видно родину глазам.
Конь крылатый тянет к небесам.
Одолжи, о господи, почета!
Это сокол Чамбиля — Хасан.

Тяжело в пустой степи ему,
нетерпенья дали не уймут.
Гонит он коня среди безводья —
наш Хасан, воитель из Явмут.

Каждый — господин в своем дому.
Но Хасан — батыр Таки-Явмут:
он, как тигр, когтит песок пустыни —
славный лев и тигр Таки-Явмут.

Осторожный конь под ним заржал.
Грозный к ножнам прикипел кинжал.
Порешил Хасан Далли доставить —
ни на час поход не задержал.

Радость сердца и красу для глаз,
Чамбильбела истинный алмаз —
пестовали славного Хасана
пери, что помянуты не раз.

Сколько б конь ума ни показал —
молод, несмышлен еще Хасан.
Едет одинешенек в пустыне,
ждет подмоги он еще, Хасан.

Скачут, скачут, не жалея ног...
О аллах, мы — ножны, ты — клинок.

На тебя все наши упования:
глянь, как он в безлюдье одинок.
Скажет «чу» — и занесет камчу...
«Можно ли прожить мне, как хочу?
Нет, судьба записана заране!
Будь она мне только по плечу...»

Сад расцвел — петь соловью пора.
А Хасана мучает жара.
Пряча взор, он говорит: «О боже,
тяжко мне в песках Эр-Хизира».
В Эрзерум решившись, в дальний путь,
кое-что обдумал, как-нибудь —
и теперь, хлеща камчой Гиркука,
о коне не думает ничуть.

С маху бьет он по бокам, гоня
.....
понукает, гонит все быстрее,
словно забывая про коня.

Мудрость светит нам в святых речах.
А Хасан попал на солончак.
Понукает он коня в пустыне,
отдыху не давши ни на час.

Он галопом скачет через степь,
и камче приходится свистеть.
Отдохнуть бы! — только нет терпенья:
знай скачи до эрзерумских стен!

Скачка их во всей степи слышна.
День ли, ночь ли — топот скакуна.
Сам Хасан не спит, как ветер в поле —
и Гират летит, лишенный сна.

Эрзерум ли, братцы?
Пока нет!
Хоть бы им добраться,
наконец!
Задержаться, сделать передышку
ни за что не хочет молодец.
Пыль, туман, Гиркук летит, как ветер,
яростнее молний и комет.

Конь несется с ревом, на бегу
он крыло раскроет на боку.
В зной такой не полетит и птица,
он же мчится, выгнутый в дугу.
Будь поглаже путь, куда б Хасана
он занес — представить не могу.

Родом наш Хасан из Чамбильбея,
пьет вино покинутых — тоску.

Добрый конь — отрада человеку.
Рад Хасан Гиратову скачку.

Полюбуйтесь статьями Гиркука:
их полезно видеть и врагу!

Разлучен с родными в Чамбильбеле
Хасанхан впервые на веку.

А под ним Гиркук — тулпар тулпаров! —
горы перепрыгнет на скаку.

Хасанхан от зноя изнывает,
скачет по горячему песку.

«Помоги мне, боже — по пустыне
я от одиночества бегу».

Носит гуся по воде,
просят нищие везде.
Погоняет скакуна
по безводью, при звезде.

Вот торчат два уха — два вершка.
Весь подъем — с единого прыжка!

Нет, Гират — тулпар среди тулпаров...
И любая даль ему близка.
Почвы не касаются копыта:
мчится птицей в даль издалека!

Занимается заря,
солнце скатится — не зря:
лев Хасан среди камней
скачет, искрами соря.

Полюбуйтесь, это сам
наш батыр, герой Хасан!
Всюду ищет Хан-Далли
и взывает к небесам.

Неуемен и крылат,
под седлом его — Гират.
Он промчится мимо нас,
уносится птицей рад.

Скачет, стремящем звеня,
горячит Хасан коня.
Каждой ночью он в пути,
не теряет он и дня.

Он не может свой умерить пыл,
бьет камчой Гиркука, как и бил:
днем и ночью гонит к Эрзеруму,
чтоб тулпар о цели не забыл.

Много Хасанхан истратил сил,
то коня ругал, а то просил.
Днем и ночью из страны Явмута
одиноким скачет бека сын.

Путь в пустыне — это ад земли.
Он же — мыслит лишь о Хан-Далли!
То не птица мчится над песками —
это сын могучий Гороглы!
Ах, не зря в тоске о нем рыдали
матушки Мискал, Юнус-агы...

В Чамбильбеле, с милыми людьми,
рос в кругу заботы и любви,
а теперь один, среди безлюдья,
на песке печатает следы!

И в чужой, пустынной стороне
молит: «Боже, снизойди ко мне.
Столько знойных дней, ночей холодных
я, Хасан, всечасно на коне!»

Длит батыр суровые труды,
без людского слова и воды.
Сорок пять ночей и дней в дороге —
мук, тревоги,
жажды, маеты...

Столько гор и долов позади,
разные народы и пути.
Вез тулпар Хасана настоящий,
а не то бы столько не пройти!
Сорок пять ночей и дней промчалось —
Эрзерум маячит впереди!

Хасанхан взволнован, как река.
Сорок пять скакал он дней, пока,
замешавшись меж мужей пустыни,
Эрзерум узрел издалека!

Вот теперь задумался палван,
выбирает самый лучший план
и, с попутными людьми смешавшись,
скакуна торопит по полям.

И Гиркук торопится вперед,
но, хоть путь короткий изберет,
всё равно лишь затемно с Хасаном,
к ночи доберется до ворот.

Столько о Далли твердит народ —
знать бы хоть Хасану, что не врет! —
а теперь, гарцуя на Гиркуке,
сам стоит он у ее ворот...

Без отдыха ехал Хасан, да и с тем
лишь к ночи добрался до каменных стен.
Гарцует Гират у входа в город,
грызет удила, почувствовав голод.
А усердный народ,
старики служивые,

засовы у ворот
позаложили,
в теплой постели укрылись до пят
и без заботы за стенами спят.
У ворот прогремел Гирата топот,
крикнул батыр громоподобно,
возвестил о себе могучий —
пусть-де ему откроет ключник.
Кричит: «Не спать же мне здесь, в степи!»
Ключник проснулся, говорит: «Потерпи!..
Чего ты, узбек, на весь мир разорался,
что и сон нам не мил показался?
Анаши да вина раздобыли еле,
а тут и следа не осталось от хмеля!
Посередь ночи наехал, змей,
какой уж теперь тут будет хмель?!
И где ты рос, негодяй горластый,
проклятый узбек, орать гораздый?..
Вырос, видать, на пустом месте —
вот и орал себе, сколько влезет.
Такую судьбину аллах тебе дал —
небось, людей вдвоем не видал!
В такой, видать, уродился доле,
что еще отроду не был в доме!..
И раньше узбеков мы примечали,
но такого еще не встречали.
Слыхано ль — один, а кричит, как тыща!
Ты что, не можешь чуть-чуть потише?..
Да ты, узбек, еще мальчишка!»
Так он был на Хасана зол,
что и к воротам не подошел.
«Вставать, мол, еще! — была бы охота.
Таким ни к чему открывать ворота.
Такого в степи оставить спать —
он и разучится горло драть.
Хотя и тут с ним толку не будет:
он же сперва весь город разбудит!»
И говорит ему ключник нехотя:
«Не мог ты, узбек, пораньше приехать?
Людей беспокоишь — ты что, не помнишь,
что ворота уж заперты в полночь?
Кто захочет
отворять среди ночи?
Эй, узбек, говорю не со зла:

иди-ка ты прочь, не горлань зазря,
лучше всего тебе теперь спешиться,
в поле лечь да и сном утешиться.
Встанешь, как заря глаза разведет —
тут тебе и откроют, чуть рассветет.
И въедешь в город,
никто не погонит.
А теперь, кричи не кричи,
всё равно — унесли ключи.
И взять их не у кого —
хан за ними прислал человека.
Ты иди, а мне спать пора:
осталось всего ничего до утра.
Приехал бы раньше — не стоял бы впустую,
мы бы тебя сразу впустили...»
Так ему ключник говорил.

Хасан отвечает: «Эй, привратник,
а ты, часом, старик, не любишь приврать ли?
Видно, не понял ты ничего,
вот и принял меня не за того.
Думаешь, я до полудня спал,
с каждым встречным в пути болтал,
оттого и сюда опоздал?
А я приехал издалёка,
торопился всю дорогу,
конь устал, да и я устал,
а то б я тебя и просить не стал.
Ночью земля в степи сырая,
пусти нас поспать в караван-сараяе.
За ночь мы с конем
отдохнем,
а днем потолкуем о том о сем!»

«Долгонько ж, узбек, ты точишь лясы,
откуда такой говорливый взялся?
О чем мне с тобой еще толковать?
Не буду я тебе открывать!
Открою, когда прикажет хан...»

Тогда говорит ему Хасанхан:
«Эй, дед,
послушай-ка мой совет:

«Дальние горы
тонут в тумане.
Года невзгоды —
только до мая.
Странник стучится — дверь отвори:
мы это дело так понимали!

Храбрый пустыню выбрал для гонок.
Хызр доверье дарит такому.
Дальнему гостю, дед, отвори!
Или привыкли здесь по-другому?

Может, боишься, что дело нечисто?
Так поглядел бы: я же мальчишка!
Дед, отвори-ка ворота твои!
Я издалека, ты б мог и смягчиться!

Слабый цветок
в полдень увянет.
Сильный — и тот
в поле устанет.
Я прискакал издалека —
так отвори страннику, старый!

Я — как река в час половодья.
Еле рука держит поводья.
Дед, отвори! Тошно опять
в поле пустом спать на свободе...

Беки загнать и тулпара способны.
Пусть нас создатель спасет от позора.
Дед, отвори! Как бы в степи
нас невзначай не ограбили, сонных...

Кто там сейчас (как мне назвать их?)
главный у вас: сотник, десятник?
Иль это хан сам приказал
странников гнать, бранью встречать их?

К ночи я, дед, здесь оказался.
Сам я узбек из пустыни казахской.
Эй, отомкни! Да не дразни
пылью степной, сажей казана...

Дедушка, эй,— настежь ворота!
Я заплачу — не из воров-то.
Так я устал на земле ночевать —
дай мне войти, седобородый!

Господи боже,
избавь от упрека!
Прибыл я позже —
такая дорога.
Не за воротами ж мне ночевать,
если уже я здесь, у порога».

Привратник говорит: «Эй, узбек,
какой бестолковый ты человек:
сам болтаешь —
остановки не знаешь,
другие говорят — не понимаешь».

И привратник дальше говорит:

«Что за бирюк
ты неученый?
Куча вокруг
мест для ночевок.
Кто бы ты ни был, иди-ка к себе...
Солнце взойдет — въедешь с почетом.

Ты не цветок — и не увянешь.
Ты не река — половодьем не станешь.
Кто бы ты ни был, иди-ка к себе:
после восхода снова заглянешь.

Без толку эдак шуметь не годится.
Даже разбойник лучше тупицы.
Кто бы ты ни был, иди-ка к себе:
в поле тебе до утра находиться.

Зря не упорствуй — мы посторонним
посреди ночи ворот не откроем.
Кто бы ты ни был, иди-ка к себе
и до рассвета гуляй на здоровье».

Видит Хасан — не открывают ворота.
Отступать нельзя, назад неохота.
Как тут быть, с чего начинать?
Принялся Хасан причитать:

«Ах да ох,
да не дай бог,
ох да ах,
спаси аллах,
пропасть мне,
умереть мне...» —
и прочие бредни.
А потом говорит:

«Богу подошва — наша макушка.
Зимний-то снег — он весне, как подушка.
Эй, отвори-ка ворота, старик!
Конь мой устал, я и сам занедужил.

Жизнь человека — бурное море.
Горные камни дождь не размочит.
Эй, отвори-ка ворота, старик!
Сам я устал, да и конь мой заморен.

Не пил вина — опьянел от шербета.
Будет противник — будет победа.
Эй, отвори-ка ворота, старик!
Стану я другом славного деда.

Помнить о том бы нам не мешало:
смерть не минует нищих — и шаха.
Эй, отвори-ка ворота, старик!
Будем друзьями с этого шага.

Плох этот мир — но не просишь иного.
Разбогатеешь — и носишь обновы.
Двое друзей нас, третий — аллах.
Помни, что друг — не случайное слово.

Шел я долиной — устал, недотепа.
Шел я горой — до вершин не дотопал.
Двое друзей нас, а третий — аллах.
В просьбе друзьям отказать неудобно.

Если прошу я — чего же ты медлишь?
Или ты против что-то имеешь?
Стали друзьями мы, с нами аллах.
Дружбы не хочешь — живи как умеешь!»

Привратник еще не старый дед:
от роду триста тридцать лет.
Знал Даки Юнуса,
с Фиравином пил,
а сам — не согнулся,
не утратил пыл.
Говорит себе: «Узбеков не знал я вовек,
а этот, оказывается, хитрый узбек!
Разгадал он меня — видать, не глуп...
Зря я был с ним сегодня груб.
Говорят, что двое, друг друга встретив,
поладят, взявши аллаха третьим.
Если, выходит, между нами аллах,
у нас и дружба пойдет на лад!
А если кто другу откажет,
того, видать, аллах накажет...
Придется мне умерить прыть
да ему ворота открыть.
Зря друзей мне терять не надо,
я еще молодой, неженатый,
еще не вырос в полный рост,
еще не раскрылись мои десять роз.
А то устою,
не открою ворота —
потом мне в раю
не откроют ворота».

Дед, помешкав,
поднялся с места,
у ворот наклонился,
прислонился,
приложил щеку,
посмотрел в щелку —
видит, совсем юнец у ворот!
Желтым пушком окаймлен рот,
от роду всего-то лет шестнадцать,
ему бы еще с мальчишками знаться,
а уж красив! — так, что луна
перед ним в полнолуние затмится сполна.
Чей же сын этот самый Хасан?
Говорит весома, могуч и сам.
Силен, как лев, и, как зверь, Гиркук
пляшет под ним, вытоптал круг,
под копытом земля трещит!

За спиной у батыра кожаный щит,
а на боку, длиною до ног,
бьется о стремяна исфаханский клинок.
Лицо, как яблоко, румяно,
золотая косичка доходит до стана.
Эй, слушайте, оставим Хасана,
что это мы ему хвалы поем,
мы же его не продаем!
А дед-то наш еще холостой,
всего триста с лишком на неделе на той...
Сколько знавал на веку разврата,
со сколькими бабами спал он кряду —
еще посчитать надо.
И где только этот дед ни бывал,
всюду этот огонь разжигал.
Говорят, на таком вот пламени лютом
полтыщи дервишеских сжег приютов,
но, заработав по шее не раз,
сник понемногу да и угас.
И последние лет полтора
служил привратником распрекрасно.
Говорил: «Куда уж мне там жену,
я уж, мол, как-нибудь так проживу...»
Прожил он половину срока
беспутным бабником, пустобрехом,
с синими ногтями, длинноволосый, без
чести и веры — истинный бес!
И хоть давно уже сивый дед
от таких отрешился дел,
жил на покое —
но тут взыграло в нем ретивое,
встряхнулся,
как старый конь,
проснулся
прежний огонь,
взбодрился старый шеголь —
эх-ма, говорит, раньше б немного,
попался б ты назад лет пять...
И заторопился ключи искать.
Ищет дед,
а ключей-то нет.
Начисто забыл,
куда положил.

Застыл на четвереньках, как пес, что
охотится —
нет, никак ключи не находятся!
Встал, наступил на свой подол —
да и хватъ бородой об пол!
Еле-еле ключи нашел, доплелся к воротам —
отпор — вот он!
А Хасанхан сказал Гирату: «Чу!»
и въехал в город, подняв камчу.
Спешит привратник: пока запрет,
глядишь, а гость уже дальше уйдет!
Закрывает ворота одной рукой,
Хасанхана ловит другой рукой.
Хвостом перед дедом машет конь —
ну, дед себе хвост намотал на ладонь.
Говорит Хасану: «Эй, узбек!
Куда едешь? Остаешься тут на обед!
Слезай с коня
да ночуй у меня...
Побудешь у нас,
а завтра в дорогу, в добрый час!»
Но чует Хасан: тревожится конь.
Потянул уздечку левой рукой,
взмахнул камчой, ударил раз —
на дыбы взметнулся Гират.
Скачет зверем, тесно Гиркуку,
а дед-то к хвосту привязал руку —
вперед потянуло на десять шагов,
назад отшвырнуло на десять шагов!
Бедняга вниз лицом упал,
прямо на камень лицом попал.
Вдребезги нос, не видать между щек,
только кровь из дыр течет.
И лоб разбился, беда,
кровью умылась борода.
А Хасанхана уже и нет —
умчал Гират, простывает след...
Тут к старику набежали друзья,
над стариком заржали друзья,
и впрямь смешно, удержаться нельзя.
Над ним насмешек полон рот,
дней пятнадцать разговор идет.
Говорят: «Эй, щеголь, блудливый дед,
ты еще с узбеком не делил обед!

Эй, братишка, любитель баб,
а ты, оказывается, еще не слаб,
срок своей жизни прожил
не весь,
ожил —
а мог бы согнуться, как есть!
Ну-ка, старый бабник, давай, иди,
гостя найди,
назад приведи.
Да смотри, за уздечку коня ухвати.
А то, старичина, уж так ты прост,
снова его ухватишь за хвост!
Куда гость-то поехал? Скажи — не трусь.
Может, сказал — назад вернись?
Сказал — назад, мол, коня пригоню,
только вот корму задам коню?
Чего молчишь, в ус не дуешь?
Или нас к нему ревнуешь?
Давай, вставай, старичина, иди,
гостя найди, назад приведи...»
Две недели
и смех стоял и крик.
Еле-еле
отдышался старик.

А Хасану — старик не помеха:
он себе от ворот отъехал
и, даром времени не теряя,
заночевал в караван-сараяе.
Коня напоил, накормил, расчесал,
потом поел и улегся сам.
А там, не глядя на позднюю пору,
местный люд не кончал разговоры;
о том и об этом речь вели —
заговорили о Хан-Далли.
Кто-то спросил Хасана: «А что ж,
коня своего — не продаешь?»
— «А хоть и захочет, — вступил другой, —
так Хан-Далли не нужен такой.
Я знаю, какого продать ей можно:
чтобы была холка не скошена.
Хочешь продать — приводи ты к ней
настоящих туркменских коней:

шея длинная, как у дутара,
да чтобы зря головой не мотала».
Третий сказал: «Она цену положит
за боевую крепкую лошадь.
Мы как о том услышали — с тем
и поскакали подальше в степь.
Там таких отбирали коней,
чтоб ноги и туловище — подлинней,
рыскали всюду, искали везде их —
зато уж нам отвалили денег!
Если есть у кого, молодцы,
арабские, туркменские жеребцы —
ей отдавайте,
не прогадаете».
Вот такие в тот вечер
Хасанхан услышал речи.
Притворился он простачком — и
спрашивает: «А зачем ей кони?
И кто такая Хан-Далли?»
Ему: «Ты, видать, из дальней земли!
Да еще, небось,
недавний гость?
Тут у нас каждый
про нее расскажет!
О ней не услышав, не пройдешь и шага!
Она у нас, видишь, дочь падишаха,
да еще такая, точь-в-точь,
что ему заменяет и сына и дочь.
Она у отца не просит денег,
а говорит: «Дай ты мне во владенье
то село да это село...»
Так у ней и пошло.
Теперь она всей страной управляет,
вся страна ее благословляет.
Сама все дела, как вазир, решает,
сама подсчитывает урожай,
а когда подходит год к концу —
коней в подарок шлет к отцу...»

«Ну,— решил про себя Хасан,—
завтра я выйду на базар,
хвост коню подвяжу, подлажу,
да и выведу на продажу».

Если не зря эти речи вели,
и этот базар — базар Далли,
да если б вышел туда как барышник,
а Хан-Далли покупателем вышла —
значит, судьба мне удачу дала,
и легче легкого мои дела!»
Дела эти всю ночь ему снились —
с ними заснул, проснулся с ними.

Встал Хасан, коня оседлал,
только со сбруи золото снял,
всё украшеньё коня порушил,
да и в хурджин — заодно с оружием.
Стал и вправду таким Гиркук,
каких барышник сбывает с рук!
Да и Хасан нарядился тоже,
чтоб на барышника было похоже...
Хвост коню подвязал,
поехал на конный базар.
Остановился на самом краю,
немного корму подсыпал коню.
А базар-то уже в силе,
торговцы кругом на коней сели,
танцуют, гарцуют, похаживают,
товар лицом показывают.
Так и Хасан, показа ради,
проехался на своем Гирате.
Видит, служивый народ
ходит взад-вперед,
по двое, по трое, по четверо,
прицениваются по-честному...
Ехал Хасан посреди народа,
и тут какой-то Куса-безбородый —
загородил ему дорогу.
Хасан на Гирате перед ним встал,
видит, Куса совсем уже стар,
хотя, скупец, на своем веку
так и не дал поездить своему коньку!..
Ходит вразвалку, глазом кося,
слепой гордец, скрипучий Куса,
похититель сердец, могучий Куса...

«Эй, — говорит, — байбачча, продаешь коня?»
Вздрогнул Хасан от его голоса.

Ну и ну! — на подбородке ни волоса,
этот не предъявит аллаху счет,
не снимет урожая со своих щек,
и лоб у него гладкий,
мысли в порядке,
а на шее — складки,
тело в пупырышках, на коже морщины,
не то баба, не то мужчина —
небось, и сам не поймет старик...
Вот и ходит, орет за двоих.
Была бы хоть борода,
а то — ни следа!
И кожа-то, кожа —
на поношенные штаны похожа...
Оглядывает он Гирата,
как дыню на грядке:
сзади, сбоку,
пощупал ногу,
осмотрел копыто —
не слишком ли сбито? —
доходит до сути:
смотрит в зубы...
Всё, сполна.
«Ну,— говорит,— продаешь? Какая цена?»
Хасан отвечает. Это —
вопросы их и ответы.

К у с а:

Что нам в былые одежды рядиться?
Новая роза в бутоне родится.
Если ты лошадь привел на базар —
что ж, байбачча, ты не хочешь рядиться?

Х а с а н х а н:

Сотни коней ты осматривал за день —
что же ты мнешься, то сбоку, то сзади?
Что на базаре — то можно купить.
Цены ж, небось, ты слыхал на базаре!

К у с а:

Сам назови мне, во что ее ценишь.
Я же не знаю, на сколько ты целишь.
Эй, продавец, мой узбек-молодец,
первый скажи — мое слово в конце лишь!

Х а с а н х а н:

Или найдется коню покупатель —
или, непроданный, в степь он укатит.
С каждым конем моего не равняй!
Цену узнаешь, а силы-то хватит?

К у с а:

Если не хватит — посмотрим, и ладно.
Хватит — любая цена не накладна.
Может, и сам ты не знаешь цены?
Видно, узбек, пустобрех ты изрядный!

Х а с а н х а н:

Этим как раз не грешим мы пороком.
Сам бы ты не был, Куса, пустобрехом!
Ну и пройдоха ты!.. Цену скажи,
а не желаешь — так рядом дорога.

К у с а:

Ладно, покончим с речами пустыми.
Надо ж испробовать — ну-ка, пусти меня!
Резвым окажется — так уж и быть:
тыщу даю за него золотыми!

Х а с а н х а н:

Слушай, Куса, ты шути, да потише.
Где скакуна ты такого отыщешь?
Или торгуешься ты не всерьез?
След скакуна не продам я за тыщу!

К у с а:

Может, сомлел ты, скача на тулпаре?..
Что же, мне золото — дивы копали?!
Тыщу не хочешь — так за две отдай...
Так мы коня еще не покупали!

Х а с а н х а н:

Не проведешь степняка, безбородый!
Может, Куса, ты не сведущ в породах?
Ты ошибешься — так я начеку:
за две — его волоска б я не продал!

К у с а:

Господи, ты же еще несмышлениш!..
Спорить с такими — голову сломишь...
Если за две не продашь волоска —
так за коня ведь и три ты заломишь!

Х а с а н х а н:

Нет уж, Куса, извини меня: за три
он не пойдет ни сегодня, ни завтра!
Цену такую и слышать смешно —
это не мерин какой-нибудь затхлый!

К у с а:

Ну, ты, однако, узбек, и тупица!
Спорить с тобою — верней утопиться!..
Ладно, слезай — и четыре бери...
Ты еще молод, стыдно скупиться.

Х а с а н х а н:

Глуп ты, Куса, вот меня и не понял.
Видно, и цену коня ты не понял.
Чтоб за тулпара казахских кровей
взяли четыре?.. Такого не помню!

К у с а:

С толку ты сбил меня этаким торгом.
Если барышник — рядился бы толком!..
Пять за коня тебе тысяч даю —
только бы кончить, разделаться только!..

Х а с а н х а н:

Видно, с тобой не судьба нам поладить.
За пять — не дам я его и погладить!
Глянь, как он строен... А сильный — как нар:
тянет поклажу, как лодка по глади!

К у с а:

ТЬфу ты!.. Да ты хоть на чем-нибудь кончишь?
Сразу сказал бы, сколько ты хочешь!
Я о цене —
а он о коне!
Что ты мне голову зря-то морочишь?..

Х а с а н х а н:

Пусть тебя это, Куса, не заденет —
конь мой дорожке богатства и денег!..
Если б ты мог ему цену постичь —
отдал бы всё, кроме собственной тени!

К у с а:

Нет, ты скажи мне, создателя ради:
был вообще на коня покупатель?
Может быть, ты его не продаешь —
вот мы здесь попусту время и тратим?

Х а с а н х а н:

Гладил Чилтан ему гриву, и даже
чуть было не был он продан Бекташу:
сорок ведь тысяч араб посулил! —
да отмолили, не отдали наши —
видно, расстаться не было сил.

Кто ж это деньги берет за тулпара?
Где на земле ему сыщется пара?
Скачкой одной он прославит народ.
Пусть за него мне сулят, что попало —
кто же за друга деньги берет?

К у с а:

Хоть скакуна и не видел я в беге —
да уж в конях понимают узбеки!
Влез он мне в душу. И всё ж — хоть убейте —
кто его купит, не зная цены?
Всё в нем отмерено точно по мерке —
лучшая лошадь отсюда до Мекки!
Словно готовый сошел со стены —
больше такого не встречу вовеки...
Сколько он стоит? Нельзя без цены!

Х а с а н х а н:

Долг роковой меня с родины выманил —
но степняком ты, Куса, не дразни меня!
Ты — покупатель лихого коня.
Весь твой народ на него б я не выменял,
только нужда заставляет меня.

Если продать мне пришла бы охота —
тут бы охотников было без счета:
вмиг бы сошлась половина земли.
Да ведь не денег хочу, не почета:
ты за него мне отдай Хан-Далли!

Только Хасан это сказал,
сразу Куса прынул назад.
Если б волосы у него вырастали,
они бы теперь дыбом встали!
Прямо-таки ослеп, почти что оглох,
совсем сделался плох,
глаза покраснели, нос раздуло,
живот назад втянуло...

«Ну, — говорит, — и дурак, ну и ублюдок,
и откуда, — говорит, — ты такой, откуда?
Эй, — говорит, — узбек бедовый,
не понимающий смысла слова!
Такой, как ты, подохнет дурак —
с собой похоронит целый кишлак!..
О-о, бедный, бедный Куса!

Это меня аллах наказал.
Пришел мой конец, настала пора,
видно, с запада нанесло буран.
И зачем я встретил этого ублюдка!..
Откуда этот узбек, этот дурак откуда?»
Бежит Куса, повредившись вроде,
сам с собой советуется по дороге.
Думает: «Нету врагов лютей,
чем у нас, у важных людей.
И друзья есть тоже,
но врагов-то больше.
Все видели, что я с ним говорил про коня.
Те, что ненавидят меня,
уже, небось, побежали к хану,
вдвое больше наговорили, чем услышали.
Сказали — скорей, мол, его удали:
он хотел на лошадь сменять Хан-Далли!
Вот что они, наверно, напели.
Лучше бы мне рассказать первым!
А может, я еще и успею?..
Побегу, а то головы не сносить!»
И Куса помчался во всю прыть.
Кто такой Куса, вы, конечно, не знаете.

Сам-то он совсем не из знати,
но стал управителем у Хан-Далли,
собирал доходы со всей земли,
и хану каждый год
отчитывался за весь доход.
А тут год подошел к концу,
Хан-Далли подарок готовила отцу —
по одной из каждых девяноста голов:
верблюдов, оленей, баранов, коров,
птиц, овец, архаров, коней —
всех по девяноста готово у ней.
Сказала: «Дед Куса, вы для меня
купите еще такого коня,
чтобы был настоящим тулпаром,
нигде не имел пары,
чтоб каждый, кто его ни завидел,
себе такого захотел, позавидовал.
Такая лошадь, гроза дорог,
будет главным из наших даров».
Куса по приказу весь базар обошел,
ничего подходящего не нашел.
А как Гиркука увидал,
сразу тулпара в нем угадал.
«И речи больше нет ни о ком —
Хан-Далли нужен вот этот конь!» —
думал он, увидав скакуна.
Увидит Хан-Далли, обрадуется она.
Скажет, мол, дед Куса, спасибо,
нашёл такого, как я просила!
А он, Куса, станет ближе
к ней
а для тех, кто ниже,—
еще важней!
Вот он и торговался так упорно,
и вступал с Хасаном в споры,
но как услышал те слова —
от страха чуть язык не сломал.
Бегом с базара и прямо к хану.
Прибежал почти бездыханный,
сел на место, где жалобы приносят,
дозволенья просит,
а сам заикается,
не то жалуется, не то кается,
прямо готов умереть,

но толком не может начать речь:
«Мол, государь... интересное, мол...
дело... из-за него я пришел...»
Шах говорит: «Будь ты неладен, Куса,
что это с тобой — спасался от пса?
Дух сначала переведи,
а уж после речь заводи».
Куса: «Государь, получил я приказ
купить на базаре коня для вас.
Чтоб, когда Далли принесет свой дар,
был впереди этот самый тулпар.
Так я пошел на конный базар.
А там узбек, молодой йигит,
с таким прекрасным конем стоит!
Ей-же-ей, не будь я Куса —
у меня полезли на лоб глаза!
Ей-ей, государь, такой это конь —
у нас не слыхали еще о таком!
«Сколько, спрашиваю, твоя лошадь?»
— «Жду, говорит, сколько предложат».
Тысячу золотых ему дал — не отдал.
Две тысячи дал — не отдал.
Три даю — он не берет.
И четыре не взял — ну и народ!
Предлагаю ему уже тысяч пять —
ну, думаю, как не отдать? —
нет, не дает опять!
Ладно, говорю. Лучше
ты назови, а я послушаю.
И тут, государь, этот ублюдок
мне говорит прямо на людях:
«Слушай, мол, я назначаю цену.
Я тебе предлагаю меню:
я тебе — коня, ты мне — Хан-Далли».
О государь, довернем одари —
как услышал я такое дело,
всё у меня в глазах потемнело.
Ты б, говорю, постыдился людей!
Дурак ты, парень, или злодей?!
И больше не мог стерпеть стыда,
бежал с базара — да и сюда...»

Падишах засмеялся: «Терпеть умей!..
Я думал, Куса, что ты умней.

Так из-за глупых слов надрываться —
легко и совсем с рассудком расстаться!
Ты б ему сказал: «Эй, молодец,
видно, плохой из меня купец,
ты про этот торг забудь,
пошли лучше к нам, гостем будь».
А сам добудь покрепче арака,
да созови молодцов ораву,
да прибавь попьаней вина,
чтоб гостя чаша была полна,
да скажи йигитам, чтоб не скучали,
привечали гостя и величали,
оказывали ему почет,
да вино пускай рекой течет,
и не мимо, а ему в рот:
чашу за гостя, за угощенье чашу,
чашу за ваших, чашу за наших,
где выпить четыре — там пить и пять,
а там еще — опять и опять.
Тут ты ему скажешь: «Послушай меня —
будем друзьями за твоего коня!»
Он тебе спьяну и молвит: «Ладно...»
Вот и купишь коня ненакладно,
выложишь пару пустяков:
каких-нибудь восемьдесят медяков.
Так быка за рога хватают...
А у тебя, видно, хитрости не хватает».

Кланяется Куса: «Там, мол... тут, мол...
я, мол, государь, сам думал...
А теперь высокой мудрости испил,
всю свою низкую глупость избыл!»
И бегом побежал Куса наш
на базар искать Хасана.
А сам двести юношей собрал, однако,
два больших кувшина достал арака,
сказал: «Устройте всё чин по чину,
подметите улицу, чтоб было чисто,
я гостя приведу,
а вы приготовьте пока еду,
застелите полы,
расставьте пиалы,
винца понемногу налейте себе,
чтоб были вроде как навеселе,

а двое-трое как будто пьяны,
придем — к нему приступайте прямо,
вы, мол, с дороги,
как, мол, здоровье,
да зовите другом,
да садитесь кругом,
а двоих-троих оденьте под девушек,
пусть танцуют, подкинем им денежек.
Да смотрите: ваше дело не самим пить,
а его допьяна напоить.
Так, чтоб он двух слов не связал,—
это великий шах приказал».
Сказал Куса — и пошел на базар.
Глядит — а Хасан всё там, на краю,
поглядывает да корм задает коню.
«Эй,— говорит Куса,— дружище барышник,
а ведь нам с тобой подружиться не лишне!
Аллах пожелает — куплю коня,
а пока что ты погости у меня.
Пойдем, дружище,
в мое жилище,
живу невидно,
но принять не стыдно.
Раз посидишь с нами, другой посидишь с нами,
а там, глядишь, и станем друзьями.
Посидим сперва, а дела — потом!
А у нас уже дастархан готов».
Так он его приглашал.

«Ты,— говорит,— хотя молодой еще,
а лошадинок, видать, настоящий, стоящий,
я,— говорит,— тебя сразу понял!
Вы, говорит, всё в поле да в поле,
ездите туда-обратно,
в городе — ни друга, ни брата,
остановиться негде,
хотя или нехотя —
давай заезжай
в караван-сарай!
А если сдружимся, тогда чего
в караван-сарай идти с ночевой?
К нам заедешь, а уж мы
не пожалеем ни плова, ни кошмы.

Попробуй с нами дружить —
сразу легче станет жить!
Приведешь коней —
заезжай ко мне,
отдохнул, полежал,
а там — на базар!..
Ты, барышник, не думай, что это, мол, за
такой плешивый старый Куса —
рука об руку,
узнаем друг друга!
Я ведь и вправду не поскуплюсь —
Хан-Далли нужен конь, я и куплю.
Ты еще, может, не слышал, не видел —
я ведь у Хан-Далли управитель.
А ей настоящий нужен тулпар —
отцу-падишаху принести в дар.
Если конь Далли понравится,
ты к ней и сам сможешь отправиться.
Ты славный йигит,
получше других!
А если конь и шаху покажется,
у тебя и с шахом дружба завяжется...»
Так безумолку Куса говорил,
а сам-то к чему дорожку торил:
мне, думает, не к спеху,
возьму я обманом этого узбека.
Коня-то я у него и так возьму,
а начнет бузить — скажу ему:
прости, мол, некуда было податься —
забрало коня твоего государство!
Пойдет справляться о нем —
да и сгинет вслед за конем!
«Если, — думал между тем Хасан, —
этот хитрый Куса правду сказал,
что он у Хан-Далли управителем,
да если б она мою лошадь увидела —
наверняка бы она
оценила моего скакуна.
Скажет: «Купим» —
я и поеду вместе с Гиркуком.
Если повезет, да взяться смело —
тут и можно закончить дело!»
Развеселился Хасан,
а ему говорит Куса:

«Что для любви желанней темной ночи?
На белый свет ее не смотрят очи.
Неужто к нам прибывший гость — узбек —
мой скромный домик навестить не хочет?

И день и ночь трудился я умело,
украсил сад кустами роз отменных.
Прими же приглашение мое,
барышник славный из краев туркменских!

Пойдем со мной — сегодня гостем будь мне,
и сразу в праздник обратятся будни.
Да послужи я жертвой за тебя,
с узбекской стороны пришедший путник!

Пусть нас отныне свяжет дружбы нитью.
Тебе, как гостю, кланяюсь я низко.
О господин мой, добрый мой узбек, —
через коня с тобою породнимся!

С какими познакомлю молодцами!
Сиди хоть век — а все же до конца не
переберешь все яства на столе,
всех песен звуки
и всех струн бряцанье.

О байбачча, ты странствуешь давно ли?..
Пойдем ко мне — останешься доволен:
о родине узнаем, о родне,
и о коне наговоримся вволю.

Мы, байбачча, чего ни раздобыли!
В дому очам раздолье, изобилье.
Я сверстников твоих собрал на той —
где, байбачча, сердечней встречи были?

Коль гость угоден — так и труд не труден.
Войдешь ты гостем — а уйдешь ты другом.
О байбачча, будь гостем эту ночь!
В счастливый час мы сядем тесным кругом...

Обед сегодня сам поделишь с нами,
ну, а потом приедешь к нам с друзьями...
Хлеб-соль у нас отведай, байбачча,
чтоб наперед твои мы вкусы знали.

Пойдем в мой дом — там круг друзей увидишь,
сам, байбачча, оттуда другом выйдешь.
Всем угощу от сердца, чем богат.
Эй, байбачча, пойдем, а то обидишь!

Коль окажу я гостю уваженье —
я заслужу твое расположенье.
Пойдем на той — будь гостем, байбачча, —
в степи пустой не ставят угощенья!

Сядь на коня, мой дорогой, поедем.
Вот наша жизнь — и нет другой. Поедем.
Будь гостем хоть на вечер, байбачча!
Всего отведай — и уважишь этим.

Вот я пришел — позвать тебя с собою.
Дела потом обсудим мы с тобою.
Аллах захочет — получу коня,
а нет — не стану спор вести с судьбою.

Будь гостем, друг! О гость мой, будь мне другом!
Пей вдосталь, в круг садись поближе к блюдам!

Пойдем сегодня, возвратимся завтра.
Зато уж мы и насладимся знатно.
Пойдем со мной, барышник дорогой,
ведь мы — не знать, нас улещать не надо...»

Хасан-палван думает:
«И чего этот Куса передо мной рассыпается —
видно, обмануть меня собирается,
хитростью забрать моего коня?
Да вся его хитрость — на глазах у меня!»
А сам говорит Кусе:
«Эй, приятель, у нас, узбеков,
дружба — превыше прочих обетов.
Кто подружился — между теми
речи нету насчет денег.
Для друга не жалеют ни вещь, ни скот.
Мы, узбеки, такой народ.
А ты своей дружбой хвалиться начал —
видно, это у вас иначе!
Зазываешь меня, а сам, небось-то,
притащишь с базара лепешку для гостя,

выставишь чая две пиалы,
вот и все твои пиры.
Да целый год на всю округу
будешь кричать, что уважил друга!
А лепешка тверже костей для собак,
застрянет у меня в зубах,
и чай я твой не проглочу,
даже горло не промочу.
Что ж, ты думаешь, я промолчу?
Иль хвалить тебя стану: так, мол, и так,
наелся у друга Кусы в гостях?..
Нет уж, высказать уваженье —
значит выставить угощенье!
Зарезать барана,
поставить арака,
да чтоб у Кусы
доверху были полны касы,
созвать танцоров со всего кишлака,
чтоб перед гостем вертели бока —
тогда другой разговор,
пойду я к тебе во двор».

Вот ведь хитрый человек,
прямо-таки настоящий узбек!
Сразу учуял, что на обед.
А у Кусы отлегло от души.
«Ну,— думает,— бродяга, ты не спеши.
Взгляните на этого большеголового дурня —
никак он меня обвести задумал!»
А сам смеется и говорит вслух:
«Э-э, дорогой друг,
всё, как ты скажешь! Пойдем, поведу —
какую захочешь, приготовим еду!»

Понимает Хасан, что дело с подвохом,
и говорит он Кусе со вздохом:

«Ты скажи, зачем зовешь меня, Куса?
Ты скажи, зачем зовешь меня, куда?
Чайник чаю хочешь выставить, к нему
недоеденной лепешки два куска?»

Будешь хвастаться, Куса, на весь кишлак,
что ты подал мне четыре кишмиша?
Или сахару кусочек отколол
да потом его два раза размешал?

Чаю — горло промочить-то — не запас!..
Чай, лепешка застревает на зубах...
Нет, такое угощение не по мне,
ты избавь меня от этаких забав.

Коль в котлах бараны жарятся, Куса,
да полна араком добрая каса,
да йигиты покрасивше собрались,
так что глянешь — разбегаются глаза,

да арбу сластей заморских оплатив,
растранжиришь ты хоть тыщу золотых,
да покажешь мне воочью это всё —
вот тогда меня к себе и залучишь.

Созовешь к себе плясуний — и гостей,
чтоб жаркое отделялось от костей...
Нет, пожалуй, как услышишь — так сбежишь,
испугаешься подобных новостей!

Ну, допустим, я приду к тебе — и что ж?
Дастархан пустой, да выщербленный нож:
ни барана он, ни куриц не видал!..
Что ж ты лезешь? Почему не отстаешь?

Если вправду приглашаешь на обед,
так узнай сперва, как празднует узбек.
Вот устроишь, как тебе я объясню —
я тогда и припожалую к тебе.

Пусть певцы придут — лихие голоса,
да чтоб были веселы у них глаза!
А вот музыка пусть будет понежней...
Вот как надо всё устраивать, Куса.

А устроишь всё как надо — позови:
радость рядом — значит, горе позади.
Только сделай всё по вкусу моему:
горе выгони, веселью пособи.

Смелый дважды свою жизнь не проживет.
А недожил — его долю кто возьмет?
Дружбе нужно то, что нужно для друзей.
Говорят, что к сердцу путь — через живот.

Сможешь справиться — продам тебе коня.
Не понравится — и не проси меня.
Конь хоть в мире и единственный, да мой!
Ну, согласен? Так веди к себе домой...»

Теперь Куса несказанно рад:
«Ну, думает, узбек, большеголовый дурак,
будешь ты в сетях у меня.
То-то посмеемся через два дня,
как станешь искать своего коня!
Пока что давай веселись, как пьяный,
потом очухаешься от своего дурмана».
И говорит Хасанхану:
«Эй, приятель, пойдём,
поведу к себе в дом,
а по дороге,
при всем народе,
объявлю я,
что мы друзья,
всему кишлаку скажу об этом,
на радостях всех угощу обедом!
Сам увидишь — рядом с тобою
красавцы-джигиты сядут на тое,
танцы пойдут, вино, игра,
повеселишься до утра.
А наше дело решим проще:
вместе пойдём на базарную площадь,
всех барышников я созову —
они нам цену и назовут!
Мы не постоим, дадим, сколько стоит —
нас любая цена устроит!..
Ну, и хватит пока о коне:
давай, приятель, пошли ко мне!
Мне надо сейчас не коня твоего —
а угостить тебя самого!»

И пошел Куса,
а за ним Хасан —
идет да пока
играет простачка.

Привел к себе Куса Хасанхана-льва,
все им навстречу кинулись сперва,
Хасанова коня прямо на ходу
подхватывают, берут под узду,

подводят Хасана к возвышенью,
с седла ссаживают с уваженьем.
Подметен двор,
ни крошечки сора,
йигиты как на подбор —
красивые, веселые,
гостю, как халву,
сыплют похвалу,
заводят Хасанхана в михманхану.
Юноши-красавцы и тут
все, как один, встают,
Хасанхану с почетом место дают,
отряхнув, подувши,
подкладывают подушки
и снова на место садятся, крича:
«Добро пожаловать, узбекский байвачча!»
Кланяются ему, восхваляют его —
все замечают его одного.
И Хасанхан отвечает не скупю.
Сидит — и держит за веревку Гиркука.

Йигиты ему: «Байвачча, беспокоиться не
нужно —
давайте коня, мы сведем на конюшню,
вы за него будьте спокойны,
у нас, как надо, ухожены кони!»
— «Нет, — говорит Хасан, — не тревожьтесь сами:
конь должен быть у меня перед глазами.
Почему? Да ведь он у меня людоед.
Он без меня наделает бед!
Если взбесится — сами позовете меня:
мол, спасите от вашего узбекского коня!»
Так, веревку удерживая сам,
за дастарханом и сидит Хасан.

А йигиты, услышав такое,
перешептываются меж собою:
«Ну и узбек, батыр не робкий —
не то что коня, не даст и веревки!»

Наелись, выпить хотят батыры.
В руки берут, наклоняют бутылки,
а кое-кто, закатав рукав,
к Хасану обращается с касой в руках:

«Вам, гость дорогой, начинать, однако...»
— «Ладно, ладно», — говорит Хасан. Касу арака
опрокинул — и держит ее на весу.
Снова ему наполняют касу.
Эта, говорят, еще гуще:
это, говорят, каса гостя!
«Ладно, ладно, — говорит Хасан, —
что ж тут делать, моя каса,
спору нету!»
Опрокинул и эту.
Только проглотил с облегчением —
наливают третью: касу угощения!
Опять Хасан ее берет
и опрокидывает в рот.
Выпил третью — наливают снова!
Тут Хасанхан глянул со злобой,
да и легла его рука
на эфес исфаханского клинка:
«Это, — говорит, — что за порядок?
Я пью и пью, а вы и рады!
Одну сказали — выпил, другую — выпил,
выпил третью — а что же вы-то?
Ваша очередь пить!
А то, смотрите, всех могу порубить!»
Трусом стала лихорадка бить,
кто задрожал,
кого кинуло в жар,
загомонили,
заговорили:
«Как не пили? Мы тоже пили...
Только что, может, не до дна?..
Выпьем еще... Наливай вина!»

Загудела михманхана.
Дважды арак приносили,
пили и так, и на спор пили,
и те, кто хотел спить Хасана,
с третьей касы окосели сами,
легли вповалку там и сям.

Тут вышел во двор Хасан.
На востоке заря занимается,
а собутыльники кругом валяются,
перепились молодцы,
лежат бесчувственные, как мертвецы.

Решил Хасан уезжать от Кусы.
Конь в поводу, за ворота выходит,
а там двенадцать девушек ходит!
Все молоденькие,
на щеках родинки,
такие красивые — сама краса!
Нету сил отвести глаза.
На утреннем холоде
воркуют, как голуби,
сами, как свежий цветок, сияют,
друг с дружкой играют,
жеманятся, как лисички,
встряхивают косички,
плечом поведут искусство,
серу жуют с хрустом.
Вроде на Хасана и не глядят,
а краешком глаза кидают взгляд.
А у Хасана годы те уже,
когда заглядываются на девушек.
На самом деле они так хороши,
или это чары его души?
Не может от них он отвести очи,
очень они ему понравились, очень.
Встал Хасан поперек дороги
и вдруг обратил к ним такие строки:

«Все хороши-то вы, платья-то вышиты,
но хоть одну поучтивее вышлите!
Вас не учили, видать, ничему?
А не мешает как следует вышколить!

Девушки разве друг в друга кидаются?
Ишь — украшенья на шее болтаются!
Хоть поздороваться надо уметь —
«здрасьте»-то всем говорить полагается!

Все вы в обновах из розовой ткани,
точно усыпаны роз лепестками.
Хоть не научены вы ничему —
кто устоит перед вами? Лишь камни.

Взор не насытится обликом милым,
вы же, не глядя, проходите мимо.
Кто не по нраву придется — того
вы, как батыры, спровадите мигом!

Милые девушки, славные девушки,
бедных йигитов приветствовать где уж вам!
Вы — у зеркал приоделись с утра,
родинки снова считая, как денежки...

Будет тулпар победителем гонок.
К беку идет за советами город.
Вы же, голубки, летите куда —
кто вас с ладоней жемчугом кормит?

Встречных осмотрите краешком глаза.
Вряд ли красу улучшает прикраса.
Слишком уж вы разоделись с утра,
да не промолвили слова ни разу!

Будет моргать вам тихонько друг другу,
будет ходить друг за другом по кругу.
Эй, красавицы, гляньте сюда —
нечего взглядами мерить подругу!»

Девушки смотрят — йигит-красавец
жаркие взоры на них бросает.
В поводу у него — лихой скакун,
могуч батыр, хоть летами юн.
Шапка на голове золотом шита.
Нежней, чем у девушки, душа у йигита,
трепетней листа
в такие лета!
Смотрят красавицы на Хасанхана —
все они его услышали —
слова его душу им задевают,
посмеиваются, а речей не затевают,
выстроились в ряд,
глядят, молчат.

Но одна не стерпела,
начала первой —
загляделась так
на могучий стан,
на глаза, на брови,
что вспыхнула вроде
и на сладкие слова
ответила сама:

«Жизнь моя вашею жертвой да станет!
Жизни на сладкую жертву достанет.
Жертвую каждому слову душой! —
всей красотой моей — тонкому стану...

Звери в природе приветствий не знают.
В нашем народе приветствий не знают.
Душу отдам задушевым словам! —
хоть ничего они вроде не значат.

Слава — однажды бывает в зените.
Славные пали — а кем заменить их?
Жертвую душу я сладким словам,
хоть не обучена им, извините.

Ваши слова меня вводят в смущенье.
Их и сравнить не сумею ни с чем я.
Жертвую каждому слову душой —
хоть незнакома с таким обращеньем!

Всё же послушайте нас без укора —
мы не встречали йигита такого!
Нынче у Арка, гость дорогой,
конский базар открывается скоро.

Всё нам известно, до малого шага —
у Хан-Далли мы недаром служанки!
Поторопитесь на площадь под Арк,
если удачей побрезговать жалко!

Мы обожаемы всем Эрзерумом —
разузнавать обо всем нам нетрудно.
Поторопитесь же, о господин, —
нынче под Арком базар многолюдный!

Смотрим в глаза мы — зеркал мы не носим,
всех затмевая красою и лоском.
Нынче у Арка базар Хан-Далли —
там появиться мы гостя попросим.

Раньше придете — оно поспокойней:
там будут собраны лучшие кони!
Вас приглашают служанки Далли —
с вашим конем Эрзерум познакомить.

Женщины, старцы, а парни — подавно:
все соберутся сегодня под Арком!
Этот базар собирает Далли —
чтоб для отца заручиться подарком.

Надо направиться вам туда тоже.
Конь ей понравится — да и вы тоже.

К Арку идите — вперед и направо!..
Будет смотреть она, что ей по нраву.
Высмотрит сверху — и купит коня...
Ваш подойдет ей — да и по праву!»

Так его девушки известили,
позаботились о батыре.
Повеселев от известья сего,
снова Хасан садится в седло,
думает: «О великий аллах,
вели, чтоб дела пошли на лад!
Дай прославиться нам по праву,
дай нам Далли прийти по нраву!»
Поскакал Гиркук, удила грызя.
А девушкам тоже промолчать нельзя,
побежали, рассказали всем в округе
о Хасане и о Гиркуке.
Слух пошел во все концы,
ко двору потянулись купцы
(ну, они-то —
народ именитый!),
а за ними — скорняки, чеканщики,
а за ними — мясники, чайханщики,
продавцы, что сладостями торгуют...
Побросали дела, идут, толкуют:
«Надо, мол, скорей, а то неизвестно,
вдруг да на площади будет тесно,
так что многим не хватит места —
раз там будет Далли сама,
народу туда набьется тьма...»
И впрямь у дворца толпа толпится,
народу полно, негде прислониться,
шум, гам, а народ —
всё идет себе и идет.
Хасан на Гиркуке подъезжает вскачь.
А Гиркук — он почти как толмач,

понимает любое слово,
от доброго и до злого,
а если хозяин прикажет, покличет —
может принять любое обличье!..
Хасанхан говорит коню:
«Ты должен приглянуться — знаешь, кому...
Нынче, чем хочешь, а удиви
эту самую Хан-Далли!»
И пошел Гиркук, выехав на базар,—
то застывает в прыжке, как архар,
то, играючи,
скачет по-заячьи,
то пойдет веселей —
полетит, как олень,
то танцует, гарцует, не жалея ног,
то бежит и взбрыкивает, как стригунок.
Все вокруг на него глядят
и от Хасанхана не отводят взгляд.
И та, что всех выше,
глядела с крыши,
тоже его заметила,
рассмотреть не замедлила.
Видит — он почти что мальчик,
лет пятнадцати, не иначе,
сидит не шатко,
в золоте шапка,
конь невиданной красоты
скачет и ходит на все лады.
Такого коня упустить жалко,
вот она и говорит служанкам:
«Эй, посмотрите, видите, всадник,
тот, что ни спереди и ни сзади
на моих сородичей не похож?
Спросите у него: «Коня продаешь?»
И скажите, что если продаст,
покупаем его для нас».

Хасан с конем распарились, жарко,
тут и подходят к ним служанки,
спрашивают, головы клоня:
«Эй, гость, продаешь коня?
Пойдем-ка, поспеши
предстать пред очи госпожи».

Хасан рассиялся,
гикнул, помчался,
встал — не подальше,
прямо под аркой.
Смотрит Хан-Далли — дело явное,
нету в коне никакого изъяна.
«Такого, думает, в наших местах
еще не взрастил ни один мастак».
Уж так ей конь пришелся по сердцу:
столько, мол, и дам, сколько попросит.
А сама спрашивает: «Продаешь скакуна?»
— «Вам — продам!»
— «А какая цена?»
И тут меж собой торг затеяли:

— Из какой ты державы приехал — не знаю,
из какого такого далекого края,
но скажи мне, барышник, — коня продаешь?
И чего ты попросишь, его отдавая?

— Скакуна повели
для чего из конюшен?
Я продам! — повели,
если конь тебе нужен.
Был бы конь, а продать его можно всегда.
Для тебя мы любые запреты нарушим.

— Эй, узбек, распускаешь язык ты, я вижу.
Видно, понизу ходишь, а метишь повыше...
Конь — как конь: кости, мясо, копыта и хвост.
Ты не хвастайся слишком — беды бы не вышло!

— Что ты, матушка: к нам — и с таким
разговором.
Разговор ты ведешь не с каким-нибудь вором!
И коней ты не сваливай в кучу одну:
тут порода важна, а не цвет или норов!

— Эх, сейчас-то тебя и одернуть как раз бы!
До чего же, узбеки, вы спорить горазды...
Каждый раз распускают хвосты, хвостуны!
Только ты кустохвостым гордишься напрасно...

— Очернить, осрамить — это каждого просто.
Но иным-то короткий халат не по росту.
Хан-Далли, ты владычица этой земли.
Сколько есть в Эрзеруме таких «кустохвостых»?

— Твой скакун приглянулся мне из-за окраски:
что за масть это — серый, буланый, саврасый?
И с чего это ты намекаешь, узбек,
что таких в Эрзеруме не знали ни разу?

— Ты страны своей в каждом конце ли бывала?
Ты живешь во дворце с золоченым айваном!
Да и женщина ты — что тебе до коней?..
Нет таких скакунов ни в степях, ни у хана!

— Пусть сама б я в коне разобралась не сразу, —
тех, кто видит и знает, глаза я и разум.
Не забыл ли ты, кто я?.. К тому ж, говорят,
я красы образец, что доступна для глаза!

— Ты одна на земле, но и конь в своем роде
во вселенной один и прославлен в народе!
И сравнить невозможно с тулпаром моим
всех коней, по земной пробежавших дороге...

— Эй, не хватит ли нашему плову вариться?
Не пора ли попробовать договориться?
Продаешь скакуна — так и цену скажи.
А продашь — будешь гостем ты, как говорится...

— Пусть вершатся дела, как аллаху угодно.
Быть мне дальше от зла и от плахи угодно.
Стань ты впрямь покупательницей моей —
у меня бы взяла всё, что сердцу угодно.

— Да ведь я же цены не могу допроситься!..
Несмышленysh на вид, а хитрее лисицы!..
Милый гость, объяви мне желанье свое!
Ты скажи — заплачу и не стану скупиться.

— Я, скиталец, в твоих оказался владеньях.
Покупатель такой мне дороже и денег.
Ты спустись — и ударим с тобой по рукам.
Скакуну ты свою и уздечку наденешь...

«О Хан-Далли, мы, узбеки, честный народ,
кривым путем никто не пойдет.
Кто покупает, кто продает —
руку от всей души подает!
Ну, а что до коня моего —
знай, охотников тьма на него.
Но ведь ты падишаха дочка,
шах тебя пестовал денно и ночью,
если я скажу тебе «нет» —
недостойный это будет ответ.
Речь-то всего о лошади — ладно!
Отдам, хоть мне это выйдет накладно!
Сколько назначишь — без обмана! —
возьму, не скажу ни «много», ни «мало»,
приму без торга —
я такой! —
деньги только
своею мне дашь рукой».

«Э, нет, — думает Хан-Далли, —
такой молодчик хорош вдаль,
а тут — схватит за руку, стащит в седло —
и увезет, только и всего!
Пропади ты пропадом, хитрый узбек,
не дам я тебе руку, не дам вовек!»
Первая хитрость не удалась,
Хан-Далли не поддалась.
Хасанхан думает: «Не вышло с этим,
хитра, сама не полезет в сети!»
А тут зашумели люди кругом:
«Эй, узбек, да что у тебя за конь?!
Чего это ты им так расхвалился,
чем он лучше других уродился?
Всё как у всех, лошадь как лошадь.
Зря не хвались, выезжай на площадь!»

А Хасанхан в ответ говорит:
«Чего вы,
бестолковые,
подняли крик?
Вопите зря, ничего не поняв, —
где уж вам понимать в конях!
«Конь как конь»... Да вы гляньте толково:
в мире нет второго такого!

Я за свои слова в ответе:
такому и впредь не бывать вовеки!
Я покажу вам в разе таком,
что он умеет делать, мой конь!
Принесите кирпич, положите на площади,
я велю на нем станцевать моей лошади!
Кто хочет взглянуть, пусть останется —
спляшет скакун шестьдесят два танца!
И своих коней приведите — попробуйте подбить,
чтоб они хоть встали на этот кирпич...»
Так он ответил. Эти ли, те ли —
все кругом вдвойне загалдели,
друг дружке кричат, не прислушиваются —
и народ, и Далли, и прислужницы:
«Что, мол, скажешь? Может ли статья,
чтоб конь, да на кирпиче, да столько танцев?..»
Далли — Хасану: «Эй, узбек, это ты для параду,
или твой конь станцует вправду?
Неужто на кирпиче он спляшет подряд
шестьдесят два танца на разный лад?
Что ж, если сам с середины не бросишь —
получишь за коня, сколько попросишь!»

Гиркук под Хасан-батыром ходит,
Хасан его к танцу подготовить хочет.
А между базаром и хоремами
огромное
было место ровное.
Тут и собрался глазающий люд —
весь базар оказался тут! —
задние подходят, на передних жмут...
А служивые люди покрикивать рады,
знай, устанавливают порядок.
Пересуды —
повсюду:
«Узбек-то, видать, не в себе —
сплясать с конем, да не на земле!
Положит кирпичик
да шайтана покличет...
Сколько танцев-то?
Долго ль протянется?..
Постоим, поглазем...»
Сбежались все — и
некуда податься!

Принесли служивые кирпичей штук двадцать,
положили в ряд,
заржал Гират —
и пошел иноходец!
Как канатоходец,
приседает, приплясывает,
глаза припрятывает,
взад-вперед,
и усталъ не берет.

Тут Хасан говорит коню:

«Пропади, эрзерумский народ,
люди хорошие — наоборот!

Пусть выходят все пери вперед,
а дурнушек — шайтан заберет!
Пляшет конь словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов.

Вот игру затевает Гиркук —
все смотрите, вблизи и вокруг!
Ты пляши зажигательней, друг,
для Далли и служанок-подруг!

Скорый конь мой, опора моя,
ты летишь, без упора паря,
мы одни на чужбине с тобой —
всюду горы, чужие края.
Быть нам вместе, судьбы не коря —
ты богатство и радость моя!

Пляшет конь словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов.

Ты могуч, тебе всё по плечу.
Сяду — еду. Не еду — лечу!
Я другого — ни-ни! — не хочу,
я роднее родни не сыщу.

Пляшет конь словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов.

Сколько трав ты в пути перемял,
одолея не один перевал,
ты танцуй, весели Хан-Далли —
лишь костей бы не переломал!

Начинает он это ли, то —
зрелой силой в нем все налито.
Даст ли бог ему цели достичь —
до Далли ему недалеко!
До чего же он пляшет легко —
он не даром в степях вырастал.
До чего он танцует легко:
посмотрел — от души отлегло!

Пляшет конь словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов.

Разной пляской ты нас одари:
стань оленем, что скачет вдали,
или прыгай, как гордый архар —
завлеку все вниманье Далли,
да и девушкам всем, что глядят,
обаяния удели».

Пляшет конь словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов.

Он на разный старается лад,
веселит всю округу подряд,
все, кто смотрит на танец его,
любопытство свое утолят,
и служанки-то все, и Далли
тоже, не отрываясь, глядят.

Пляшет конь словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов.

Конь Хасановы слышит слова —
и уж так его пляска нова,
что Далли, да и весь Эрзерум
от восторга и дышат едва.
Все от пляски такой без ума —
и Далли-то со свитой сама.

Пляшет конь словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов.

«Ты архаром, оленем спляши,
но потом и себя покажи!
А красавицы — как хороши! —
еле дышат, глядят без души.

Ах, танцуй же, скакун мой, танцуй,
всевозможные танцы тасуй,
пусть поближе Далли подойдет
и окажется рядом, внизу,
пусть глядит на тебя без ума —
я ей в душу смятенье внесу.

Конь, танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов.

Ты пляши и танцуй, мой тулпар,
расцветая, как горный тюльпан,
мы такое покажем Далли,
чтобы в радости взор утопал.

То архаром могучим скачи,
то оленем летучим лети,
то красавицы шаг повтори —
нежной пери, бредущей в ночи.

Ты танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!

То медведем вставай на дыбы,
то присядь, то подпрыгни — дабы
веселилась сверх меры Далли,
как при праздничном звуке трубы.
Задери все четыре ноги —
да и в небо, не бойся судьбы!

Ты танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!»

Столько танцев знал Гират —
любой танцор бы запомнить рад.
Гороглы, Аваз, Хасанхан прикажут —
он и выполнит, он и спляшет.

Любую речь понимал с полуслова —
разумней был человека иного!
Порой йигит еще ждет приказа,
а конь уже всё поймет прекрасно.
Вот какой
был это конь!
Хасанхан Далли домогался —
и Гиркук Далли домогался.
Он ведь сначала уже примечал,
зачем хозяин сюда примчал.
И вот, ступая то прямо, то криво,
Гиркук, как лев, потряхивая гривой,
в сторону глянет —
в другую прынет,
ноги вместе, уши врозь,
боком двинется, наискось,
то попятится, то вперед,
то на месте крутой поворот,
то спрячет взгляд — то глазом блеснет,
то стиснет зубы, то заржет,
чего ни жди — всё наоборот...
Привык Гиркук, что каждый раз,
как был ему станцевать приказ,
Гороглы, Хасанхан или Аваз,
не забыв ни разу об этом,
его развлекали каким-нибудь бейтом.
А в ответ он такую чечетку выбьет,
что посмотреть и покойник выйдет!..
И нынче Хасан, повеселев,
говорит ему: «О мой лев!
Танцуй, благословенный, пляши, мой конь!»
А сам ему бейт читает такой:

«Тут собрался враждебный народ.
О тулпар мой крылатый, вперед!

Каждый, кто тебе цену поймет,
падишахом-конем назовет!

Так танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!

Ты танцуй, пусть посмотрит Далли,
удовольствием всех одели —
тех, кто близко, и тех, кто вдали!

В удивленье разинутый рот.
«Что за чудо?» — дивится народ.

Ты танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!

Пусть на танец
глядят без конца,
сердце тает,
и слезы — с лица,
и промолвить нельзя ни словца...

Ты заставь их и речь потерять,
ты заставь их глаза протирать,
чтоб потом,
когда мы улизнем,
ты им снился опять и опять.

Ты танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!

Ах, танцуй же, мой милый, танцуй,
и фигуры лихие тасуй,
лучший фокус в конце покажи,
представления самую суть.
Пусть глядят на тебя без души,
забывая, когда подошли,
пусть красавицы, как на подбор,
окажут — ты пляши и пляши.

Пусть сияет от счастья Далли,
пусть приблизится — ты не спеши!

Ты танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!»

Так Хасан на Гиркуке гарцует,
а конь, как девушка, танцует,
и собравшийся весь народ
сидит и смотрит, разинув рот,
не может глаз отвести от Гиркука.
А конь ничуть не устал покуда:
то скачет оленем, а то архаром,
то ступает медведем — увальнем старым,

то вдруг пошел
скакать, как козел,
ушами прядет, глазами поводит...
Хасанхан натянул поводья,
взвел умело коня на кирпич
и стал за бейтом бейт лепить:

«Друг, Гиркук мой, красавец Гират,
я кормить кишмишем тебя рад!
Я у цели, у крайних преград,
крылья-молнии рядом парят...
Дочку хана сюда завлеку,
привлекая все взоры подряд!

Ты танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!

Ты полгода в конюшне стоишь,
там твой корм — не ячмень, а кишмиш,
зажигают светильник тебе,
если ты затоскуешь, шумишь.

Шнур из шелка, чтоб ног ты не стер —
вот ведь чем привязали тебя.

Серебро, что не стыдно на стол —
вот ведь чем подковали тебя.

Как орехи, обломки камней
под ногами трещат у тебя.

Ты танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!

И копыто литое летит,
вражье войско лихое — лежит.
Скажут «чу!» — не обгонишь ли птиц?
Но быстрее твоя слава летит.
«Вон Гиркук, мол!» — и сияхпушей
рать бежит — и назад не глядит.
Пыль от бешеной скачки твоей
темной тучею солнце слепит.

Ты пляши, мой могучий, пляши,
всем им головы сладко кружи,
переполни довольством Далли,
всё вниманье к себе привяжи,
сотню танцев, не спутав, спляши,
чтобы замерли все, без души.

Ты танцуй, пусть посмотрит Далли,
удовольствием всех одели —
всех, кто близко, и всех, кто вдали.

Рот разинул кто стар и кто млад,
удивлением полнится взгляд,
о тулпар мой узбекский, навряд
кто-то быть с тобой рядом не рад!
И Далли, и служанок отряд
иноходца купить захотят.
Пусть же, пляски
запомнив обряд,
в песне, в сказке
о нем говорят!

Ты танцуй, пусть посмотрит Далли,
удовольствием всех одели —
всех, кто близко, и всех, кто вдали.

Ты себя не жалей, мой тулпар,
ты танцуй веселей, мой тулпар,
сам себя одолей, мой тулпар,
словно птица полей, мой тулпар,
не зевай, будь смелей, мой тулпар!

Ты танцуй, пусть посмотрит Далли,
удовольствием всех одели —
тех, кто близко, и тех, кто вдали!

Небывалою пляской своей
ты девичьи косички развей,
заколдуй, зачаруй Эрзерум,
как ночную листву — соловей.

Ты танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!

Окружил тебя девичий круг,
в украшеньях их шеи и грудь,
словно тысячи звезд ввечеру,
их глаза затевают игру,
пахнет мускусом, пудрой вокруг,
поглядят — как поглядят,
замрут,
миг — и снова возня у подруг!»

Застывает скакун, как свеча,
укрепясь на ребре кирпича
и самих ловкачей-обезьян
небывалому трюку уча.

Как архар среди снежных вершин,
что провал перепрыгнуть решил,
он заносит копыта в прыжке
на четыре иль на пять аршин!

А Хасан
отдохнуть не дает,
взмок и сам —
а дохнуть не дает:
стыдно, мол, — под конец недолет!
Знай, пляши, а конец недалек.
Пасть открыл жеребец, устают,
всё, Гират наконец-то сдает!..
Что же вдруг встрепенулся Гиркук,
словно заново день настает?..

То летит — то скакнет, как олень,
да и боком, по-бычьи — не лень,
затаится, как барс между скал,
как лиса по лесам, средь полей...
И глядит неотрывно вокруг —
и танцует, танцует Гиркук!

То встает на дыбы, как медведь,
как свеча, распрямляется весь,
то подпрыгнет Гират, подобрав
все четыре ноги, а не две,
пискнет птицей, возьмется реветь:
повторяет повадки зверей,
где он им научился — бог весть!

И как барс он ревет, и как тигр,
бьет копытом — как землю когтит,
и пантерой кидается вбок,
и топочет, как слон, и пыхтит.

Носом землю копнет, как свинья,
как кабанья лихая семья,
повторяет повадки зверей,
самого не забывши себя.
Все секреты зверей выдает —
только что не ползет, как змея!
И на танец глядящий народ
жадно смотрит, дрожа и смеясь.

Вот и заячий сделал прыжок —
и пошел приседать, и пошел!..
На какой он ни пробовал лад —
в каждом танце себя превзошел.
И сбежавшийся к Арку народ
то, глядишь, облегченно вздохнет,
то глядит в удивленье большом.

Ах, как плавно танцует тулпар —
так и девушке нежной невмочь!
Тот, кто танец Гирата видал —
вспоминает его день и ночь.
Все глядят и глядят на коня —
ни один не отправился прочь!

Так он пляшет — гляди и гляди!
Люди смотрят с восторгом в груди.
И подходит народ без конца —
жмет на тех, кто стоит впереди.
«Разве может такое скакун —
все границы чудес перейти?»
А Далли от восторга пьяна,
так и тянет ее к скакуну.

С каждым танцем всё ниже она
на ступеньку ступает одну.
И глядит она на скакуна,
словно видит вторую луну!..
Все служанки за нею, сполна,
вот уж с Арка спустилась она
и всё ближе идет к плясуну.

И Гиркук не уймется никак:
как сыны дагестанских вершин,
пляшет он — словно дело вершит,
выполняет особый заказ.
А народ-то подходит, спешит,
рвутся жалобы с языка:
«Мы, мол, раньше других подошли,
а вот топчемся сзади пока!»

Танец яростный входит в зенит,
и земля, как железо, звенит,
и, за спинами вставши, Далли
в упоенье глядит из-за них,
окружают служанки ее,
вслед за нею сошедшие вниз.
И отважный Хасан-богатырь,
полон чувством, как влагой — родник,
обращается снова к Далли —
он к устам ее взором приник,
к лику лунному с мушкой двойной —
ибо тяжкой дорогой степной
он и мчался сюда из-за них.

«Ну, теперь ты видала коня?
Что ж ты, матушка, скажешь о нем?
Поспеси и обрадуй меня!
Что решила ты с этим конем?
Ты видала, как он танцевал —
но ведь конь мой не в этом одном!
О Далли, это конь-падишах!
Ты ведь спорить не станешь о том?»

Хан-Далли Хасанхану в ответ:
«Нет, аллах не спасет нас от бед!
Я дивлюсь и довольна, как все,
будь здоров ты и счастлив, узбек!»

И дивлюсь я такому коню,
и наездника я не корю!
Будь здоров, о узбек, и найди
всё, что ищешь ты в нашем краю!

Всё умеющий этот тулпар —
как чудесно он тут выступал!

Но не ты ли его и учил,
по далеким скитаясь степям?»

Он:

«Я жажды двойной не снесу,
но спасибо, Далли, за красу.
И вода будет слаще, чем мед,
если ты поднесешь мне касу!

Ты налей эту воду сама
и подай мне, красой осеня.
А скакун мой станцует еще —
лишь в конце он покажет себя!
Можешь танец сама заказать...
Напои — постараюсь и я!»

Хан-Далли
перед речью такой —
пядь земли
перед речкой лихой!
Взяв касу, наполняет водой,
подает, как обычай велит,
взяв двумя — не одною рукой.
— Пейте, вот вам, узбек! — говорит.—
Пейте воду, узбек...— говорит.

Тут, губу закусивши, Хасан
ухватил ее за руку сам,
с маху кинул на спину коня —
не успел даже ахнуть базар!

И, поводья коня натянув,
дорогих не теряя минут,
дернул с места Гиркука Хасан —
всё понятно и так скакуну!

Тут завyli служанки: «Вой-вой!»,
и, поникши на миг головой,
люди базарный загикал: «Держи-и!» —
пробудился в нем дух боевой.

Круг замкнулся. Но храбрый Хасан
вмиг веревкой Далли привязал,
руки высвободил — а сам
саблю вытащил и кинжал.

Тех отбросил, а этих прижал —
растерялся базар, побежал...

Он занес над Гиркуком камчу,
закричал ему яростно «чу!» —
и Гират, этот шах лошадей,
полетел, словно свет по лучу!
Все, кто был впереди — позади...
Тут Хасану я речь поручу:

«Разволнуешься ты, как река,
как небесная вспыхнешь дуга.
Городская стена высока —
но не выше лихого прыжка...
А камча обжигает бока!
Эй, Гиркук, ты не спутаешь путь?
Ты ведь истый тулпар, не забудь.
Пусть ограда высокая, пусть!
Не отдаться ж им в руки, Гиркук?
Соберись-ка ты с силами, друг,
перепрыгни ее как-нибудь,
да смотри, про камчу не забудь...»

Полюбуйтесь Хасаном сперва:
отпустил он поводья сполна,
просвистел тяжелой камчой —
и на стену послал скакуна!

Полюбуйтесь Гиркуком теперь:
прянул в воздух напрягшийся зверь,
и ограду единым прыжком
одолеп он — хоть верь, хоть не верь!

Полюбуйтесь Хасаном опять —
как он, милый, торопится вспять!
Весь лихой эрзерумский народ
он один заставляет рыдать.

Нет, не трус он, бегущий Хасан,
он при свете схватил ее сам,
на виду у народа всего,
был при этом весь людный базар!

А теперь он летит по полям,
делит славу с конем пополам,
умыкнул среди белого дня —
всем признать его храбрость пора!

Конь отборный у бека всегда.
Но быстрее тулпара — беда.
Хан-Далли умыкнули при всех,
а не видно уже и следа!

И вот теперь батыр Хасанхан
на Гиркуке своим ускакал,
далеко позади оставив вскоре
целый город в смятенье и горе.
А в столице эрзерумской земли
люди плакали о Хан-Далли,
говорили скорбно:
«Пусть будет законной...»
Прислужницы Далли, разодрав лица,
с плачем пошли падишаху поклониться,
каждая войдет —
вопит: «Вайдот!»
Падишаха сразила весть,
горем он переполнился весь.
Усы поникли,
в лице ни кровинки.
Сладость речей
пропала, нету,
радость очей
от дневного света —
от дочки и сына разом —
ушла живьем, помутила разум...
И мать Хан-Далли распустила волосы,
бьет себя в грудь, плачет в голос — и
кричит: «Вой-вой,
свет ты мой,
вот ведь беда,
была ты одна,
доченька моя ладная,
реченька моя сладкая,
бела да добра,
волосы, как у бобра,
тугие косы,
глаза, как звезды,

ротик маленький,
губки аленькие,
господни дары,
единственная ты моя Хан-Далли!»
Плачет, путает речи —
словно небосвод упал ей на плечи.
Во всем дворце не осталось, однако,
никого, кто б тогда не плакал.

А падишах сидел, нем,
и вдруг в нем закипел гнев,
как змея, брызжет ядом,
как удав, давит взглядом,
ревом, как у слона,
оглушает сполна,
медведем рычит,
быком мычит,
прет, как кабан,
что землю вскопал —
велит собрать
великую рать.

Скликают служивых,
вооружили,
выросло войско
раз во сто,
конный народ
выезжает вперед,
пеший народ
выходит в поход.
Припасы взяли,
перевязали,
на арбы положили сзади.
Грохочет обоз — а пуще
грохочут шахские пушки.
На лихих падишаховых коней
посадили могучих богатырей,
в усердьи великом
летят они с криком:
«Эй, неужто нам невмочь
спасти единственную шахскую дочь,
еще до обеда
отбить у узбека?»

А не сможем — о чем речь:
лучше тогда в могилу лечь!»
А падишах отправил рать
и всех служанок велел собрать,
спрашивает: «Как же этот узбек
к моей дочери подойти успел?
Как он без риска
подобрался близко?
Как похитил ее прямо отсюда,
среди базарного люда,
днем, не при звездах?
На чем увез-то?..
Это вовек
не уместится в голове».

А ему: «Государь, всё поймете, коль
узнаете, какой
у узбека конь.
Хан-Далли пожелала купить тулпара,
да сама же в беду и попала.
А конь узбека, как обезьяна, пляшет,
повадки любого зверя покажет —
точь-в-точь, хоть сверь.
Да и сам — как зверь!
Встанет на кирпич — стоять не останется:
как есть, станцует шестьдесят два танца!
Все глядят — и теряют разум.
Вот и Далли опьянела разом.
Все мы смотрели не дыша —
не заметили, как она к нему подошла.
Он, пока танцевал, попросил напиться —
вот она и подала водицы.
Базар и не ахнул —
узбек одним махом
схватил за руку, кинул на коня —
и пропал среди бела дня!»

Понял хан, служанок послушав,
что за конь его счастье порушил,
велел Кусу привести — и ему
без лишних слов присудил тюрьму.

А между тем Хасанхан неустанно
скакал до самых гор Дагестана.

Глядит на коня — а тот без сил:
капает пот с каждой волосинки.
Вот-вот
белой пеной весь изойдет.
Жалея коня, Хасан остановился
и с Хан-Далли наземь спустился.
Смотрит — юная, собой красавица,
лицо, как луна, в глаза бросается,
на лице мушки...
Он думает: «Неужто
среди девушек наших
бывали краше?..»
И Хан-Далли смотрит тоже,
какой Хасан статный, пригожий;
грозен, как тигр, львиная хватка,
смелая, как у барса, повадка,
стальные руки — йигит могучий!
Сужен муж — так не надо лучше...
Друг другу понравились они по праву,
оба друг другу пришлись по нраву.
Хасанхан говорит Далли:

«Вот теперь-то, Далли, ты моя,
увезу тебя в наши края,
в наш Чамбиль — и прощай, Эрзерум!
Ты смирись, об ином не моля.

Кто бы выиграл в скачке такой?
Из тулпаров тулпар этот конь!
И послушай, что я говорю:
пот, устаток — ему незнаком.

Мы с тобой — на лихом скакуне.
Топот громче вдвойне —
в тишине.
Ты, Далли, оценила коня,
лишь когда ты попала ко мне!

Я Хасан — для опасной игры
к вам отправил меня Гороглы.
Конь мой славен, я храбрый батыр —
одолеть меня там не смогли...

«Привези», — приказал мне отец.
Сколько смелых в Чамбиле сердец!
Подчинишься — в Чамбиль увезу,
а не то — тут тебе и конец».

Глянула Хан-Далли, звон услышавши, —
в руке у Хасана клинок исфаханский.
Вот-вот замахнется Хасан удалый —
ее прикончит одним ударом.
Она себе говорит: «В довершение бед
убить меня хочет этот узбек!
Вот, оказывается, здесь зачем я:
встретить кончину свою в мученьях!
Видно, так тому и быть —
он и ехал меня убить!..
В безводной пустыне, в безлюдном углу —
как нищенка, без погребенья умру.

Где ты, отец? Где вы, служанки?..
С белым светом прощаться жалко...
Где вы, подруги, где друзья?
Больше мне вас увидеть нельзя...»

Заплакала Далли, из глаз дружно
слезы посыпались, как жемчужины.
Плачет, рыдает она о себе,
такое слагает она о себе:

«Как непрочная жизнь изменилась,
горемычная, как я ревилась —
за беспечность мою на меня
эта тысяча бед и свалилась.

Так судьба со мной хитро играла:
всё дала — а потом отобрала.
Как пустыня, пуста моя жизнь,
что разбойнику в руки попала.

Уколюсь я колючкой, бывало —
моя матушка так горевала!
А теперь — никого, ничего...
Всё разрушилось, как не бывало!

Мной отец свое счастье упрочил —
я была ему сыном и дочкой! —
о, как дать ему знать обо мне
и о том, кто меня опорочил?

Мать платок с головы бы содрала
и лицо себе всё разодрала —
умерла бы, увидев Далли
в положенье таком безотрадном!

И отец мой, когда бы увидел —
он бы чашу отчаянья выпил,
разодрал бы лицо: «О дитя!» —
и из мира в отчаянье выбыл...

Здесь, в песках, этот мир я покину —
кто мою опознает могилу?
Я умру, не увидев своих,
от неожиданной напасти погибну.

Где вы, девушки, с кем вы растала,
с кем я спорила тонкостью стана?
Где веселье, беспечная жизнь?..
Вмиг желтее шафрана я стала.

Где вы нынче, игруньи-служанки,
что ловили слова мои жадно?
Нет у рядом со мной никого,
никому меня больше не жалко.

Память всласть
меня мучит пока что.
Где вы, власть,
и покой, и богатство?
Нет людей, чтоб внимать похвалам
и сердитого взгляда пугаться...

Те, кто, хлеба и соли отведав,
клялись помнить и в счастье и в бедах —
где теперь вы, о гости мои?
Я взываю в тоске без ответа!

Вы, опора моя и порука, —
где вы нынче, наставники духа?
Что ж не лечите душу мою
от беды и лихого недуга?

Где ты, край мой,
отважным врученный?

Где ты, рай мой,
айван золоченый?
Высыхает мой сад без меня —
станет желтым, и красным, и черным...

О народ мой,
и беки, и войско —
где природное
ваше геройство?
Или вы — не отважные львы?
Что ж меня-то вы бросили просто?

Увидал бы отец негодяя —
приказал бы убить, не гадая,
мать ему б разодрала лицо,
задушила б сама, догоняя.

Ну, а вы-то, герои, удавы,
что душой мне ручались — куда вы?
Здесь без помощи бросив меня,
чем теперь вы клянетесь, удалы?

С отчим домом
я в горькой разлуке.
Где вы, добрые
матери руки?
Где отец мой заботливый, где
все служанки, друзья и подруги?

Мановеньем все сильного рока
всё отобрано было до срока:
власть, богатство, служанки, друзья,
мать, отец! Я умру одиноко...

Где подружки мои дорогие?
Не отыщут безвестной могилы!

Где защитники? Нету их рядом —
войска, ханским покорного взглядам!

С жаждой мести,
что в сердце стучится,
я без чести
уйду, без отчизны!»

Так Хан-Далли о себе причитала.
«Э, да что, думает, я в судьбе своей прочитала?
Для того ли меня украли,
чтоб зарубить у земного края?
Может, он меня и ославит,
только он меня не оставит.
Повезет к себе,
к своей земле,
к своей семье.
А я разве мертвая гнить желаю?
Нет, я желаю жить живая!..
Одежку сменить —
гордыню смирить.
Бедна, богата —
что мне надо? —
останусь живой,
стану его женой.
Что ж тут такого?
Он не хуже кого другого!
А поближе взглянуть — оно и получится:
он еще многих других получше.
Будь у меня прежняя власть,
да если б я выбирать взялась,
собрала женихов целый кишлак —
такого б, может, еще и не нашла.
С ним и стесняться не стоит очень —
он, видать, попроще прочих.
И к тому же хорош с виду!
Если не за него — за кого выйду?
Посреди базара, среди стольких глаз,
не побоялся меня украсть.
Увез силой!
Вот спасибо.
А я себе пророчу беду.
Искать — и то такого не найду.
Чего ж тут оглядываться?
Надо радоваться!»
Так она себя уговаривала,
всё вокруг сияньем одаривала,
соловьем заливалась, веселилась,
и к Хасану так обратилась:

«Миг этот — лучший, другого не жди.
Счастье лишь случай, встреча в пути.

О, не горюй, господин, что подруга
жаждет дорогу к сердцу найти.

Ливень размочит почву кругом.
Бог нам поможет сладить с врагом.
О, не горюй, господин, что подруга
ищет дорогу к сердцу силком.

Золотом верный подкован скакун.
Лучшей из пери я зваться могу.
О, не горюй, господин, что подруга
шпорит надежду на каждом шагу.

Я — Хан-Далли, и мой лик и слова
ясны и красны, стройна я сама.
О, не горюй, господин, ведь подруга,
слава аллаху, из мусульман.

Буду служанкою скромной тебе,
буду подругой до гроба тебе,
истинной, преданной буду подругой,
дам продолженье рода тебе.

Женишься, бек, — буду лучшей женой,
следуя всюду, покуда живой.

.....
в узкой постели буду с тобой.

О дорогой мой,
рядом весь век —
в радости, в горе —
буду я, бек.
Буду супругой, подругой, служанкой —
свой сохраню я до гроба обет».

То, что от Хан-Далли услышал он,
совсем смутило Хасанхана.

А Далли говорит: «Вас я признала
истинным мужем, как верблюдица — нара.
Теперь, куда бы муж ни пошел,
следом поспешу, ухватясь за подол.
Твердо мое слово —
ни сноса, ни слома».

Хасан отвечает: «Милая Далли,
не повторяй эти речи твои.
Лучше послушай
о своем муже:
твой муж в Чамбиле, и править ему
у озера Хадак, где таки-явмут.
Гороглы-бека меньший сын,
любимец пери и высших сил,
вождь дружины, туркменский сокол,
чести нерушимой воин высокий, —
разве не слыхала
про Авазхана?
Хотя и я это дело сделал —
он твой муж. А я — твой деверь.

О цветок прекраснейший земли,
не сердись, красавица Далли.
Я ловлю твое любое слово,
но и мне вниманье удели.

Я — Хасан, и мощь моей руки
в Гуджистане ведают враги.
Но твой муж — Аваз из Чамбильбея,
от меня же — мысли отврати!

Услыхав от караванбаши
о красе очей твоих, души,
Гороглы велел мне: «Для Аваза
Хан-Далли доставить поспеши!»

Знай, всему причина — Авазхан!
Муж сладкоречивой — Авазхан...

Краток срок у каждого из нас.
Путь нам ямы портили не раз.
Твой супруг — владетель Чамбильбея,
муж тебе — прекрасный бол Аваз!

То, что приказал отец мой — бек,
верный сын, не изменю вовек.
Я не муж, а брат тебе, запомни.
Скажешь «муж» — я промолчу в ответ!

Гарцевал по площадям Гират,
рисковал, меня щадя, Гират.
И тебя, по отчему приказу,
я Авазу отвезу, как брат.

Я врагов своих искореню —
так поток сметает западню.
В Чамбильбеле властвовать я буду
и с Авазом вас соединю.

Буду я в тени иль на виду —
от отчизны беды отведу.
Стану господином в Чамбильбеле —
но тебя Авазу отвезу.

Свет Чамбиля, мощная рука,
лев, отважнейший из сорока,
сын Юнус-агы, Мискал — вот муж твой,
Авазхан: не будь к нему строга.

Нежный, как раскрывшийся цветок,
грозный, как разлившийся поток —
вот твой муж Аваз из Чамбильбеля,
брат мой младший, радости исток.

На земле такой йигит один —
бол Аваз, Чамбиля господин —
будешь ты подругою батыра,
лучшее в дому вам отдадим.

Мой отец — пресветлый Гороглы,
брат Аваз — наследник Гороглы:
станом кипарис, а ликом ангел —
равных мы найти бы не смогли!

Брат мой младший — без изъяна дар,
вот уж кто воистину удал.
Хоть пока он мал еще, мальчишка —
у кого неистойей удар?

Матушки понуры — ну и что ж?
Запах мускуса кидает в дрожь.
О красе твоей отец услышал —
и решил: Авазу подойдешь.

Да, твой муж в Чамбиле — Авазхан:
золото кудрей бежит к вискам.
Даллиджан, ему подругой будешь —
краше всех, мудрей он, Авазхан.

Дал бы бог свезти тебя в Чамбиль,
на пути препятствий не чинил —
ты б, Далли, увидела Аваза,
поняла, чем дорог он, чем мил.

Не грусти, не думай ни о чем.
Я бы сам иное предпочел.
Но мой долг — везти тебя к Авазу.
Привезу — устроим свадьбу сразу,
громче, чем по шахскому приказу,
дней на сорок празднество начнем.

Девушек, красивейших в селе,
ты в служанки выберешь себе,
будет лучше жизнь, чем в Эрзеруме —
радость и веселие в семье.

Есть в утесах гнезда — или нет?
Есть ли просит плачущий птенец?
Привезу в Чамбиль, устроим свадьбу —
будет той на целых сорок дней!
Арк построим — стройный и не шаткий,
свадьба будет как у дочки шаха —
веселись и радуйся на ней.

В чистом поле — чистые цветы.
Хан-Далли, в Чамбиль поедешь ты,
в радости ты будешь жить с Авазом,
меж цветов добра и красоты.

Он опора прочная — Аваз,
станет раем этот край для вас.
Ты, Далли, должна быть свадьбе рада!..
Даллиджан, печалиться не надо:
красота твоя не виновата,
мой сыновний долг не виноват».

Послушала Хан-Далли эти слова
и сказала себе сама:
«Выходит, этому не бывать —
он и не думал меня убивать!»
Поняв это,
Хан-Далли расцвела майским цветом,
соловьем заливаается,
сладко улыбается,
к Хасанхану шагнула,
брови растянула,
губы сердечком сложила,
стан распрямила...

Оглядев Хасанхана, говорит она:
«Мой господин, есть ли у вас жена?»
«Нет!» —
говорит Хасанхан в ответ.
Говорит Далли: «Разве не одно
у нас и узбеков заведено?
Разве не откажут жениху, сказавши:
младшую не выдадим,
пока старшая не замужем?
Разве сватам не говорят:
младшего не женим, пока старший не женат?
Вы не женаты — разве красиво
женить сначала младшего сына?
Скажут люди:
отец вас не любит.
Вы, господин, не знаете свои права:
вас должны женить сперва!
Может, вы не поняли, не так услышали,
когда бек сказал про Авазхана?
Аваз, говорят, красив, повзрослел рано,
никого не считает себе равным,
гордый йигит,
хоть и молод,
с иными не говорит,
слова не промолвит.
Если его брат меня привезет,
он еще, пожалуй, меня не возьмет.
Скажет, оба рослые,
люди взрослые.
Путь долгий, ехали вместе,
как тут не поладить брату и невесте?»

Так подумает — вот
меня он и не возьмет...
А я, каков бы он ни был с виду,
всё равно за него не выйду!
Вы — моя судьба, вы мне будете мужем,
мне никто другой не нужен,
ни о ком и не подумая, никого не приму,
кто б ни присватался — откажу ему.
Пустых речей не слушайте,
вернее делу послужите,
всмотритесь толком,
расплатитесь с долгом:
пока не видят люди —
скорей целуйте!»
И тут словно колокольчик прозвенел вдали —
звонко рассмеялась Хан-Далли.

Хасан говорит: «Неверные слова.
А сам я — верный, хоть плоть и слаба.
Мне отец перед всей дружиной
отдал приказ нерушимый,
все его слышали:
«Хан-Далли — Авазхану!»
Вот — оплот мой!
Не буду подлым,
какая бы красивая ты ни была,
довезу тебя в целости до Чамбила.
Не стану питать пустую надежду,
на свои желанья узду надену.
Пачкаться не хочу, не совершу дурного.
Привезу отцу — а там его слово:
кому из нас
тебя отдаст.
Говоришь, не примет, мол, Аваз?
Мы ничего не натворили,
так отчего же он не примет?
У нас с ним союз прочный,
он ведь мой брат молочный!
Я его старший брат,
он мне младший брат,
нам аллах велел друг у друга брать,
мы одной связаны ниткой,
если я привезу, разве он усомнится?»

Опять как бы вдали звенит колокольчик —
это Далли
звонко хохочет.

«Всё говорите о нем, да о нем,
всё хотите умом да умом.
А то, что кроме ума растет,—
тоже же ведь надо брать в расчет...
Да и сами вы, как дитя, господин,
вам наставник необходим,
чтоб от него ума понабраться.
Ну какие вы с Авазханом молочные братцы?
Вы из Ваянгана, Темиршаха сын,
он из Хунхара, мясника Булдурука сын!..
Вот и попробуйте разобраться,
какие вы с ним молочные братцы!..
А меня ваш отец хотел вам отдать,
только решил вас сперва испытать!»

«Всё равно,— говорит Хасан,—
пусть отец прикажет сам.
А ты, как была чиста и бела —
такой тебя и привезу в Чамбила.
И пока туда не доедем,
лучше нам помолчать об этом.
Путь-то далёк, до отца и до братца
надо сначала живыми добраться!..
А я, сколько по земле ни ходил,
никого еще не подводил.
Не подведу и впредь никого.
Так что помни наш уговор».

Давайте мы их на миг оставим,
а сами к другому путь направим.

Ведь между тем падишахская конница
по разным дорогам за ними гонится,
и те, что по краткому шли пути,
сумели Хасанхана обойти.
Глянул вперед — забита долина,
сила вражья неодолима,
а сзади тоже
подходят,
всё его же
обходят.

Хасан и Далли растерялись даже,
думают, что им делать дальше.
Глядят — похоже,
только чудо
поможет
выбраться им отсюда!..
Потом решили
взойти на вершину.
В самом сердце гор дагестанских
решил Хасанхан с врагами сквитаться.
Далли посадил на камень, сам на Гирата сел,
врагов своих взором окинул всех,
подумал, взвесил... «Эх,
будь с нами повелитель, бек Гороглы,
они обложить бы нас не смогли!
Они бы сроду
не решились ему преградить дорбгу...
Далёко, далёко мой господин!
До чего плохо, когда ты один.
И кто передаст Гороглы весть,
что я здесь один, а врагов — не счесть?
Лишь ты, создатель, спасешь от позора,
лишь ты один — одиноких опора».
Так он думал, пока
пересчитывал войско врага.

А внизу те, что прискакали —
знать придворная, аксакалы,
управители,
что всё предвидели,
с каждым шагом
пластаясь перед шахом —
«сделаем так, сделаем эдак» —
напоследок
и они сами
увидали Хасана.
«Ну,— радуются,— наша победа!
Наконец-то нашли, настигли узбека.
Теперь на него навалимся враз —
никак ему не уйти от нас.
А то такую выказал прыть —
мог нас и вправду позором покрыть!
Теперь конец тебе, узбек,—
что тут сделает один человек?

Все его хитрости ни к чему —
лишь бы нам ночью быть начеку!»

Так они говорят меж собою,
а вокруг — всё их войско в сборе:
конники, пешие,
лучники подоспевшие.

Позатыкали щели,
загородили ущелья
и всё кругом
у подножья гор.

А Хасан-батыр в скалах укрылся:
затаился там, как лев — не как крыса!
Оружье наострил, положил пред собою,
стоит, готовый к бою.

И смотрит вниз, вспоминает горько
родные места, Чамбила плоскогорье.
Вспоминает веселые пиры,
сорок друзей — дружину Гороглы,
горюет, одиночество точит силы...
Вот что возгласил он:

«Эх-ма, исчерпал я свой срок до конца:
конец недалеко и рока коса.
На этой горе окружен я, на горе,
и нет Гороглы, дорогого отца.

Гляжу одиноко
с вершины горы.
Дружина далеко —
друзей не кори:
кто скажет Авазу, молочному брату,
что кличу подмогу
с высокой скалы?

Не знали две пери
о сыне своем —
так дня не терпели:
искали вдвоем.
Затерян теперь я
среди вражьего войска,
а молит ли кто о спасенье моем?

Где сорок йигитов?
Врагам на беду,
бывало, на битву
без страха идут.
Противников ищут —
один против тыщи!
Но нет их со мною, не видно их тут.

Жестоко свалилась беда на меня,
далеко осталась родная земля.
Так много товарищей милых в Чамбиле,
да просьба до них не домчится моя.

Дела мои плохи, я в гуще самой
врагов беспощадных, довольных собой.
Творец, возврати мне везенье и счастье,
хоть нету народа родного со мной.

О боже, их множество, я же — один.
Отчизны не видно, гляди не гляди.
Где Гороглы-бек, мой отец, покровитель?
И он не со мной, дорогой господин!

Один, горемыка, стою среди гор.
О сжался, создатель, и слаб я и гол!
Лишь небо над нами, немymi рабами,—
других мы, вершитель, лишились опор.

Как вспомню места я, где жил, подрастал!
Все сорок к походам готовились там.
Порою в день боя
не знали покоя —
дарили нам бодрость родные места.

О сорок могучих — лекарство от бед!
Когда б Авазхан с вами вышел в набег!
С землей бы сровняли мы вражьи оравы...
Но нет, не увижу я брата вовек.

О, будь здесь дружина! Сражаясь с врагом,
всё кровью врага бы я залил кругом.
Но нет близ Хасана бойца Халдархана,
хоть бога прошу я о нем, дорогом.

Один я, один, никого со мной нет.
Заплачу — никто не утешит в ответ.
Так вот до чего я дошел, одинокий!
Где ж те, с кем мы приняли братства обет?..

Батыром ведь был я
и вашим я был.
О барсы Чамбила!
Отважен я был...
А нынче — не счесть эти орды в ущелье,
и я, одинокий, в томленье, без сил.

Не знаю, что будет, что судит мне бог:
по самой ли дальней уйду из дорог?

Меня одиночество делает слабым,
и нету их рядом — кто б сердцу помог.

Творец — это я говорю, Хасанхан!
Конец не один ли — добру и грехам?
Споткнусь — подыми меня! Кто б мне остался,
когда бы и ты меня не услышал!..»

И Хасанхан на страже
видит всю силу вражью:
он — один, а их — рать,
надо всю храбрость свою собрать.
Вспомнил друзей — где ж они? —
ждет поддержки,
просит помощи —
услышат, вспомнят ли? —
весь расстроенный, совсем убитый,
на само небо полон обиды —
зачем его
оставили одного?
Просит аллаха
избавить от страха,
скромен, тих,
молит святых,
взывает к пророку —
открыть дорогу.
Сам себя разгорячает,
вот и силу свою упрочает.

Уже он хочет выйти из скал,
вниз спуститься к вражьи войскам,
всех порубить мечом могучим,
головы свалить в одну кучу.
Ведь он еще молод,
сердце бьет, как молот,
рвется он в бой,
сам говорит с собой:

«Вдали осталась родина моя,
стою один, о встрече с ней моля.
Из ничего создавший всё, создатель,
ценя свой труд, не покидай меня!

Я стал бродягой в рубище разлук,
родник иссяк, зато платок разбух.
Веди раба, о поводырь верховный!
Невзгод гряда мой затемнила дух.

Взгляни, творец, исправь земное зло,
чтоб просветленье на меня сошло.
Здесь, на горе, ты видишь горемыку,
чью душу одиночество сожгло.

Грудь соловья ужалил острый шип.
О, не оставь Хасана, поспеши:
как в ножны мне — кинжал из Исфахана,
так в душу мне и мужество вложи.

Твоей мне жертвой быть, Лукман-сарвар.
Как ангел с мира зла покров сорвал —
святой Даньял и Искандер могучий,
бельмо беды сорвите с глаз раба.

Плывут по рекам лодки, корабли.
Пусть прочь враги летят, как воробьи.
И всех святых, каких земля знавала,
на помощь мне, господь, поторопи.

В пути моем по долам и холмам
ургенчский твой мазар, Ахмад-Палван,
да будет мне защитой и подмогой,
спасет от одиночества и ран.

Молю в тоске, и горестны уста.
Коль я грешил — виною простота.
Под свой покров, отшельник самаркандский,
прими Хасана, о Чапан-ата!

Цвет Самарканда ветры замели.
Ты всех великих в этом замени —
не оставляй без помощи Хасана,
о Исмаил великий Самани!

Ходжа Абдидорун, ходжа Берун,
и вас, и вас в заступники беру.
Фархад, Ширин, вступитесь за Хасана,
о пиры всех влюбленных на пиру!

И ты, Меджнун, за бедняка моли,
как день и ночь молился о Лейли!
И вы вступитесь за меня, святые,
чьих на земле могил мы не нашли!

Здесь, на горе, несчастный обнищал:
имел он счастье — а стоит ни с чем.
Зангибобо, заступник из Ташкента,
дай помощи — и будь при этом щедр!

От всех врагов, аллах, оборони.
Им нет числа, на склонах гор они.
Без помощи Хасана не оставьте,
опора наша, гайиб-эраны!

Я в той земле, где властвуют враги.
Скакун погибнет, если запрягли.
О, не оставь без помощи Хасана,
гайиб-эран, наставник Гороглы!»

Хасанхан укрепил свой дух,
мужеством один сойдет за двух,
напряг слух,
готов воевать.
А враги продолжают прибывать,
располагаются,
укрепляются.
Меж тем Хасан из камней огромных
сложил на горной вершине домик,

накрыл крышей,
выход оставил открытым —
Хан-Далли устроил,
думает, как приступить к бою.
Готов на бросок
прямо с высот.
Э, Хасан, не спеши, тихо сиди —
внизу кизилбаши Хасими.
Они не впустую сюда спешили,
знают, что Хасан и Далли на вершине.
А Хасан толком не знал пути —
вот ему от них теперь и не уйти.
Глядя из-под руки,
говорят враги:
«Этот дурак не знал дороги —
вот в кольцо и попал, один против многих.
Всё окружено, негде спуститься —
разве только улететь, как птица.
Считайте, что нашли
Хан-Далли.
Узбеку-то, ублюдку, голову снесут.
Хан-Далли вызволить — вот в чем суть».

Врагов немало,
шумят изрядно,
куда попало
кидают ядра.
Камни огромные
срываются с громом,
крушат друг друга,
гудит округа.
Хасан глядит с высоты:
выстроились в ущелье вражьи ряды,
над каждым неизменно
реют знамена,
видны сверху,
любого цвета.
Вот белые —
самые первые,
за ними четко —
белые с черным,
дальше разные —
зеленые, красные,

виснут, пестрят,
за рядом ряд,
войску тесно,
расползается, как тесто.
Не сочти за труд —
сочти, сколько их тут!
Попробовал Хасан — и себе не верит:
легче пересчитать муравейник.
Но знает Хасанхан — унывать ни к чему;
к бою готов, стоит начеку.
За ним ведь вины никакой нету,
чтобы его призывать к ответу.
Одну вину он за собой находил:
что их много, а он — один.

Хасанхан слез с Гиркука,
распустил подпругу,
седло снял,
заново оседлал,
подпругу затягивает покрепче,
обращает к аллаху речи —
просит не казнить,
честь сохранить.
И опять Хасанхан на Гиркука садится,
конь удила грызет, горячится,
к врагу повернется то мордой, то тылом,
назло иным горячим батырам.
Вот Хасанхан на нем вниз спешит —
на боку сабля, в руках пика и щит.
А войска внизу его как заметят!
«Едет, — кричат, — едет!»
Подняли сами
и пики и сабли,
навстречу выезжают,
окружают,
скачут с привычным
боевым кличем.
Какой-то из них один
дорогу загородил —
и вот он:
упал мертвым!
Тут уж битва затевается,
войско шумит, от многолюдства мешается,

никто не знает,
кто чем занят.
Тогда дал Хасанхан Гирату камчи —
и кричит:
«Эй, силачи,
есть ли кто, кто выйти желает —
Хасанхан на бой вызывает!»

И скачет вниз, сразиться с ними.
И тут кизилбаши приуныли.
«Что это, — говорят, — за йигит стойкий,
что не боится людей стольких?
Может, он так силен и жесток,
что других не принимает в расчет?
Такой, — говорят, — еще не выходил,
чтобы со всеми — один на один!»

А Хасан, обращаясь к войску —
вас, мол, вон сколько,
найдется ли хоть один смельчак? —
говорит так:

«Я голос к небу подниму.
Навстречу кличу моему,
а ну, батыры, выходи —
по одному, по одному!»

Вы силой хвалитесь с седла,
пока не свалитесь с седла.
А ну, батыры, все сюда —
по одному, по одному!

Палатки белые вокруг —
езде, внизу, где склон не крут.
На поединок, Эрзерум, —
по одному, по одному!

А ну, безусые сыны,
султаны, беки, что сильны:
на нашу с вашей стороны —
по одному, по одному!

Сюда вы прибыли с мечом —
возьмут любого палачом.
Вас — тьма, но вы мне нипочем
по одному, по одному!

Зову я холостых парней —
и лиходея сыновей.
А ну, шагайте веселей —
по одному, по одному!

Эй, нукер шаха, позабудь
всё, что учил когда-нибудь.
Готовьтесь все в последний путь
по одному, по одному!

Зря молитесь: «Аллах, храни...» —
я саблю вымою в крови.
А ну-ка, голову клади
по одному, по одному!

Вам дал халаты падишах,
мне вас рубить не помешав.
Под барабан, ровнее шаг —
по одному, по одному!»

Сразиться желающих
Хасанхан из седла еще
зовет к нему
подходить по одному.
Никто не выходит.
Батыр хочет
блеском клинка
раздразнить врага,
подъехать с краю и ударом пики
начать сражение с войском великим.
Поэт бейтом
говорит об этом:

Смотрите, как славны Хасана дела:
ему не страшна эта рать без числа,
он бросил поводья — и ярость Гиркука
в сражение, на недруга их понесла.

Крича: «О алла!», он погнал скакуна —
и дрогнула пестрого войска стена.
Хасан на Гирате, почуявшем волю,
ударил в них с краю, как в берег волна.

Хасан налетел, словно речка с горы,
как с горной вершины — обломок скалы.
Рябит от мельканья знамен и оружия.
«О боже! — кричит. — Свое слово скажи!»

И впрямь обнаружил отвагу Хасан —
и начал сраженье, и вел его сам.
Взлетает и рубит алмазная сабля —
воистину мощь он свою показал.

И всадник, и конь — словно вихрь они,
а поле сраженья — как поле Али.
Один против тьмы, против целого войска,
Хасан победительный, сын Гороглы.

Опомнились недруги. Ярость в рядах,
но крики одни не приносят вреда,
а стоит приблизиться — сабля Хасана
без промаха надвое рубит врага.

Всё снова и снова кидается враг,
по десять, по двадцать кидаются враз.
Стоящие сзади зывают: «О боже!
Дай силы, не то устоять нам навряд!»

Зовет он хоть группами
их подходить —
он мог бы их трупами
топи гатить!
Один против войска, во вражеской гуще,
ряды прорубает, чтоб путь сократить.

«Дорогу, — кричат, — ему загородить!
Ублюдка на голову укоротить...»
Да только не сыщется что-то батыра
у нашего сокола встать на пути.

Он тоже кричит во весь голос: «Урр-ха!
Ну, что же, могучие, драться пора!
Что без толку храбрым топтаться по краю —
я вас выкликаю сегодня с утра!»

Проснулся в Хасане невиданный пыл,
как будто спросонья он зелья испил,
Гиркук под ним тоже в невиданной силе...
Взгляните на всё, что Хасан совершил!

Камчу поднимает.
Собравшись напасть,
Гиркук раскрывает могучую пасть,
несется, как птица!..
Батыра десница
врагов отступать заставляет опять.
На части он вражьи порядки разбил,
трусливых — задел, кто храбрей — порубил...
Травой на покосе ряды за рядами
ложились, и ветер рванье тербил.

Так гонит он взашей
противника, скор.
В большой кизилбаши
беде среди гор.
И трупы их вскоре
займут плоскогорье,
коль не ослабеет Хасана напор!

Испугано войско — противник, как смерч,
храбрейшим несет неотступную смерть!
И, землю обнявши,
весь цвет кизилбашей
лежит, а напавший
и бодр и смел!

Такой тут отчаянный полдень настал —
в отчаянье весь кизилбашеский стан,
и громом полны дагестанские горы,
и черен от крови людской Дагестан.

И скачет Хасан и на полном скаку
то головы сносит врагам, как скоту,
то ранит, то гонит! — а сколько их было,
бежавших и павших, я вам не скажу...

Всего, что там было, поверьте, друзья,
прославить нельзя — и представить нельзя.
Удары и грохот, и крики, и стоны,
и головы с плеч, и сумятица вся...

Одно лишь скажу вам, что в этом бою
батыр наш измерил всю храбрость свою.

Он мог отступить бы с почетом, но понял:
«Меня они свалят, коль я не свалю!»

«Урр-ху!» — диким хором навстречу врагу.
«Урр-ху!» — отзываются горы вверху.

Не каждый умеет справляться с собой —
Хасан же затеял со многими бой!

Хоть равных не встретил — несчётны враги,
и к небу взывает: «Аллах, помоги!»

Дрожат кизилбаши, утратив задор,
давно повалился их главный шатер,
Хасан, опьяневший от кровопролитья,
их главных батыров в пыли распростер.

Гремит на закате усталое «Урр...»,
и тени бегут от бегущих фигур.
Один Хасанхан догоняет бегущих.
Всё глуше сраженья смолкающий гул.

И вот Хасан могучий
из вражьей тучи,
из кучи врагов
вышел жив и здоров.
Возвращается к Хан-Далли.
А она, увидев его вдали,
радоваться стала,
подбежала, поддержала,
коня привязала,
спрашивает, впрямь ли он невредим:
«Как, мол, вы, господин?»
Сладко словами уследила,
на камень посадила,
слушает,
а сама прислуживает.

Хасан с Далли потолковали,
вместе легли, с рассветом встали.
Хасанхан утешил подругу,
оседлал коня, подтянул подпругу,
одел доспехи,
как носят узбеки,
оружье — на пояс и на плечо,
сам себя оглядел еще,
Далли благословенье ему дала,
Гират закусил удила,
танцует,
гарцует,
огрызаясь,
у врагов вызывая черную зависть,
крылья, как молнии, распускает,
пасть разевает,
Хасанхана веселя и
бодрость вселяя.

Гиркук, как птица,
сверху спустился,
подъехали и стали
против вражьего стана.
Там зашумели: «Вон узбек!
Смотри, приехал уже, успел!»
Они тоже вскочили, построились рядами,
над каждым рядом подняли знамя,
у кого конь хороший —
пустили вперед,
смелых тоже
пустили вперед.
И лучники
выбрали местечки лучшие,
целятся, проверяют тетиву на луке,
как струну, испытывают на слух ее.
Орудия заряжают пушкари,
готовятся к бою с самой зарю.

Взволнованный, как река,
Хасан не готов пока,
Гирата хлестнув камчой,
на вражьих помчат войска.

Камчу поднимает, могуч,—
и сила вскипает, как ключ!
И гнев на дрожащую рать
прольется, как ливень из туч.

Гремит боевой барабан,
летит огневой Хасанхан.
Вчерашний припомнив бой,
дрожит кизилбашей стан.

С обеих сторон, ол-ха,
кинжал наострен, ол-ха.
Коли задумал удар,
ударь хоть пером, ол-ха,
только ударь, ол-ха.
Язык ли язвит, ол-ха,
кинжал ли разит, ол-ха —
отрезанной головой
над полем висит луна.

Встретится враг с врагом —
седок из седла мешком.
Мчится герой с ветерком,
плетется трус с ишаком.
Всё красным стало кругом:
головы под клинком
летят, словно глины ком,
на поле битвы лежат.

Трусливый судьбу клянет.
Кровью омыт клинок.
Те, кому вышел срок,
словно объята сном,
рухнут от пуль, как сноп:
пешие — сбиты с ног,
конные — со скакунов.
Обычай такой не нов:
сколько мертвых сынов
на поле битвы лежат!

Сколько черных и белых знамен
на поле битвы пестрят!

Сколько смертных, землю обняв,
на поле битвы лежат.

Сколько пушек с широким жерлом
на поле битвы палят...

Вновь и вновь опускает меч
в поле битвы наш молодец.

Он несчетно стальных кольчуг
в поле битвы рассек вконец.

Сколько стройных, как кипарис,
в поле битвы скрючила смерть.

Сколько зорких ушло во тьму,
навсегда покинуло свет.

Сколько слабых и сладких душ
в поле битвы взлетело вверх...

Черным пикам живую плоть
в поле битвы дано вспороть.

Реки красной крови людской
в поле битвы впитала пыль.

Сколько стройных арабских коней
с поля битвы бежали прочь,

сколько крепких казахских коней
в поле битвы пало от пуль...

Скачут по одному и в ряд —
молод конь, седок неженат —
знамя с древком бесценным над
молодцами на поле битв.

Лязг доспехов и гром копыт.
За йнгитом идет йнгит.
Все мешается, бой кипит,
не кончается в поле битв.

В сбруе кожаной конь лихой.
Мощь Хасана признал любой.
С ним китайцы, алжирцы бой
длитель не могут на поле битв.

Разрозненная рать слаба.
«В речи — кстати нужны слова».
Рать, что сил своих не слила,
вся поляжет на поле битв.

Меч на встречах, как смерч, летит.
Души павших спешат в зенит.
И янтарным вином налит
кубок смерти на поле битв,
и заранее саван сшит
уходящим на поле битв...

Оглушая, бьет барабан,
и проходит дрожь по рабам:
здесь прольется кровь, как вода,
пробежит огонь по рядам,
хрустнут кости и, прорывав,
кто-то наземь падет, убит...
Свалят головы, порубав,
словно свеклу, на поле битв.

Черной массой идут войска,
там шагают и тут войска.
Кто вернется — кто сляжет тут
с черной дыркой у виска?
Грозен, грозен узбек, пока
глаз на страже, в броне рука,
и летит он на строй врага,
словно сокол, на поле битв.

В наступленье рванулся ряд,
не пославши в ружья заряд.
И гарцует, пляшет Гират.
И Хасан наготове — рад
налетевших рубить подряд.
Храбрецы-то под меч летят,
а вот труса возьмешь навряд:
он — назад,
да и с поля битв...

Ах, как лихо кони летят,
и звенят стремена едва,
мертвецы не мигая глядят,
полумертвый ползет с седла.

А вороны серые в ряд
на разбухших трупях сидят,
и степной орел, как солдат,
прогоняет их с поля битв...

Тут ведь, кстати,
разный народ,
кони статей
всех и пород.
Первым гибнет, кто шел вперед,
а вот трусы — наоборот:
сзади спрячется — и орет,
духом слаб — выручает рот...
В тень заехал Хасан — велик,
словно воин с тысячью лиц:
глянут недруги — страх берет...

Никто в этой битве такого не ждал:
упавших, убитых — никто не считал.
Несчетное войско тесня и калеча,
сражался Хасан, пока вечер настал.

Врубал он без усталости саблю свою —
и все же устал в небывалом бою.
Направо, налево бегут кизилбаши —
один он у поля на самом краю.

Уходят потоки в низину с горы,
но здесь — за ошибку меня не кори —
на отдых Хасан поднимается в гору,
где стан свой оставил у края скалы!

И снова Гиркук с Хасан-батыром
с поля выбрался невредимым,
так и пришли
к Хан-Далли.
Далли Хасанхана встретить рада,
берет за уздечку Гирата
и при этом сама
говорит уважительные слова,
одно, второе,
как, мол, здоровье;
на камень усадила,
питьем усладила.

Руки у груди, собой прекрасна,
стоит, ожидает его приказа.
У Хасана, кроме Далли и Гиркука,
нету теперь поблизости друга.
А Хан-Далли — известно ведь, она
необычайно была умна.
Чтобы развеселить Хасана,
чего ни понарасказала,
цвела многолико,
сияла улыбкой,
на носках ступая капризно,
выпрямляла стан кипарисный,
то подмаргивала,
то помалкивала,
то снова слово со словом сталкивала.
Всё делала,
лишь бы ободрить его дух и тело.

Видно, есть у йигита любого
та, что ему помогает любовью.
А у Хан-Далли был ум немал,
хоть впустую не выказывала своего ума.
Но одному против всех приходилось жарко,
вот ей Хасанхана и становилось жалко.
И весь свой дар,
что аллах ей дал,
она перед ним и являла там.
И Хасан пьянел от речей и от лика,
на нее смотрел с влюбленной улыбкой.

А враги, что Хасана в бою испытали,
его побаиваться стали.
И, ожидая наутро бой,
держат совет между собой:
«Что это, мол, в самом деле,
человек — или виденье,
не видано такое ни вблизи, ни далече,
чтоб целым войском — одного не одолели!
Что нам придумать против него?
Стыдно бегать от одного!
Ведь как ни гляди,
а он-то один.
Попусту нечего пенять —
надо его подходы понять,

выведать секреты —
как он налетает, так или эдак,
когда — вперед,
куда поворот.
Хорошо, что с ним еще второго нет —
вырос бы из наших голов минарет!..
Думайте, люди,
начеку будьте,
смотрите в оба,
ловите вора.
Надо всё разузнать о нем,
да с его конем.
И молитесь богу,
чтобы ему не пришли на подмогу:
если с ним еще кто окажется,
нам эти дни раем покажутся!
Вот то-то будет беда!»
Такая у них беседа была.

Прошла ночь, наступило утро.
Встал Хасанхан, поводья распутал,
оседлал коня, подтянул подпругу,
на себя натянул кольчугу,
а спускаясь к врагам вчерашним,
окинул оком стоянки вражьи.
Враги-то —
побиты,
духом упали,
как повалились, так и спали.
Видит Хасан, как знамя ославили:
знаменосца стоять оставили,
он и заснул прямо со знаменем.
Без счета пик —
торчат, как тростник.
А в ущелье как с вечера набрался дым,
так до утра и не уходил...

Вот — полюбуйтесь — батыр на Гирате:
ради Далли, да и доблести ради,
палицу поднял, летит Хасанхан
с краю ударить по вражеской рати.

Разом в ряды он врывается вражьи —
мощным пожаром в лесном заовражье.

В яростной сече, на грозном коне,
головы рубит противникам ражим.

Войско дрожит перед божьей напастью —
перед Гиркуком с разинутой пастью.
Блещет Хасана алмазный клинок,
рубит тела, рассекает на части...

Поле сраженья становится адом:
мчит по рядам, как садовник по грядам,
рубит и косит Хасан-молодец,
сыплет удары несчитанным градом.

Славу возносит лихому денечку:
вышел на тысячи он в одиночку,
тыщи приемов он кажет один,
ставит под каждым кровавую точку.

Мчится Гиркук, словно яростный ястреб,
всадник рычит, словно тигры над яством,
блещет, как клык, исфаханский клинок
вслед убегающим спинам мосластым.

Кто увернуться сумел от удара —
в поле догонит воитель удалый.

Падает враг, не бывает иначе —
в самом зените Хасана удача!

Слава, батыр, твоей сабле жестокой:
вышел один, а свалил уже стольких!

Силы напряг побеждающий воин —
и небывалым свершеньем доволен.

Стоит Хасану лицом повернуться —
все убегают, спеша увернуться.

Всадник и лошадь друг другу под пару —
сотни приемов известны тулпару!

Крутится, топчет, ловчит, наступая...
Мертвых, ей-ей, хоть кладите снопами!

Некому только пока убирать их —
пало до четверти вражеской рати!

Если не будет врагу облегченья —
трупы и вовсе завалят ущелье.

Есть ли помощники лучше Гиркука?
В битве такой он победы порука.

Вот испытанье коня и батыра:
бились с ордой — не подставили тыла!

Целое войско дрожит пред Хасаном —
соколом гордым и воином славным.

Сеча в разгаре. Бурлящим потоком
мчится Хасан в напряженье жестоком.
Впала в уныние шахская рать:
столько побито, а дальше-то — что там?

Если б Хасана свои увидали —
песни о нем бы не увядали.

Мощью потряс он и горы, и недра —
дрогнул недаром отчаянный недруг!

Истинно — гибель грозит кизилбашам:
нету числа их дружинникам павшим!

Не позабудут окрестные горы —
сын Гороглы причинил это горе.
С виду мальчишка, но ярим клинком
рубит наотмашь, без жалости колет...

Если б он трусов теснил еще разных —
нет, уложил-то он витязей храбрых!
Мертвыми землю усеял вокруг! —
в мире побоищ и не было равных!

Так и косил он — ряды за рядами!
Подвигов равных не помнит преданье.

Храбрый Хасан — не пример ли йигитам?
Крепкий в кости и внушительный видом,

цели достигнет, к которой идет,
духом могуч и на деле испытан.

Вражье опять собирается войско —
вроде порубленных не было вовсе! —
столько осталось еще, что Хасан
снова к аллаху молитвы возносит!

С силой Хасан пробивает дорогу,
кровь с его сабли подобна потоку.
«Бой недалеко — не стой в стороне».
Недрузи гибнут, покорные року.

Храбрый Хасан, как река в половодье,
сносит преграды, бросив поводья...
Кажется, меньше врагов впереди...
Сзади зато — прибавляется вроде!

Бил он, ударов своих не считая,
стали враги прикрываться щитами.
Сжали кольцо. Не пора ли ему
обороняться, хоть он — не чета им?..

Он еще молод, сдержаться не может,
хоть против тыщи сражаться он может,
хоть в этом войске, где сабель не счесть,
с ним ни единый сравняться не может.

Трудно сражаться бойцу без надежды,
трудно держаться без всякой поддержки.
Сколько сгубил он! Один и один...
Вражьи же орды как будто всё те же.

Место сраженья — выше и выше,
тяжко Гиркуку, и силы-то вышли.
Всадник ли, конь — тяжело одному!
Да и кому это просто, всевышний?

Вражье кольцо всё теснее и ближе.
Кровь с его сабли лишь каплет — не брызжет.
Дело не вышло. И нет уже сил —
к бою стремленье усталостью выжгло.

Что ж, отдохнуть в самом деле пора бы.
Гнал он врагов целый день, как баранов.
Трудно держаться в кольце одному,
хоть и приведши силы в порядок!

Словно в ловушке, Хасан в середине:
не отойти, и в себя не прийти, не
передохнуть, а руки-то ведь — две!
Вот и попробуй вырваться ныне!

Уже и уже кольцо вокруг Хасана,
всё беспощадней и ближе осада.
«Бей его!» В горьком смущенье Хасан —
что б тут поделал и дерзостный самый?

Вот и достигли события зенита.
Битвы теченье судьба изменила.
Всё-таки был он один, Хасанхан,
как ни сражался батыр знаменито.

Тысячи конных его окружают,
взяли в кольцо — и разгона лишают.
Кем он ни будь — он один, Хасанхан!
Тысяча в пыль и гранит сокрушает...

Как он рубился, сражаясь на воле!
Войско бежало — не от одного ли?..
Только ведь всех всё равно не убьешь.
Взят в окруженье и вымотан воин.

О, эти псы из проклятой державы —
как они перед Хасаном дрожали!
Нынче ж, усталого к скалам прижав,
всей своей сворой у скал задержали...

Конь, коль один, хоть промчится по пыли,
только промчится — уже позабыли.
Если один ты, то, как ни могуч —
слаб перед войском, где сил в изобилье!

В толпы собравшись, ревут, задирают —
толку ль, что снова йигитов теряют!
Если идут муравьи заодно,
даже со льва они шкуру сдирают.

Раньше Хасан-то пугал их до смерти —
и подойти они близко не смели.
А окруженный, как сокол в кольце,
терпит от них он и брань и насмешки.

«Так решено не судьбою ль самую?
Будь Гороглы теперь рядом со мною,
или дружинников сорок моих —
мы б эту пададь смешали с землею!

Брань и удары сыплются разом —
здесь я один в окружении вражьем.
Как мне сейчас мои беки нужны —
помощь подать, да и дух мой уважить!

Если даются враги человеку —
дай и друзей, помоги человеку!
Перед врагами стоять одному —
нету судьбины горше, чем эта.

А ведь недавно, в отчизне — чем был я?
Ярким цветком в гулистане Чамбила,
птицей беспечной, не чувшей бед,
беком счастливцев в долине обилья!

Нынче ж — ни сердца согласного рядом,
дружеских глаз, чтобы встретиться взглядом.
Где же вы, сорок дружных друзей?
Как никогда, мне увидеть вас надо.

Кто о Хасане в отчизне расскажет?
Я окружен ополчением вражьем.

Враг совершить не решился бы это,
рядом увидевши Гороглы-бека.

Недругов всех разметал бы я сразу,
рядом имея батыра Аваза.

Но в Дагестане лишь ветер предгорий
может понять мое горькое горе.

Рядом со мною товарища нету,
от одиночества все мои беды.

Как в Дагестане терзается брат —
кто Авазхану сумеет поведать?
Кто ему горечь мою передаст,
песню надежды напрасную эту?

С горем — к кому постучусь я, непрошен?
Ищет душа утешения в прошлом.
Жажду увидеть друзей и Чамбиль,
всеми в чужбине погибельной брошен.

В жизни по трудным дорогам ходил я.
Был я рожден, чтобы стать господином,
но в Дагестане остался один,
здесь умереть мне судьба и судила.

Видно, при жизни наказан я адом.
Счастья ни разу не видел и рядом.
Жил как скиталец, да так и умру,
горькой разлуки отравленный ядом.

Среди врагов я, Хасан, оставался,
странствовал долго и много сражался,
мчался, как птица, и бился, как лев —
смерти на кончике пики дождался.

В поле сраженья стою одиноко.
Путника к смерти приводит дорога.
Как же от родины я далеко!
Сил уже нету, а недругов много...»

Хасан-батыр на поле сраженья
бился, рубил без сожаленья,
достигла битва
своего зенита.
В реве, лязге, звоне, гаме —
оглянулся — видит, окружен врагами.
Как ни рубись — ему
пробиться немислимо.
Кругом враги стоят кольцом —
и сбоку, и сзади, и к лицу лицом.
Ряды за рядами, ряды за рядами —
десять, двадцать, и не видно дале!
Рубит он их день, и второй, и третий —
не убавляются, чертовы дети!

А Шах-Кувад донельзя разгневан:
«Клянусь,— говорит,— небом,
слыхано ль вовек,
один-единственный человек —
и из такой державы, средь бела дня,
дочку увозит у меня!»
Собрались управители-аксакалы,
повсюду конники поскакали,
бывалый служивый люд
людей скликает и там и тут.
В махаллях и усадьбах,
в чайханах, на базарах,
в караван-сараях и у городских ворот
глашатаи оповещают народ:
«Эй, мусульмане, аллаху покорные,
приезжие и исконные,
пешие и конные,
никуда ни шагу —
все к шаху!»

Идут из города, из кишлаков, из пустыни,
отрядами идут, кучками простыми.
Идут могучие, идут и прочие,
идут вместе и в одиночку.
Идут по дорогам
племена и роды.
Молодой народ, пожилой народ.
Шахское войско растет и растет.
Заполнило вскоре
все предгорья.
Первые заняли место в низине,
остальные идут за ними.
В каких бы палванах Хасан ни ходил —
он ведь всё равно один!

Шахские воины в гуще боя
говорят меж собою:
«Надо держаться,
дальше сражаться!
Одному конец, другому, третьему,
но ведь всех-то не одолеть ему!
Говорят старые люди:
дескать, пусть и великаном будет —
всё равно он один.

А ведь мы чего хотим?
Хоть бы его ранить,
хоть бы заарканить!»
Так они себя успокаивают сами,
держат совет, как поймать Хасана.

А другие в ответ на такой разговор:
«Это всё,— говорят,— вздор!
Тот, который в мощь свою верит —
такой всё одолеть сумеет.
Он ведь сам над собою власть:
когда — отступить, когда — напасть.
На такое в одиночку ведь не каждый пойдёт.
Да и Хан-Далли не с каждым пойдёт.
Духом-то она не слаба!..
Глупые ваши слова.
Этот не сдастся, куда жив.
Вон уж скольких он положил.
Один-то один,
а полвойска победил!..
Сперва ты сумей взять его в полон,
а уж болтать будешь потом».
Так спорят войны да судачат:
удача ждет их иль неудача.

А Хасанхан — в середине битвы,
гонит бегущих, отваливает убитых,
рубит сплеча да
без пощады.
А войско врага
всё стоит пока,
ряды ровные,
словно не тронуты...
Сколько их изрубил, иступил оружия —
и даже края не порушил!
Вспомнил Хасанхан батыров былых —
сколько когда-то было их! —
вдрызг разносили
вражьей силы.
Но ведь говорили еще тогда:
«Камень тверд — иль рука тверда?»
Отвечали: «Твердый камень.
Не бей руками...»
А теперь у Хасанхана беда.

Не уйти от нее никуда.
«Раз,— думает,— некуда податься,
до конца приходится драться!»
Затянул пояс, понукнул Гиркука,
вертится по кругу
и без осечки
продолжает сечу.

Тронул камчой коня,
полон опять огня.
«Я, Хасанхан, молюсь
тебе, кто создал меня!»

Крикнул Гирату: «Мчи!»
Свистнул ремень камчи.
Разом под небеса
конь, как огонь свечи.»

Конь разевает пасть
перед тем, как напасть.
Падают, как снопы,
те, кому выпало пасть.

Ярая свалка битв.
Глянешь — в глазах рябит.
Меч у Хасана в руке
не устает рубить.

Злой исфахан-клинок
валит и валит с ног.
Гибель идет на них,
веры чужой сынов.
В поле траву травы —
тонет трава в крови.

Под барабанный бой
длится Хасана бой.
Битвой гордись, Хасан,
гордись конем и собой.

Скачет на скакуне,
славном Гирате-коне.
Многих потопчет конь,
сам он сшибет вдвойне.

Враг не осилит бед:
стон его — до небес.

Слышится на озере барабанный бой.
Хасанхан сражается с вражеской толпой,
Хваткой сходен с соколом славный наш Хасан,
сносит вражьих головы мощною рукой.

В ту, в другую сторону — крутится Гиркук,
валит, топчет недругов, завершая круг.

Гляньте на Хасана — он беркутом степным
на врагов кидается, яростен и крут.

«Хай!» — кричит он яростно,
громкий, словно гром,
и голодным ястребом
вьется над врагом.
Гляньте на Хасана — он ястребом степным
на врагов кидается, что кишат кругом.

Как Гиркук ни ценится —
всех он выше цен:
на кого нацелится —
тот не будет цел.
Львиною повадкою славен Хасанхан:
взмах меча — и падает взятый на прицел!

Хасанхан всё выдюжит, сильный, словно нар.
Вновь на рать огромную страху он нагнал.
Меж врагов бесчисленных рубится один:
меч о сталь ударится — выбьет сноп огня!

Крикнет — разбегается
звук во все концы.
И снопами валятся
мертвецы...

Могучих он ранит,
как тигр когтит,
и враг, бездыханен,
на поле лежит.
Взывает Хасан: «Эй, отважные, где ж вы?
Откликнитесь, храбрые, кто из вас жив?»

Захочет — догонит любого Гиркук,
свое превосходство докажет врагу.
Смешал он ряды, все бегут в беспорядке,
теряя и память и ум на бегу.

Всю армию заново
страх пронизал —
с рассвета их самого
рубит Хасан.

Взгляните: вот гордость батыров туркменских!
И конь не заморен, и бодр он сам.

Хасана же яростный пыл охватил,
как пьяный, кричит и бормочет батыр.
Видна кизилбашам вся лвиная сила —
и сбоку боятся зайти, да и в тыл!

Гарцует Гиркук, словно франт по селу,
и топчет вокруг он людей, как золу.
Спасибо Хасану, что смог в одиночку
в испуг небывалый вогнать Эрзерум!

Превыше Хасан восхвалений и слов:
весь цвет ополченья, порубленный, слег.
Не счесть убиенных, живые не могут
сдержатъ ни стенаний, ни горестных слез.

«Взгляни на узбека!» — один говорит.
«Накаркаешь беды! — другой говорит.—
Не может быть смертный так страшно силен,
к нам карой небесной низринулся он!»

А третьи: «Не стерпим обиды врага,
хоть, может, и будем убиты... Урр-ха!»

Но в той мешанине, сквозь стонущих тьму,
не видят они, не пробьются к нему...

Без ран и без ссадин
остался один:
смяв тысячи за день,
Хасан — невредим!

До жалости ль на поле бранном в тот день,
коль смерть налетала бураном в тот день!

Страшнейший по крови, по ранам тот день:
красно по полям и полянам в тот день!

И прежде батыром считался Хасан,
но стал он героем сказаний в тот день.

Товаром наполнился смерти базар —
вы всё не сочли бы и сами в тот день.

Жалели о том, что родились на свет,
и те, что давно насмотрелись на смерть.

В горах дагестанских, где шапками снег,
арыки, ей-ей, потекли в этот день.

Не кончится битва, не стихнет никак.
Тут и не убитый — едва на ногах.
Но в войске огромном противников равных,
врага по себе — Хасанхан не сыскал.

Жестокая сеча,
стихай, не греми!
Кровавые речки —
и камни в крови.

Торопится конница
с разных сторон —
и люди становятся
пищей ворон.

Хасан потрудился, рубил от души!
Противников стоны до неба дошли.

Могуча рука,
закален его дух.
Он гонит врага
словно стадо пастух.

Кто так же сумел бы судьбу обыграть —
один разогнать
неоглядную рать?

Мечом он работал — как землю пахал,
и мощь Хасанхана достойна похвал.

Рубил он бежавших,
числу их назло —
как быть кизилбашам,
коль счастье ушло?

И конники в страхе летят из седла,
и кони их скачут туда и сюда.

Камчой не поборешь
могучий металл.
Подобных побоищ
никто не видал.

Отряды в большом беспорядке бегут.
Сын бросил отца — без оглядки бегут.
Чуть гикнет Хасан — храбрецы или тусы,
все разом, сминая палатки, бегут.

Коль суть этой речи хотите сберечь,
дарите вниманьем бегущую речь.
В горах Дагестана от сабли Хасана
несчетному воинству выпало лечь.

И меч у Хасана — как сгусток огня,
как черная молния — тело коня.
Надежда Хасана — на помощь аллаха.
Летит он без страха, Гиркука гоня.

А день-то не вечен,
на убыль идет,
и вот уже вечер
в горах настает.
В руках у Хасана алмазная сабля,
он страшную сечу
всё так же ведет.

Хасан не растратил ни страсти, ни сил
и пламя усталостью не погасил.

О славе грядущей не думал батыр,
когда он на войско один выходил.

Один против войска, где сабель не счесть,
отважный за отчую борется честь.

Хоть молод — да воин,
каких не найдешь.
Кто б не был доволен,
отдав ему дочь?

И скачет Хасан, не уставший рубить.
Взгляни на бегущих — в глазах зарябит.

Как ветер — он скачет опять и опять,
и гонит, и гонит проклятую рать.

Клинком своим машет Хасан на коне,
свести кизилбашей грозитя на нет,
подходит к концу небывалая битва,
темнеет, вечерний кончается свет,
огромное войско считает убитых,
Хасан, невредимый, уходит наверх.

Провоевав до ночи,
что вражьи затмила очи,
ушел Хасан по ущельям к вершине.
А Далли-то уже решила:
случилась внизу беда —
сидит на краю и глядит туда.
Сидит, мается —
а Хасан с другой стороны поднимается.
Увидела, побежала навстречу,
ухватила уздечку,
с коня ссаживает,
сама спрашивает:
«Мой господин, почему так поздно?
Я уж боялась — дело не просто.
Вы над своей Далли сжальтесь —
вперед засветло приезжайте».
И давай снова —
за словом слово:
веселые слова,
чтоб душа отошла.

Хасан говорит: «Милая Далли,
для нас тяжелые дни подошли.
Вражье войско растет и растет,
хоть я и утратил убитым счет.

Их — всё больше! Под мою саблю
словно бы так и лезут сами.
Смерти не боятся, напролом идут.
Как же мы дальше продержимся тут?»

Хан-Далли говорит: «Мой господин,
смелый дорогу всегда находил!
Глядишь — и беда
как не была.
Не горюйте, доедем до Чамбила!
Бог даст, не сгинем —
цели достигнем.
Это испытано,
бывает с йигитами,
вроде недуга,
упадок духа —
вы только не поддавайтесь, крепитесь, пойте —
сами же спасибо скажете после.
Если сам йигит образумится —
все дела его образуются!»
Так она говорила,
его приободрила.
Ее слово — ему подмога.
Послушал Хасан — утихла тревога
Хороший друг —
вполовину беда и труд.
Плохой друг — плохой помощник,
горе и заботы только умножит.

Хасан-батыр повеселел,
потянулся, как лев —
не беда, что с утра опять начинать! —
и без заботы лег почивать.

Утром встал, совершил омовенье,
попросил у аллаха благословенья,
оседлал Гирата, подтянул подпругу,
взял свой клинок исфаханский в руку,
глаза сверкают,
как цветок расцветает,
о своем
разливается соловьем,
на плече — щит,
кровь кипит,

поводья натянул,
Гирата понукнул,
вниз к врагам спустился
и к ним обратился:

«Пусть и сегодня продолжится битва,
будь вас хоть вдвое — мертвыми быть вам!
Вы, что разбухли от шахской еды —
на поединок идите, йигиты!

Я-то один, ну а вас-то — орава,
вспомните, что вы сначала орали!
Я вас на честную схватку зову —
или вам страшно в бою без охраны?

Горы, стихии
в пути мне мешали,
да и лихие
нахлебники шаха.
Что же вы, шахского войска краса,
в бой не решаетесь сделать ни шага?

Честь посрамите, таясь воровато.
Ну же, вперед, вожаки каравана!
Беки Эрзрума на мощных конях,
в бой выходите — я перед вами!

В гору коню подыматься не просто.
Впору коню боевому упорство.
Эй, Эрзерума богатыри,
вас вызываю на единоборство!

Слезы без спросу из глаз у несчастных.
Видно, вы в прошлом рубились нечасто.
Эй, Эрзерума могучие львы,
право же, время сраженью начаться.

Пусть меня в битве поддержат святые —
эта земля мне чужая, батыры.
Ну же, смелей, Эрзерума сыны,
что же вы, отроду в бой не ходили?

Вот я — народа туркменского воин,
был я доселе удачей доволен.

Эй, эрзерумские молодцы,
выйди, кто хочет, сразимся на воле!

Видел я равного в каждом йигите.
Что ж вы,— собрались, а в бой не хотите?
Вас вызываю сам я — Хасан:
как полагается, в бой выходите!

Душу нам страсти волною омоет.
Гляньте, батыры, Хасан еще молод,
а выступает один против всех!..
Что же батыры решиться не могут?

А не хотите — стойте на месте.
Только едва ли удержитесь вместе:
всех разгону я, как стадо овец...
В бой выходите, боязнь умерьте!

С каждым особо биться не стану,
разом покончу с малым и старым.
Так поглядите смерти в лицо —
в бой выходите, время осталось!

Полям Али — это поле да будет!
Славу туркменский воин добудет.
Пусть ваш сильнейший рискнет подойти —
вряд ли доволен битвой он будет.

Лев среди вас я —
смелый из смелых,
барс между барсов,
тигр из туркменов.
На поединок храбрых зову,
все расстоянья честно отмерив!

Я не остыну вплоть до победы,
храбрый батыр я, верный обетам.
Многие беды рухнут на вас —
в бой выходите, зная об этом!

Конь подо мною неутомимый.
Но не терзайтесь, страхом томимы.
Смело вперед — схватка вас ждет!
Смело, батыры,— в бой, а не мимо!

Ну, окружайте витязя сами —
или боитесь единственной сабли?
В бой ли хотите — с поля ли прочь?
В бой выходите с храбрым Хасаном!

Равен один я вашему войску,
но ведь рискую сам головою.
Начата сеча — головы с плеч...
Всех приглашаю к честному бою!»

Стоит Хасан начеку,
к бою готов, как лев к прыжку,
застыл,
как тигр,
грозен повадкой,
как барс перед схваткой,
как сильный сокол,
что парит высоко,
как гордый беркут,
что мчится сверху
рвать свою жертву.
Много раз уже в бою
Хасан испытывал силу свою,
окрепла рука,
разгадал врага,
войска этого
все секреты —
и стоит спокоен,
как истый воин.
Их-то много, на первых порах
они ему внушали страх,
но столько он их положил в боях,
столько их в поле лежат,
что теперь они перед ним дрожат.
Каждый говорит:
«Что за йигит?»
Кто был посмелее — под меч попали:
либо ранены, либо пали.
Остальные трусят — на вызов Хасана
отозваться не решаются сами.

Зол Хасан, хлещет камчой,
меч оголил, воздух сечет.

А Гиркук почувял удар —
разинув пасть, понес тулпар.
Крылья раскрыл, летит, как птица,
торопясь пониже спуститься.
Внизу враги и слова не молвили —
домчался до них быстрее молнии!
Хасан, как сокол
со скалы высокой,
налетел, смешался с врагом,
все растерялись, заголосили кругом —
вот он, дескать,
примчался, дерзкий!
У многих душа
в пятки ушла,
слов не свяжут,
вслух не скажут,
только шепчут,
еле силы нашедши.

Бьет он наотмашь клинком-исфаханом,
рубит и рубит на поле бранном.
«Чу!» — закричит, и тулпар полетит
в яростном вихре от сабли Хасана.

Клич по долине мчится победный
к дальней вершине с шапкою белой.
В центре сраженья на скакуне
ярый воитель из Чамбильбея.

Гонит Гиркука, хлещет камчою,
новым ударом путь не кончая.
Скачет долиной грозный Хасан,
цепью убитых путь отмечая.

Ясность в сраженье — славы условие.
Враг же в бессильной мечется злобе.
Так запугал их юный боец —
ужас в движенье каждом и слове!

С прежним в сраженье рубит он жаром,
бьет исфаханским острым кинжалом.
Бой беспримерный в поле идет,
грудами мертвых — живых окружая.

Скачут по полю, словно по валу.
Брошены сабли, сбруя вповалку.
Конь у Хасана — в пору ему:
ярую ту же кажет повадку.

Сумерки пали в горной долине
и друг от друга всех отделили.
Но, словно молния, блещет клинок:
скачет и рубит туркмен из Чамбия.

Слышно — стреляют где-то из ружей,
злым обвалом звуки обрушив.
Кажется адом всё в полутьме —
всадники в поле без толку кружат.

Кони от мертвых пятятся задом.
Стала долина смерти базаром.
Словно голодного льва в темноте,
рать Эрзерума трепещет Хасана.

Он средоточье сечи великой —
саблей ли блещет, колет ли пикой.
Кровь тут — вода, и тела — как зола:
страшная чаша за день испита.

Кто Хасанхана выдержит натиск?
И кизилбаши, плача и пятясь,
«Лучше,— кричат,— оказаться в аду!
Эй, торопитесь — с жизнью прощайтесь!»

Видно, предела сильному нету:
падают люди, как звездочки с неба!

Адская каша в темном ущелье —
как же Хасан попадает по цели?
Грохот сраженья Койкафа достиг:
сечи страшнее не знали доселе.

Нету и счета повергнутым в сече:
смерть беспримерно заполнила сети.
Столько погибших — в едином бою!
Этого прежде не знали на свете.

Вопль небывалый вырос над полем:
войско огромное сбилось толпою
и в исступленье молит творца —
мыслимо ль где истребленье такое?

Юноши ль, старцы — порознь и вместе
молят творца обреченные смерти.

Ищут и кличут отчаянно, жадно
сына — отец
и отца — верблюжата.
Рать неоглядную сводит на нет
воин могучий в сражении жарком.

Двигается войско к подножью вершины:
вновь потеснить Хасанхана решили.
Воины шаха дрожат наперед,
да и проход оставляют пошире...

Перед Хасаном в страхе округа:
вся неоглядная рать Эрзерума
дрожью дрожит — голоса без числа
плачут, кричат, окликают друг друга

Плохо, однако, одно у Хасана —
что одинок он в горах Дагестана:
равного нету товарища — льва!
Только тулпар его с ним непрестанно.

Путь им кровавый
по полю пройден.
Ночь миновала.
И утро. И полдень.

Снова он рубит, врагов рассекая:
головы с плеч — словно черные камни

Храбрые сердце отвагою полнят,
трусые — глаза себе влагою полнят!

Ждет ли победа, иль поражение —
честный батыр будет честен в сраженье
Честно дерется в бою Хасанхан.
Конь его носится, вытянув шею.

Сходен Гиркук
с быстрокрылою птицей.
Крики вокруг —
в наступленье он мчится.

Конные в сторону прынут поспешно,
только деваться некуда — пешим...

Всё перемешано: люди — с конями...
Спешно стрелки залегли за камнями.

Сабли звенят и ломаются пики.
Крови несчитанно почвы испили.
С неисчислимой толпою борясь,
полон Хасан негасимого пыла.

Черною пылью дымится долина,
взгляд застилающей неодолимо.
Даже не видно, кто тут — бежит,
кто — за бегущим гонится лихо...

Кто тут — передний, которые — сзади?
Это не раз переменится за день.

Боя середина — окажется тылом,
храбрый — бегущим, трусливый — батыром

Шедший вперед — попадет не назад ли?
Саблю поднявший — лишается сабли.
С криком «урр-ха!» пролетевший отряд
скачет назад — и подпруги ослабли...

Лишь Хасанхан, возвышаясь над всеми,
перед врагами не дрогнул доселе.
Рыкнет, как лев, исфаханом махнет —
недругов ближних разом рассеет.

Прячутся трусы у края ущелья,
чтоб не настигли их, не углядели:
поднялось к самому горлу нутро —
так что и в седлах не усидели.

Черной долина залита кровью,
черною стала небесная кровля.

Гонит врагов пред собою Хасан —
рубит мечом и проклятьями кроет.

Только он гикнет, поводья отпустит —
глядь, перед ним, впереди, уже пусто!
День между тем на исходе опять,
новый закат разгорается пуше...

Смерть еще водит рукой Хасанхана,
кровь еще льется рекой с исфахана.

Гнать, догонять ли — нелегкое дело.
И у живых — словно мертвое, тело!

Залито кровью огромное поле.
В войске-то вовсе духом упали:
скоро ль чудовишной сече юнец?
Целы ль останутся те, что не пали?

Всё неоглядное войско Кувада
страхом и жалкой надеждой сковало:

«Саблями нас
не прошел до утра бы —
хоть еще раз
я прожил до утра бы!»

В страхе гадают
о собственной жизни.
Кони хромают,
порвав сухожилья.

Только Хасан на Гиркуке могучем
битвой лихой до конца не измучен.
Рубит и скачет... И, будь не один —
шахским войскам разбежаться бы лучше!

Если б иначе судьба порешила —
был бы Хасан, как в Чамбиле — с дружиной!

«Урр!...» до сих пор раздается в ущелье,
блещет клинок, дорываясь до цели.
Черною массой войска расползлись,
дали багровые за вечерели.

И, пока темень внизу прибывает,
в горы дорогу Хасан пробивает.
Мощь его понял эрзрумский народ —
с ужасом битву теперь вспоминает.

Свет заменяется дымкой вечерней,
в горы уходит Хасан из ущелья
и, поднимаясь, глядит с высоты —
с гордостью смотрит и с облегченьем.

Вдвое он шахскую рать сократил —
может быть, нынче отступятся сами?

Кто разгадает противника планы!..
В черной крови и поля и поляны.

Гордость врагов небеса покарали.
Зелень предгорий мечи обкорнали.
Издали слышит усталый Хасан:
где-то внизу заревели карнаи...

Вот и в Хасане гордость запела:
«Славное, — думает, — сделано дело —
всё я один!..
И теперь, невредим,
битвы великой покинул пределы».

Снежные тонут в тумане вершины,
скромности дай нам несокрушимой.
Боже, спаси нас от всяческих бед,
если, как горы, гордыней грешим мы.

Горькой бедой наперед обеспечен
тот, кто доволен собой и беспечен.

В тех, что гордыней себя оградили,
ржавчиной всё разъедает гордыня.

Воин могучий, кем были убиты
тысячи недругов на поле битвы,
может и гордость свою одолеть...

. . . . .

Пусть не покинет счастье Хасана.
Стольких от горя скромность спасала!
Ну, а гордыня страшней для души,
чем сорняки для прекрасного сада.

Возвратясь к Далли, батыр Хасан
о себе, довольный, думает сам:
«Неужто это я столько молодцов
превратил сегодня в мертвецов?
Еще пару раз я такое смогу —
и кто не поляжет, те все убегут!..
Да и пора им разбежаться —
где уж им со мной тягаться!»
Так он ехал —
назад-то не к спеху —
собой любовался в деле любом
и себе казался барсом и львом.
Подъезжает — а Далли навстречу
и начинает такие речи:

«Здравствуй, мой господин, здравствуй, мой нар,
мой могучий архар,
смелый мой лев, к прыжку готовый,
тигроволапый батыр бедовый,
мой герой с сердцем барса,
что один сквозь строй прорубался,
для друзей удал,
для врагов удав,
для меня любимый,
мой единый,
господин мой!»
Заливалась сладко, как только умела,
усаживая его на почетное место.
Ведь когда бывала она в одиночестве,
снизу, бывало, грохот доносится,
карнаев рев,
гул голосов,
скрежет оружия,
буханье пушек.
Ну, а она стояла на страже —
женщина, одна, ей же страшно!
Но глянет вниз,
на врагов:

Хасан среди них,
как сокол среди воробьев.
«Дай-ка, думает, я скользну
чуть дальше, на ту скалу:
там повыше,
всё увижу —
как мой господин
с великой ратью бьется один!..»
Смотрела на него во все глаза —
вот любовь ее и росла.
С каждым днем
она всё больше мечтала о нем.
Жутко одной прятаться —
тем больше она ему радуется.
Век бы его восхваляла —
любой похвалы ей казалось мало.

Хасанхан в ответ ее словом дарит:
«Как ты прекрасна, о Хан-Далли!
Слово твое — как мед,
оно любого проймает!..
А меня ты видала,
как я кидал их,
от ярости слеп,
валил их, как лев,
намертво встал,
словно Рустам!»

— «Да, мой господин, я вас видала
и радость великую испытала;
я сперва слышала выстрелы
и от страха на ногах едва выстояла.
А потом как скользну
вон на ту скалу —
вижу, как вы их перед собой гоните,
и все бегут — пешие и конники...
Ну, у меня от сердца и отлегло.
Влезла на утес, села, как в седло,
сизу, гляжу на вас, как на чудо.
Всё мне было видно оттуда...»

Освободив Хасана от кольчуги,
Далли растерла ему спину и руки.
Заснул он крепко,
спал до рассвета.

С зарею встал,
коня оседлал,
подтянул подпругу, оглядел всего,
сел в седло —
солнце только встало,
а он уж у вражеского стана.
Бодрый, веселый, полный сил,
подъехал поближе, подбоченясь, возгласил:
«Эй, вояки,
чего валяться?
Пора вставать,
оружье сдавать!

Отчизна моя далека, далека,
очищу ли путь от лихого врага?
Один я — зато неустанна рука!
Бегите же прочь, Кувад-шаха войска!

Отряд без героя — что рак без клешни.
Напрасно за мною вы следом пошли,
когда я с собою увез Хан-Далли!
Идите назад, Кувад-шаха войска!

Вы на поле битвы следите за мной,
я строй ваш порушу, сровню с землей,
всё кровью залью до вершины самой!
Бегите же прочь, Кувад-шаха войска.

Я славный батыр из народа явмут,
такі благодарны мечу моему.
Отважный найдется — я вызов приму.
Идите себе, Кувад-шаха войска!

Зачем вы собрались — ведь здесь не парад,
здесь бьются и ранят, и пушки палят.
А вас, как баранов — на бойню пора...
Бегите же прочь, Дагестана войска!

Вас тыща собралась — ловить одного...
Попробуйте ж сами уйти от него!
Отведали саблю его — каково?
Бегите же прочь, Кувад-шаха войска!

Души вас лишу, если в теле душа,
и кровь вашу выпущу, с пылью смешав!
Эй, где ваш помешанный, сам Кувад-шах?..
Бегите к нему, Кувад-шаха войска!

Хасаном зовут меня,
сил я припас —
и в час в этот утренний
кинусь на вас.
Я тигр из явмута и яростный барс —
бегите же прочь, Кувад-шаха войска!

Какие вершить вы собрались дела?
Не надо спешить — моя сабля цела!
Голов я лишить ваши должен тела —
недолго вам жить, Кувад-шаха войска!

Народ проводил на войну смельчака —
и ни перед кем не склоню я чела!
А вы уж и вовсе-то мне не чета —
идите же прочь, Кувад-шаха войска!

Дорогу задумали мне преградить —
а скольких я в трупы сумел превратить!
Готовьтесь и прочие — жизнь прекратить!
Конец вам пришел, Кувад-шаха войска!

Желанна добыча
лихому мечу.
Я всех, без различья,
ему поручу.
Все головы — в кучу, тела — размечу...
Бегите же, подлого шаха войска!

Себя вы бойцами сочли, захмелев,
но шахский задаром вы кушали хлеб.
Вас всех, как баранов — на бойню и в хлев!
Бегите же, о Кувад-шаха войска!

Вы жалкое стадо, что жвачкой живет,
я ж — истинный воин, прожорливый волк.
Я ждал наготове, тайлся — и вот
попались вы мне, Кувад-шаха войска!

Вы — сор Эрзерума, позор для отцов,
бездельники, трусы, набор подлецов!
Что делать народу, коль нет храбрецов?
Ответьте-ка мне, Кувад-шаха войска!

Оружье, палатки и топот коней.
Все признаки войска, а войска-то нет!
Не стыдно ль вам так называться?

Да нет!

Утратили стыд Кувад-шаха войска!

Я — враг ваш, мои же противники — вы.
В Чамбиле остались товарищи — львы.
Стоим мы — как истина против молвы!
Бегите же прочь, Кувад-шаха войска...

Одел я свой щит, поединка ищу.
Один я — но ярость в себе умещу.
Эй, трусы, что вышли навстречу мечу —
бегите назад, Кувад-шаха войска!»

Гикнет Хасан, саблю подымет —
зовет желающих на поединок,
но у врагов охоты нет
выйти в поле ему в ответ.
Боятся Хасана, всех отвадил,
ни у кого не хватает отваги.
Взывал Хасан трижды кряду,
потом камчой ударил Гирата,
не ожидая беды,
помчался на вражьи ряды.
Всё в войске
смешалось вовсе,
мчится Хасан с привычным
громовым боевым кличем.

Он тронул поводья, Гирата стегнул —
ответный в долине послышался гул.
Хасан поскакал, призывая аллаха,—
как стадо, войска на скаку обогнул!

Дрожащие всадники встали рядком,
народу — не счесть, а отваги — ни в ком!
И скачет Хасан, призывая аллаха,
и рубит безжалостно острым клинком.

И войны вражды —
юнцы и в летах —
от сабли отважного
наземь летят.

Как ярое пламя в сухом камыше —
Хасан через войско проходит уже.

Клинок обнаженный —
неукротим:
добычу нашел — и,
как тигр, когтит.

И сжался Гиркук, словно лев для прыжка,
и жажда кровавая в горле клинка,
и, жалкие, стонут войска Кувад-шаха,
и целятся стрелами издалека.

Гарцует Гиркук или мчится стремглав —
минует Хасана лихая стрела.
А он — всё без жалости колет и рубит,
порой справляется разом с тремя.

Так новая бойня начало взяла.
За воином воин летит из седла.
В руках Хасанхана — булат Исфахана
И павшим, и ранам — не знаю числа.

Один невредимым
проносится он.
По полю единый
проносится стон.
«Да это, ей-ей,— говорят о Хасане,—
не воин, не юноша — это дракон!»

Кто выдержит ужасы сечи такой?
Кто столько порубит одною рукой?
Ведь трупами речку давно запрудило —
а кровь бесконечно хлещет рекой!

Кто близко к Хасану рискнет подойти,
кто встанет теперь у него на пути?
Которые встали —
отведали стали
и больше с земной уж не встанут груди!

Чернее — врагам не запомнится дня.
Редеют ряды, как камыш от огня.
В крови Хасанхан свой клинок омывает
и гонит бегущих, и шпорит коня.

И грохот ударов
в угаре погонь,
и всадник удалый,
и яростный конь...
И вечная слава Хасану — удаву
за бой небывалый, за подвиг такой!

Но был у врага ополченец, друзья,
что метко стрелял из любого ружья.
Его так и звали — Стрелком-Туклибаем.
Охотясь, сгубил он немало зверья.

Вот этот-то шаху за хлеб отплатил!..
Ружье, как положено, он зарядил,
засел Туклибай на краю за камнями
и с битвы отчаянной взор не сводил.

Ружье поудобней пристроил, а сам
следит, когда ближе подъедет Хасан.
И тут-то как раз, догоняя бегущих,
пред ним на Гиркуке Хасан заплясал!

И дуло ружья вылезает вперед —
смотри и ликуй, эрзерумский народ!
За камнем таясь, Туклибай окаянный
Хасана-батыра на мушку берет.

Хасан, разоряющий вражьи ряды,
еще между тем и не чувствует беды.
Но тут просвистела, ударила пуля —
и боль запылала в могучей груди!

И, множеству равный
в неравном бою,
утратил от раны
он силу свою.
К высокой луке он пригнулся со стоном
и рану прижал, словно к камню — змею...

И шею коня обнимает (Гиркук
всё пламенным взором обводит вокруг).
Один он сражался —
один и остался,
не сыщется здесь утешитель и друг...

Враги еще медлят ударить на них.
Хасан, изнывая, к Гиркуку приник.
Как адское пламя, горит его рана —
от крови, от слез ли намок воротник?

Один — о себе он расскажет кому?
Один — подсечен он на самом корню!
О ране неожиданной, о смертном недуге
он на ухо шепчет Гиркуку, коню...

Горит рана
у Хасан-палвана.
Прощается с жизнью такими словами:
«Эх-ма, сроки истекли,
конец мой приходит, кончились деньки.
Не зря меня потянуло сюда —
примет в себя
сырая земля.
Умру, как нищий,
могилы не отыщут...»
Так он тужил,
жалел свою жизнь.
«Как бы там ни было, а виду не подам —
не позволю радоваться своим врагам».
В седле скривился,
но духом скрепился,
течет кровь из раны,
а Хасан говорит Гирату:

«Далеко остался дом родимый,
я один в беде необратимой,
и аллахом брошен, и людьми...
Враг вокруг, Гиркук — мой друг единый!

Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!

Я плачú за то, что я вначале
на знавал ни горя, ни печали.
Я хочу взглянуть на Хан-Далли,
прежде чем из мира я отчалю.

Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!

В мир иной
уже мой путь недолог:
надо мной
вот-вот опустят полог.

С горечью покину этот мир,
ранен пулей и тоской исколот.

Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!

Эх ты, смерть,
как ты горька для сырых!
Я на свет
уже глядеть не в силах.
Так мне отомстили небеса:
мой конец — вдали от сердцу милых.

Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!

Из огня попал я да в полымя,
ранен — и умру между чужими.
Умный конь мой, пожалей меня —
мне лишь ты остался на чужбине!

Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!

Одинок я, слезы в изобилье.
Нету братьев, все меня забыли.
Поддержи, товарищ верный мой,
с кем я вместе прибыл из Чамбила!

Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!

Я в аду, мне худо, но куда
друга мне оставили — Гиркука.
Я живым не возвращусь в Чамбиль:
дни Хасану отмеряли скупю.

Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!

Землю враг моей окрасил кровью.
Кровь застыла черною корою.

Мне б хоть раз взглянуть на Хан-Далли —
и глаза спокойно я закрою.

Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!

Был беспечен — вот и ранен пулей.
Уголь жжет ли, жалит злобный улей?
Смерть пронзила, и спасенья нет.
Молод — а до ночи доживу ли?

Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!

Я в дорогу вышел слишком рано,
и в пути меня настигла рана.
О Гиркук, стемнело, свет погас —
ты один надежда и охрана!

Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!

Я ослаб — а был сильнее тысяч,
невредимым выходил из стычек.
Подлой пулей ранили меня,
да еще насмешкой злобной тычут.

Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!

Я в пути отстал от каравана.
Я тюльпаном сорванным увяну.
На чужбине брошенный в песок,
стану я могилой безымянной.

Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!

Норови к скале прижаться — задом,
чтоб врагу не оказаться рядом.
Ни поводья ухватить твои,
ни смеяться — не давай проклятым!

Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!

Қараулят недруги Хасана —
обмани же хитрые засады
и скорей к вершине подымись,
чтоб Далли меня перевязала.

Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!»

Благословенный Гират!
Тут-то как раз
понял и впрямь он,
что седок его ранен.
Хвост расправил, уши торчком,
одним скачком
прочь из боя
да и с поля —
помчался, скор,
к сердцу гор.
Хасан сначала держался прямо,
потом его обессилила рана.
Только к хвосту он станет сползать —
конь его осадит назад.
Сползет вперед, привалится криво —
его удерживает грива.
Спасибо коню — верный друг!..
Еле Хасана довел Гиркук.

А Хан-Далли
увидала еще вдали:
вроде бы сам
едет Хасан —
но, тело клоня,
стан искривил,
и у коня
грива в крови!
Как увидала —
так зарыдала.
Еле сняла
его с седла.
А на Хасана капнула слеза —
только глянул и закатил глаза.
Плача, развязала ему кушак —
и отступила в страхе на шаг:
хоть не гляди —
две дырки в груди...
Пуля вошла под левый сосок
наискосок,
задела кость — и повыше,
у другого соска, вышла!
Словно лизнула
смерть из дула...
Приготовила Хан-Далли
место в тени
и своего милого
переложила.
Куда ни положит —
конь подходит тоже.
Остановила на нем взгляд —
настоящими слезами плачет Гират!
Она ему говорит: «Милый Гиркук,
верный друг
моего господина,
моего батыра товарищ единый,
скажи мне, тулпар,
за что нам этот удар?
Оба мы с тобою равно тужим:
ты о хозяине, я о муже.
Нет нам покою,
горим, как в огне,
оба мы в горе
на этой горе!

И сила вражья
кругом на страже,
и хозяина нет,
чтоб дать ей ответ...»

Так безутешно
плачет без удержу,
обиды считает
и причитает:

«О люди, совсем без души я осталась,
без милого в горькой глуши я осталась.
Что случилось с батыром, что с соколом случилось?
Со счастьем и с миром надолго рассталась —
с любимым, с Рустамом, я разлучена.

Беспечность пропала навечно былая.
Беда — не с того ль, что беспечна была я?
В разлуке я таю, как свечка, пылая.
Мой милый, где меч твой? Я смерти желаю.
С твоим исфаханом я разлучена.

Далеко ушла я от отчего дома,
лишилась орла моего молодого,
печали пчела залетела надолго...
Печальны дела, и черна моя доля —
с пресветлым султаном я разлучена.

Злой рок отравил мне и пищу и воду,
я плачу беде безысходной в угоду,
и плач мой до неба возносится с ходу,
но нет никого, кто б надежду мне подал.
Со львом-Хасанханом я разлучена.

Йигит мой прекрасный, коль нет тебя рядом —
и рай без тебя мне покажется адом.
Аллах, сохрани его, не виноват он!
Коль надо, приму на себя я утраты
батыра, с которым разлучена.

Султан храбрецов, дорогой господин мой,
беда за тобой неотступно ходила —
и вот изловчилась! А друг твой единый —
один, и в отчаянье непобедимом:
я с милым, я с радостью — разлучена!

Бессильная, плачу и плачу от горя.
Что здесь, на горе, я могла бы другое?
Рассыплю я волосы тонкой рукою,
желтею и вяну... О боже, доколе
я с шахом души моей разлучена?

Тоскую, и места себе не найти мне.
Рыданьем от горькой беды не уйти мне.
Рыдает тулпар о своем господине,
и земли цветущие стали пустыней —
с весною, как сад мой, я разлучена!

О конь, на котором любимый мой прибыл!
Лихого йигита скакун долгогривый!
Подумай, как славно скакать мы могли бы!
Рыдаю, ворочая памяти глыбы,
с батыром пленительным разлучена...

Как быть мне с моею несчастной судьбою?
С погибшим любимым, с погибшей любовью?
Ведь он за меня расплатился собою!
Как быть мне с моей неизбывною болью?
С любимым и любящим — разлучена!

Да будет моей твоя каждая рана,
чтоб сила к тебе воротилась обратно.
За жизнь твою — жизнью пожертвовать рада,
лишь был бы ты жив, о мой свет и отрада,
с которою ныне я разлучена!

Ты пал — за меня это горькая плата!
О, лучше б сама я ушла без возврата,
а жизнь молодца — непомерная трата...
Я плачу, любимый, уходишь куда ты?
Со львом моим, с барсом я разлучена.

В жестоком бою за Далли пострадал ты.
Не кровь ли свою, иссеченный, глотал ты?
Зачем за Далли изрубить себя дал ты?
Дала я, Далли, себе слово когда-то:
умру я, со львом моим разлучена!

Увы, молодца я лихого не вижу!
Увы, я лица дорогого не вижу!

Зачем за меня ты в сражение вышел?
Ты пал или ранен — но силою высшей
с моим нареченным я разлучена.

Всё знаешь ты, боже, мой дух испытую:
коль пал он — пусть тоже с ним рядом паду я.
А жив он — любимым бездорожьем пойду я,
свою в него жизнь перелью молодую!..
С нежнейшим султаном я разлучена.

О нет, Хан-Далли не оставит супруга,
не бросит в несчастье отважного друга,
другому вовеки — любовь ей порука! —
отдать не решится ни сердце, ни руку,
с любимым единственным разлучена.

Летать не попробовав, крылья сломала!
Упал мой скакун — не достиг перевала.
Беды было много, а радости — мало.
Недолго речам дорогим я внимала,
с душой, дорогою мне, разлучена.

Мой тур, пораженный несчастьем ранним!
Неужто смертельно судьбою ты ранен?
Далли изнывает в отчаянье крайнем
и дух твой — святым поручает стараньям,
с единственной радостью разлучена.

О боже, дорогой неисповедимой
верни — сохрани моего господина!
Из вражеских рук его освободи — но
со мной его снова сплоти воедино:
с души половиной
я разлучена!

Утрачу его я — утрачу надежду.
Я ради любимого пояс надену,
и душу я не пожалею на дело
спасенья, дойду до любого предела,
с блаженством души моей разлучена.

Орла Чамбильбея в горах подстрелили —
кто тропку проложит к безвестной могиле?

Далли без супруга то сетует — или
тулпар без хозяина бродит по пыли,
с йигитом прекраснейшим разлучены?

А где Гороглы, Чамбила полководец,
Аваз несравненный, отваги колодец?
Где матушки-пери? Одна только бродит
Далли — и следов никаких не находит
любимого, с кем она разлучена.

Где сорок друзей — из Чамбила дружина,
что так своим другом всегда дорожила?
Едва ль о беде им душа доложила!
Одна лишь рыдает Далли на вершине,
с йигитом любезнейшим разлучена.

«Когда б я могла повстречаться с роднею —
была бы и боль, может статься, иною:
так легче справляться со жгучей виною
и с этой мертвящей тоской ледяною...
А нынче — со всеми я разлучена!

О милый йигит мой! Несносна разлука,
порадовать нечем ни взора, ни слуха.
Мне горы о нем — не доносят ни звука.
Что женщине впору? Слаба я, подруга
могучего бека, с кем разлучена!

Я плачу, молюсь, становлюсь на колени,
аллаха молю, ниспосли исцеленье!
Сама ведь умру я — имей сожаленье...
Расцветший цветок — не добыча для тленья.
Ужели навечно я разлучена?

В горах Дагестана тоску мою спрячу,
и жизнь уподобится вечному плачу.
Коль светоч угас, чем я ночь обозначу?
Судьба моя — саван. Не будет иначе,
коль с милым навеки я разлучена.

О боже, открой мне в своем приговоре,
что делать Далли? Я сгораю от горя,
и угли разлуки сожгут меня вскоре.

Не лучше ль с ним вместе мне сгнуться в
предгорье —
с любимым султаном, с кем разлучена?

В ином бы краю очутилась я ныне,
была бы всегда при своем господине.
Сказал бы он: „Милая, что с тобой? Ты не
горюй, мы в раю, а не в прежней пустыне!
Вовеки не будем мы разлучены...“»

Распустив волосы, разодрав щеки,
Далли господина поминает несчетно,
наклоняется к нему — а Хасан-батыр
всё еще в себя не приходил.
Далли своего милого приподымала не раз,
отсасывала кровь из открытых ран,
а Хасан никак в себя не придет,
лежит, не видит ее забот.
Тогда Далли, осиливая горе,
вот о чем подумала вскорее:
«Я тут сижу,
ни за чем не слежу,
кроме его раны,
а вдруг из вражьего стана
кто-то следом прокрался
да и глядит,
как батыр мой прекрасный
недвижим лежит?
А я им всё показываю,
кровь из ран отсасываю!
Вернутся в свой стан,
скажут, всё, мол, умер Хасан,
а если и жив,
то как мертвый лежит,
всё едино...
И придут войском, убьют моего господина,
а меня заберут в полон —
что я буду делать потом?..»
Страху и впрямь на себя нагнав,
встала, огляделась по сторонам
и решила: «Вот что сделать пора мне,
чтоб враги не догадались о его ране.
Переоденусь, сяду на Гиркука,
возьму клинок исфаханский в руку,

вниз спущусь
да им покажусь.
Издали увидят меня с мечом —
не догадаются нипочем.
Все подумают: это сам
мой могучий господин Хасан!
Он же их напугал, они же
сами не решатся подойти ближе...»

Так она и сделала:
шлем надела,
натянула кольчугу,
взяла саблю в руку,
села на Гиркука,
поводья натягивает смело...
А конь — ни с места.
Она его — к тропе, а он без поводьев
снова и снова к Хасану подходит...
Слыхано ль такое вовек?
Конь — умнее, чем человек!
К хозяину тянется головой,
нюхает воздух — ты, мол, живой? —
стоит, смотрит,
слезы на морде...

У Далли как игла до сердца дошла:
«Милый,— думает,— верная душа!
Бывает же, вложат
такую в лошадь!
Видишь, какая у хозяина рана?
Враги догадаются, поздно или рано,
придут сюда,
а тогда — беда!
Хозяину смерть, а мы оба
их добычей будем до гроба.
Я ж хочу сама
их ввести в обман.
Не думай, Гиркук, не брошу друга,
мне ведь тоже страшна разлука!..
Давай-ка покажемся им с тобою
в этих доспехах, готовые к бою.
Тогда испугается вражья рать
и не подумает его искать.

Милый, ты был ему другом один,
когда сражался мой господин.
О вышний дар благословенный,
о мой тулпар благословенный!
Было бы лучшим из всех даров,
если бы встал господин здоров.
Тебе твой хозяин нужен,
а я бы осталась с мужем!»

Так она говорила коню:

«Сколько войска — как в речке воды!
Перекрыли пути и ходы.
Моего господина тулпар —
Чух! Навстречу врагам выходи!

И не думай: Далли, мол, слаба,
поневоле попала сюда,
поспешит к кизилбашам сама...
Нет! Навстречу врагам выходи!

Покорил меня твой господин,
розу страсти в душе посадил,
что мне мой Эрзерум, посуды?
Чух! Навстречу врагам выходи!

Ты пойми: его рана в груди —
у меня неустанно в груди.
Боль Далли — без обмана, гляди!
Ну! На вражеский стан выходи...

Пусть о том не узнают враги,
что сражаться ему не с руки.
Отвести им глаза помоги.
Чух! Навстречу врагам выходи!

Мы поедem, на них поглядим,
бросим вызов, как твой господин —
кто, мол, хочет — один на один?..
Ну! Навстречу врагам выходи!

Подозреньем меня не дари —
поглядит и вернется Далли.
Здесь душа моя, а не вдали...
Чух! На вражеский стан выходи!

О тулпар, ты ведь конь из коней,
нету лошади в мире стройней.
Вот задача — мы справимся с ней!
Чух! Навстречу врагам выходи!

Милый конь, поторопимся вниз,
вон враги наши — глянем на них:
вдруг да кто в нашу тайну проник?..
Чух! Навстречу врагам выходи!

До сих пор не открыл он глаза...
У тебя на реснице — слеза.
Только медлить нам больше нельзя!
Чух! Навстречу врагам выходи!

Ты не бойся — я буду верна,
послужу господину сполна.
Широка у тулпара спина —
ну, навстречу врагам выходи!

Покажусь я — а вражьи глаза
пусть представится: это Хасан.
Помоги же мне в этом и сам!
Чух! Навстречу врагам выходи!

И прошу я лихого коня:
сам признай ты батыром меня!
Обману — не прожить мне и дня!
Ну — навстречу врагам выходи...»

Гиркук, Хан-Далли послушав,
поднял уши,
вздыбил гриву,
по-жеребячьи заржал игриво --
и пошел тулпар по-разному,
то, как архар, ноги выбрасывая,
то по-оленьи
без утомленья —
выпустил крылья из подмышек,
жаром пышет,
несет Далли.
Вон они подошли
к стану врага.
Только их увидали войска,
так и решили:
это Хасан спустился с вершины!

Вдвойне ныне
все приуныли...
Почему? Да ведь стрелок Туклибай
хвастался, что в Хасана попал:
«Я,— говорит,— его ранил». Другие
спорили — нет!
Теперь все зашумели: «Вот тебе и ответ!
Как же, попал ты в него, попал!
Лучше б ты от стыда пропал,
стрелок меткий,
обманщик мелкий...»
Нападают на него со всех сторон:
«Эй, мол, ты, убийца ворон,
ты, мол, прав, ты его ранил!
А теперь, славы ради,
выходи давай,
еще постреляй,
посмотрим, как ты теперь попадешь,
может, совсем его убьешь?
Под камнем лежал, в небо целил...
Говоришь, попал, а он целый!»
Но у кого-то в войске был острый глаз,
посмотрел — всё понял враз.
«Эй,— кричит,— друзья, не ругайте Туклибая,
он его ранил, правда святая!
Конец наших бед —
это не тот узбек!

Туклибая, друзья, не ругайте,
чести бая зазря не роняйте.
Он ведь правду сказал, Туклибай —
он в узбека попал, не иначе!

Тот узбек — как река в половодье.
Этот — гляньте, как держит поводья!
Может, это узбек — да не тот!
Это попросту за нос нас водят...»

И служивые смотрят, толпятся,
как-никак, а пора разобраться!
«Эй, не баба ли там, молодцы?
Посмотрите как следует, братцы!

Подлецу уличенному стыдно,
но овцу-то под шерстью не видно.
Не шумите, раскройте глаза —
по лицу неужели не видно?

Караванщика счастье — в верблюде,
но напитка цена — не в посуде!
Это точно, что всадник не тот —
но йигит или женщина, люди?

Ишь, он храбрость великую кажет —
выходи, мол, расправимся с каждым!
А в седле-то — как баба, сидит...
Это баба! Вглядитесь пока что!

Сдох узбек иль покудова жив он —
только там, на вершине, лежит он.
А Далли натянула доспехи —
и надуть нас, служивых, решила!

Торопитесь, друзья, не робейте,
Туклибай не ошибся в узбеке,
окружайте скорее Далли,
что одела мужские доспехи!

Наконец-то мечом, а не словом
мы с виденьем расправимся злобным.
Эй, поймайте сперва Хан-Далли,
а потом и узбека изловим!»

Люди в войске воспрянули духом,
говорят друг с другом:
«А седок-то и впрямь с конем не слит,
ноги растопырены, гляди, как сидит:
вот-вот свалится...
Это не тот, чего сомневаться!»
Хан-Далли тем временем приблизилась еще,
пику — в землю, саблю — на плечо.
Видит, войско огромное, за рядами ряды,
как на базаре возле Урды,
гул, топот,
всё в пыли тонет.

Хан-Далли раздумывает. А Гират
промедленью не рад —
весь кипит он,
бьет копытом.
Хан-Далли на миг обо всё забыла —
сама опьянела от его пыла.
«Если,— думает,— я так и уеду обратно,
они не поверят, что всё это правда!
А спущусь-ка я к ним... быть посему:
привяжу накрепко две сабли к седлу,
чтоб держались сами,
с каждой стороны по сабле,
дам камчи коню,
на них погоню,
не разбирая дороги —
две сабли срежут по пояс многих!
Они потом разберутся в уроке своем —
подумают, что мы были вдвоем!
О, помогите, гайиб-эраны,
честь батыра не уронить,
меня поддержите, как вы б могли
оказать поддержку Гороглы,
о беде моей вспомните,
не оставьте без помощи!
О аллах, обрати взоры,
дай уйти от позора!»

И говорит она войску:

«Покажите себя, молодцы:
нас послали сюда, мол, отцы!
Эрзерумские храбрецы,
выходите-ка по одному!

Всех, кто выйдет, кто драться горазд —
уложу в дагестанских горах,
от стыда остальные сгорят...
Выходите же по одному!

Не один покажу вам прием,
не в один уложу вас прием!
Каждый ляжет один, не вдвоем...
Выходите же по одному!

Пусть я здесь — ваш единственный враг,
ну а вас и сочту я навряд —
всё равно вы уляжетесь в ряд...
Выходите же по одному!

Выходите, кто вправду батыр!
На храбрейших я в бой выходил.
Все прольете вы кровь, как один...
Выходите же по одному!

Свою ненависть к вам — не таю.
Так послушайте клятву мою:
всех свалю я в жестоком бою!..
Выходите же по одному.

А не то вас конем растопчу,
как баранов, предам вас мечу,
дыни глупых голов размечу —
лучше выйти вам по одному!»

Бой жесток. Выживает не тот, кто проворней.
Нам победа даруется только по воле
всеблагого, что ведает наши дела!..
И, решившись, Далли отпустила поводья.

И, оскалась, Гиркук разъяренный несется,
по привычке проклятое войско трясется,
и врзается разом в ряды Хан-Далли,
по привычке стегая камчой иноходца.

Замахнется Далли исфаханскою саблей —
и от тел отделяются головы сами!

И глядят, и вопят, и бегут кизилбаши,
и копытами топчут соратников павших.

Храбрецы хоть молчат, но дрожат от испуга,
а уж трусы вопят, оглушая округу!

И, к святым обращаясь — и к нашим, и к вашим! —
гибель молит Далли ниспослать кизилбашам.

И стегает камчою лихого Гиркука —
тот как птица летит и ступает упруго.

И, увлекшись победой, сражением жарким,
жертвы новые ищет красавица жадно.
Так отлично ведет с кизилбашами бой,
что прервать мой рассказ о ней — попросту
жалко

Хан-Далли мы долг уплатили,
теперь послушаем о Хасане-батыре.
Холодная была земля —
Хан-Далли уехала, он пришел в себя.
Видит, лежит на месте старом —
в горах Дагестана.
Да только рядом —
ни Далли, ни Гирата.
«Эх, — думает, — она меня мертвым сочла,
взяла Гиркука да и вниз сошла.
И раньше она
любила этого скакуна!» —
так он с жизнью прощался,
от всего отвращался.
«Наверное, — говорит, — мой жребий таков:
умереть на чужбине, без друзей, средь врагов!»
Тут слышит: кто-то вокруг суетится.
А это птицы:
ворон черный, ворон серый,
сороки, орлы, орланы — все они
кружат, окружают,
мяса жаждут.
Застонал он, зарыдал,
руками на птиц замахал.
«Эх, был я здоров, врагов косил,
а нынче птиц отогнать — и то нет сил!»
И так, в горести, возгласил:

«Среди гор Дагестана высоких
сад мой высох, исчерпаны сроки.
Но Хасан ведь пока еще жив —
кыш вы, прочь, воронье и сороки!

Пылью скорби мой взор запорошен,
ищет сердце забвения в прошлом.
Но Хасан-то пока еще жив —
кыш, а то ведь и камень доброшу!

Здесь, в горах, я в беде неустанно,
мне и камни враждебными стали.
Но Хасан ведь пока еще жив —
кыш вы, прочь, воронье Дагестана!

Нынче всех я слабее в народе:
вот, лежу я — покойника вроде.
Но покуда Хасан еще жив —
прочь, ворон дагестанских отродья!

Был я крепок и духом и станом,
когда прибыл в края Дагестана.
Но Хасан и теперь еще жив —
кыш вы, прочь, распроклятая стая!

Что с рябою красоткой водиться?
Расточитель в купцы не годится.
Хоть и ранен Хасан — но живой:
прочь вы, прочь, распроклятые птицы!

Нам от века враги — кизилбаши.
Нет сочувствия в лагере вражьем.
Эй, вороны, Хасан еще жив —
вы не щелкайте клювами в раже!

Я живой, хоть на труп и похож я,
кровь не вытекла, ходит под кожей.
Но умру я на этой горе,
тут мой час и придет непогожий...

Я — луна, что затеряна в туче.
Я — пылинка на длани могучей.
Ты, создатель, оставил меня
и напрасной надеждой измучил.

Я ведь путь свой отвагой прославил —
я Далли сюда смело доставил.
Знай отец мой о горе моем —
он с врагами бы запросто сладил!

Но и ведать не ведает ныне
Гороглы об израненном сыне.
Не узнает и брат мой, Аваз,
о моей неотмщенной кончине.

Верблюжонком, оставшим от стада,
я тоскую в горах Дагестана.
Слезы лью — словно сыплю я соль
на свои неотмщенные раны.

Сам обиды свои не сквитаю.
Я к стопам Гороглы припадаю:
я твой сын, хоть тобой не рожден,
поводырь мой, Кааба святая!

О храбрейший! Из соколов сокол!
Брат Аваз мой, парящий высоко.
Вы, лихие друзья-храбрецы!
Прощайтесь со мною, все сорок!

Вы-то в прежнем расцвете и силе,
а Хасану подрезали крылья.
Умираю один на горе,
чернобровые барсы Чамбилла!

Умирает Хасан, умирает.
Его горечи не умеряет
свет надежды в чужой стороне.
Он, как чистый цветок, увядает,
он прощается, не осуждает,
но тоска его гложет вдвойне.

Конь мой серый, как в битву вступал он!..
Оказался он истым тулпаром —
и отчизне последний привет
отправляет со мною на пару!..

О отчизна так и явмута!
Наступила такая минута.
Улема и служилый народ,
и ученые мудрые люди,
и наставники наши, и судьи —
в этот час снисходительны будьте:
на дороге застиг меня рок.
С тяжкой раню неотмщенной
горько плачет Хасан — как ягненок,
заблудившийся в долгом пути.

Бек Чамбиля и сын Темиршаха —
ухожу я с желанием жадным:
хоть по смерти отмщенье найти!»

Смотрит Хасан — в глубине голубой
пять журавлей над его головой.

Словно какую несут весть —
ниже спускаются, собираются сесть.

Ах вы, милые!

Переполнило у него душу,

сердце защемило,

слезы душат.

Он им говорит: «О священные журавли!

Вы теперь полетите до нашей земли,

на озеро Явмут,

где так живут

на Чамбиля-перевале,

где и мы пировали,

озоровали —

там отдохните один-два дня,

передадите привет от меня.

Я вместе с вами оттуда умчал,

да, видать, в неурочный час:

эта земля меня ждала,

тут и смерть меня нашла,

тут расклюют мои останки,

на вершине гор дагестанских.

Ухожу я из этого мира,

а вы, журавли мои милые,

если сядете когда

на озере Хавдак,

увидите Гороглы-бека, увидите Аваза —

мой привет передайте сразу.

От Хасанхана-сына, от Хасанхана-брата —

он, мол, не вернется обратно,

умер в глуби дагестанских гор,

где никого не видать кругом,

только — вот они! —

стервятники да вороны,

да мы подлетели перед концом,

он и попросил попрощаться с отцом,

да с матушками-пери, да с братом Авазом

всех перед смертью вспомнил вас он...

Так и скажите, милые журавли,
когда долетите до нашей земли,
до милого нашего Чамбила,
куда мне вернуться — не судьба была...»
И говорит он журавлям:

«Я прежде не жаловал вас, журавли,
летающие в сторону нашей земли!
Спешили вы по небу, я — по дорогам:
по-разному наши пути пролегали.

А ныне душа обращается к вам —
прошу вас, прислушайтесь к этим словам
Вы помните озеро — синий Хавдак наш,
где вы опускались на долгий привал!

Мы вместе наш край покидали родной,
но тяжкая рана покончит со мной,
а вы полетите к пределам Чамбила...
Так не облетайте его стороной!

Любая пора нам в отчизне милей.
Летите смелее, семья журавлей!
Пускай в журавлином домчится рыданье
печальная весть о кончине моей.

Когда же придет Гороглы на Хавдак —
вы, верные птицы, устроите так,
чтоб бек вас услышал — и сразу же понял,
о ком журавлиный рыдает косяк...

При первом ли крике, при крике ль втором —
поймет он, что стал я добычей ворон,
что умер Хасан в глубине Дагестана,
под холмиком маленьким захоронен...

Поймет — и заплачет
от мыслей от тех.
«Мой львенок, мой мальчик,—
заплачет отец,—
один ты остался, в беде, без надежды,
забытый, заботой моей не одет...»

О, как я в трясине страданий увяз!
Пусть плач мой останется в сердце у вас.
Его вы рыданьем своим повторите,
когда повстречается брат мой, Авáz.

Утратил я волю
от милых вдали.
Почувствуйте горе
мое, журавли —
и всем сорока расскажите батырам,
в какой меня доле
печальной нашли.

Я ранен смертельно — и не отомщен.
Один я — и нет мне отрады ни в чем.
Коль матушек-пери вам встретить придется —
слезам их и пеням утратите счет!

Пришла ко мне смерть моя в ранней поре,
нашла меня смерть на высокой горе.
Добравшись до дому, о том расскажите
моей горемычной молочной сестре!

Печаль передайте мою, журавли,
всем людям, всем жителям нашей земли.
Поведайте каждому о положенье,
в котором меня, горемыку, нашли!

Твердит соловей
неизменный обет.
Я силою всей
не отбился от бед.
Когда, журавли, вы до нас долетите,
народу всему передайте привет.

О милые птицы, не сбейтесь с пути,
дорогу в пустыне не просто найти.
Не бойтесь в Чамбиле приблизиться к людям
и бедный привет мой до них донести.

Скажите, мол, умер он с жаждой в душе,
ждал помощи — и не дождался уже.
В земле кизилбашей, в горах Дагестана
он умер на дальнем, чужом рубеже.

Послушайте, птицы, — прощаться пора!
Смертельно у сердца зияет дыра.
И свет этот белый мне кажется черным...
Вы там про мои расскажите дела!

Как дым, что над домом —
беспечен я был,
но горестей вдоволь
потом накопил.
Пора, журавли! Улетайте, живые!
А я уже мертвый — мой срок наступил.

Прощайте! И я бы отправился вслед,
но мост мой обрушен, и свет мой ослеп,
и ждет меня нынче другая дорога —
не свод поднебесный, а каменный склеп.

А был я в сражениях страшен врагам —
в бою проносился что твой ураган!
И что же? Один я у черной могилы,
и рока видна надо мною рука.

Детей нарожайте четыре иль пять.
Родить одного — лучше камни рожать!
Коль пятый умрет — над ним четверо плачут.
Один — одиноким и будет лежать.

Горька одиночества злая беда.
Досталась Хасану такая звезда!

Наследник Чамбила, прославленный бек,
друзей не считал я, не ведал я бед.
Теперь умираю один на вершине,
вблизи — никого, кто давал мне обет!

Был шахом, а нынче — как нищий пастух!
В тоске обнищали и тело и дух.
Лежу, умирая, один на вершине —
мой разум, как свечка под ветром, потух.

Враждебна и мощь окружающих гор.
Враги! — Ни единого друга кругом.
Один умираю, не чая отмщенья:
оно не настигнет коварных врагов.

На черной вершине проклятой горы
ни брата со мной, ни отца, ни сестры.
Напрасны надежды:
не явятся те, что
считались друзьями с давнишней поры!

Текущая медом — иссякла река.
Могучая — мигом ослабла рука.
Дешевле песка оказалась на деле
та жизнь, что казалась мне так дорога.

В бою был я грозен, подобен грозе
и льву — в его поздней, жестокой красе.
Гордыня сгубила: так поздно я понял,
что так же подвержен я смерти, как все!

Бедой роковою подкошен — я слег.
Кровавы следы от катящихся слез.
Я сын Гороглы, и зовусь я Хасаном.
Умру, не услышав сочувственных слов!

Нет жизни надеждам моим впереди.
Что делать? И сердце изныло в груди.
Ушли моя радость, и власть, и богатство,
и в милый Чамбиль молодцу не дойти.

Сгорая от горя,
отчаялся я.
С отчаяньем в споре
лишь совесть моя.

Я верил во встречу,
когда уходил.
О боже, навечно
теперь я один.

Увижу ли в высях
друзей и родных?
У губ моих высох
надежды родник.

Как темен мой жребий и полдень мой сер!..
Рыданья, как дань, собираю со всех...
Увы, одиночество съело надежду,
а разум мутится и гаснет совсем...»

Всё высказал он журавлиной семье,
что, горем томимый, таил он в себе.
И вот закрываются очи Хасана,
лежит он недвижим на голой земле.

Так прощался с жизнью Хасан,
плакал, волю дал слезам —
да и опять закатил глаза.
Возвратилась Далли, глядит —
он без памяти еще лежит.
«Вот беда,— говорит,—
знать, задело внутри,
не приходит в себя,
не посмотрит сюда...»
И в печали,
головой качая,
коня привязала,
подходит к Хасану.
А Хасан постонал слегка —
и очнулся,
как бы издалека
вернулся.
Глядит — да никак
Далли в ногах!
С силами собрался,
чуть приподнялся —
уж так он рад,
что не чует ран! —
и без упрека
говорит негромко:
«Хан-Далли, милая, что с тобой случилось?
Я-то верил: ты меня не оставишь.
А тут, гляжу — ни тебя, ни коня...
Ну, думаю, бросила меня.
Уехать рада,
оседлала Гирата,
в седло вскочила —
не дождалась моей кончины.
А могла хотя бы похоронить,
камнями прикрыть,
чтобы птицы и звери
не склевали, не съели...
Так я думал, надежду гасил,
одиноким лежал, без сил,

горевал безутешно
да рыдал безудержно...
А теперь ни к чему пустая речь —
ты пришла, не страшно и умереть».

Плачет Далли, на такие слова
она ему отвечает сама:
« Да поможет создатель моему господину
быстрее встать живым, невредимым!
Вы еще молоды, а кто молод —
того смерть победить не может...
Вы о смерти
и говорить не смейте!
Вам, наоборот бы,
думать о здоровье,
себя не запугивать,
меня не запугивать.
Умрете — брошусь с высокого камня,
себя порешу своими руками,
без вас мне не жить, вы у меня один...
Вам ведь уже лучше, мой господин!
Денек-другой полежать надо бы,
а там уже можно и вставать на ноги!..
А когда вы приехали да без памяти слегли,
то-то плакала ваша Хан-Далли.
Потом подумала — и страшно стало:
мы одни посреди Дагестана.
Вдруг, думаю, мой господин
ехал не один —
хитрец какой-нибудь за ним следил?
А теперь, как крыса,
за скалой укрылся,
видит мое горе,
смекнет вскоре,
вниз пойдет,
своих приведет,
вам будет плохо,
нам будет плаха...
Вот и надела я ваш доспех,
стала, как настоящий узбек,
села на Гирата, спустилась вниз —
хоть бы страху нагнать на них.
Не своим, а вашим видом!..

А вы думали, я вас выдам?..»
Так они разговаривали.

А у Хасанхана
опять разболелась рана.
Еле дышит,
лежит недвижим.
Хан-Далли раз в три дня
садится на коня,
но в бой не рвется —
покажется и вернется.
А враги и рады,
им того и надо,
а то, думают, бои бы шли —
из нас бы сколько полегли?..
Ладно, мы их в покое оставим
и Далли с Хасаном тревожить не станем —
поговорили об этом.
Давайте встретимся с Гороглы-беком.

С тех пор, как с Хасаном распрощался Гороглы —
прошло, наверное, месяца три.
Спрашивает везде —
нету вестей.
Думает Гороглы: «Скажи на милость,
что бы ни случилось,
там или здесь,
нет или есть —
какая-то ведь должна быть весть?»
О Хасане сердце у него болит —
он своим йигитам говорит:
«Э, сорок молодцов, в самом-то деле,
весна, журавли прилетели.
Почему же Хасан
не едет сам,
о себе не скажет путникам и купцам?
Может, связаны руки?
Сидел бы он на Гиркуке,
ездил как хотел —
давно бы уж прилетел!
Я его знаю: он без причины
медлить не станет вдали от отчизны.
Ну, скажите сами:
отчего нету Хасана?..»

И говорит он
своим сорока йигитам:

«От горя на сердце как гири легли.
Чьи плечи бы вынести это могли?
Вот птицы вернулись — а где же тулпар мой?
Ведь он быстролетнее, чем журавли!

О сорок йигитов, друзья Гороглы,
Ахмад и Халдар — вы б сказать не могли:
коль птицы вернулись, то где же тулпар мой?
Ведь он быстролетнее, чем журавли!

Беспечный не видит того, что вдали.
Аллах, храбреца — и умом надели!
Вот птицы вернулись — а где же тулпар мой?
Ведь он быстролетнее, чем журавли!

Гиркук, если мчится, как птица летит.
Нажмет, изловчится — обгонит и птиц!
Он в беге обставит крылатую стаю,
любого у цели он опередит.

Крыло из подмышек — как вспышка из мглы.
Любого на нем обгонял Гороглы!
Но птицы вернулись — а где же тулпар мой?
Ведь он быстролетнее, чем журавли!

Небось, как мальчишка, Хасан поспешал
и в сети врага, как олень, забежал —
не то бы давно его конь мой доставил
обратно, на волю, к родным рубежам.

А впрочем, ведь конь не поддастся и сам,
не даст, чтобы сделал ошибку Хасан.
Скаун мой — хитрей и умней человека,
уловку врага он поймет по глазам.

Мой конь седоку и защитник и друг.
Однако доселе не прибыл Гиркук!
С Хасаном дурное стряслось, не иначе!
А то бы с чего он опаздывал вдруг?

Хасана лихого куда занесло?
А вдруг да настигло какое-то зло?
То ль ранен, то ль болен? Гират бы не медлил,
когда бы взобрался седок на седло!

В тревоге я, места себе не найду.
То верю в беду, то не верю в беду.
Давно он прошел уже, срок возвращенья,
но нету Хасана, и я как в аду.

Дивитесь, о беки, что веки мокры?
Хасан ни словечка не шлет Гороглы!
Тулпар мой в полете обгонит и птицу,
а где он? Вернулись уже журавли!

Коль нету известья —
печальны дела.
Душа не на месте
в предчувствии зла.
Где сын мой, Хасан? Уже время вернуться!
О, только беда бы его обошла...

Был выбран из многих в дорогу Хасан,
без войска, без друга — отправился сам.
Аллахом клянусь, он в плену или ранен!
Не то бы отцу он известье послал...

Эй, сорок йигитов,
вернемся домой.
Судьба его скрыта
безвестности тьмой.
Но что-то, ей-богу, с Хасаном неладно...
Любая бы весть — но сомненья долой!»

Охотясь на озере синем,
вспомнил Гороглы-бек о сыне,
подумал и о коне,
стоя среди камней,
и видит: кружится над озером Хавдак
пятеро птиц — журавлиный косяк.
А журавли были те самые,
которых Хасан в горах Дагестана
просил отвезти на родину весть.

Кружат журавли, собираются сесть,
вытягивают шеи,
и Гороглы, глядя на их круженье,
почуял: всё это неспроста.
Шлет весть Хасанхан в родные места!
И Гороглы так им говорит:

«Из края в край, минуя полземли,
летите вы отважно, журавли.
Так и Хасан мой отбыл из Чамбила —
не от него ль вы вести принесли?»

Он с вами вместе вышел в путь, Хасан —
под ним Гиркук от радости плясал.
Вы мне о нем по-своему скажите —
пойму ль я всё по вашим голосам.

Увидев вас, я в горести застыл:
я вспомнил, как Хасана отпустил...
Что ж, милые, кружитесь над Хавдаком,
чтоб я вас о Хасане расспросил.

О, если бы от вас я услышал,
что жив-здоров мой сокол Хасанхан,
что он свободен и придет скоро...
я золотом пути бы усыпал!

А если пал мой сын, Хасана нет,
не смотрит больше он на белый свет,
тогда, о журавли, кружитесь влево!
Смотрите же, не спутайте ответ...

Когда ж мой сын, батыр мой, длит свой век
и смерти обольщения отверг —
тогда, о журавли, кружитесь вправо!
Смотрите же, не спутайте ответ...

Пусть ветер песню горькую поет —
следить я буду быстрый ваш полет.
Кружитесь вы направо иль налево —
а я узнаю: жив он иль полег...

Мой сын — краса своей родной земли.
Кружитесь же, летите, журавли:
направо — он живой, налево — умер...
А вдруг ему лишь рану нанесли?

Хасана нет — и ночью или днем
я думаю об этом об одном.
Тоскую я по соколу Хасану
и жажду вашей весточки о нем.

Страшней смертей, дороже всех даров
мне эта весть с неведомых дорог.
Летите ж влево, если сын мой умер,
летите вправо, если он здоров!»

Так говорил в печали Гороглы,
его речам внимали журавли.
Два круга вправо и два круга влево
они над синим озером прошли!

Бек Гороглы взволнован, как река, —
в нем страх и боль за сына-смельчака.
Ведь всё понятно: жив Хасан, но ранен!
Слеза из глаз, и на мече рука...

«Друзья мои, дружинники, сыны,
вы, словно львы, отважны в дни войны.
Послушайте, ваш брат и сын мой — ранен!
Мои призывы к вам обращены.

Как вестники, спешили журавли:
он, раненный, лежит в чужой дали.
Вот почему не прибыл он доселе,
когда настали сроки и прошли...

В чужом краю отчаялся, ослаб —
и журавлей за помощью послал.
А мы охотой тешимся, не зная,
что Хасанхан томится в лапах зла!

Я, молодцы, на поиски пойду,
с собою вас, дружину, поведу.
Хасан один — и ранен! Вот беда-то...
Но поспешим — и отвратим беду.

Хасан был молод... Молод, а, ей-ей,
отвагой старше всех богатырей!
Но ранен он, и с ним Гират остался:
чем бросить друга — он умрет скорей.

Хасан был молод — и пути не знал:
плутал в песках иль среди острых скал.
Врагами ранен, сам ли пострадал он —
но он домой недаром опоздал...

Постигла сына моего беда,
грозит ему жестокая орда.
Я всё прочел в круженье журавлином —
Хасан не зря направил их сюда!

Стон журавлей пронзит сердца насквозь
Но разве беки не тверды, как кость?
Мы — кость народа! Слушайте ж, батыры,
и слов не истолкуйте вкривь и вкось.

Те, что Хасана поразить смогли —
оставят рану в сердце Гороглы.
А Хасанхан зовет отца в томленье,
и ждет, и смотрит, и глаза мокры...

Лишь вспомню, как страдает молодец —
и словно в ад сошлет меня творец.

Подумаю, что ранен он лежит —
и разума аллах меня лишит.

Не поспешил я вслед за молодцом —
выходит, я не стал ему отцом!

Лежит один он, ветер след замел.
Сынок мой милый, как цветок завял!

Что за охота средь пустых полей?
Как пуля в грудь — известье журавлей.

Бездетного, счастливца, пожалей.
Коль гибнет сын — что в мире тяжелей?
Домой, домой! Какая тут охота,
после жестокой вести журавлей!

Но пусть не жжет отчаяние грудь —
с утра, о беки, мы выходим в путь!
Пойдем искать — отыщем Хасанхана.
А ты, создатель, нам вожатым будь!

Я, беки, тверд в решении таком.
Да и для вас слова мои — закон.
Хасан в беде, и ждет подмоги вашей.
И не беда, что путь нам незнаком!

Народ отважный,
слушайте меня:
готовьте каждый
своего коня.
Всё, что имею, на поход потрачу.
Хасан нас ждет — нельзя терять ни дня!

Не отводите, храбрые, глаза,
а затяните туже пояса.
С утра в седло — и в дальнюю дорогу!
Не мешкайте — подмоги ждет Хасан!

Чамбилы! Отчизна всем нам дорога.
Но стыдно тут отлеживать бока.
Да, я богат — но всё отдам за сына!
Найти Хасана — честь для сорока.

У Гороглы оружие не дрожит.
Его завидев, Грузия дрожит.
Эй, сорок тигров, в путь! Найдем Хасана.
Пускай минутой каждый дорожит.

С утра сходитесь, храбрые, ко мне,
и там садитесь разом на коней.
Хоть мир пройдем, отыщем мы Хасана —
сто дней потратим или тыщу дней...»

Вернувшись с озера Хавдак,
Гороглы сказал йигитам так:
«Сегодня идите ночевать по домам,
но чтоб я вас утром не подымал:
с утра, в доспехах, сюда, к порогу —
завтра выходим в путь-дорогу».

Поняли йигиты,
что за путь предстоит им:
в дальние страны,
искать Хасанхана.
Идут, толкуют втроем, вчетвером:
«Искать-то поищем, да где найдем?
Гороглы упрям, согласится не с каждым,
но давайте всё ему скажем —
пойти, мол, можно, да вернемся пустыми:
мыслимо ль искать в бескрайней пустыне?
Если вор вола не свел,
значит, поблизости бродит вол.
А человека не привяжешь к месту.
И разве в песках отыскать примету?
Там ли он, здесь —
бог весть.
А так — поди,
попробуй найди!»
Пуще всех Яртабай-аксакал
ярился, воздух рукой рассекал,
шею вытягивал что есть мочи,
знай говорит — остановиться не хочет:
«Эй, молодцы, йигиты-братцы,
сами подумайте — пропади вас хоть двадцать,
этот, чьи жены не рожают детей, —
стал бы ждать он от вас вестей?
Да он бы вас и не вспомнил,
другими дружину пополнил.
Но шум и гам начинается сразу,
если касается Хасана и Аваза.
Эй, сорок дружинников! Не считайте меня негодяем,
мы все когда-то на тот свет угадаем,
но вы-то, друзья,
пропадете зазря —
из-за Аваза да из-за Хасана.
Меня уж не будет — увидите сами.
Скажете — прав был Яртабай-аксакал,
я не послушал его — и пропал!
Я не шучу и не стану врать.
Знаете ж: «Сожаленье — поздний враг».
Сейчас не послушаете — вспомните после,
только будет-то уже поздно.
Спешите, повинуйтесь Гороглы-беку —
сами потом пожалеете об этом.

Вот, скажете, когда мы прозрели!..
Сейчас откажитесь, пока есть время.
Ведь этот Хасан-то поехал так —
наобум, куда глаза глядят.
На отсечение даю руку —
он не доехал до Эрзерума!
Я это вам доказать берусь:
мы ж его знаем — он трус.
Пока денежки имел при себе,
сидел в чайханах навеселе,
пил, обедал,
за бабами бегал,
проиграл коня — и пошел пешком...
Тоший вернется, иссеченный песком.
Он и здесь — прятался, хитрый! —
играл втихую в такие игры.
Я-то знал,
только молчал.
Гороглы думает — у него большая душа,
а на деле Хасан не стоит ни гроша!»
Так ворчал и кричал
Яртабай-аксакал.
Но ложь такая входит в души
не глубже какой-нибудь лягушачьей лужи.

А Гороглы у себя дома, внутри,
всю ночь беседовал в ичкари:
«О пери, я охотился у озера Хавдак,
вижу — летит журавлей косяк.
Думаю, Хасан-то отбыл с ними вместе,
они — вот они, а от него — ни вести!
Почему ж так — ведь мой конь летит
ничуть не хуже этих птиц!..
А журавли курлычут, кричат,
круг за кругом делают подряд,
заходят справа, заходят слева —
один впереди, другие следом.
Смотрю, поникши —
спускаются ниже,
кричат, кружат —
сердце крушат.
То влево, то вправо,
то вверх, то обратно.

Я уж устал,
считать перестал.
Почему, не скажу, хоть бы вы и спросили,
но они мне, как пулей, сердце пронзили.
Думаю, не иначе, как Хасан ранен,
а то б не кружили с таким стараньем!..»
Тут Юнус и Мискал — обе пери —
заголосили, не утерпели.
А пери Мискал открыто
на Гороглы набросилась с криком:
«Ты нарочно, — кричит Мискал, —
Хасана туда на гибель послал!
Он ведь молод,
хитрить не может,
не знает пути,
где и как найти,
врага от друга
отличить ему трудно...
А ты нарочно это затеял —
послал Хасана на опасное дело.
Ну что он тебе сделал — оскорбил ли сдуру,
что ты его погубить задумал?
Что у тебя к Хасану есть,
что такую хитрую выстроил месть?..»
Укорами сыплет, слезы льет,
Гороглы рта раскрыть не дает.
Юнус-опа ее успокаивает,
а сама исподтишка укорами покалывает.
Короче,
плакали обе до конца ночи.
Уж на что Гороглы — не спал и он,
словно ужалил его скорпион,
будто не батыр, а какой-то больной
стенал и плакал за стеной.
Утром Гороглы приободрился,
пошел в мечеть, небу помолился,
свершил, как надо, утренний намаз — и
потом уж стал отдавать приказы.
Приказал служилому люду
привести пожирней верблюдов,
яловых кобылиц —
резать их всех велит.
Повсюду вестники поскакали,
собираются аксакалы,

управители страны Явмут,
отовсюду люди текут.
Полон двор Гороглы-бека,
не вместится больше ни человека.
Собрались краснобаи
и мудрецы,
знатные баи
и храбрецы;
из туркмен — Таргибай,
из таки — Аргинбай,
от сары — Силингир,
от казахов — Жайсан-батыр,
Ингир-батыр,
от мингов — Мингбай,
от бахринов — Дингбай,
от найманов — Чинбай,
от сарая — Санокул,
от яви — Енгирбай,
от элов — Булакбай,
от таджиков — Тулакбай,
от жалойиров — Жайробай,
от катаганов — Буйрабай,
от сартов — Сарманбай,
от узбеков — Фарманбай,
от ачи — Анарбай,
от татли — Канарбай,
от кангли — Кингирбай,
от кипчаков — Кутлибай,
от китайцев — Кунгурбай,
от чавдиров — Чалабай,
от галдиров — Галабай,
от кирки — Киймасбий,
от юзов — Тоймасбий,
от киргизов — Куйманбий,
от дурмана — Долобий,
от мари — Маркабий,
от карки — Саркабий,
от кумов — Кунокбий,
ну да и ладно,
много их всех, перечислить накладно.

А полновесный вчерашний бай,
наш нынешний Яртабай —
и тут среди прочих.

Шумит, хлопочет:
«И я аксакал,
я всех обскакал!»
Ему в ответ: «Нет, старичина,
ты еще не дорос до аксакальского чина.
Тут ведь вот такая причина:
если хочешь быть на виду,
ты должен выставить людям еду,
всем угодить, старым и малым —
тогда и признают тебя аксакалом!»
А на дворе у Яртабая
как раз завелась коза рябая —
ее привела жена старика
детишкам надаивать молока.
Сколько жена ни пускала слезу,
Яртабай зарезал эту козу,
сварил суп,
полкишлака пригласил в гости,
съели мясо, обглодали кости —
и опять же над ним народ смеется.
«Так просто, — говорят, — почет не дается!
Раньше б на свою козу посягал —
был теперь полный аксакал...
А так ты только наполовину —
и это жадность твоя повинна.
Ну, не тужи, молись богу —
авось и полным станешь понемногу!»
Изнывает старик, не терпится ему —
женин платок надел, как чалму,
свесил кончик,
в совет хочет!
Но ему говорят: «Нет,
тебе еще рано в совет».
Подходит к одним, к другим подходит —
никто аксакалом признать не хочет.
Даже те, что сидят на подхвате, с краю,
даже те, кому не досталось и чаю,
даже те, что и вовсе сидят у ворот —
не хотят ему оказать почет.
Один рядом стоит:
«Я вот что скажу —
зря ты, старик,
зарезал козу!»
И хохочет...

Старик обиделся, плакать хочется,
каждый, мол, только о себе заботится...
Заело деда.
«Эй, вы,— кричит,— незрелые!
Дойдет до дела,
посмотрим, кто будет первый!»

А между тем для аксакалов-судей
чего не понаставили в красивой посуде!
Варенье, и сахар, и мед, и шербет,
самса, пирожки — с начинкой и без,
мясо жареное, жаркое, плов,
манты, что превыше всяких слов,
шашлык, а кто хочет —
шашлык из почек!
Узбеки на каждую лепешку мажут
еще и сладкое коровье масло,
перед каждым пиалы
с чаем выше похвалы.
Вода с медом, мед с водкой —
мешай, не считай, у нас вот как! —
и всё это мигом
запивают кумысом,
а вино и брагу молодые батыры
тянут прямо из бутылей.
Открыл Гороглы двери казны —
подают народу нарын и казы,
бешбармак и суп
ведрами несут,
с горохом варево —
собакам свалено.
Сам берись,
разгребай рис,
тащи мясо из плова,
кость ухватишь — тоже неплохо:
у кого целы зубы,
еще как грызут-то!
Только старики едят чуть,
для них уже не в этом суть:
им впору
беседы, споры...

Как кончили обед —
к благородным за советом обратился Гороглы-бек:

«О друзья, народ, аксакалы благородные!
Уехал наш Хасанхан в дальнюю дорогу,
В Эрзерум, на другой конец земли,
за дочкой Кувад-шаха Хан-Далли.
Четвертый месяц,
как нет известий.
Посоветуйте, как нам быть —
то ли ждать, то ль тревогу бить?»
Так он свой народ вопрошал,
к старикам обращался, к благородным мужам.
Люди бывалые,
лета немалые,
главы рода,
ума оплоты,
о том и об этом сперва посудачили,
а потом совет начали.
Пошла речь о Хасановых делах —
всяк их толкует на свой лад.
Наконец, все говорят:
«Гороглы-бек, в мире повсеместно
ваше слово весомо, известно,
а нам-то — как знать,
что об этом сказать?»
Хасан далеко, а тому, кто в доме,
трудно целиться в тех, кто в поле.
Не знаем ни где он, ни что он теперь.
Нам остается ждать да терпеть.
Коли поехал за Далли черноокой —
где-то там и крутится около.
Уж если туда он попасть наметил,
так вряд ли будет в другом месте!
Мы можем, конечно, из людей своих
двоих послать или там троих —
мол, поезжайте,
всё разузнайте,
вернитесь сами
или с Хасаном...
Да ведь это наш пыл остудит только,
а больше от этого не будет толка.
А вдруг да его схватили враги,
взяли в плен, убили враги?..
Узнать не узнаешь, угадать не просто —
словом, пустое беспокойство.

А вы человек великой отваги,
одно ваше имя врагов отвадит,
вы только сделаете шаг —
уже трепещет любой падишах.
А в Эрзеруме народ-то вражий,
и все настороже, все на страже —
лучше бы ехать в страну врага
вам самому со своими сорока!
Вражьи силы зайдете в тыл,
узнаете, где Хасан-батыр,
пойдете, найдете, а кинется враг —
вы его разобьете враз!
Зададите им жару —
так они, пожалуй,
не то чтобы следом —
с коней еле слезут!
Это мы вам советуем смело:
если не вы, кто возглавит дело?
Если примете наш совет,
будет радоваться весь свет!
Споры прекращайте,
сборы начинайте...»

Теперь Гюроглы-бек готовится к походу:
велит запасти еду и воду,
всей дружине дружно
проверить оружие
и прочее всё, что в дороге нужно,
чтобы рано поутру
выйти в путь в Эрзерум.
Обо всем об этом он приказы дает,
сорок йигитов собираются в поход.
Собираясь в Эрзерум со своими йигитами,
говорит Гюроглы управителям испытанным:
«О друзья, врагов у нас много,
длинна дорога,
пока нас нет, заботьтесь о благе народа,
Чамбильбель я вам вверяю,
а вас — одному аллаху вверяю!»
И у всех, собравшихся сюда,
Гюроглы-бек из седла
в дальний путь благословенья просит
и такие слова произносит:

«Стою среди вас в боевом облаченье,
и слово за словом твержу в огорченье...
Народ мой родимый, собравшийся люд —
у всех вас прошу себе благословенья.

Как стал Сулейман повелителем девок —
земля сотрясалась и небо гудело.
О добрые люди народа явмут,
за нас помолитесь, за общее дело.

О дом моих предков, равнина Чамбила!
Вот сорок бойцов, что щитом тебе были.
В поход мы уходим и просим вас всех,
чтоб вы помолиться о нас не забыли.

Мы чтили обычаи, тайны которых
упрямо хранили от вражьего взора.
Самим вам, о люди таки и явмут,
теперь мы вручаем Чамбила просторы.

Наш путь по пустыне теперь пролегает.
Пусть кони, как птицы, по ней пролетают.
По собственной воле уходим мы в путь,
прощайте! До встречи, отчизна святая!

Бездетный, как долго я был безутешен!
Иль ждут меня сызнава горести те же?
По собственной воле идем в Эрзерум,
но ваша молитва в пути нас поддержит.

В реке вашей жизни и впредь, как доселе,
черпайте надежду, основу веселья.
Нас ждут испытанья, молитесь за нас!
Уходим мы все, а вернемся мы — все ли?..

Народ мой, друзья мои, родичи, братья!
Молитесь, чтоб мы воротились обратно,
чтоб сызнава мог повстречать Гороглы
край таки-явмута, любовь и отраду...

Напутствие ваше — опора в дороге.
Просите аллаха послать нам здоровье.
За первой молитвой, о таки-явмут,
пусть без промедленья — моленье второе.

Народ мой, всё общество таки-явмута!
Молитесь, настала такая минута!
Пока не вернемся, молитесь за нас.
Просящему — дастся: всё просто и мудро.

Отвага — у смелых, коварство — у черта.
Друзья, возносите молитвы без счета.
Проси у аллаха, мой добрый народ,
чтоб мы из похода вернулись с почетом.

Коней оседлали лихих и красивых,
и кони помчатся в горах и низинах.
Наш путь — в Эрзерум. И пусть каждый из нас
назад воротиться окажется в силах.

В бою отличится воитель отважный,
отвага растет от молитвы от вашей.
От славных мужей, от друзей Гороглы
и сам я молитвою беды отважу.

В пути одолеем пустыни и горы,
вступая с врагами в кровавые споры.
О люди явмута, молитесь за нас,
чтоб мы не извели горького горя.

В дороге нельзя без молитвы ни шага.
Ведь смерть не минует ни нищих, ни шаха...
Могучий уселся в седло Гороглы,
и с шумом дружина за ним поспешала.

И люди явмута ладони раскрыли
и разом могучий «аминь!» возгласили
герою явмута, вождю и отцу,
великому, славному беку Чамбила.

«Пусть к небу возносится этот «аминь» — и
несчастье в пути обойдет вас и минет.

В Чамбиль возвращайтесь вы, живы-здоровы,
творец охранит вас в нелегкой дороге.

И точно такие, какими вы были,
гайиб-эраны возвратят вас Чамбилю.

Гарцуйте, скачите вперед неустанно,
вам будут вожатыми сорок чилтанов.

Не знайте ни страхов, ни зла, ни забот —
здоровым назад привезите Хасана.

О беки, садитесь уверенно в седла
и горе навек изгоните отсюда.
Правителю сына верните назад,
вступая в сражение с судьбой безрассудной.

В Чамбиль возвращайтесь!
Хоть путь ваш — не близкий,
в дороге не знайте
ни раны, ни риска.

Всё горе избыв, возвращаясь, правитель,—
аллах твое счастье в грядущем провидел.

Где б ни был, кто б ни был,
враг будет унижен:
его, как шашлык,
мы на пики нанижем.

Врагам не поддавшись, за белые горы
забросьте все беды, закиньте всё горе.
Аллах — за тебя, и святые — с тобой,
езжай, государь, свою лошадь прищпоря!

Даруй ему силу, удачу в делах,
творец всемогущий, великий аллах!»

Гороглы-бек, от всего народа
получив благословенье в путь-дорогу,
вместе с дружиной,
светлый, как облако, несокрушимый,
внушительный, важный,
как лев, отважный,
могучий, как Рустам,
выпрямив стан,
едет с отрядом.
А с ним рядом,
походу рады,
гроза врага — сорок йигитов в четыре ряда.

Все — батыры, как на подбор,
богатырский ведут разговор.
Едут воины,
радуются воле они,
шумят посреди
Голодной степи.
Все настолько
полны восторга —
не терпится прямо:
в сражение им бы!
Скачут, как пьяные,
затевают игры,
норовят с насюком,
то прямо, то боком,
летят стрелой — и станут как вкопанные.
То пику в руку,
то саблю наголо,
тащат друг друга
к себе в седло.
На пиках — кисточки, сабли остры...
Едут по безводью Эр-Хизиры,
уже Каракумы
секут им скулы,
а они себе под солнышком белым
скачут и скачут за Гороглы-беком.

На голове у Гороглы
корона из Каракаллы.
Сорок его тигров песок позади толкут,
гарцует под ним его конь Маджнункук,
грызет удила, пышет жаром,
кажет путь сорока тулпарам.
У сорока йигитов сверкают глаза,
словно молниями гроза.
Гремят песни, блестят клинки,
скачут кони наперегонки.
Отлустит поводья хмельной йигит —
пыль столбом из-под копыт:
если враг подойдет,
никого не найдет.
А коль он увидит грозный отряд —
сам со страху будет спрятаться рад.
Стучат у батыров щиты о спины,
кони хмельные рвутся спьяну,

из подмышек теряют перья,
летят, как птицы, мчатся в пене,
прыгают, как архары, скачут, как олени,
силу свою испытывают,
едва седоков не скидывают.
А сорок батыров — знамена в руках —
едут, не думая о врагах.
Сколько гор и сколько долов,
сколько озер — мрачных, веселых,
сколько народов, больших и малых,
с небом спорящих перевалов,
сколько песков, скользких камней
миновали они, не жалея коней,
не думая о дороге, костями усталой,
не зная отдыха, не чуя усталости,
не страшась высот, не спеша в низинах, —
эти батыры неотразимые.

Пусть судьба грозит, как палач, —
строй йигитов смело мчится вскачь.
И с дружиной вместе полководец
скачет, словно юноша, горяч.

Впереди дружины, на коне,
он горит от горя, как в огне.
Едет Гороглы искать Хасана,
высясь, как скала, на скакуне.

Человек перед аллахом гол.
Скачут кони в долах, среди гор.
Обращает к богу полководец
упованья трепетный глагол.

Из Чамбила, полон гневных дум,
едет Гороглы на Эрзерум.

Как на солнце, глянуть не могли
злые враги на Гороглы.

Хоть войны причине он не рад,
но крушил он недругов не раз.
Полон сил, он сел на Маджнункука,
и дружина выстроилась в ряд.

Вот они в песках
Эр-Хизира,
отдыхать пока
им не пора.

Скачут сорок, посредине бек —
вьется пыль за ними до небес.

Словно птица к саду своему,
без почтенья к сану своему
мчится Гороглы, стремится к сыну —
к милому Хасану своему.

Кони в поле, пыль столбом от них —
от буланных, серых, вороных.
Гороглы, как раненый, стенает,
намокает потом воротник.

Слышен скорый
по пустыне бег,
скачут сорок,
посредине бек.

Скачут пары — двадцать славных пар,
то затянут песню, то лапар.
Скажут «чу» — и конь летит, как птица,
речи понимающий тулпар!

Вот уже к вершине, меж камней,
мчится ряд стремительных коней.

По пескам иль в скалах среди гор —
кони все сильны, как на подбор.

Так и скачут сорок молодцов,
говорят о подвигах отцов.

Встреться им и подлинный батыр —
всё равно он им покажет тыл!

По пустыне гиканье гремит,
не отстанет ни один йигит.

Все в боях проверены не раз,
сабля у любого — как алмаз.

К Эрзеруму продолжает бег
вся дружина и Гороглы-бек.

Едут сорок — каждый о своем
запоет, залыетя соловьем.

Бек наш тоже песню затянул
и потуже пояс затянул.

Скачет степью огненной, а сам
всё гадает: как-то там Хасан?

А под ним танцует Маджнункук,
версты, пыль тасует Маджнункук,
скачет в ряд отряд через пустыню —
или образует полукруг...

Где и птиц не видели вовек,
держит путь, летит туркменский бек.

Скачут рядом сорок —
храбрецы!
И в бою и в ссорах —
молодцы...

Кто из них красивей — не решишь,
кто уступит в силе — не решишь.

Полны доли
вешнею водой.
Мчит народ веселый,
молодой...

Гонит бек коня на разный лад.
На боку — отточенный булат.

Скачут рядом с беком парни-львы,
храбры и неслыханно сильны.

Чуть Хасана вспомнит Гороглы —
так и сам застонет Гороглы.
Так Хасан стенает одинокий,
за которым в путь они пошли.

Миновать пески бы поскорей!
Загоняют всадники коней.

А скакун иной — уж без подков!..
Гороглы торопит седоков.

Вспоминает
Хасанхана бек —
и стенает
неустанно бек.

В этот час героям
встреться враг —
стопчут строем,
порубают враз!

Бек о цели думает своей,
затянул он пояс посильней.
Мысль в душе одна — о Хасанхане,
как Меджнун, замучился он с ней.

Над безводьем — всадников полет.
Гороглы о сыне слезы льет.

Гороглы не зря пошел в поход —
ищет он Хасана — и найдет!

Гром копыт
разносится вокруг.
Весь отряд
спешит на Эрзерум.

Битва, схватка — вот батыров страсть.
Победить готовы — или пасть!

По пескам, где конь и не ступал,
мчатся сорок. Каждый конь — тулпар.
Гороглы слегка приободрился,
вспомнил бек, как прежде поступал.

На песке не встретится следа.
Меч. Лепешка. В бурдюке — вода.

Вот батыры: чуть начнется бой —
победит и тысячу любой!

Словно ветер, в даль они летят,
а земля уносится назад.

Их порыв вперед неодолим —
гор не замечают и долин...

Мчат в пустыне сорок молодцов,
повторяют подвиги отцов.
Учатся у Гороглы терпенью
на безводье сорок храбрецов.

Скачут строем — в два ли, в три ряда,
всё в пути сменяя, как река.

Встретятся им враги — и в тот же миг
в прах сотрут, с землей сровняют их...

Кто им продвиженья запретит?
Кто решится выйти супротив?

Неизбежной гибелью заплатит
тот, кто помешает им пройти!

Что пред ними лучшие войска?
Словно смерть, сразят они врага!

Повергает в ужас грозный вид —
всё от них укрыться норовит!

По дороге гиканье и гром.
Змеи замирают за бугром.

Всё живое
прячется, дрожит,
если головою
дорожит.

Для коней — названья не найдешь:
конь скакнет — и покрывает тош!

Увидавший — вздрогнет и замрет,
в удивленье разевая рот.

Красным бархатом покрыт тулпар,
как в пустыне выросший тюльпан.

Так и скачут сорок, на скаку
выражая ненависть к врагу,
с кисточками яркими на пике
и с алмазной саблей на боку.

Сил полны, йигиты мчатся вскачь —
покаялись Хасана отыскать.

Отступить для воинов — позор,
уступить — страшнейшее из зол.

Спорят, кто других опередит,
если враг дорогу преградит.

Сорок тигров — каждый драться рад —
о делах геройских говорят.

Молодцы толкуют о делах,
жеребцы сгрызают удила!
И батыры скачут по безводью,
скакуны несутся, как стрела.

Бек с дружиной, мчащей на врага,—
как тюльпаны посреди песка.

Стоит их увидеть — у врага
задрожит с оружием рука!

Отдыху — ни ночи
и ни дня.
Каждый хочет
чуда от коня.

Молвят сорок: «Слава Гороглы!
Без него мы так бы не смогли...»

День маячит,
прячет ночь углы —
мастер скачек,
скачет Гороглы!

Как холмы, одолевает горы,
не страшится сумерек и мглы.

Ищет друга каждый молодец.
Ищет сына Гороглы-отец.

Силам зла
обязан государь,
что послал
он мальчика сюда!

Жаждет розы нежный соловей,
жаждут тени странники степей.
Гороглы тоскует о Хасане,
жаждет отыскать его теперь.

Не беда, мол, хоть бы и пришлось
Эрзерум проехать весь, насквозь —
горе наше, что пути не знаем
и Хасана ищем на авось!

«Расцветайте сердцем, как цветник,
соловьиный вспомните язык.
Эй, со мной идущие батыры,—
вот края, куда Хасан проник!

Будьте бодры,
мои беки-львы,
в каждом бое
побеждайте вы.

Все вперед, ведь нам нельзя назад,
на скаку пускай мечи разят.

Вражья сила да сторит дотла,
ваша — рвется паром из котла!

От людей далеко до людей.
Погоняйте, молодцы, коней!

В гору гнать коня, на высоту —
он придет измученный, в поту.
Но, бойцы явмута, что же делать?
Время подпирает, на беду.

Тот, кто смел — тот многое сумел.
Слух о вашей смелости гремел.

Так спешите, успокойте душу,
удальцы лихие из туркмен,
чтобы в вас, о смельчаки явмута,
верную опору я имел.

Сослужившим службу мне — сполна
будет и награда вручена.
А пока — летите, как драконы,
как весною — опьяневший нар.

Слушайте приказы Гороглы!
Кто сумеет то, что вы смогли?
В путь, без страха,
с помощью аллаха!
Ничего, что лошади мокры...

Слушайте приказы Гороглы!
Торопитесь, нам не до игры,
побыстрее, молодцы, скачите,
ничего, что лошади мокры...

Не напрасно ж я скакал сюда,
бек явмута, грозный государь!

Не юлите, храбрые, лисой —
отплатите мне за хлеб и соль!

Изнуряет гонка?
Ничего!
Лишь найти б ягненка
моего!

Недругов немало, львы мои,
из-за вас стенало, львы мои!
Груз себе взвалившие на плечи —
дорогие нары вы мои!

Гороглы дерзание и мощь,
только вы и можете помочь!
Так ищи же милого Хасана,
Гороглы дружина, день и ночь!

Чтобы Гороглы не укорял,
мчитесь по долинам и горам.
Скакунов гоните к Эрзеруму,
чтобы я от горя не сгорал!»

Друг за другом мчатся по стопам,
стаею крылатой по степям.

Свист камчи — и кони мчат, как птицы,
где никто доньше не ступал.

На пески, где влаги не найдешь,
капли пота падают, как дождь!

Мчит в пустыне маленькая рать —
норовят друг друга обогнать.

К Хасанхану сорок молодцов
скачут прочь от родины отцов.

Скачут так — посмотришь и замрешь!
Всю пустыню повергают в дрожь...
Скакуны — один другого лучше:
с маху, разом покрывают тош.

Встретясь им противника войска —
передают, перебьют врага!

А в пустыне не стихает зной
ни дневной порою, ни ночной.

Так батыры выглядят, друзья,—
в изумление не впасть нельзя.

Вспоминает сына Гороглы
и тоскует сильно Гороглы.

На друзей ложится, как печать,
Гороглы жестокая печаль.
Днем и ночью скачут к Эрзеруму,
забывая время отмечать.

Гром в пустыне: скачка сорока.
Гороглы взволнован, как река.

Беки в скачке сгрудились гурьбой,
Гороглы ведет их за собой.

Вниз ли, в гору поспешают львы —
кони их неслыханно сильны.

О тулпары, шахи меж коней!
Ноги их — чинары без корней.
Скачет бек, надеясь на аллаха,
к цели он торопится своей.

Кто бы эту скачку удержал?
У бойцов, у каждого — кинжал.
Вслед за полководцем из Чамбила
скачут сорок — в каждом сердце жар.

Конь — олень. Под стать он своему
всаднику, правителю явмут.

Бек могуч. Чело — чернее туч.
Парни — следом, ловят слова луч...

Спят туманы синие в горах.
В сердце чувства сильные горят.
Скачет степью хан Таки-Явмута,
жалость, боль за сына в нем горят.

Как дракон многоголовый, в ряд
рядом его воины парят.
Скачут кони яростных узбеков,
сократить дорогу каждый рад.

Конникам сгодятся их клинки.
На курган садятся канюки.
На коне танцует бек явмута,
и подковы конские легки.

Сбоку с беком продолжают бег
сорок конных — возглавляет бек.

Эти сорок — сильные из сильных,
в памяти останутся навек.

Среди сорока двоих заметим:
Халдархан, Ахмад — не знать им бед!
Тяжела дорога по безводью —
зной страшней, чем самый злой навет!

Лев явмута, Гороглы могучий,
в горести не поднимает век.

Долгими годами закален,
твердо управляет он конем
и без отдыха стремится к цели —
скачет ночью так же, как и днем.

Весь припас имея при себе,
войны не ходят по земле:
ни на час не прерывая скачку,
и едят и пьют они в седле!

Бек торопит: «Храбрые, ко мне!» —
и летит вперед на скакуне.
На коне лепешку разломают —
и запьют водою на коне...

Сколько трудных пройдено высот,
мыслей грустных брошено в песок.
И летит могучая дружина,
в сердце ярость грозную везет.

Хасанхана помянув не раз,
мчатся беки в поле и в горах.
Не забыв Хасана помянуть,
по безводью продолжают путь.

Зной их душит,
солнце их печет —
верность в душах
дальше их влечет.

Сколько миновали гор, озер —
ни на чем не задержали взор.

Вот бегут олени, зайцы вот —
удальцам теперь не до охот.

Вот в озерах светлая вода,
в отдаленье где-то — города,
вверх и вниз торопится дорога —
молодцы не смотрят никуда.

Горы с небом длят безмолвный спор,
и до плеч в тумане цепи гор.

Степь не скажет, озеро смолчит,
сколько дней дружина в поле мчит.

Но ведь мы-то знаем, нам видней:
едут, едут — сорок с лишним дней!
Гонят, гонят скакунов в пустыне,
едут, едут молодцы по ней!

Выдержали кони переход —
каравану хватит и на год.
Гороглы, спешивший к Эрзеруму,
у горы остановил поход.

Сорок верных взяли бека в круг.
Был подъем на эту гору крут.
В темноте вошли они в ущелье,
в темноте остановились тут.

Гороглы от сына ловит весть.
Стал он всё осматривать и здесь.
В темноте вошли они в ущелье,
между скал отряд собрался весь.

Путь во мраке не найти ночном.
«Ладно,— молвит,— завтра вновь начнем.
А пока — располагайтесь, беки,
и коней кормите ячменем».

Услыхали молодцы — и враз
поспешили выполнить приказ.
Место отыскали под скалою,
ячменя засыпали запас.

Крепкие измучились тела —
столько суток не слезать с седла!
И теперь, едва глаза закрыли,
как усталость всё заволокла.

Торопил в дороге Гороглы —
днем скакали и под кровом мглы.
Хорошо, что всё стерпели люди
и до места этого дошли!

Среди гор, под покровом мглы,
потеряв дорогу, говорит Гороглы:
«Батыры, ко мне!
Что мучить коней?
Понапрасну рыщем —
в темноте дорогу всё равно не отыщем.
Сегодня заночуем, где стоим,
а с рассветом двинемся путем своим.
А то, не дай бог, с дороги собьемся —
потом позору не оберемся».
Разом
наземь
все послезали,
коней привязали,
ночью черной
готовят ночевку.
Как легли, усталые, в походном всём,
так и забылись мертвецким сном.
Гороглы-бек уснул тоже.
Среди беков Авазхан был всех моложе.
Был он смалу смел и силен.
Теперь со всеми поехал он.
Видно Авазу:
Гороглы-бек заснул сразу.
А самому не спится,
мысль в голове теснится:
«Эх-хе, — думает, — вот то-то и оно.
Кто сам отцом не был, каменное у того дно.
Чужой — чужой и есть. Иначе Гороглы
не уснул бы, ворочался под покровом мглы.
Был бы Хасан родной ему сын,
да будь он ранен или без сил,
в иной ли беде,
неизвестно где —
бек бы в сон не провалился,
вообще не ложился,
не мог бы теперь
и часу терпеть,
йигитам бы не стал
устраивать привал».
Так лежал и грустил Аваз,
даже всплакнул один раз.
Узду ослабил —
с собой не сладил,

встал,
коня оседлал,
поехал по щелью
вверх по ущелью,
повод накоротке,
сабля в руке,
нащупывая дорогу,
понемногу,
тьме наперекор,
до вершины гор,
перевалил, вниз спустился —
и широким путем пустился, скачи — не хочу.
Коню — камчу,
как лев одинокий,
спешит по дороге.

Пусть Авазхан себе поспешает,
пусть скакуна своего понукает,
дальше пусть,
как лев, по пустыне держит путь.
А сорок йигитов без понуканья
легли да и дрыхли себе, как камни.
Так до полудня спали спокойно.

Встал Гороглы — привязаны кони,
все на месте — исчез Авазхан!
Когда ушел — никто не слышал.
Думает Гороглы в тревоге:
«Когда ушел, по какой дороге?
Как же никто его не видел?..
Его вчерашний привал обидел!
Сила молодая, не мог сдержаться —
вот один и отправился дальше.
А пути-то не знает! Где же он, где?..
Была беда, а стало две».
Очень опечалился,
чуть не отчаялся.
А сорок йигитов, едва услышали,
друг друга спрашивают об Авазхане.
Тут Тулак-батыр и говорит им:
«О сорок йигитов!
Три дня назад
мне Авазхан вот что сказал:

«Убегу я, отправлюсь в обратный путь,
а ты моим вожатым будь!»
Я его уговаривал — нельзя, мол, нехорошо,
но он не послушался, вот и ушел.
Я знаю, что у него за цель —
убежать обратно, в Чамбильбель!»
Ртов-то много, вот горе:
один — одно, другой — другое.
Зашумели йигиты, заспорили,
каждый Авазхана клянет по-своему.
Ни один не сказал доброго слова!
Тут Гороглы поглядел злобно,
обвел взглядом —
полил ядом:
«Вы,— говорит,— ни во что других не ставите,
трусами всех считаете,
а пока что сами
шкуры спасали!
Вам еще долго вперед идти,
потом уж увидите Аваза впереди.
Авазхан — храбрый сын!
Это у него глядеть не хватило сил,
как мы сном мертвецким дрыхли,
словно какие-то бабы рыхлые!
Я его не дам в обиду:
трус бывает другим и с виду.
Аваз назад не побежит —
хоть и с нежной душой,
но отважный йигит!
Его оскорбило, что вчерашний
привал
наш поход отважный
прервал...»

Так говорит он
своим йигитам:

«Кто сказал, что, дескать, трус Аваз?
Дурни, он храбрейший среди вас!
Он отважней каждого в дружине —
мой батыр, прекрасный без прикрас.

Распахните сонные глаза:
он Чамбила слава и краса.

Кто сказал — мол, Авазхан трусливый?
Он врагам управа и гроза!

Вслед Авазу вам еще идти,
будете служить ему в пути!
Кто батыра трусом называет?
Не в тылу Аваз, а впереди!

Мой Аваз врага не посмежит —
он ему навстречу поспежит!
И его вы посчитали трусом?
Нет, он с поля прочь не побежит!

Трусы — это вы, наоборот!
Он же — в пекло самое идет.
Беглецом его вы называли —
только побежал-то он вперед!

Он — опора дому моему,
настоящий бек Таки-Явмут.
Кто считает трусом бол Аваза —
пусть ему заявит самому!

Нравом это истинный хунхар —
мой бесстрашный сокол Авазхан.
В трудный час он будет всем опорой —
о храбрейшем я и не слыхал!

Места не оставит он в строю
и врага раздавит, как змею.
Вы, назвавшие Аваза трусом, —
кто из вас сравнится с ним в бою?

Юн Аваз — но в возрасте любом
был, и есть, и будет истым львом.
Юн Аваз — когда же возмужает,
к этой славе с радостью прильнем!

Авазхан в сраженье шел не раз,
с целым войском справится Аваз.
Вы, его клеймившие как труса —
перед ним не опускайте глаз.

Саблей землю вспашет молодец,
кизилбашей свяжет, как овец.
Те, кто трусом называл Аваза,
может, устыдятся наконец?

Вам, что не стыдились укорять —
струсил, мол, почуяв вражью рать! —
вам придется вслед идти Авазу,
вслед идти, Аваза догонять!

Что ни говорите, но Аваз
крепче станом и отважней вас.
Не бежал он, славный бек явмута, —
вышел в бой, опередив приказ!

Он за честь свою горой стоит,
вождь явмута, наш герой-йигит.
Нечестивцы, что чернят Аваза, —
вслед ему идти вам предстоит!

Скакунам скормили весь припас.
Слушайте, батыры, мой приказ:
вы своих коней поторопите —
нас намного обогнал Аваз!

День весь не проспали вы едва.
Гороглы приказывает вам:
на коней — и следом за Авазом!
Собирайтесь быстро — раз и два.

Миг спустя — чтоб пусто было тут.
Молодцы, скачите во весь дух,
догоняйте славного Аваза,
одолейте зависти недуг!

Беки с шумом садятся по коням —
тут Тулак-батыр и говорит тихонько:
«Не к чему сегодня поход начинать,
сегодня нам снова здесь ночевать,
меня будете благословлять —
назад поеду
и завтра к обеду
Аваза найду,
сюда приведу.

А не приведу — пусть я буду не батыр Тулак,
а пес прокаженный, рваный колпак,
пугало, чучело,
чтоб меня скрючило,
чтоб шел от меня козлиный дух,
как от старых козлов от двух,
будь я лопух,
осел лопухий,
кобель безухий.
Если не привезу Аваза,
да лишусь и глаза
и голоса сразу,
пусть нападет на меня проказа!
Вы только спросите — разрешит Гороглы или нет,
да мне передайте его ответ,
а уж я исполню,
не дожить мне до полдня!
Пусть, если вру —
до вечера умру!
Вы только получите
у Гороглы разрешение —
и на месте ждите
моего возвращенья.
А я поскачу — Аваз недалеко,
ему ж незнакома эта дорога.
Недаром он, как бежать решал,
и меня с собой приглашал,
да я-то его в ответ пристыдил,
вот он поневоле и ушел один.
Понял, что мне не в охоту,
да и дал в одиночку ходу.
Может, еще в каком-нибудь месте
ждет — надеется ехать вместе.
Точно — один-то он побойтся:
можно и вправду с дороги сбиться.
Лежит поблизости да и ждет,
пока Тулак-ака подойдет.
Я его вмиг найду
и сюда приведу.
Вы только получите разрешение
и ждите к полудню моего возвращенья:
увидите сразу
батыра Тулака и мальчика Аваза.

И кони тут
заодно отдохнут...
Ведь нельзя одного оставить мальчика,
еще испугается без отца,
еще расплачется,
со страху спрячется,
куда-нибудь наобум пойдёт,
а уж тогда совсем пропадет!
Придется и его по чужим странам
искать, как бедного Хасанхана.
А пока он поблизости где-то —
если отпустите, за ним поеду,
приведу его конного,
совсем покорного,
да и отправимся спокойно мы
по трудной дороге
без лишней тревоги.
А то ведь иначе и путь не путь,
и всё не как надо, а как-нибудь.
Если Авазхана не привезу с собой —
пусть я буду не Тулак-герой:
приму в наказание
любое прозвание.
Да пусть я тогда умру молодым,
пусть развеются мои дни, как дым,
и пусть не отпустит аллах для меня
ни единого лишнего дня!
Чтоб мне выплакать слезы последние,
да не увидеть своих наследников,
да чтоб в могилу я лег живой,
чтоб кобыла мне стала женой,
да чтоб самому мне сделаться бабой —
ходил бы квелый, кислый и слабый...» —
так он клялся на разный лад,
а сам-то просто хотел назад,
он из таких, что в тыл норовят.
Вот и садятся в седла все сорок,
поднимаются в горы,
подстегивают коней, не жалеют,
кони храпят, шалеют,
передние дышат, словно раздувают меха,
сабли лязгают о стремяна,
щиты за спинами блестят,
всё ближе и ближе к вершине отряд.

А Гороглы многое приходит в голову.
«Эх-ма,— думает,— сколько в молодых гонору,
а мыслей-то чуть,
как он решился так ускользнуть?
Один, ночью!
А вдруг да встретит кого в одиночку?
Или другое случится что-то?..
Вот ведь забота!
Ехал бы вместе со всем отрядом,
был бы рядом.
Если с ним случится беда,
что я буду делать тогда?..»

Так он печалится, а сам покуда
в сердцах стегает Маджнункука,
по горным тропам
едет галопом,
и сорок йигитов не отстают,
тоже коням камчи дают.

Теперь у Гороглы-бека беды вдвое,
разное думается, да всё дурное,
сам, как туча, темнеет,
тело пламенеет,
глаза горят огнем недобрым,
весь он, как тигр, к прыжкам готовый,
как лев, рычит,
как барс, ворчит,
свистит, как дракон,
дышит, как слон.
Горюет о Хасанхане,
думает об Авазхане.
Одолел перевал — и снова они
спустились в пустыню знойную,
бек волнуется, как река,
никого не видно пока,
не придумает даже,
как быть дальше,
едет, а за ним с шумом веселым
танцуют, гарцуют все сорок.

О держащий мир в горсти,
чуть поводья отпусти.
Что, безжалостные беки,
тяжек путь через пески?

Отворили б
нам врата,
предъявили б
нам врага.
Отпустить поводья можно —
лишь бы не было вреда.

Быстролетен
этот миг,
неугоден
этот мир.
Отпустить коням поводья —
дать им выбрать путь самим!..

Степь-дорога.
Кони-львы.
Издавека,
беки ль, вы?
Едем вместе с государем.
Нас немного.
Мы сильны.

Свалить бека
Гороглы
горе, беды
не могли.
Отпустите же поводья,
наши лошади мокры...

Крепки беки,
каждый — нар,
честь навеки
сохранял.
Отпустите же поводья,
дайте волю скакунам!

Вождь явмута
нас ведет,
но ему-то
не везет.

В вихре конном
мчит драконом
и минутам
помнит счет.

Скачем быстро
по степям,
скачут искры
по стопам —
вот нагонит бол Аваза
наш неистовый тулпар!..

«Йигиты, вы знаете бека приказ:
мой упования отныне — на вас.
Стегайте камчой, погоняйте тулпаров,
скачите, он близко, мой бедный Аваз!

Крутите камчи, словно смерчи, в руках.
Отставший рискует остаться в песках.
Гоните коней, отпустите поводья —
умру я, Аваза в песках не сыскав.

Скачите — и зорко глядите кругом.
Подкованы кони литым серебром.
Коней не жалейте, лихие йигиты,—
найдем Авазхана, тогда отдохнем.

Надейтесь на лучшее, беки явмут.
Еще в Эрзеруме сраженья нас ждут.
Но надо сперва отыскать бол Аваза,
и сердцем я чувствую: где-то он тут.

Всё то же я слово хочу вам сказать:
вам снова и снова придется скакать.
Пока не найдете мне сына Аваза,
дорожных мешков я не дам вам скатать.

Он сердце в слезах мне оставил, а вас
кружить по пустыне заставил Аваз.
И все же его не найти — невозможно:
где б ни был, сверкнет он, как в гальке алмаз.

Послушайте, беки, слова Гороглы:
доныне враги вас смутить не могли.

О сорок могучих, найдите Аваза —
под солнцем ли жарким, под кровом ли мглы.

Коль сын мой Аваз не найдется — отец
найдет себе быстрый и верный конец!

Вы, беки, батыры, могучие львы,
врагам разбивали могучие лбы.
Найдите Аваза — и будете вправе
просить Гороглы о наградах любых.

Гнездится орел на вершине седой,
нельзя распроститься ему с высотой.
Иль мало мне было утраты Хасана,
что рок наказал меня новой бедой?

Судьба не щадит меня в этом году,
а жить без любимых мне невоготу.
Я вышел в поход — отыскать Хасанхана,
а тут исчезает Аваз, на беду!

И шагу не сделавши, наземь упал,
летать не попробовав, крылья сломал.
Хасан, Авазхан — исчезают бесследно,
едва я впервые их в дело послал!

Бездетный, я в тине скитаний увяз.
О тигры мои, вся надежда — на вас.
Я тайну раскрыть не умею доселе:
зачем убежал неразумный Аваз?

Непрошенно катятся слезы из глаз.
Я еду и думаю: где же Аваз?
В таком я отчаянье, сорок храбрейших,
что я сотворить забываю намаз!

От горести сердце лишается сил,
как будто бы кровью я путь оросил.
Спешите же вслед неразумному брату,
пока не погиб чернобровый мой сын!»

Мир — это берег.
Жизнь — как вода.
Сердце не верит
в смерть никогда.

А Гороглы безутешное горе
и для батыров — злая беда.

Молятся богу в степи силачи,
а для коней не жалеют камчи.

Мчится скакун заодно с ветерком,
можно архара настигнуть клинком.

Пыль, что взлетает из-под копыт,
облаком темным в пустыне стоит.

Скачут батыры.
Где бол Аваз?
Сил бы хватило
исполнить приказ!

В мыслях о сыне,
бежавшем сюда,
стонет в пустыне,
горит государь.

Горечью грудь — и надеждой полна.
Мчит Гороглы, не щадит скакуна.
Скачут йигиты, не зная куда:
дескать, догоним, да только когда?

И Авазхан, мол, тоже упрям:
нет, отдохнуть бы — ему, да и нам!

Кони испытанны
у сорока.
Из-под копыта —
жмени песка.

И поднимается темной стеной
пыль, как туман, позади, за спиной.

Сорок героев скачут к горе,
кони, как пули, летят по жару.

Сорок батыров едут в пустыне,
солнце от пыли в черной коре.

Гонят тулпары, мчат, горячи,
словно хотят убежать от камчи!

А Гороглы всё стонет в тоске,
согнут, как лук, и пригнулся к луке.

Степь раскалилась, где ни ступи.
Силы теряют беки в степи.

Гонят батыры вскачь лошадей,
хлещут камчи словно струи дождей.

Ждут не дождутся батыры Аваза —
или следов его, или вестей...

Не о себе они — только о нем
думают, в скачке сливаясь с конем.

Взором обводят округу не раз:
вдруг да он рядом, ягненок Аваз?

Жарко в пустыне. Сердца горячи.
Скачут батыры. Хлещут камчи.
Сорок батыров по следу Аваза
мчатся и в полдень, и в жаркой ночи.

Скачут тулпары вперед и вперед —
кони отборных туркменских пород.
Вслед Гороглы поспешают йигиты —
верный, могучий и грозный народ...

Путь то под гору, то в высоту —
конские спины блещут в поту.

Но неустанен, яростен, смел
каждый воитель, лев из туркмен.

Недруг не страшен
всякий ему —
вечно на страже
таки-явмут.

В драке отвадят
целую рать —
им ведь отваги
не занимать.

Скачут все сорок. Молвят не раз:
«Ну и задачку задал Аваз!
Чуть было в трусы не записали,
вышло — он самый храбрый из нас!»

Этим уроком сыты навек,
сорок летят, как один человек.
Мчат к Эрзеруму по следу Аваза,
сном не смыкая ссохшихся век.

Тяжко тулпарам. Ведь у коней
сбиты копыта о грани камней!

А Гороглы всё взывает в тоске:
«О мои дети!..» — и гнется к луке.

Горестно беку — эта печаль
и на дружине лежит, как печать.

Давнее время, не наш это век:
сорок на город идут человек!
Гонят батыры,
торопится рать.
Даль из-за пыли
Не увидеть.

Беку доехать нужно скорей
да разузнать про своих сыновей.

Если, мол, жив и здоров хан Хасан —
в наши ряды он встанет и сам.

Ради Далли он поехал сюда —
добыл, не добыл — всё не беда!

Только бы мы Хасанхана нашли —
там уж и сами добудем Далли.

До Эрзерума доехать хотя б,
встретят враги — перебьем, как котят!

Славные беки надеждой полны —
мужи явмута, надежда страны.
Скачут и скачут они по безводью —
тигры явмута, отчизны сыны!

Тени шакалов, гиен на пути.
Но Чамбильбея бек — впереди!

Лучшей породы под всадником конь —
птицу легко обогнать на таком!

За день — трехдневный
отрезок пути
трудно под небом
жарким пройти,
но успевают беки явмута!
Скачут, толкуют: что впереди?

Добрый — дорогу
конь сократит,
злобному року
путь преградит.

Верят они, не
верят в успех?
Гром на равнине,
речи и смех...

Нравится дело
им или нет —
делают смело,
им не до нег.

Те, что вперед торопились сперва,—
нынче идут к голове голова.

Каждый подолгу с седла не слезал —
так и идут по Аваза следам.

Славны — смотрите! — батыров дела:
горесть развеют — как не была!

Скачут батыры, жарит жара
в страшной пустыне Эр-Хизира.

В мире не сыщешь счастливых людей.
Был Гороглы — да утратил детей!

Стонет «О дети!», чуть ли не слег,
и воротник его мокнет от слез.

Резво гарцует под ним Маджнункук,
смотрит правитель явмута вокруг,
вспомнив Хасана, чернеет, как туча,
с грузом грозы подступившая вдруг.

Здесь, на безводье, может навряд
с чем-то сравниться беков наряд.

Но на безлюдье кого удивит
всех наших беков царственный вид?

А Гороглы, как и прежде, в слезах —
плачет: «О сын мой, свет мой Хасан!
Прежде чем я о тебе разузнаю,
в пламени этом сгорю я и сам.

Было лишь двое
ласковых вас —
но за тобою
сгинул Аваз.

Был ты поддержкой
роду всему,
светлой надеждой,
светом в дому.

Щитом от горя
людям служил,
доводом в споре
с родом чужим.

Сердцем я знаю:
случилась беда —
только гадаю,
где и когда.

Ты мой наследник, милый мой сын —
людям явмута ты господин.

Горе! Разлуке нету конца.
Черные дни ты припас для отца.

Сердце от горести стало пустым,
сделался сам я — бродягой пустынь.
Я и с тобой — и с отчизной в разлуке,
из-за того, что тебя отпустил!

Кони уставшие валяются с ног,
я же в тоске всё взываю: «Сынок!..»

Пламенем всё полыхает внутри,
муку мою слишком долго не дли!

Был уважаем я в отчем дому —
степь стала домом отцу твоему!

Был я на родине как шахиншах —
стал предводителем конных бродяг!

Можно ли скорбное сердце излить?
Только испытывать рок свой — и злить!
С жизнью расстаться хочет отец:
чем эти муки, лучше конец!

Стон мой — как ветер
в поле пустом.
Мне ведь на свете —
горе да стон!

Из-за тебя нас снедает тоска,
рыщем по скалам, по желтым пескам!

Но отсеку я тоску как ножом —
только б тебя я живого нашел!

Как на отчизне мой славился ум!
Но поглупел я от горестных дум.

Был я явмута могучим вождем —
стада пропавшего стал чабаном!

Сколько тебя я по свету искал!
Как по тебе убивалась Мискал!

Из-за тебя изнывала, клянусь,—
и красоту потеряла Юнус.

Ходит весь день,
словно со сна,
тает, как тень,
сохнет сестра!

Брат твой от слез чуть не ослеп —
и за тобой кинулся вслед!

Горе владеет дружиною всей,
горе на сердце верных друзей.

Ты — как душа! И когда ты вдали,
бренное тело — чернее земли...

Слышишь, до неба возносится плач?
Для Гороглы ты, о сын мой,— палач!

Я — словно раненый с пульей в груди.
Еду — и нету скончанья пути...»

Так он в пустыне Хасана зовет,
полон горчайшей из горьких забот.

Эти ли, те ли
печали развей —
но не потерю
двух сыновей...

Сколько он суток
и не дремал! —
Меркнет рассудок,
в мыслях туман.

Тот ли, другой ли —
вряд ли б смогли
выдержать горе,
как Гороглы.

«Тело иное — горе иное» —
так ведь старинные люди рекли.

«Горе приходит — двери пошире!» —
только вот на сердце гири легли.

«Где загорится — там и горит».
Горе сжигает — хоть не дымит.

Сам себя мучает бек. И кому
Можно излиться? Разве коню?
Мало ли было утраты Хасана?
Сгинул Аваз в добавленьи к нему!

Словно бы в лапах смерти самой —
бек не владеет больше собой.
Знает одно он: ехать скорей —
и Маджнункука шпорит сильней.

Смертная мука — мука дорог!
Да и недаром он изнемог:
что тяжелее долгой дороги,
если нас гонит горестный рок?

Конь-то под ним — настоящий тулпар —
сильный, из тех, что растут по степям.

Было б с конями не то что-нибудь —
вряд ли б дружина продолжила путь.

Не прогадают, что поспешат:
важен в тулпаре бег, а не шаг.

Встанет стеною пыль от копыт.
Конь без изъяна — цел и йигит.

Пыль, что взлетает
к небу, легка,
прочно скрывает
след сорока.

В скачке поспешной старается рать
цели достигнуть, судьбу испытать...

Скачут отважные сорок бойцов
и запевают песни отцов.
Конь — это главное для храбрецов,
кони — как стрелы в руках молодцов.

Если седок и скакун без изъяна —
славы добьются, в конце-то концов.
Важно ведь что настоящим тулпарам?
Уйти от погони, догнать беглецов!

Кони лихие — все как один.
Беки явмута, любой — господин,
скачут и скачут, но свет Эрзерума
в далях пока что неуследим.

Снова восход, и снова закат —
ну, а друзья не доедут никак.
Скачут, велье судьбы исполняя,
только уж больно степь велика.

Стонет, как раненый, Гороглы-бек,
сердце разлукой разбито навек.

Но к сорока обращается он,
напоминает им службы закон,

учит дружину свою неспроста
и говорит про родные места.

Кони грызут удила — и летят,
словно из пушки огромной снаряд.

А седокам развлекаться не лень:
шпорят коня — мол, скакни, как олень!

Скачут отчаянно, скачут давно —
встретить Хасана пока не дано.

Скачут, минуя привалы и тень, —
по три дневных перехода за день!

Им же ведь мужества не занимать —
к цели торопится славная рать...

Пусть теперь Гороглы и йигиты с шумом
держат путь к Эрзеруму.
Давайте пока послушаем с вами
рассказ о юном Авазхане.

Аваз к Эрзеруму спешит —
авось от погони сбежит!
Авось и Хасана отыщет,
что, раненный, где-то лежит.

«Капризничал, альчик просил
и вздорил с тобой, что есть сил.
А ты, убажывая братишку,
всё лучшее мне приносил.

Носил ты кушак золотой,
а был ты веселый, простой,
ухаживал сам за конями,
мальчишки играли с тобой.

О брате заботится брат,
и я позаботиться б рад,
но ты далеко оказался
от мест, где находится брат.

Пощады не ведает враг,
и помощи требует брат,
а я далеко оказался,
чтоб силы на помощь собрать.

Я еду вот только теперь
и следом — друзья из степей.
Спешу я к любимому брату —
авось пригожусь я тебе.

Ты жив ли, о брат мой Хасан?
Бродягой я сделался сам.
Я молод, дороги не знаю —
о, если б ты путь показал!

Хасан, ты силен, как река!
Один повстречал ты врага —
а их было много, иначе
разбил бы их наверняка!

Что делать с бедою такой?
Несчастье случилось с тобой.
О стыд мне! В лихую минуту
меня не случилось с тобой.

О, если б тебя увидал,
твоим поклонился следам!..
Услышать твой голос: «Братишка!» —
полжизни за это отдам.

И сердце молиться велит —
хоть раз бы увидеть твой лик.

О брат мой, как жил ты, чем был —
вовек не забудет Чамбиль.

Ужель ты в обители мглы?
Уйдет за тобой Гороглы!

Ценнейший вручи из даров —
вернись к нам и жив и здоров!

Хасан! Если сгинул ты, брат,
я сам — не у адских ли врат?..»

И мальчик всё дальше спешит,
заплачет — и очи смежит,
но гонит коня по безводью,
и конь неустанно бежит.

Бежит, и себя он пока
догнать не дает сорока,
и птиц обгоняет в полете,
крепка на поводьях рука.

Ни разу ведь не отступал
Аваза могучий тулпар.
Дней десять спустя перед ними
как занавес некий упал.

И в памяти борзой навек
впечатался гор силуэт.
О том и мечталось Авазу —
других и не ждал он примет!

Торопится в горы как раз
любой, кто в охоте горазд.
Аваз, скакуна подгоняя,
был к вечеру в этих горах!

Скача по теснинам чужим,
Аваз оглядеться решил.
Взобравшись наверх понемногу,
он глянул с одной из вершин.

Была ли пустыня добра?
Проверьте в Койим Хизира!..
У необозримого войска
в осаде — большая гора...

Аваз десять дней не слезает с седла,
как будто прирос к седлу навсегда —
ни днем, ни ночью не жалел себя,
коню не давал отдохнуть,
ни на миг не прерывал путь.
Конь в пути, как птица, пластался,
добрался Аваз до гор дагестанских.
Гонит, спешит он
наверх, к вершинам.
Въехал в ущелье, едва рассвело, —
тут ему страхом тело свело.
Огромное войско стоит в ущелье,
заняло долину, закупорило щели.
Решил он, что ему привиделось с горя.
«О боже, — говорит, — что это такое?
Кого это войско окружает,
в поле выйти не разрешает?
Может, Хасанхана? Так и есть!
Зачем бы иначе стоять им здесь?»
Бедный Аваз
в мыслях увяз.
Говорит себе: «Чего это я поник?
Чего я буду глядеть на них,
ношно и денно
стоять без дела?
Сорок дружинников едут следом,
скажут — от страха совсем ослеп он,
растерялся,
нас дожидался,
только когда подъехали — чуть-чуть оклемался.
Будут передо мной гордиться —
а мне их упреки слушать не годится.
«Кто боится дани —
скота не выращивает,

кто боится брани —
меча не вытаскивает».
Надо вступать в сражение —
нет другого решения!»
Слез с коня, чуть-чуть
дал коню отдохнуть,
подтянул подпругу,
натянул кольчугу,
щит на плечо, меч на боку —
сел на коня и на всем скаку
помчался к врагу.

А теперь вот что:
послушайте про это войско.
Два месяца будет вскоре,
как оно расположилось в предгорьях,
отрезало все пути:
не проехать и не пройти...
Авазхан, боевой клич испустив,
коня во весь дух пустив,
при крике и гаме
смешался с врагами.

Те, что лежали без дум, без опаски,
не ожидали какой-нибудь встряски —
тут закричали: «Держи его! Бей!
Целься из лука! Сбивай его сразу!»

Храбрый Аваз,
положась на аллаха,
в центре как раз
в них врубился без страха.
Рубит наотмашь в такой тесноте,
головы сносит им с первого взмаха!

От Гороглы он, удар тот удалый —
враг поражается силе удара.

Истинно храброму страх не мешает:
он о себе ведь не помышляет!

Есть и среди недругов ладные парни —
«Мы, мол, не хуже» — решают в запале!

Что же, рубитесь, принявши решенье,—
только не трите потом себе шею!

Храбрый Аваз учиняет им сечу —
рубит любого, кто вышел навстречу.

Рубит их разом по восемь, по девять —
гляньте, как надо покойников делать!

Вражьи ряды, как овец, обкорнал он.
Воет тревога огромным карнаем,
войско проснулось, спешит окружить —
сотни и тысячи с каждого края.

Но бол Аваз на тулпаре могучем
мчится на них, как орел из-под тучи.
Острый сверкает в руке исфахан,
рубит наотмашь, напрасно не муча!..

Волком голодным
в стаде овечьем
гонит врагов он,
наземь их мечет.

Сладит Аваз
с ратью неслабой —
бьет, словно барс
мощною лапой.

Вражий батыр — что пред Авазом?
Разом умрет, сброшенный наземь.

Скачут войска,
в ужасе кружат,
посвист клинка,
выстрелы ружей.

Горы полны
топотом конным,
стоном толпы,
свистом драконьим.

Вот он — один, гонит же — сколько!..
Хоть и дралось яростно войско...

В армии всей
страх и смятенье,
кличут друзей,
скачут от тени.
«Бейте! Держите! Рубите его!» —
сотни бегут с криками теми.

Скачут, бегут поневоле по кругу
и оставляют порубленных груды.
Драться же можно, коль смотришь в лицо
друг другу...

Кони прядают,
пули свистят,
головы падают,
арбы скрипят.
С гор низвергается
каменный град.

Яростный треск
винтовок китайских.
Наперевес
батыры их тащат.

Взяты в руки,
натянуты луки.

Труссы торопятся
за перевал,
падают, гребятся...
Катится вал!
Пеший и конный —
страху покорны.

Кустов островки
избрали стрелки.

Страхом объятые,
гонят коней,
и благим матом
вопят они: «Бей!»

Сколько Аваз порубил среди них,
что за батыры повергнуты ниц!

Только что мчались, до жизни охочи,
но изломали их смертные корчи.

Мчит бол Аваз посреди, одинокий,
пьян от удачи, далек от тревоги.

С вражьей толпою смешался, сечет,
и не берет многолюдства в расчет.

Машет несчетно и рубит мечом,
думает — всё ему тут нипочем.

Истинный муж, уроженец Хунхара,
он всё пьяней от лихого угара.

Сколько, которых и пули не брали,
наземь поверг он на поле брани!

Путь его яростный неуследим:
с войском огромным бьется один.

Трава Дагестана от бойни жиреет:
рубит врага он, себя не жалеет.

Бьется жестоко
на поле брани,
сыплет потоком
яростной брани.
Войско несчетное в страхе бежит,
все в суматохе и ужасе крайнем.
Доблесть батыра являет йигит,
цветом отмеченный юности ранней.

Рвется вперед он, как бешеный призрак,—
это бесстрашия львиного признак.

Он не уронит чести туркмена.
Горы — опорой служат отменной.
Сколько могучих гонит один,
всем воздает им полную мерой!

Может ли войско один одолеть —
самый отчаянный, сильный и смелый...

Стало темно — и опять посветлело.
Страху надежда явилась на смену:
войско увидело, кто перед ним —
попросту мальчик, отчаянно-смелый!..

Попросту мальчик с телом литым —
всюду маячит, мчится, летит,
бьется среди многолюдного поля...
Взрослый такого не выдержит боя!

Но у героя
подымется дух,
коль среди боя
бьется за двух!

У труса ж от страха мокнут глаза,
мокнет рубаха, дрожат телеса —
в седле натрясутся
за час, как за сутки!

А смерть в свои сети
ловит бойцов:
в отчаянной сече
не счесть мертвецов!

Кровавая каша
из кизилбашей —
кто сосчитает в ней
раненых, павших?

Хоть и удалым
трус — не чета,
в ряд под ударом
легли без числа!

Паром кровавым воздух заполнен:
солнце увидели чуть ли не в полдень...

Пусть бой идет своим чередом,
а вы послушайте пока о том,
как на вершине дела пошли
у Хасанхана и Хан-Далли.
У Хасанхана
зарубцевалась рана.

Он уже и на боль не сетует,
встает понемногу, с Далли беседует.
Вдруг они слышат: пушки палят,
стреляют раз за разом подряд,
карнаи гудят,
сурнаи пищат.
Скачут, воят боевые ватаги:
«Ур-хе, бейте, хватайте!»
Хасанхан говорит Далли:
«Слышишь, милая, что там в долине?
Стрельба, борьба,
аж пот со лба!
Карнаи, сурнаи —
все трубы согнали!
Что там такое готовится,
чего они так беспокоятся?
Ну-ка, милая, взгляни-ка с камня,
чего это они так заскакали?»
Смотрит Далли
вниз со скалы,
видит: кто-то, совсем мальчик,
посреди шахского войска скачет.
У него под седлом безгривый гнедой,
а сам-то крепок — весь как литой,
гонит врагов, хоть и молодой,
сабля в руке — только б косить ему,
пика в руке с двумя косичками.
Мчится он по камням и кручам
со своим боевым кличем —
откликаются неустанно
горы гордого Дагестана.
Он закричит: «О Хасан!» —
ущелье гремит: «О Хасан!»
Тут без труда Далли угадала,
кого внизу она увидала —
поняла: это один из тех,
кого послал за Хасаном отец,
и этот батыр непобедимый
разыскивает ее господина.
Рассиялась она,
радости полна,
заливается, как соловей в саду зеленом,
к Хасану пришла с поклоном,
веселится,

прихорашивается, как райская птица,
губы изогнула, распрямила стан —
и своему господину говорит так:

«Ты вздыхаешь, сердце облегчаешь,
сорок славных братьев вспоминаешь
и родных своих у очага —
мол, в горах с тобой Далли одна лишь...

Но, о бек мой, радость нам маячит —
там, в долине, объявился мальчик:
юн годами, телом — так могуч,
из металла отлит, не иначе!

Он летит, стремительный, как сокол,
жемчуг в косах и на лбу высоком,
кличет брата и в тоске по нем
гонит, бьет и наземь валит сотни!

Конь гнедой, безгривый, а на пике
две косы. Сияние на лике...
Шапка с мехом, бархатный халат...
Кто тебе воитель тот великий?

С виду лет четырнадцать, тринадцать.
Он прекрасен, трудно не сознаться!..
Лик — луна, а грозен, как гроза!
Кто тебе он, тот воитель знатный?

«Брат!» — кричит, и твое имя тут же,
молнией блеснит во вражьей туче.
К вечеру покончит он с врагом!
Кто ж тебе он, тот дракон могучий?

Стонет, твое имя называет,
а врагов-то рубит, не зевает.
Птицею под ним несется конь.
Кто ж тебе он, что к тебе взывает?

Молод так! Он очень, очень молод,
но враги бегут, спасенья молят.
Кто же тот красавец молодой,
с кем сравниться гурии не могут?..

По тебе тоскует он недаром.
На врагов кидается удавом.
Всех — один заставит горевать
этот воин мощный и удалый!

Мальчик, мчит он яростным драконом,
словно смерч, сметает всё кругом он.
А видать, скакал издалека!..
Устали не знает этот конник...

Он один приехал иль с дружиной?
Стонет он в тоске неудержимой..
В одиночку бьется он пока,
мощью наделен несокрушимой.

Чую я: тебя он очень любит,
мальчик тот, пред кем бессильны люди.
Сам аллах его сюда послал —
нас избавить от напасти лютой!

Он летит быстрее молвы народной.
Он — из благородных благородный.
Лучший из красавцев на земле
из беды нас вызовет огромной.

Он среди йигитов смелых — сокол.
И тулпар его — из мощи соткан.
Молод он, но для врагов — удав,
войско повергающий с наскока.

А красив — как десять гурий разом!
Видевшие — потеряли разум.
Кто же, кто ж он — вызволить тебя
посланный создателя приказом?

В мире нет молитвы без ответа.
Славь аллаха, чей ответ так меток!
Горе прочь! Спасение пришло..
Кто же он, защитник славный этот?

Радуйся, мой бек! Я тоже рада.
Наши радость и спасенье — рядом.
Мальчик тот приехал за тобой..
Кто же он, кому твой вид — отрада?..»

А Хасан ей сказал:
«Милая Далли, не печалься, красавица,
теперь наши дела поправятся —
это аллах нас услышал:
приехал мой молочный брат Авазхан.
Ведь тот, что внизу на врагов охотится —
младшим братом мне приходится!
Этот йигит тринадцати лет —
твой муж Аваз, молодой лев!
Соскучился по мне, отцу ли в угоду —
а скорее выехал на охоту,
да и занес его тулпар —
а то бы он сюда не попал.
Если он один приехал — значит,
так всё и было, а не иначе.
Мне бы навстречу ему поспеть!..
Слушай, Далли, надень-ка доспех,
на коня садись,
вниз спустишь,
там коня останови — да
так, чтоб всё тебе было видно.
Гиркук только на поле выйдет,
коня его увидит —
сразу заржет,
страсти разожжет.
И его скакун, слышав Гиркука,
заржет в ответ,
призывая друга, —
из любой сечи
устремится ему навстречу.
И Аваз, как узнает коня,
сразу смекнет, что ты от меня,
за тобой без спора
поедет в горы.
Так что, зря минут не растрчивая,
поспеши-ка вниз, приведи мальчика!
А то, не ровен час,
еще под меч попадет Аваз...»
Такой он ей отдавал приказ:

«Был я одиноким — стал скитальцем нищим,
и лежу теперь я, дней накрытый днищем.
Милая, скорей Гирата оседлай:
Авазхан приехал, и меня он ищет!

Как по площадям я гарцевал когда-то!
Но бессильно тело. Жажду видеть брата.
Милая, скорей зови его ко мне:
Авазхан приехал, помощь и отрада!

Сетованья эти, Хан-Далли, послушай,
Чести и победе Авазхан послужит.
Сядь же на коня ты, покажись ему:
привезешь мне брата — и спасешь мне душу!

Баловнем растили, удержу не знал он,
а подрос братишка — стал могучим наром.
Милая, скорей вези его ко мне:
эй, Далли, то муж твой, или не узнала?

Как цветок раскрытый, бол Аваз прекрасен,
пеньем соловьиным, дивной речью красен.
Милая, скорей вези его ко мне.
Брат мой — господин твой! Подоспел как раз он...

Привези мне брата,
Наглядеться надо.
Буду жив — до смерти будет сердце радо.
Милая, скорей вези его ко мне:
расспрошу о доме, о пути обратном!

Оседлай коня и поспеши навстречу.
Как тебя увидит — он закончит сечу!
Перед вражьем войском он, как я, один:
как бы не случилось раны иль увечья!

Чуть его увидишь, позабудешь беды.
Проживешь счастливой годы в Чамбильбеле.
Поспеши к нему, пусть будет не один!
Поддержать Аваза впору не тебе ли?

Плакал одинокий, мужество утратил —
слезы мои принял, увидал создатель.
Я рыдал — мол, прах мой предан всем ветрам! —
и привел мне брата высших благ податель!

Был в горах я ранен,
спасся с поля брани —
ты была со мною в час нужды бескрайней.

А теперь и брата ниспослал аллах...
Поспеши к Авазу, нашей дружбы ради!

Чуть тебя увидит — он признает друга.
Всё поймет, услышав ржание Гиркука.
Милая, ты только покажись ему —
он поедет следом, вот тебе порука!

Он коня признает тут же, в миг единый,
и помчится следом Авазхан мой дивный.
О Далли, скорей Аваза привези —
ведь твоим он станет мужем, господином!

Боль и радость сразу слиты в слове вещем.
Повези Авазу обо мне ты вести.
Милая, скорей Аваза привези!
Даллиджан с Гиратом, поспешайте вместе!

Был скитальцем бедным, радости не чаял,
а теперь — спасибо! — прочь ушли печали.
Привези батыра, милая, ко мне —
как давно друг друга с ним мы не встречали!

Бол Аваз печален, он грустит куда.
Только не стряслось бы никакого худа!
Привези батыра поскорей ко мне —
победит разлуку нашей встречи чудо.

Был один в пути я — и беду изведаль.
А теперь — спасибо! — час кончатся бедам!
Вот он, видишь? — рядом мой молочный брат!
Покажись Авазу — он помчится следом.

Одинокий путь меня скитальцем сделал.
Сил былых лишилось и обмякло тело.
Ну, не унывай же — и скачи к нему!
Клич Аваз услышал — вот и прилетел он...»

Вот теперь Далли оседлала Гиркука,
подтянула подпругу,
едет за Авазханом, размышляет,
но мощь Авазхана ей мешает,
приводит в смущенье,
она себе говорит в смятенье:

«Эй, Далли, что с тобою,
что на тебя напало такое,
что это за стыд,
что за бес тебе мстит?
Чего стесняться, чего дичиться —
он-то еще совсем мальчишка!
Мужем не станет — так вместо брата...»
Хлестнула она Гирата,
а тот зубы скалит,
гарцует, скачет,
фыркает, мчится — скал не касается,
вниз уносит свою всадницу.
Услышал Гиркук конский топот,
глаз скосил и цель находит,
уши наострил, затанцевал иноходец,
встал, горд,
под гребнями гор.
А внизу конники от удара Аваза
то вправо все откачнутся разом,
то влево
летят слепо.

Скрытый смысл имеет каждый спор.
Кони ржут в долине среди гор.
Хан-Далли на скачущем Гиркуке
поднялась на каменный бугор.

О аллах, перед тобой мы — воск.
Конь Далли на край скалы привез.
И она, в долину глядя сверху,
Авазхана видит среди войск.

И Гиркук Аваза увидал,
и заржал, и гриву разметал.

Чуть Гиркука ржанье разнеслось —
дрогнул камень, небо сотряслось.

И с врагом сражавшийся Аваз
глянул — и признал Гиркука враз.

Посмотрите, что за танец начал,
головной убор переиначил,

словно собирается на той...
И под ним, как гром, заржал гнедой.

И Гиркук сияет, как цветок,
весь дрожит и ловит воздух ртом,

а услышав ржание гнедого,
ржаньем огласил и высь и доли!

Кони озадачили Далли,
чуют друга, даром что вдали.
Как тут быть? И Авазхан в смущенье...
О аллах, решеньем одари!

Девушка застыла, смущена,
Авазхан недвижим, как она,

так они стояли б и донныне,
но раздался новый гром в долине —

сорок львов по следу подошли...
Их признав, помчалась вверх Далли!

Гиркука Аваз-то узнал сразу,
а вот седок незнаком Авазу.
«О боже,— говорит,— Гиркук под врагом!
Кто бы подумать мог о таком!
Ведь, бывало, под чужим и шагу не ступит,
кроме хозяина никому не уступит!
Где ж его злость?
Что же стряслось?»

Пока думал Аваз, не находя ответа,
сорок йигитов подъехали следом —
подскакали гурьбой, все в пыли.
Увидала их Хан-Далли,
посмотрела на лица, на коней, на одежду —
одежда, как у Аваза, и кони те же —
поняла, кто это, помчалась назад:
пускай же порадует Хасан.
К вершине она подкатывает,
радуется, рассказывает:

— Стонет, словно раненый,
мощный человек,

полыхает пламенем
синим из-под век,
черный весь от горя,
как ива от огня,
и седого гонит
могучего коня —
кто же этот плачущий, кто это, скажи?

— То моя надежда,
отец мой — Гороглы,
упаду — поддержит,
извлечет из мглы.
Славный бек явмута,
грозный падишах
в нужную минуту
с войском подошел!
Тысяча спасибо, о защитник мой!

— Тело словно выточили
разом из ствола,
пика с двумя кисточками
на руку легла,
конь под ним саврасый,
тяжек и суров,
глянет сам — и сразу
распугнет врагов!
С бородой седою, это кто такой?

— Славен речью мудрой,
силою руки,
старшина явмута
и краса таки,
в золоте наряда,
в ярое блеске лат —
государя дядя,
грозный бек Ахмад!
Дядя мой за мною прибыл, о Далли!

— С венценосцем рядом
молодой йнгит,
что красой наряда
и отца затмит,
разом тысяч сорок
поразит удар,

пламенные взоры,
яростный тулпар...
На коне буланом это кто такой?

— Это удивительный,
Далли, человек...
Те, что его видели,
не забудут век.
Он скакал по году
и не отдыхал —
славный полководец,
брат мой Халдархан!
Да, за мной приехал брат мой
Халдархан!

Так Хан-Далли расспросила про всех,
рядом с Хасаном на камень присев:
кто, мол, на сером?

А тот, непоседа, —
лицом ко мне
на туркменском коне?..
«Асад... Шадман...» —
отвечает Хасан.

Теперь ей известен каждый йигит.
Но пусть пока с Хасаном сидит.
А сорок йигитов, скача неустанно,
прибыли в горы Дагестана.
Смотрят, в долине войска не счесть.
Аваз отстаивает богатырскую честь:
враги перед ним в небывалом числе,
а он не глядит — наступает, как лев.
Радуются беки, гордятся Авазом,
а сами слезают наземь,
подтягивают подпруги,
надевают кольчуги,
сабли на боку, пики — в руки,
шутят меж собою,
готовятся к бою.

А один, до похвал падкий,
чует: душа у него ушла в пятки.
Ясно и так:
зовут его Тулак.

Он на покое в героях ходил —
вот и назывался Тулак-батыр.

Пока не доходило до поля брани,
беки его охотно с собой брали.
С ним, говорят, не скучно, он посмешит,
всегда что-нибудь рассказать поспешит.
До сих пор на диво
всё хорошо сходило.
А теперь Тулак и сам не поймет:
с чего это он от страху ни жив, ни мертв.
Увидел слишком большую рать —
не смог и для виду силы собрать,
потерял разум, тужится, как заика,
из рук на землю выпала пика.
Глаза на лоб полезли,
трясет его от старой болезни:
бледнеет от испуга, краснеет от испуга —
у него, как у коня, ослабла подруга!
И вдруг он как заорет:
«Вайдот!»
А каким он глядел героем, когда
его, бывало, слушала михманхана!
Дома, перед очагом,
не знал он равных в бою с врагом!
Там теряться бы не стал он
и перед самим Рустамом!
А на деле этот батыр
в поле осторожненько выходил.
Это теперь он не мог из-за гор
увидеть заранее, сколько врагов.
Иначе ввек бы не допустил риска,
умер бы — но не подъехал близко!
Глядит Тулак перед собой —
сорок йнгитов готовы в бой.
Он им только и сказал в поту:
«Идите, братцы... я... потом пойду...»

На что мне бой, на что мне рать
и воинские станы?
Не стану больше воевать,
коня кормить не стану.

Саврасый был в дорогу дан,
но так в пути оголодал,
что сил идти не стало.

Не стану воином опять,
ваш конский корм не буду брать!
Тулак-то вовсе не дурак,
зачем задаром умирать?

Осталась мать,
остался зять,
сестра в дому осталась,
в платочке беленьком жена,
что столько лет со мной жила,
сыннок, подросший малость!

Не стану воином опять,
ваш конский корм не стану брать!
Батыр Тулак ведь не дурак,
чтобы задаром умирать.

Купил я двух больших гусей —
и двух игривых голубей
купил я на базаре.
Остался у меня петух...
А самого — скакать за двух
зачем-то обязали!

Не стану воином опять,
ваш конский корм не стану брать...

Сидел молясь бы, божий раб,
тачал бы строчки, как Машраб,
два дела разом делать рад!..

Не стану воином опять,
ваш конский корм не стану жрать!

Мне добрый голос дал аллах,
я стал бы петь газели,
как пес охотничий, в делах
заботы сплел с весельем.

Не стану больше воевать,
ваш конский корм не стану жрать!

Осталась в сундуке тетрадь,
где много добрых строчек,
голубка, что со мной играть
хоть целый день охоча.

Не стану воином опять,
ваш конский корм не буду брать.

Чапан остался в сундуке,
осталась шапка на крючке,
кричащая без толка
лихая перепелка.

Не стану больше воевать,
ваш конский корм не стану жрать!..

Висит на вешалке чалма,
едва-едва из лавки.
Одна бела, одна черна —
без верха две подкладки.

Есть дюжина учеников —
отчаянных мальчишек,
способных без обиняков
чужой прибрать излишек...

Не буду воином опять,
ваш конский корм не буду брать!..

Я дома сладко жил весьма:
вставал всегда до солнца —
меня будили ото сна
веселых два гусенка.
Я не хочу ходить в поход —
я жить хочу под крышей,
ждать, когда дочка распахнет
свои глазенки-вишни.

В дружину не вернусь опять,
ваш конский корм не стану жрать!

Я дома жил не хуже всех,
имел в дому достаток.
Озимый бросил я посев,
козу и двух козляток.

Не буду больше воевать,
ваш конский корм не буду брать!

Не убрана моя постель
и три снопа на поле.
Загон овечий опустел,
и кот ушел на волю.

В дружину не пойду опять,
ваш конский корм не стану брать!

Скачи, коль дома — ни черта,
излишек есть силенок.
У нас же дома — кочерга
и рыженький теленок.

Не стану воином опять,
ваш конский корм не стану брать!

Не буду слушать я пальбу,
домой тихонечко пойду,
где ждут моей поверки
и пес с отметиной на лбу,
и риса две-три мерки,
и годовалый мой бычок,
на солнце греющий бочок,
мой нищий пьяненький дружок,
мякины маленький мешок,
и груз соломы для осла,
травинки в поле без числа,
и ямы и пригорки,
слова и поговорки.

В дружину не вернусь опять,
ваш конский корм не стану брать!..

С воротами остался двор,
остался в поле клевер,
и дверь, с дырой с недавних пор,
что я кой-как заклеил.
Одежка пестрая моя,
и две-три пачки чаю.
А дочка вострая моя —
как я по ней скучаю!

Для острых глаз, для крепких рук —
остался кизилковый лук.

Не стану воином опять,
ваш конский корм не стану брать!

Всё перечислим до конца:
остался тар двухструнный,
любовь жены, тоска отца
да лик дочурки лунный.
Приду, бывало, как султан:
за рукава стяну чапан,
потом пройду по саду
и под навесом сяду!

Не буду больше воевать,
ваш конский корм не стану жрать.

Зачем я дурака сваял?
Остался у меня свояк,
добра в доме немало,
щепа для самовара.
Хоть нет особенных палат,
но бродит парочка цыплят,
и верно службу служат
двенадцать штук несушек.

В дружину не вернусь опять,
ваш конский корм не стану брать.

Чем свой в горах
оставить прах,
без толку пасть в бою,
вернусь-ка я
в свои края —
жену согреть мою!

Не стану больше воевать,
ваш конский корм не буду жрать.
Батыр Тулак — он не дурак,
чтоб умирать за просто так!

Теперь наш батыр Тулак оглох — и
совсем-совсем ему стало плохо.

Челюсти дрожат,
зубы стучат.
Не поймешь, что с ним и будет сейчас —
не то помрет,
не то заорет...
Когда йигиты шли в наступленье,
Гороглы Халдархана ставил последним —
следить, чтоб, попав во вражий стан,
никто не отбился и не отстал.

Смотрит Халдархан — кого-то трясет:
стоит Тулак, чушь со страху несет.
Рассердился Халдархан — с саблей наголо он
к нашему храбрецу подъехал галопом.
«Эй, — говорит, — что это ты, Тулак,
не вовремя разболтался так?»
И дальше он ему говорит:

«Ты что это, в сраженье — хныкать вышел?
А ну, уймись, пока я дух не вышиб!
Прибью тебя, проклятого шута,
твоим гусям одни останки вышлю!

А если ты в войне не знаешь толка,
поддам разок — и всё постигнешь тонко.
Прибью тебя, Тулака-дурака,
твоим гусям оставлю остов только.

Что толку в бой могучим мчаться бекам,
коль трусы нас своим позорят бегом?
Я, вождь явмут, убить тебя могу —
И всем твоим конец настанет бедам!

Кричишь — тебе, мол, умирать не к спеху?
Я дам разок — и всё, и песня спета.
Поторопись, пора твоя пришла —
кто посмелей, тому оставь доспехи!

Что это на тебя за ветер дунул,
что ты гусят своих хвалить задумал?
Съедим их на поминках по тебе —
бедняга, мол, терзается в аду, мол!

Қо всем чертям порву твои тетрадки,
из-за которых ты играешь в прятки...
Продам твоих игривых голубей,
чтобы тебя похоронить в порядке!

Тебя я прохладяться не оставлю,
в высоком долге воинском наставлю!
А ну, уймись, не то над головой
мою и впрямь сейчас увидишь саблю!»

Услышал Тулак Халдарханову речь,
думает: «Всё! Хоть в землю лечь.
Аллах вылавливает поодиночке;
сочтены мои дни, кончились денечки!
И куда я метил, зачем шел?
К своей смерти — сам пришел!
Куда теперь деться?
Не отвертеться!»
А сам глядит, притворяется —
криво так улыбается:
«О мой бек,
да не знать вам бед!
Это я так друзей испытывал,
просто посмеяться хотел над йигитами.
Вам-то храбрость моя известна,
рядом с Гороглы-беком мое место,
меня сравнивали недаром
с Халдарханом и Ахмадом Сардаром!

Бек, я шутил!.. Я могуч и отважен,
в битвах не раз я оружие уважил.
Я постою за таки и явмут —
храбрость моя превосходит и вашу!

Время ли думать о собственной пользе?
Я среди прочих герой наибольший!
В шутку я всё это тут говорил...
Ты, Халдархан, за Тулака не бойся.

Надо — пойду на врага в одиночку,
гвалт подниму — и победу упрочу.
Ты за Тулака не бойся, о бек!
Сам я помчусь — поведу с собой прочих.

Столько дорог мы проехали дружно!
Конь мой при мне и на месте оружье.
В бой понесется Тулак-богатырь,
ты же гляди, как врага я порушу...

Сечу начну — последи ты с отрога
и, о Халдар, оцени меня строго.
Глядя, как с гиканьем рушу врага —
должность свою мне уступишь, ей-богу!..»

Халдархан говорит: «О батыр Тулак,
мы с тобой порешим так.
Видишь, вон там, напротив как раз,
в одиночку бьется Аваз?
Дружина тут постоит, поглядит,
а ты, как самый храбрый йнгит,
поскачешь один на ту сторону,
бой разделишь с Авазом поровну.
А мы наградим твой порыв непритворный —
будешь отныне конюх придворный!»
Отвечает Тулак: «Нет, нет, мой бек,
я дружину не бросал вовек!
Буду на своем месте
сражаться со всеми вместе...»

Тут приказал Гороглы наступать.
Помчались батыры на вражью рать.
Рвутся, рады.
А для Тулака всё это — хуже ада.
Гикает дружина, сгрудилась тесно,
кони задних напирают на тех, что
вырвались вперед.
И у Тулака конь не отстаёт.
Тулак потихоньку поводья натянул,
но конь в ответ и глазом не моргнул.
А кто-то из йнгитов, что рядом скачет:
«Эй, — говорит, — Тулак, это что значит?
Чего останавливаешь коня?»
— «Да вот, мол, стремя разболталось у меня,
поправить хочу...» —
«Эй, быстреей!..» — поднял камчу,
и — раз его! —
хлестнул саврасого.
А саврасый словно того и ждет —

вырвался вперед,
вынес Тулака, разинул пасть,
в самую драку норовит попасть.
Храбрый Тулак
растерялся, бедняк,
обмяк, ослаб ли —
выронил саблю,
двумя руками за луку седла
держится, не смотрит ни туда, ни сюда,
не знает со страху — молиться кому,
слезы льет, говорит коню:

«Впереди одни враги.
Эй, саврасый, не беги!
Словно мерин,
будь умерен!
Или встал не с той ноги?
ТЬфу, проклятый! Что за бег?
Я, небось, от страха бел...
Если всадник
лоб рассадит —
не уйдешь и ты от бед!
Я, Тулак, могу унасть!
Ну, чего разинул пасть?
К смерти мчится, словно птица...
Прочь пора нам уноситься,
эй, крылатая напасть!

Искр сноп из-под копыт.
Впереди-то бой кипит.
Тпру, проклятый!
Ну, куда ты?
Что летишь, как бесноватый,
сохраняя ярый вид?
Я хозяин, мне — расплата:
ты в плену, а я убит.

Тпру, скотина! Уже шаг!
Пропадет с тобой Тулак.
Что за толк тебе великий,
коль меня возьмут на пики?
Ну, чего ты мчишься так
прямо в бой, где кровь и крики?
Тпру, ишак! Короче шаг!

Иль тебе приятен труд
на себе везти мой труп?
Кто-то дернет за уздечку...
Не накормят доброй сечкой,
мокрый круп
не оботрут.
Как тебя я холил тут,
вспомнишь ты еще, конечно...
Тпру, проклятый! Ну же, тпру...»
Просит саврасого, молит Тулак —
конь не останавливается никак.
У Тулака от страха ум за разум заходит —
забыл, что надо держать поводья!
Не может в испуге
от луки оторвать руки.
А если уж сам обезумел сполна,
как тут остановишь скакуна?
Вдруг перед носом у Тулака
промелькнул край оврага.
«Эх, — думает, — чем ждать кизилбашской
сабли,

лучше с жизнью покончим сами!
Вниз на коне —
и сразу конец!»
Наклонился Тулак
и с коня — бряк!
Прямо в овраг.
Угодил четко —
в самую середку.
Упал мягко — ничуть не пострадал.
Встал тихо, смотрит по сторонам,
видит — нора с широким лазом.
Он себе говорит сразу:
«Это, видать, нора старая,
зверье давно ее оставило.
К черту битву! О чем речь?
Лучше в этой норе умереть».
Лег на живот,
в нору ползет мордой вперед —
не то лиса, не то собака.
Вот уже и не видно Тулака!
Говорит себе: «Молодец, Тулак!

А ты, ей-богу, не дурак.
Вот Гороглы-бек с дружиной —
те и вправду ума решились.
Чтобы из-за одного Хасана
все сорок полегли сами!
Теперь-то уж с ними точно покончено —
лежат, небось, порублены, скорчены.
Один на тот свет не угодил —
это мудрый Тулак-батыр!
Нет, Тулак торопиться не хочет!
Он подождет до ночи,
полежит дотемна,
выйдет, поймает скакуна —
их тут будет много! —
и к утру будет далеко...
Глядишь, тут
и Таки-Явмут.
Изо всех сорока, из трудной дороги,
лишь Тулак и вернется живой-здоровый».
Пусть Тулак
рассуждает так,
лежит под кручей
в норе вонючей.
А мы продолжим наши речи
о сорока батырах, готовых к сече.
Гороглы сразу понял, что эту рать
против Хасанхана пришлось собрать.
Чуя, что Хасанхан здесь, живой,
Гороглы, как лев, рвется в бой,
как тигр перед прыжком,
как барс перед броском,
как медведь перед врагом —
вперед, вперед
йигитов зовет:

«Каждый день едим на дармовщину,
а как в бой — иди ищи мужчину!
Кто уселся в седла Гороглы —
к отступленью не ищи причину!

Вы себя моей одеждой грели,
нетерпением яростным горели,
так теперь просите Гороглы,
пусть врага покажет вам скорее!

Мчались вы по высям и низинам,
эй, батыры, всюду вас носило!
Ну же, беспощадные мои,—
неужели гнать вас в бой насильно?

Не страшны тулпару расстоянья,
добрый конь слабеет от стоянья.
Бой — подарок людям Гороглы,
лучшее для духа состоянье!

Нелегко коням на плоскогорье.
Враг есть враг — такой ли он, другой ли.
Гороглы батырам — всё равно:
бой начнут — любим врагам на горе!

Вождь — чинар,
а воины — как сучья.
Каждый воин — нар,
мой груз несущий.
Все вперед, на подлого врага!
Хуже бабы воин, вспять бегущий!

Храбрым — честь не станет тяжким грузом.
Смелый слово не доверит трусам.
Отступивший — хуже жалких баб.
В бой! Пусть каждый тысячу порушит!

Вниз и вверх, на скалы и на камни!
Бейте всех тяжелыми клинками.
Не жалейте жизни — и врагов,
добивайте их без содроганья.

Пусть пощады просят — не жалейте:
ранили Хасана звери эти!
Не жалейте жизни — и врага!
Если только совесть дорога,
лишь вперед коней гоните плетью.

До конца не отступайте, беки,
до конца рубите их и бейте.
Справа вы — я с левой стороны,
вместе мы к одной придем победе.

Кизилбаши,
саваны примерьте!
Срок для нашей
наступает мести.
Не жалея жизни — и врага,
смело, беки, нападайте вместе!

Каждый тысячу погубит,
кровь, как воду, будем пить,
каждый пусть себе прорубит
через вражье войско путь.
Все вперед! Гоните взащей
распроклятых кизилбашей!
Наступайте на врага!
Кровью вражеского стада
смочит скалы Дагестана
славных воинов рука.

Сорок витязей отважных,
не жалеете жизней ваших
и тупите без пощады
вашу сталь на кизилбашах.

Крепок меч в могучих дланях —
вышибайте ж из седла их!
Длите яростную сечу,
справа, слева налетая!

Наступайте на врага,
не ведите счета ранам!
Им еще за Хасанхана
не заплачено пока.
Наша сбруя вся из плюша,
и у вас ничуть не плоше.
Сладко с девушкой в саду,
но, коль силы не ослабли,
выше пики, выше сабли,
вражьей славе на беду!
На врага летите люто,
изо всех стремитесь сил,
как стрела летит из лука
или грозный Азраил.

Счета нет смертям и ранам —
наступайте на врага!
Кизилбашам за Хасана
не оплачено пока...

Голубую неба кровлю,
камни гор — окрасьте кровью
с беспощадного клинка:
раскройте так врага,
чтоб кровавого раскроя
след остался — на века!

И враги, и вражьи клячи —
добрый воронам обед.
Пусть по тыще — не иначе! —
их порубит каждый бек.

Убивайте их, покуда
выше гор не станет груды.
Наступайте на врага!
Лейте кровь и лбы рубите
за Хасана-смельчака!

Соколы, не будьте ровней
воровской орде вороньей,
мчитесь молнией на них,
отбивайте друг от друга —
пусть растет убитых груды
выше этих гор самих.
Лейте кровь и лбы рубите,
наступайте на врага,
без пощады отомстите
за Хасана-смельчака!
Наступайте, мчитесь, войте,
загоните их вконец,
словно яростные волки
в стаде загнанных овец!

Кто отвагою украшен,
кровь такому — как вино.
Сколько силы в войске вражьем —
для батыра всё равно.
Познаются в битве беки,
и тулпара зря не бейте —

кони истинных пород
сами ринутся вперед.
Беки, жизни не жалейте,
кровь врага несчетно лейте,
оправдайте, о орлы,
хлеб и соль Гороглы.

Наступайте на врага,
смело головы рубите,
славно, беки, отомстите
за Хасана-смельчака!

Бейте тех, кто крепче прочих,
нам пора с врагом покончить,
из берданок эту рать
перебить, перестрелять.

Ужас трусом верховодит,
а коню закон — поводья.

Сабель стая,
стук подков.
Настигая,
бей врагов!

Трус — как труп перед удалым.
Наземь их одним ударом!
Тех, кто вами с седел сбит,
лихо сбрасывайте с пик.

Нападайте, сорок смелых,
миг используйте такой,
и ведите бой умело
с обезумевшей толпой.

Порезвитесь в этом войске,
как в овечьем стаде волки,
на сильнейших из орды
налетайте, как орлы.

Урожай обильным будет,
будет слава вам и честь,
и врагов погибших груды
не сумеем перечесть.

Орошайте неустанно
кровью — камни Дагестана!
Эй, батыры Гороглы,
молодцы таки-явмута,
покажите, что могли
вы в горячую минуту.

Пусть крылатые тулпары
вздрагивают от камчи,
под напором вашим ярым
побросает враг мечи.

Пусть над павшими своими
Эрзерум ревмя ревет,
и запомнит ваше имя
кизилбашский народ.

Знамя вражеского стана
опрокидывайте вновь
и на камни Дагестана
неустанно лейте кровь!

Холостых кроша парней,
забирайте их коней,
режьте головы батырам,
но не тем, кто кажет тыл вам:
меч оставит беглеца
с головой — но без лица!
Пусть же кровь из вражьих ран
заливает Дагестан!»

А сорок йнгитов, оставив поводья,
стремительно к вражьему войску подходят,
летят на конях, впереди — Гороглы,
и в скачке могучей всю мощь свою кажут,
тела их — как будто из каменных глыб,
и вот уже кровь они пролили вражью,
и вот уже вражьи ряды полегли!

И с яростным кличем несутся все сорок,
и разом врываются в гущу врага,
и поле сраженья —
в кровавых узорах,

гора в окруженье
лихих сорока.

«Тяни его! Бей его!..» Люди и кони
сражаются с ревом и воем драконьим,
в немыслимой свалке, начавшейся тут,
не глядя, великую сечу ведут.
Какие батыры здесь в единоборстве!
И те, кому землю обнять суждено,
горячую пролили кровь, как вино...

Но блещет всё так же могучая горстка
алмазною сталью клинков своих острых —
«кел-хе!» — вызывают, мол, кто посмелей —
идите, на бой вызываем отважных,
немало из седел мы выбили ваших,
упавших на смерть, под копыта коней!..
И бьются, и скачут отчаянно сорок,
и кони лихие — в кровавых узорах:
на свете не видели сечи страшней.

Так сорок бойцов во главе с Гороглы
себе подходящее поле нашли
и рубят подряд рядовых и батыров,
чтоб жажду отмщенья свою утолить,
преграду с дороги скорей удалить,
Хасана свободой скорей одарить,
его из когтей окружения вырвав!
И вражьи ряды — как трава под косой:
дружина их косит, пощады не зная,
свалила и топчет проклятое знамя,
кричит Гороглы, неумеен и зол.
Нешадная сеча всё длится и длится,
и кровь устает уже литься и литься,
устали батыры, и трусы бегут,
и трупами поле усеяно тут,
живых помертвели усталые лица.

Но в поле не кончился счет поединкам,
хотя у бегущих слезятся глаза,
хотя сосчитать уже даже нельзя
батыров, погибших в сражении диком.
А бек Гороглы? Он обрадован той
постигшей проклятое войско бедой!

Поистине, сделано славное дело:
дружина несчетных врагов одолела!
Но бой оживет еще, здесь или там,
и беки хватают коней за уздечки,
«Чух-хе!» раздается вдали бесконечно,
и вопли и стоны летят по следам.
«Урр-хе!» — возвращается в битву боец,
и топот бегущих сливается с кличем,
и эхом отчаянный гвалт увеличен,
и битве доселе не виден конец.
И клич Гороглы разносящийся зычен —
йигитов своих подбодряет опять;
тулпар захромавший, готовый упасть,
с другими опять поравняется в беге,
как львы, на врага устремляются беки,
кругом кизилбашский стонет народ:
туркмены, мол, войны были вовеки,
из них, дескать, тысяче равен любой —
они же с пеленок готовятся в бой...
Да, битва была небывало жестокой,
враги не сдавались, сражались враги,
но были разбиты, всему вопреки!
Досель еще трупов не видели столько
ни солнце, которое всходит с востока,
ни остро отточенный
серпик луны,
ни звездные очи
любой стороны...

А сорок, как прежде, готовые к бою,
с отставшей какою-то бьются гурьбою
и вновь завершают отчаянный бой,
врага попирая могучей стопою.
Врага тут силища собралась такая —
он бился, ряды неустанно смыкая,
камчой скакунов устающих стегая...
Не пар ли кровавый светило затмил?
Тут шла беспримерная сеча такая,
какую доселе не видывал мир.

Разрезана надвое армия вражья,
и рубят батыров дружинники в раже,
и гонят бегущих до самой горы,
что встала над шумной долиной на страже.

И кони летят у подножия высей,
как наши слова у подножия мыслей,
и, вражью стоянку пройдя до конца,
дружина к подножью желанному вышла!

Весь вражеский стан пройдя на коне,
Гороглы очутился в другой стороне.
Остановил йигитов — эй, мол, друзья,
нам успокаиваться нельзя!
Обращаясь к бекам, к своим львам,
он говорит им такие слова:

«Батыры таки и явмута!
Еще для успокоенья
пока не настала минута:
наш путь — через поле сраженья.

Таки и явмута батыры!
Всё — в золоте снаряженье...
Из боя мы не выходили:
наш путь — через поле сраженья.

Явмута бойцы удалые,
пригнитесь над конскою шейей.
Последовав за Гороглы, и
вы тоже помчитесь в сраженье!

Любой вам противник не страшен,
испытано вооруженье.
Смелее на армии вражьи
спешите по полю сраженья!

Пусть яростный гром барабанный
вселенной нарушит движенье,
пусть враг покачнется, как пьяный,
и дрогнет на поле сраженья!

Пусть скачут туркменские кони
и крылья раскроют в движенье —
о беки явмута, спокойней
держитесь на поле сраженья!

Чем будут сердца бесшабашней,
бесчувственной тело к лишениям —
тем будут верней кизилбаши
разбиты на поле сраженья!

Моя вы и мощь и опора.
Смелей, молодцы! Неужели
кому-нибудь в мире без спора
уступите поле сраженья?

Схоронят убитых нескоро.
От крови снега порыжели,
когда дагестанские горы
вы сделали полем сраженья.

Спешите на бой отовсюду,
возьмите врага в окруженье,
поверженных недругов грудю
оставив на поле сраженья.

Туда, где врагов услышали,
шаги устремляйте саженьи.
Ведь в поисках Хасанхана
ваш путь — через поле сраженья.

Дрожат, как при виде Рустама,
при вашем враги приближенье.
Крошите же их неустанно,
врываясь на поле сраженья!

Пусть вражьи сердца или лица
удобной вам будут мишенью.
Чтоб вражеской крови пролиться,
спешите на поле сраженья.

Соратники Гороглы вы!
Врагам уготовьте крушенье,
как с кручи могучие глыбы,
свалившись на поле сраженья.

О сорок батыров, иль нечем
доказывать ваше служенье?
Как волки в загоне овечьем,
трудитесь на поле сраженья».

Дерутся батыры друг с другом.
Жестоко борьбы напряженье.
За правым в борении трудном
останется поле сраженья.

Клинок ослепительный вынут —
на вражье ответ поношенье.
Отважный с рычанием львиным
вступает на поле сраженья.

Мелькание сабель и палиц
и поднятой пыли круженье.
Какие батыры вступают
в сраженье на поле сраженья!

Какое, на зависть потомкам,
и воли и сил сопряженье!
И кровь неумным потоком
стекает на поле сраженья.

И скачут быстрее тулпары,
на сбруе звенят украшенья.
Гремят барабанов удары,
как пушки на поле сраженья.

«Урр-ха!» И одни лишь батыры,
достойные уваженья,
вовек не казавшие тыла,
останутся в поле сраженья...

У сердца в неведомых недрах —
геройства и страха смешенье:
встречается с недругом недруг
открыто на поле сраженья!

И кони толкаются грудью,
и ярость растит притяженье
мечей в громыхающей груди,
соперников в поле сраженья.

И спереди бьются, и сзади,
а битве не видно решенья,
и сколько их рухнуло за день,
батыров на поле сраженья!

Споткнется скакун, изувечен,
и всадники в изнеможенье,
и ждут, что опустится вечер
на сечу и поле сраженья.

Напор храбрецов беспримерен,
а трусы бегут в униженье.
Надежда на тех, что сумели
не дрогнуть на поле сраженья!

И те, и другие порядки
построились на возвышеньях.
И ненавистью пылают
противники в поле сраженья.

То бегство, то снова погоня —
победа или поражение.
Пронесются птицами кони
на поле и с поля сраженья.

Огромная армия в страхе,
в отчаянном положении.
Сдаваться ли ей, удирать ли?
И вправду: чего это ради
бойцы кизилбашеской рати,
как яблоки, падают в драке,
усеявши поле сраженья?..

Бои по полям и полянам,
огромное войско в броженье:
нет счета убитым и ранам,
несчастье нависло над станом,
за что же, мол, эта беда нам?..
И ревом карнаев удалым,
и стоном сурнаев усталым
заполнено поле сраженья.

Повсюду в рядах — беспорядок,
большая гора в окруженье.
Живым не увидеть пощады,
погибшие могут быть рады:
страшнее загробного ада
ревущее поле сраженья!

Как скалы и горные кручи,
прибывшие парни могучи,
мужи небывалой отваги,
любой из них — лучший из лучших,
соратники Гороглы-бека —
их свел воедино не случай!
В каких столкновениях и ссорах,
кого бы ни встретили сорок —
известно борьбы завершенье:
из боя выходят с победой.
И, славой овеяны этой,
идут они в поле сраженья.

Округа заполнена ржаньем,
изогнуты конские шеи.
Кричит Гороглы, поспешая:
«Руби, мол, ряды разрушая!» —
и беки полны послушанья,
и адская печка большая
пылает на поле сраженья.

И сколько в долине бегущих,
а сколько скрылись уже и
в камнях, и в пещерах, и в кущах!
Но ярость побоища — пуще,
и смерти посол вездесущий —
повсюду на поле сраженья.

Запугано шахское войско:
их больше раз в тысячу, во сто,
но сорок — непобедимы,
и недруг для них — как из воска.

Рабынею служит победа
воителям Гороглы-бека.
Такой нескончаемой сечи
народ не запомнит от века.

Что это за страшное дело,
повсюду твердят оробело.
И льются кровавые слезы
без удержу и без предела.

Побито, порублено — вдоволь.
Все жены Эрзрума — не вдовы ль?..
Но беки идут в наступленье
и рубят всё снова и снова!

Как лев, Гороглы — и единым
ударом окованной лапы
сминает железные латы,
и сильный становится слабым
пред яростью непобедимой,
и нету с ним на поле сладу
бегущим, стоящим несладко,
и тем, что забралась повыше
и камни кидают, как ядра,
и тем, что в сражение вышли
и жаждут убраться обратно...
И бек, и его окруженье —
хозяева поля сраженья.

Отчаянна, неудержима
летающая в битву дружина,
и конного сбросила наземь,
и пешего сокрушила!

А ханская конница тут же
как будто окована стужей —
рустамовой силой батыров
навек повергнута в ужас!

Кто может с той силой сравниться,
отвагою с ними сродниться?
Кто выдержит их приближенье?
Исчерканной красным страницей
ложится их поле сраженья.

На гору взойти помешала
их сила — войскам Кувад-шаха.
Кичившаяся победой,
вся рать Эрзрума бежала!

Останется память навеки,
как гнали противника беки,
как пешие трусы, спасаясь,
и конных обставили в беге!

Враги Гороглы окружают,
но кто тут кому угрожает?
И видно, чем кончится битва:
врагов Гороглы сокрушает!

Подобен он смерти с косою,
на вражьи ряды указуя.
И недругов гонят батыры,
как зимние волки косую.

В руках у них — острые сабли,
и словно железные сами!
Коней отобрали у конных,
у пеших — и жизни их взяли!

Отряд ли дерется с отрядом?
Но сорок дружинников рядом —
о них разбивается войско,
как вал водяной о преграду.

А враг до конца не сдается,
и яростный клич полководца
означит борьбы продолженье.
Всё меньше врагов остается,
просторнее поле сраженья.

И заново в единоборстве
батыры свой меч испытают.
Задетые саблею острой
на землю со стоном слетают.
Покойники в поле огромном,
недвижные, без охраны,
становятся кормом воронам,
стервятникам или орланам.
И посвист клинка или пули
над мокрой травой или пылью
дружинников передвиженье
отметит на поле сраженья.

А Гороглы-беком в предгорьях
и ярость владеет, и горечь,
он жаждет с врагами покончить
и дня завершенья ускорить.

Когда же, спокойствия ради,
настанет конец этой рати?!
Рубили, косили несчетно,
а не сосчитаешь опять их...

Без мудрого слова не сделать ни шага,
Конец не минует ни нищих, ни шаха.
Дружину в сраженье привел Гороглы,
и недругов рать перед ней побежала.

Под вечер батыров усталость скосила,
и кони устали невыносимо...

Сорок батыров, до боя охочи,
сражались весь день, до самой ночи,
земля накалилась, как медная,
сеча была беспримерная. -
Солнце село... И тут Гороглы,
до наступленья полной мглы,
взошел на пригорок посреде долины,
и его джигиты неодолимые
собираются к нему —
по одному,
по двое, по трое,
друг друга по имени окликают герои.
Все на месте!
Гороглы путь наметил:
там, где голо, ночевать не след —
перевалил гору,
выбрал ночлег.
Батыры к воде припали,
припасы достали —
талкан, курт с сушеным урюком,
едят, беседуют друг с другом.
А Гороглы посадил Авазхана напротив,
обо всем рассказать просит,
соскучился по сыну, аллаха благодарит...
Авазхан ему говорит:
«Отец, я приехал рано, с утра,—
я и не знал, что это за гора,
не думал, что тут такое войско.
Подъехал, смотрю — а их вон сколько!
Пешие, конные,
сидят спокойно.

Ну, думаю, неспроста
все они пришли в эти места.
Может, бежали от кого сами?
Скорее — загнали сюда Хасана,
перекрыли все пути,
не дают отсюда уйти.
Ладно, думаю, потом узнаю!
Налетел с одного краю,
начал бой,
гоню их перед собой,
они растерялись, а их беки
кричат: «Держите! Хватайте! Бейте!»
Бой идет — и день идет,
солнце выше горных высот,
и вдруг кто-то с пикой, в кольчуге,
с гор спускается на Гиркуке!
Я сперва не заметил, но тут Гиркук
увидел моего коня да как заржет вдруг!
Громче грома,
сам огромный...
Я прямо обомлел, как увидел Гирата —
думаю, сейчас повстречаю брата!
Ан нет — сидит на коне чужой,
голова прикрыта белой чалмой...
Растерялся я — и, раздумывал пока,
вы и появились издалека.
И тотчас седок Гирата
коня повернул обратно.
Но вот беда:
я увлекся боем, не заметил — куда.
Про Хасана не знаю, гадать не горазд,
а Гиркук — точно здесь в горах».

Дружина подивилась, послушав Аваза,
но и возрадовалась сразу.
Говорят: «Не печалься, о Авазхан!
Тут Гиркук — значит, тут и Хасан.
Вот увидишь, он где-нибудь здесь.
Сам о себе и подаст весть».

А Гороглы — Авазхану: «Сынок,
ведь ты за Гиркуком поехать мог!
Надо бы тебе выйти из сраженья,
а ты неверное принял решение».

Конечно, на Гиркука сядет не каждый —
разве только хозяин прикажет.
А если Хасан ранен в грудь,
да враги ему преградили путь?..
Гиркук, как толмач: понимает враз
любое слово, любой приказ.
Приказал Хасан — и чужой без звука
смог усесться в седло Гиркука!
А может, ты видел на коне вдали
переодетую Хан-Далли?..
Помяните мое слово — поздно или рано
мы найдем тут и Гирата, и Хасанхана...»

Рассвело. А теперь дальше —
слушайте о кизилбашах.

Много потерпели кизилбаши от Гороглы,
и теперь они без страха о нем и думать не могли.
Как только он за гору ушел с дружиной —
собрали они совет и решили:
«Стоял у наших врат
один могучий враг.
Могучий — да один.
А теперь их сорок — как победим?
Это не люди, а чистая напáсть.
Надо к стопам падишаха припасть.

Пусть сам прибудет.
Захочет биться — биться будет;
захочет отступать —
его воля опять.
А нам больше незачем голову ломать».
Позвали писца, всё изложили:
сколькие в боях голову сложили.
«Мы, дескать, не можем одолеть врага,
нужна всеильная шахская рука,
решите сами, а мы без шаха
больше не можем сделать ни шага».

Долго писали,
строк чуть не до ста ли,
потом Кувад-шаху послание доставили.
Он повсюду наместников шлет,
в новое войско сгоняет народ.

Всех падишах сгонять велит —
и простой люд, и духовных лиц.
Под знаменами разными —
белыми, голубыми, синими, красными —
покидают город,
переходят горы,
пополняют ряды
несчетной орды.

Гороглы надел боевые доспехи,
и сорок его йигитов успели
взять щиты, закрепить латы,
проверить подпруги, чтобы были не слабы,
едут к тем же местам:
перед ними вражий стан.
Смотрят — и не поймут ни черта:
врагов втрое больше, чем было вчера!
Как ни крути,
откуда ни гляди —
за рядами ряды,
за рядами ряды...
Думает Гороглы: «Что за чудо?
Откуда их столько, откуда?»
А тут еще с целой людской тучей,
оглушая небо, сотрясая кручи,
с бубнами, с сурняями,
ревущими карнаями,
сам падишах
сюда подъезжал.

Гороглы йигитов к наступлению побуждает,
всю их хитрость в них пробуждает.
Спускается вниз, к вражьему стану,
словно волк к бараньему стаду, —
рычит, как лев, напрягся, как тигр,
как барс, что вот-вот добычу закогтит,
в боевом раже
врагам страшен.
А с той стороны — музыка, как гром,
сурнаи вопят, карнаи огромные.

На конях сухопарых
гарцуют парни.

Но Гороглы несокрушимый
не пересчитывает молодцов своей дружины.
Он говорит им:
«Эй, йигиты,
нас мало, а их — целая держава,
но они и меча в руках не держали!
Нам долго и ни к чему
воевать с ними по одному.
Ринемся в бой
вместе, гурьбой.
Аллах поможет, придаст сил —
будем их, как вчера, косить.
Вы только напрягитесь,
духом укрепитесь,
не думайте о том, что нас меньше:
у кого число, а у кого уменье!
Ринемся без страха на врага —
нам и откроются счастья врата,
а кому везет —
тот и бой ведет.
Ты не победишь —
победит враг,
ты не побежишь —
побежит враг.
Взялся воевать —
главное не унывать!»
Так Гороглы поднимал им дух:
пусть, как львы, они в бой идут!
А сорок йигитов ему в ответ:
«О наш бек, мы не трусим, нет!
Был бы из нас трусом кто-нибудь,
разве бы отправился в такой путь?
Будем драться
не на жизнь, а на смерть,
врагов перебьем, кто сколько сумеет,
сделаем, что сможем.
Души не пожалеем,
голова сложим.
Кончатся дни — всё равно умирать —
что дома, под крышей, что идя на рать!..»
Так сорок йигитов — все и каждый —
перед боем держались отважно.
Халдар-махрам говорит:

«Грозит ли кровавая ссора тебе —
мы, храбрые сорок, опора тебе.
Победу присудим без спора тебе.
Желаем добра и простора тебе,
пусть старость приходит нескоро к тебе!

Нас гибель одна от тебя оторвет.
Пусть алая роза не вянет, живет.
Мы честь отстояли в сраженье — и вот
нас новое где-то сраженье зовет,
заботу об этом вручаем тебе!

Отчизна вдали нам вдвойне дорога.
Уйдем ли живыми из края врага?
Куда бы ни вынесла жизни река —
наш взор не смежится, не дрогнет рука,
мы это, о бек, обещаем тебе.

Врагам мы вовек не покажем спины,
вовек не расскажем им, чем мы сильны,
и, вольной и смелой отчизны сыны,
не будем мы трусостью заклеимены —
позором таким не оплатим тебе.

Все сорок йигитов идут за тобой
и в дальние страны, и в яростный бой,
готовы сразиться с врагом — и судьбой!
Тебе без раздумия предан любой
и душу свою посвящает тебе.

Нас мало, а наших врагов — без числа,
но честь отстоим мы, не склоним чела.
Мы завтра побьем их, как били вчера —
ведь соколам гуси, ей-ей, не чета!
Воистину, бек, мы послужим тебе.

Не надо напрасно грустить, государь —
что толку, что враг на коне восседал?
Сумеет любого мы сбросить с седла —
тебе лишь пребудем верны навсегда
и в верности нашей клянемся тебе.

Что толку, что войско чеканило шаг,
что топот копыт раздавался в ушах,
что тьму своих воинов слал Кувад-шах?
Он к цели пробиться нам не помешал!
И впредь мы дорогу расчистим тебе...

За нас, государь, будь спокоен вполне.
Дерутся батыры с тобой наравне.
Ты трусов не выбрал в родной стороне!
Халдар же махрам тебе верен вдвойне,
отдать свою жизнь не жалеет тебе...»

Развеселился Гороглы, просветлел душой,
отвечает им с радостью большой:
«Эй, мои батыры, дружинники мои верные,
битву ведем мы необыкновенную,
но мы еще пока
не боялись врага,
пусть их трусливое войско растет,
чего нам их принимать в расчет?
Сколько их там еще ни будет,
презренья нашего не убудет!»
Так он зычно вещает об этом,
обращаясь к своим бекам:

«О беки явмута, бойцы-молодцы,
скачите скорей, саллона-саллона.
Серебряногривы у нас жеребцы,
гоните ж коней, саллона-саллона.

Под смелым батыром могучий тулпар,
стремительный, лучший из лучших тулпар,
как шах скакунов, что по кручам ступал.
Скачи же, скачи, саллона-саллона.

Я вождь ваш, батыры, я бек Гороглы.
Вы тоже основа побед Гороглы,
в дороге тревожной вы — свет Гороглы,
клинок мой, мой меч, саллона-саллона.

Летите вы в битвы, как ярые львы,
и крови достаточно пролили вы.
Как нары над морем весенней травы,
идите вперед, саллона-саллона.

О сила явмута, о совесть таки!
В руках ваших острые блещут клинки.
Наотмашь удар! Не жалейте руки,
рубите смелей, саллона-саллона.

Какой вам отважный ни встретится враг,
пусть кровью клинок ваш отметится враз.
А если построятся недруги в ряд —
рубите подряд, саллона-саллона!

О, только бы, соколы,
цель вы нашли!
На поясе золотом блещут ножны.
Оружие молодцу, кони нужны.
Скачите скорей, саллона-саллона!

Заставьте в бою растеряться врага —
и в ад ему вы распахнете врата,
страшней ему не нанесете вреда!
Смелее вперед, саллона-саллона!

Опорою стали вы мне, Гороглы,
и недругов станы сметали с земли,
и с кличем Рустама в сражение шли —
вперед же, вперед, саллона-саллона!

Батыры и беки
и беков сыны,
без жалости бейте,
без меры сильны,
вам воля к победе
и ярость даны,
рубите врага, саллона-саллона.

Вы мощь Гороглы, вы надежда моя,
и сила в коленях, поддержка моя,
отчизна — Явмут нам, всё те же края.
Рубитесь смелей, саллона-саллона.

Летите, как львы на степные стада,
пусть кровью в ручьях заместится вода,
с землю сровняется вражья орда —
рубите ее, саллона-саллона!

На плаху Мансура, судьба, завлеки!
Томлюсь, Гороглы, я желаньем таким.
Батыры явмута, архары таки,
смелее вперед, саллона-саллона!

О рать Гороглы, скакунов подогрей!
Пускай раскрываются крылья коней,
пусть близится цель, саллона-саллона!

О тигры явмута, таки силачи,
в отчаянной гонке мелькают камчи,
отчаянны кони и остры мечи —
спешите вперед, саллона-саллона!

Пусть сеча невиданно будет сильна,
пусть кровь, как река, потечет, солона,
о беки, пусть недруг поляжеф сполна —
сгоняйте их всех, саллона-саллона!»

Гороглы-бек, внушительный,
как небосвод, неустрашимый,
ростом до звезд,
могуч, как Рустам,—
посылает дружину на вражеский стан,
на шахскую рать:
«Эгей,— кричит,— не поворачивать вспять!»
Приказ, как гром,
гремит по горам:

«Кег-хе! — он взывает и смотрит кругом.—
Вас ждет поединок с коварным врагом!»
И рыком, как лев, оглушает округу,
и свистом пронзает ее, как дракон.

В сравнении с ним даже вихрь — так тих!
Ревет Гороглы, словно раненый тигр,
как барс на скале, оскорбленный стрелой,
медведь, что случайную телку когтит.

«Эй, сорок йигитов, явмута сыны,
держитесь друг друга, единством сильны.
Врагу мы в глаза, словно солнце, ударим.
Кто с правой, кто с левой зайдет стороны?»

Нельзя нам от солнца отстать ни на час.
Не время ли ярую сечу начать?
Не время ль Мансуру послать палача?..
Кег-хе! Нападайте с любой стороны!

Пусть враг нас увидит! Смелее вперед!
Батыры мои, дерзновенный народ,
врагу преподайте хороший урок —
с какой ни зайдете к нему стороны.

В атаке скакун переходит в галоп.
Растут над равниною горы голов.
Кто поддался страху — тех ждет поражение,
а храброму весь достается улов.

Смелей! Окровавьте их в первый же миг,
чтоб сразу им свет показался не мил!
Пускай распроклятые знают заранее:
из тех мы, кому покоряется мир.

Лишь слабый геройством своим упоен.
В бою не один покажите прием.
Пусть трупы горой громоздятся на поле
и кровь заливается за оком.

Врагов не щадите, косите подряд,
наотмашь рубите, тупите булат.
Мы честь отстоим — значит, жизнь отстоим мы:
нельзя без победы вернуться назад.

Быстрее в сражение вводите коней —
и недругу мат мы поставим скорей.
За сына Хасана врагу отомстите —
целенье отыщется ране моей.

О беки, твердите науку побед:
«Вперед! Не сдаваться!» — вот главный обет.
Победа тому, кто врага пересилит,
кто сердце скрепит и не пустится в бег.

«Число не решает!» Присловье старо.
Нас мало, их много — но что из того?
Они воробьи, а мы — соколов стая:
стена — мы тараны пред этой стеной!

О сорок бойцов, моя мощь и душа,
хоть гибель почетна, но жизнь хороша!
Летите вперед, на творца уповая
и вражьи ряды, словно рухлядь, круша...

Пусть катятся головы в этом чаду,
подобно отрубленному кочану.
Жалеть кизилбашей совсем ни к чему,
поверьте, друзья, ни с какой стороны!

Вы разве всему научиться б могли,
когда бы учились не у Гороглы?
Сыграем со смертью! От этой игры
пусть плачут враги со своей стороны.

Я жизни своей не жалею ничуть,
и к ним не питаю я жалостных чувств.
Вперед, о батыры, как я вас учу —
рубите их, бейте с любой стороны!

Эй, сорок йигитов, урок ваш не мал,
себя вы ввести не давайте в обман —
пока не опустится на поле тьма,
рубите их, бейте с любой стороны.

Летите, йигиты, неситесь, как смерч,
и каждому недругу встречному — смерть!
Нахальства и страха отвратная смесь
врага не спасет ни с какой стороны!

Батыры явмута, всё в ваших руках.
Пусть в вас ни на миг не поселится страх,
пусть гнев вами правит — рубите в сердцах,
с какой ни подъедете вы стороны!

О воины, ждет вас торжественный час,
желанья исполнятся ваши не раз,
душа да падет моя жертвой за вас —
вперед, нападайте с любой стороны!»

Танцует под беком лихой Маджнункук,
кричит Гороглы, оглядевшись вокруг:
«Эй, сорок батыров в могучем строю!
Отсюда поскачем, где ныне стою!
Трепещет заранее жалкое войско —
урок мы дадим и юнцам и старью!

Постыдно сражаться, не видя лица!
Батыр — на батыра, юнец — на юнца.
Живей, молодцы! Завяжите сраженье —
ведь вам же его доводить до конца!

Удалый отыщет того, кто удал,
и враг отвечает врагу на удар.
Победа — сильнейшим, а трупы — долине;
и примет земля окровавленный дар!

На поле прощается с жизнью живой,
и с матерью — юный, женатый — с женой.
Кто выбрал победу — забудь про пощаду!
Нет жалости в сердце, что дышит войной...

Есть солнышко в полдень, есть месяц в ночах,
есть сабля для сечи. Руби же, начав!
Поддавшийся страху — летит под копыта!
Герой — продержавшийся дольше на час».

Гороглы-бек не считает недругов.
Ничего, кроме боя, и в мыслях нету,
смерти не боится:
«Хоть сорок лет будем биться —
лишь тот и умрет с любой стороны,
чьи у аллаха дни сочтены».
Вот только вспоминает Гороглы друга —
верного своего Гиркука.

И сосчитать-то нельзя, кажется,
все его достоинства, добрые качества.
«Будь он сейчас под седлом у меня —
сколько подмоги от этого коня!
Сам бы вынес в место любое,
был бы соратником в гуще боя,
лучше человека понял бы речь,
снял бы полгруза с моих плеч.
Ладно, хватит об иноходце.
Будем надеяться, еще найдется».
А сам покуда
хлещет камчой Маджнункука,
торопит йигитов, на все горы орет:
«В бой, молодцы! В бой, вперед!»

Враг преграждает путь Гөроглы —
с шумом вступает в бой Гөроглы.
Саблю выхватывает из ножен:
«Не поворачивать, эй, орлы!»

Пламенем
сорок славных горят.
Знаменем
вражий машет отряд.
Сорок йигитов с саблями наголо
враз с сорока сторон летят.

Вот и идет битва опять.
Кто-то спешит землю обнять.
Вот Гөроглы-бек беспощадный
рубит клинком ражую рать.

Топчут йигиты вражеский стан.
Кровью омыта острая сталь.
В яростный танец больше не встанет
тот, кто вчера слишком устал.

Лучше б себя тот поберег,
кто им решил встать поперек!
Надвое рубят недруга беки —
что тут сказать, крепкий народ!

Сорок батыров в лучшей поре
войско теснят, гонят к горе.
В войске кричат: «Бейте их! Бейте!»
Что за исход в смертной игре?

Поднялся враг — все, кто в живых!
Сорок — опять окружены.
Ждать от врага трудно пощады —
были б судьбой пощажены!

Сабля войдет в мягкую плоть —
разом душа вылетит прочь.
Крик Гороглы слышен над полем,
эхо вдали копится впрок.

«Мчаться вперед,
эй, Кувад-шах,
нам твой народ
не помешал.
Что же, держись, предупреждаю,
беки мои всех порешат!»

Ждет воронье зова на пир.
Доверху мир шумом набит.
Сорок бойцов с Гороглы-беком
рубят врага на поле битв.

Всем им великая сила дана.
Как удивительны беков дела!
Львами на воле бьются на поле,
словно колосья, косят тела.

Сталь их — алмаз. Тело — скала.
Вражий батыр — разом с коня.
Эй, Кувад-шах, кто же доселе
рати твои так разгонял?

Боем долина кипит, как казан,
плещет волною — вперед и назад.
Рубят мечом — и ускользают,
и на крови ноги скользят.

Бек Гороглы во главе сорока
волей аллаха гонит врага
слева направо, справа налево —
словно взбесившаяся река.

То ли поводья
напряжены,
то ли по воле
мчат скакуны?
«Эй, Кувад-шах, что твое войско
перед сынами вольной страны?
Мы — как слоны в стаде баранов,
бойню затеявшие слоны!

Я, Гороглы, бьюсь среди гор,
кровью залью камни кругом.
Эй, Кувад-шах, помни мой голос
и Гороглы ярый глагол!»

Гороглы-бек
так возгласил.
Враг уже без
веры и сил.
Топчут его, уничтожают,
даром что был так он спесив!

Плуг ли скользит, сабли парят?
Пахарь, боец — оба в полях.
То семена в землю полягут —
или людскую плоть распылят?

Сорок бойцов бьют, не щадят.
Волк ли овец в стаде считал?
Или орел в стае гусиной
в память гусей суры читал?

Поле покрыли павших тела,
ровным потоком кровь потекла.
Перед лицом яростной сечи
трус и смельчак — как из стекла.

Снова за рядом падает ряд.
Ярость и страх всюду царят.
Всадникам трудно —
скачут по трупам —
но не иссяк силы заряд.

Скрежет и лязг, топот, пальба —
грохоту мир отдан сполна!
Пули берданок, стрелы из лука,
дым — словно с гор туча сползла.

Столько людей тут полегло,
что потерять разум легко:
где тут своя кровь — где чужая,
что тут вблизи, что — далеко?

Кто тут напал, кто тут бежит?
Срублен мечом, пульей прошит?
Кто тут дрожит, кто тут смеется?
Кто уже мертв, кто еще жив?

Можно ли тут силы собрать —
пересчитать, выстроить рать?
Но Гороглы строит йигитов,
место в бою кажет опять!

Миг — и опять свистнула плеть,
снова летят головы с плеч.
Снова бежит в ужасе недруг —
тех, кто б сумел выстоять — нету! —
лишь бы спастись, мертвым не лечь...

Труса не жаль, дальше езжай!
Кто тут кого к скалам прижал?
Небо в дыму, в копоти горы,
пышет всю битвы пожар.

Кто тут покрыл славой булат,
кто только пыль выбил — и рад?
Кто подарить смог Эрзеруму
тысячи вдов новых подряд?

Пыль до вершин, дым до небес.
Не сосчитать недругам бед.
Начался ад для кизилбашей
здесь, среди гор, в каменной чаше,
чуть подоспел Гороглы-бек!

Словно под вихрем гнется трава,
с седел йигиты летят, как листва.
Смерть налетает ливнем осенним,
жизнь понемногу теряет права.

Тут, у подножья каменных стен,
встали в долине горы из тел.
Гороглы-бек вместе с дружиной
мчит, не боясь стали и стрел.

Как ни поедут, путь изменив —
вправо ли, влево, вверх или вниз —
зайцев пугливей или оленей
люди Эрзерума мчатся от них.

Сорок тулпаров — ярых коней.
«Чу!» — и несутся ветра скорей.
Мчатся батыры с саблями наголо,
словно из логова сорок зверей.

На Гороглы гляньте в бою:
смерть пожинает жатву свою!
Словно пастух — стадо баранов,
гонит врагов в конном строю.

Сечу лишь смерть может пресечь,
что увлекла тысячи в сеть.
Как ни бегут, жизни спасая,—
всем на крючке рока висеть!

Как ты словами зря ни части —
честь лишь у честных вечно в чести!

Гороглы с йигитами ударом кратким
разом вражьи порушил порядки,
спутал ряды, опрокинул палатки.

И там и тут —
все бегут.
А у кого близких порубали,
те завыли, зарыдали: «Сын мой! Брат мой!» —
бегут обратно.
А им навстречу —
иные речи: «Вай, где мы?
Это не люди — дэвы,
это, мол, вселенский мор, все мы погибли —
всё равно, что в могиле!..»
Кричат и это и много другого,
хватаются за голову,
раздирают лица,
спешат скрыться,
в войске зычный
вой стоязычный.

Но вражьи силы-то нет числа,
а дружина числом мала,
и скромно просит Гороглы:
«О святые гайиб-эраны,
подайте надежду,
даруйте поддержку,
дух поднимите усталым батырам,
дайте победу над врагом постылым!»
А джигитам говорит: «Батыры, львы мои,
вы ведь недаром мечи вынули,
затяните пояса, не сомневайтесь в победе,
бегут перед нами трусы эти!
Коней не сдерживайте, не разъединяйтесь,
нам нельзя ослаблять натиск,
нельзя, чтобы дух перевел враг —
надо с ним покончить враз.
Вперед, джигиты! Враги будут биты!» —
так Гороглы несокрушимый
ведет в наступленье свою дружину.

Флаг широко развевается
бело-черный в чистом поле.
И о трупы спотыкается
конь ученый в чистом поле.

Что за львы-батыры мощные
стан согнули в чистом поле!

И стекает в пыль горячую
кровь от пули в чистом поле.

Пали львы широкогрудые,
кажут спины в чистом поле.

И торчит между лопатками
древко пики в чистом поле.

И стрела пробила острая
чей-то панцирь в чистом поле.

Стольких тащит смерть — приходится
спотыкаться в чистом поле!

Кувад-шаха рать огромную
истребили в чистом поле.

С неба градом гибель падала
в изобилье в чистом поле.

Болтуны или молчаливники —
пали рядом в чистом поле.

Беки со стальными саблями
их застigli в чистом поле.

И снопами трупы свалены
и застыли в чистом поле.

И с землей смешалась красная
кровь людская в чистом поле.

И один остался с мертвыми
звук карная в чистом поле.

Изогнулись луки желтые —
и стреляли в чистом поле.

И ряды согнулись стройные —
наземь пали в чистом поле.

Длинношее арабские
мчатся кони в чистом поле.

Не уйти казахской коннице
от погони в чистом поле.

Эй, батыры! Стойте! Вы куда
поскакали в чистом поле?

Не бегите — нету выхода:
горы, скалы вокруг поля.

Командирам, управителям
было плохо в чистом поле.

Разогнались — и увидели
гибель войска в чистом поле!

Горы, что теперь под снегом-то —
обступали чисто поле.

И отрядам ехать некуда —
вот и пали в чистом поле!

В бой врывались беки группами,
кони мчались, тяжело топали,
и тела упавших бухали,
и камчи по спинам хлопали.
И скакали беки, гикали,
и о саблю саблей жикали,
и летели крики хриплые
над землею в чистом поле.

Недруг недруга не баловал,
оглушали барабанами,
кровь ручьем стекала, паром ли
подымалась над тулпарами.
У людей трещали кости — и
косари летели с косами:
это беков сабли острые
проносились в чистом поле.

Друг за другом скачут конники,
как снопы, лежат покойники.
Кто ушел, отбился кое-как —
эти ж тут легли, соколики.
Кровь впиталась в землю черная,
сабля рядышком никчемная,
голова же отсеченная
покатилась в чисто поле.

Те, что пали, землю обняли —
жаркой кровью землю облили.
Всем одной могилкой общею
оказалось чисто поле.

Беки молнией ударили,
Кувад-шаха гибнет армия,
Эрзерума ополчение
не предвидит облегчения.

Смерть нависла надо всеми — и
нет от Гороглы спасения:
пусть иной обороняется —
с ним он в силе не сравняется!
Счета нету шахским воинам,
смертью грозною присвоенным.
Скачут, рубят беки гордые,
громоздя горами головы.
Стонут недруги, растеряны.
«Нам не даст аллах состариться!
Ведь с такими-то потерями
нас и следа не останется.
Только нынче мы увидели,
что за силу мы обидели!
Кто как может — пусть спасается:
Гороглы с кровавой жаждою
точит зубы тут на каждого,
на любую жизнь позарится!
Уходите в чисто поле...»

Вот и Гороглы — пожалуйста!
Скачет, гонит всех кругом,
а догонит — и безжалостный
нанесет удар вдогон!

Сабля поднятая, наголо,
ослепляет блеском рать.
Сколько вдов уже заплакало,
скольким впредь еще рыдать!

Конь украшен сбруей бархатной —
Гороглы ее кроил:
нынче ордам кизилбашеским
смерть несет, как Азраил!

Убегают беспорядочно.
Бек разгневан, как река.
Кизилбашам негде спрятаться
от жестокого врага.

Конные бегут и пешие,
войско гибнет по частям.
Словно частым гребнем бешеным
кто долину прочесал.

Как убиты, так и брошены,
трупы воинов лежат.
Пораженьем огорошенный,
сам испуган Кувад-шах.

Тощий конь — лихой, стремительный.
Стремена скрипят слегка.
Жирный конь бежит помедленней,
не спасает седока.

Кто скакал — те нынче вон они:
как дома разорены.
И на вспухших трупах — вороны
и стервятников ряды.

И глазницы их ограблены,
и в неслышном крике рты.
Что там путник невнимательный! —
не узнают даже матери
их недавней красоты...

Гороглы же пьян от боя,
полон страсти, как река.
Блещут новою луною
сабли славных сорока.

Вся дружина в напряженье —
завершить разгром спешат.
Увидав исход сраженья,
растерялся Кувад-шах.

Он глядит на всё на это:
«Никого-то им не жаль,
этим дьяволам отпетым!..
Были беды, будут беды —
лучше нам от них бежать!»
И, как персик переспелый,
покатился с поля первым,
впереди своих людей.
Гороглы — еще лютей!..

И за ним отважных сорок,
и бегут враги гурьбой,
оставляя жалким сором
все пожитки за собой.

Кто сочтет на поле павших?
Не было страшнее сеч!
Гороглы на кизилбашах
не устал тупить свой меч.

Гонит их, кричит: «Рубите!
Пусть отсюда с головой
ни один из них не выйдет,
не останется живой!
Ну-ка, путь загородите!..
Страшный рык при грозном виде,
беки вслед за ним толпой.

Враг бежит поодиночке,
позабывши всякий стыд,
закрывая в страхе очи...
Гороглы за сына мстит!

Ноги, сабли — землю пашут!
Что взойдет на поле тут?..
А остатки кизилбашей
беков яростных клянут.

В бегстве жалком и поспешном
плохо конным, страшно пешим.
«Бей! Руби!» — во все углы
крик доходит Гороглы.

И, услышав страшный голос,
беглецы, теряя честь,
хоть на скалы, хоть на горы
от врага готовы лезть.

Сорок храбрых окрыленно,
захватив добро, знамена,
возвращаются назад,
все в поту, покрыты кровью,
собираясь под горою,
где укрылся храбрый брат.

Вот награда всем усильям,
так закончен счет обид.
Враг несчетный перебит.
Беки бодры и красивы,
хоть хранят походный вид.

Далеко Гороглы пришлось гнать
отступающую шахскую рать.
Радостный, гордый,
возвращается в горы.
А в ту самую пору, ввечеру,
Тулак покинул лисью нору,
по сухому руслу выполз из оврага,
выглянул — нет ли кого рядом? —
видит: трупы кругом,
один на другом!
Всю долину усеяли трупы —
мир не видывал такой рубки!
Смотрит Тулак, своих
вроде бы нет среди них...

Понял: бежали шахские войска,
а дружина, конечно, преследует врага.
Тут наш воин рьяный
сразу духом воспрянул,
встал во весь рост
и, не будь прост,
поднял обломок чьей-то пики,
да с шумом великим
со всех концов
идет в наступленье на мертвецов.
«Эй, вы! — на всю округу он возгласил.—
Давайте, защищайтесь, если хватит сил!»
А тут как раз, рассеяв врага,
Гороглы едет со своими сорока.
Тулак, стараться рад,
еще пуще того заорал,
пику с размаху вонзил в мертвеца,
кричит: «Одолел я тебя, глупца!
А ну, шельмец, не шевелись!
Был живой — дрожал, как лист,
а теперь, когда я тебя прикончил,
ты еще будешь дергаться в корчах?»
Так он, словно не видя товарищей,
стоит над трупом и приговаривает.
Тут кто-то из джигитов говорит спокойненько:
«Гляньте на Тулака — убивает покойника!»
А другой ему кричит: «Эй, дядя Тулак,
так кто-то живой у тебя в тылах,
погляди назад,
как бы он тебя не ткнул в зад!»
У Тулака от страха
взмокла рубаха:
«Вот, когда не гадал, не думал,
а духи наказали, ветер с запада дунул!»
Назад повернулся,
побежал, споткнулся,
встал, оглянулся — никого!
Высмеяли его...
Но сознаться не хочет,
голосит, хлопочет:
«Куда ж он делся, ублюдок? Убежать не
может —
ведь я его начисто обезножил!

Сейчас я ему выдам!..»
Стоит с воинственным видом.
Подъехал Гороглы, и храбрец Тулак,
обращаясь к беку, говорит так:
«Здравствуйте, мой бек, слава вам, слава!
Видите трупы на горах, что слева?
Это я, в одиночку, положил их!
Чьих покойников больше, моих — или всей
дружины?»
Так же верно, как то, что Тулак еще жив:
я больше врагов положил!
За мои заслуги меня бы нужно
давным-давно назначить конюшим.
А я, видно, так и проживу свой век,
ожидая, когда меня пожалует бек...»
Гороглы отвечает: «Спасибо, Тулак!
Ты у нас и вправду во всем мастак...»
Но — хватит о нем: вы, наверное, сами
давно хотите узнать о Хасане.

А Хасан и Далли до этой поры
всё еще на вершине горы.
Совсем у Хасана
рубцуется рана,
встает без поддержки,
полон надежды.

А Гороглы радуется, стоит довольный,
говорит знатным своим воинам:
«Давайте не спеша
поднимемся на вершину.
Чует моя душа,
там поход завершим мы.
Там Хасан
окажется сам!
Какой дадите совет?» Говорят Гороглы-беку:
«К чему всем наверх? Отправьте разведку».
В тот же миг
он послал двоих.
Наказывает: «Если, мол, увидите Гирата,
нам сюда сообщите сразу.
Мы тоже поднимемся и, даст бог,
отыщем Хасана без новых тревог».

Поехали джигиты, поднялись изрядно —
видят наверху на привязи Гирата!
Вернулись, говорят — коня, мол, заметили,
а больше никого — вниз не замедлили.
Послушал Гороглы, встал, омрачился:
«Эй,— говорит,— джигиты, какой-то грех
случился!

Будь Хасан здоров, он бы не стерпел,
услышав рубку и пенье стрел!

Садитесь в седла, езжайте следом,
все за Гиратом наверх поедем.
Ох, боюсь, дело худо...»
Гороглы сел на Маджнункука,
Аваз на гнедого,
дружина готова,
едут в горы.
Нету горя
страшней, тяжелей,
чем боль за детей!
Гороглы, бесстрашный на поле брани,
осунулся, плачет, стонет, как раненый.
Едут гуськом, весь отряд подряд,
поднялись, смотрят — на привязи Гират.
Тут Гороглы воззвал к Хасану:

«Спешил я в сады,
на травы, в цветы —
но с сердцем не смог распрощаться.
О сын мой, Хасан! Живой еще ты?..
Увидеть тебя — это счастье!

Ты силой пленял,
могучий, как нар.
Хранил ли ты память в разлуке?
Твой образ отец в душе сохранял,
сгорая от горькой разлуки.

Призывы ль ты слал,
измучен и слаб?
Минуты отчаяньем метил?
Не надо богатств, не надо мне слав —
о, только тебя бы я встретил!

О сын мой, Хасан, из батыров батыр,
я знаю — ты болен иль ранен.
Один против войска ведь ты выходил,
испытанным тысячам равен!

Словам вопреки, как сокол с руки,
взлетел ты — и нету Хасана.
Мой светоч погас, не видно ни зги,
ты сам приготовил мне саван!

Скачу из Чамбила, в слезах и без сил —
кочующий свет среди ночи.
Откликнись, Хасан, — ты жив еще, сын?
Поддай мне хоть голос, сыночек!

Я еду к тебе в безмерной тоске,
и днями скачу и ночами.
Услышь я твой голос хоть раз вдалеке —
на сердце бы мне полегчало.

Один для меня ты светоч в ночи,
зову неустанно, горюя.
Отец твой пришел — ответь, не молчи,
иль вправду от горя сгорю я.

Под грузом я гнусь, а нужен ли груз?
Коль нет тебя — труд мой излишен.
Отец твой пришел! Развеется грусть,
едва мы твой голос услышим.

Сушили пески
и этак и так,
я стал от тоски
одним из бродяг.
И скорбь повсеместна в Чамбиле.
Ответь мне, Хасан, чтоб сердце отца
и боль и тоска не убили.

Родная земля скорбит без тебя,
и весь наш народ безутешен.
Откликнись — не то умру я, скорбя,
лишенный последней надежды.

О сжался, аллах, да будет он жив,
пускай во мгновения эти
услышит отца сердечный призыв
и радостным эхом ответит.

Я близок к концу.
Один ты отцу
поддержка, сынок, и опора.
Ты жив ли, Хасан?
Ответишь ты сам,
коль смерти не хочешь мне скорой!

К тебе я пришел, дружину привел,
на углях разлуки сгорая.
Ты жив ли, мой лев?.. Прими же привет
отца и родимого края».

Так его слово пронзило Хасана,
что у него снова заныла рана.
Не в силах подняться,
своим показаться,
сидит, плачет Хасанхан.
Отклика не услышав,
Гороглы и сорок йигитов
едут выше, горем убитые.
Забыв свои подвиги ратные,
Авазхан с плачем взывает к Гирату:

«Зовусь я Авазом, и плачу я горько.
Где брат Хасанхан мой и всадник твой гордый?
Увидев Гирата, забыл я покой,
и зов мой к Хасану уносится в горы.

Так где ж твой хозяин, твой славный седок?
Что сделал ты с ним? Почему не помог?

Гиркук, он здоров — или болен доныне?
В горах он с тобою — или на равнине?
Где шах всех наездников, брат мой Хасан,
с которым другого бы вряд ли сравнили?

Так где ж твой хозяин, твой славный седок?
Что сделал ты с ним? Почему не помог?

Я речи мои обращаю к Гирату:
тебе мои очи несказанно рады!
И ночи и дни проводил я без сна,
но встретив тебя — повстречаю и брата!

Так где ж твой хозяин, твой верный седок?
Что сделал ты с ним? Почему не помог?

Я рад тебя видеть живым и здоровым,
но что же с Хасаном случилось в дороге?
Мы в горе, покуда не видим его,
зываем на каменном этом пороге.

Так где ж твой хозяин, твой верный седок?
Что сделал ты с ним, почему не помог?

Готов я вскочить на Гиркука лихого,
чалмой золотою украситья снова,
но должен сперва о Хасане узнать,
ответ получить на тревожное слово.

Так где ж твой хозяин, твой верный седок?
Что сделал ты с ним, почему не помог?

Для каждого сроки назначены в мире.
Он был господином в родимом Чамбиле,
ты с ним из Чамбила сюда прискакал —
так что ж вы за чашу с ним вместе испили?

И где твой хозяин, твой верный седок?
Что сделал ты с ним, почему не помог?

Послушай, Гиркук, и пойми мои речи —
ведь ты разбираешь слова человечьи.
И днем я и ночью гадаю без сна:
что пало Хасану на юные плечи?

Так где ж твой хозяин, твой верный седок?
Что сделал ты с ним? Почему не помог?»

Едва лишь Гиркук заметил Аваза —
он тотчас заржал и задвигался сразу.

От ржанья того задрожал Дагестан,
как будто услышал волшебную фразу!

Был голос Гиркука подобен рыданию,
и дрогнула высь, затуманились дали,
и поняли сразу йигиты коня,
как будто воочию всё увидали.

И так молодцы говорили вздыхая:
«Эх, жалость какая... Беда-то какая!»
Хасан между тем ведь лежал на горе —
его увидала ватага лихая!

Услышав, как печально Гират заржал,
опечалились и беки: «Ах, как жаль!
Что-то и вправду стряслось, пожалуй!»
И все сорок йигитов наверх побежали.
Видят — Хасан живой, в слезах!
Они без промедленья — все назад,
требуют подарков за добрую весть:
«Здесь! — кричат. — Хасан здесь!»
Гороглы с Авазом за брата и сына
роздали всё, что йигиты просили,
идут сами
взглянуть на Хасана.
У него рубцы от тяжелой раны.
Ну, Гороглы сына нашел,
все былые горести отсек, как ножом,
радости его нет конца.
Сделали носилки, положили молодца,
перевязали опрятно —
и в путь обратный.

Долгая дорога, но победа — не беда!
Прибыли здоровые в Чамбила,
при встрече и заплакали, и запели
обе счастливые матушки-пери,
поглядели друг на друга,
поздоровались с сестрицей,
за всю долгую разлуку наговорились сторицей,
где были, с кем были —
спросить не забыли,
нацеловались,
намилровались.

Вскоре после приезда Гороглы,
подождав неделю, заговорил с Далли:
«О дочь моя, я тебя привезти приказал —
думал, твоим мужем будет Авазхан.
Но вон как всё получилось, однако!
Они оба мне сыновья, оба для меня одинаковы,
так что ты ответь на мои слова:
кого из них ты хочешь сама?»

Хан-Далли ответила: «О отец,
сама б я промолчала о делах о тех,
но раз вы спросили — я должна
всё вам высказать сполна.
Оба они вам сыновья, оба одинаковы,
но вы меня за Хасана отдайте, однако.
Не потому, что не мил мне Аваз,
но мы все будем жить в кишлаке у вас,
зайдешь к соседке, хоть и хорошей,
а она меня, глядишь, и огорошит:
«Как тебя, дескать, Аваз взял?
Выходит, ты жена двум сыновьям!»
А что проку
в таких упреках?
Чтоб я такое не услышала,
вы меня отдайте за Хасанхана!»

Понравились Гороглы
слова Хан-Далли.
«У ней и вправду
ума палата,
пожалуй, о наших делах обо всех
у ней совета попросить не грех!»

Собрал Гороглы свой народ таки-явмут,
сразу и свадьбу затеяли тут.
Сорок дней празднества шли —
женили Хасанхана на Хан-Далли.

Резали кобылиц, верблюдов жирных,
овец, птицу — уйму живности.
От разных народов с утра до заката
шли шуты и музыканты,
шли острословы — откуда у них что
находится? —

шли танцоры, канатоходцы.
Шли затейники разного рода.
Так начался той у большого народа.
С той и с этой стороны
прибывают наездники и скакуны.
Всех принимать отдан приказ —
многое Гороглы для тоя припас.
Недаром пошла его слава
по всем краям — и слева, и справа.
Певцы поют на разный лад,
сказывают сказки о разных делах,
начинается улак.
Каждому хочется
посмотреть канатоходца.
Что ни шаг —
шуты смешат.
Всякое народ
себе по вкусу найдет.
Парни состязаются в стрельбе из лука —
стреляют один другого лучше.
А музыканты то нежно, то грубо
дергают струны, дуют в трубы.
Сколько гиджаков, сколько дутаров,
сколько рубабов, сколько ситаров!
Сколько танцев
в памяти останется!
Каблуки и медь
не устают греметь...

А в этой стороне словно шум драки —
это старики спорят об улаке:
«Ну, мол, и молодежь пошла!..
Да нет, тяжелого взяли козла...»
А джигиты ловкие, поднатужась,
на скаку с земли поднимают тушу,
рвут друг у друга крепкие парни,
кидают в седла, отдают напарникам.

А в той стороне — скачки, пайга.
Там еще коней пробуют пока,
скачут вдаль, скачут близко,
пробуют шагом, пробуют быстро,
с грузом и без груза, так, иначе —
вот-вот начнутся скачки...

Кто видел — грустит,
кто не видел — грустит.
Всех лучше тем, у кого на зубах хрустит.
В добрый час Гороглы затеял свой той,
народ насытил вкусной едой,
начать приказывает пайгу,
коней показывает на скаку.
А внутри, в ичкари, где живут пери,
девушки-подружки песни пели.

А той Гороглы свой устроил так:
чуть ли не с ночи начал улак.

И юные парни, охочи до драки,
козла притащили — да на улаке
ждут, когда будет условный знак.

Молва об улаке весть разнесла,
о том, что уже притащили козла.
Народу собралось! Шумят — и ладно.
А на улаке драка пошла.

В схватку ринулись, кто как мог,
каждый рвет к себе под шумок.

Скопилась всадников куча мала,
кто-то подмял под себя козла,
вырвать не вырвут, не вырвутся сами! —
только сопят и вопят со зла.

Стара узбекская эта игра —
как сам узбекский народ, стара:
летом сгонят
коней с утра —
мокнут кони,
лето, жара!
Каждый место займет по рангу,
гикнут — и начинают драку!..
Зато и узнают по улаку,
кого батыром признать пора.

А кто-то сперва стоит в стороне;
но кинут козла — тут и он на коне:
в седле перегнется, схватит, несется,
всю прыть и умение покажет вдвойне!

А кто-то скачет, до пояса гол,
лошадь меняет одну за другой,
в гущу врывается, рвется, старается —
а не коснется козла и рукой!

Той необъятен, народу — не счесть.
Зрителям радость, участникам честь.
Лихому тулпару всадник под пару!..
Смысл и в улаке кой-какой есть.

Ловок йигит и скакун горазд —
сумеют козла удержать не раз.

А конь неуклюж, йигит слабосилен —
лучше не пробуй, в толпу не лазь!

Йигит не рвется к цели, стоит —
разве приметен такой йигит?
Здесь завоевывает признание
лишь сила, смелость — не бравый вид!

А у глашатая голос сел —
кричал немолчно: «Улак — для всех!
Не говорите, что не слышали!
Равны награды у нас для всех!

Кто честно выиграл — получай!
Кто тушу выронил — не серчай!
Здесь верят ловкости, верят силе,
а не хвастливым пустым речам.

Кто взял обманом —
наград не жди.
Лишь честный малый
у нас в чести.
С земли поднимешь — твоя победа,
но, ухвативши, не отпусти!»

Такой у свалки лихой размах,
что конь послабже тут будет смят.
Иным и сильным, коль кони слабы,
противник равный поставит мат.

Здесь отовсюду собрался люд,
награды щедро гостям дают,
и призов столько, что без награды
едва ли кто и остался тут!

Сварили столько и напекли!
Под силу только лишь Гороглы,
чтоб сорок дней продолжался праздник
— а все довольны и веселы!

Бек, не жалея, тряхнул казной:
все дни без счета дают козлов,
и скачут днем, и танцуют ночью,
и веселятся, ночам назло!

Канатоходец крепит канат,
и все с охотой спешат, глядят.
И сорок дней он своим искусством
всех огорошивает подряд.

Пока йигиты кончают спор,
поет девичий высокий хор,
детей и взрослых смешит затейник,
певцы чаруют широкий двор.

Дней сорок длился он, той Далли,
дней тридцать разные игры шли.
Готов любого
принять с любовью —
овец без счета у Гороглы.

Людей собралось — сверх всяких мер,
все понаехали, кто сумел,
на этот праздник сорокадневный
у Гороглы, у главы туркмен.

И гостю — чуть ли не всем подряд! —
дают в подарок коня, халат!

Был Гороглы неустанно щедр,
не мог гостей отпустить ни с чем.
Долой обиды в годину счастья!
Оно дороже любых вещей...

Теперь и мы покончим с этим тоем
и с добрым словом «Хан-Далли» закроем.
Нас долго ветром песенным несло
вслед за словами добрыми мои.
А говорят: «Добро оставит имя,
лишь злое оставляет в мире зло».

И рухнет мир подчас от слова злого,
а доброе — и змей приманит слово...

Иные речи к вечеру умрут,
не всякая для памяти годится,
не каждым словом следует гордиться,
но ведь не каждый камень — изумруд!

Дурное слово — свалит и слона;
у доброго — хорошие слова:
они утешат, укрепят, восславят.
Всяк говорит по своему уму,
но забывать о сердце — ни к чему:
оно промашки разума исправит.

Бывает слово — мусор, слово — грязь.
Бывает слово — камень драгоценный.
Алмаз опасно перепутать цельный
с куском стекла, что промелькнет искрясь.

Среди узбеков много знатоков,
но их подход совсем не одинаков:
ученый различает смысл знаков,
а умный различает смысл слов.

Иной захочет «Хан-Далли» сказать —
и ну по гребням слов чужих скакать!
Сто лишних скажет, главного — не свяжет...
Что связывать, коль нечего сказать?

Бывали раньше славные бахши,
певали это слово от души,
показывали многим поколениям,
какие речи вправду хороши.

Оставлен без вниманья этот путь,
слагают без вниманья, как-нибудь.
Тут бейт кривой, там рубай безногий —
им до конца бы только дотянуть!

Народ не любит этих «новостей»,
гроша не даст за десять повестей.
Хоть уговаривай — не станут слушать,
хоть год талдычь — не соберешь гостей.

Кому их могут нравиться слова,
когда вся эта братия сама
в значенье слов не чувствует различья,
как свет дневной не чувствует сова!

Здесь, в «Хан-Далли», шаиrow прежних речь
я, сколько мог, старался вам сберечь.
И новым бейтом
я твердил об этом,
веля им в след старинной речи лечь.

Другие же поэты наших лет
своим стихом не оправдают хлеб.
Как сказывать, коль сам ты слов не чуешь?
Меня им не догнать в полете, нет!

О сколько нам приходится теперь
тупых певцов и неучей терпеть!
Не зная сказа, сказывать берутся,
не зная песни, затевают петь.

Коверкают хорошие слова —
соломой станет свежая трава!
А коль покажут вам мужей могучих,
так низведут до карликов сперва!

Живое превратят в костяк они,
гоняют бейты, как бродяг, они,
У них мудрец, прославившийся в прошлом,
таким же глупым станет, как они!

Возьмут рассказы, что сложил народ,
их перескажут задом наперед.
Не зная, как свести концы с концами,
всё так сплетут, что черт не разберет.

Не зря о том твердит Джуманбульбуль,
он прожил жизнь в почете и без бурь.
И как он прежним людям был желанен,
так он и будущим известен будь!

Готов послушать каждый, и не раз,
его словами сложенный рассказ.
Учились бы поэты этой речи —
и сами спеть сумели бы для вас!

Но не согреют душу их слова,
влезть не сумеют в уши их слова.
Пускай шумят, о чем хотят, поэты —
сильны их глотки, только речь — слаба.

ПОСЛОВИЦЫ

Без плодов —
не сад,
без трудов —
не сыт.

Урожай
не по году —
не пеняй
на погоду.

Сделал добро —
кинул на дно:
наверх не выйдет —
рыба увидит;
рыба замедлит —
небо заметит.

Бери пример с пилы:
ни переда, ни спины —
на обе стороны
работает поровну.

Хоти не хоти,
а власть не твоя:
и я был, как ты,
ты будешь, как я...

Молодому
по дому —
работа
до пота,
а доля пожилая —
чего пожелаю!

После славного —
слава навеки,
после злобного —
только наветы.

Кто не мог
понять намек,   “
тех легонько
тычут в бок.
А тычок
не помог —
так пускай
поможет бог!

И доброму всему дано
свое «но»,
и дурному — на-ко! —
свое «однако».

Начал жизнь —
даешь обеты,
прожил жизнь —
даешь советы.

Мальцу и тележка —
как воз,
кузнецу и железо —
как воск.

Слепец слепца и в ночи
различит,
вору вор — и ночью
воочью.

Потрудился —
съест семья.
Научился —
для себя.

Каменья
кидали
в деревья
с плодами.

То, что мы съели —
то уже во чреве,
а то, что во рту —
глядишь, и верну.

Пес пойдет лизаться,
если скажешь «песик».
Приласкаешь братца —
сразу в долг попросит.

Хитрецу поверить,
право,
не расчет:
и кривое дерево
прямо
не растет!

Кто в землю не сеял —
земли не ценит.
Кто бед не осилил —
семьи не ценит.

Коли глуп отец —
значит, дом с глупцом.
Если мать глупа —
значит, глуп весь дом!

Добрый дочь отдашь — и
сделают султаншей.
Злобным отдал дочку —
стопчут, как подошву.

Старый халат
с сотней заплат
новых халатов
милее стократ.

Тайну — и другу
доверить нельзя:
другие у друга
найдутся друзья!

Чем без запаха цветок —
пусть трава б, да пахла.
Чем бессовестный дружок —
лучше просто палка.

Горе яду
подливает,
а смех годы
продлевает.

В мирной семье —
как в райском саду.
Во вздорной семье —
как в черном аду.

Не пой славу скакуну,
не проездив месяца.
Не нахваливай жену,
пока год не сменится.

Чем с коня кувырком —
лучше сразу пешком.
Чем плохую жену —
лучше так проживу.

Кто мужа мужем сделает?
Жена.
Кто море лужей сделает?
Жена.

Жизнь без жены — зла.
Жизнь без детей — зря.
Радости в дыне — на раз,
радости в сыне — навек!

Те не дехкане,
кто пота не пролил.
Что не пахали —
то и не поле.

Родила дочку —
родила халву.
Родила дочку —
родила молву!

Рассказывай тем,
чьи уши открыты.
Надейся на тех,
чьи души открыты.

Если ты не победишь —
победит твой враг.
Если ты не побежишь —
побежит твой враг.

Дома хранить —
жарко,
людям дарить —
жалко.

Мало ел —
сало ел.
Много желал —
глину жевал.

Последний грош остался —
потрать его на плов.
Последний день остался —
потрать его на плов!

Богатый наденет:
«Носи до ста!»
А бедный наденет:
«Ты где достал?..»

Не растрать всех сил до сева,
а отдай их все земле.
Не храни припас для селя,
а раздай его в селе!

Кучка клевера — таньга:
как коня кормить тогда?
Как же бедному жениться:
сто таньга — мешок пшеницы!

Не тверди: «Крутой, мол, склон...»
Надо будет — слазишь.
Не тверди, что враг силен,—
надо будет — сладишь.

Где кумыс —
там и пьют.
Где кобыз —
там поют.

Рухнет арба —
будут дрова.
Бык упадет —
на мясо пойдет.

Бедные мои слова —
сказаны глупцу.
Бедная моя слеза —
лью по мертвецу.

И лепешки —
хлеб,
и крошки —
хлеб.

У бойца —
отметины,
у лжеца —
свидетели.

Что за прок,
коль мир широк,
если узок нам
сапог?..

Как ни крути —
распознаешь правильной
друга в пути,
золото в пламени.

И гуляние —
гулянье,
и скитания —
гулянье.

Еще сито
в воде,
а уж суть-то
видна.

Мышь-то и то
в нору не влезала,
так решето
к хвосту привязала!

Мошной не похваляйся —
гляди, с сумой останешься.
Родней не похваляйся —
гляди, один останешься.

И грош-то в кармане
с грошом не толкует,
а он на базаре
верблюда торгует!

Родство —
лет на сто,
соседство —
на двести.

Мясник старый —
и сон мясницкий:
по две отары
за ночь приснится.

И хромовый
сапог
хромоту
не помог.

Словам не верил —
беды не будет.
Арык не вырыл —
воды не будет.

Хоть в парчу
оденется —
да в парше
останется.

Появилась модница,
когда все расходятся.
Как больным поправиться —
тут и врач появится.

Разложил товар
глупец —
тут базару
и конец.

Душа — как лягушка,
а что ей года?
Согнется — старушка,
скакнет — молода.

Была бы дорога,
хотя и далеко,
была б переправа,
хотя и не прямо.

Красивая девушка —
как плодовое деревце:
кто увидит —
камень кинет.

Или кисло —
или солоно.
Или сила —
или золото.

Старый пугает:
«Умру».
Малый пугает:
«Уйду».

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящий сборник — первый, в сущности, опыт знакомства всесоюзного читателя с ярким многообразием и многожанровостью узбекского поэтического фольклора. Представительность этого знакомства — в лучших, по возможности, образцах и лучших русских переводах — ограничивается, естественно, самими рамками издания. Если учесть, что узбекская фольклорная библиотека, издающаяся на родном языке в Ташкенте уже в течение многих лет и тоже представляющая лишь лучшие жанровые образцы, рассчитана на пятьдесят с лишним томов, становится очевидно: в этой одной и не очень объемистой книге более или менее серьезно могут быть представлены лишь малые жанры, то есть прежде всего песни. Что до эпоса — тут знакомство, разумеется, весьма выборочное. Правда, заинтересованного читателя «Библиотеки поэта» можно, в утешение, адресовать к одному из ее томов, вышедшему несколько лет назад во втором издании Большой серии и включающему полный текст замечательного узбекского героического эпоса «Алпамыш».

Начальный раздел книги составил песни.

Первые записи узбекских (тюркских) народных песен включает еще знаменитый «Словарь тюркских наречий» Махмуда Кашгарского (1072—1074). На протяжении последующих столетий народная песня, ее сюжетные и лирические мотивы, ее мелодический строй многократно использовались, творчески перерабатывались поэтами; в свою очередь становились народными песнями и многие стихи поэтов-классиков, начиная, пожалуй, с Ахмада Яссави. Всерьез, вплотную записями народных песен занялись в Узбекистане лишь в советское время (см. вступ. статью). Отдельные переводы узбекских народных песен на русский язык появлялись уже в двадцатые-тридцатые годы. Однако лишь в конце пятидесятых в Ташкенте вышла книга переводов Н. Гребнева «Народная лирика Узбекистана», включившая около девяноста собственно узбекских народных песен. В 1965 году в серии «Узбекское народное творчество» вышел другой сборник переводов Н. Гребнева «Горе проходит — песни остаются», где помещено уже около двухсот песен. В 1984 году вышла в Ташкенте книга узбекских народных песен в переводах А. Наумова «Две половины луны», куда вошло около трехсот песен и свыше четырехсот песенных четверостиший. Из этих книг главным образом и взяты вошедшие в настоящий сборник песни. Ниже будет приведен перечень книг, рукописных фондов, из которых взяты переведенные песни, и указаны условные обозначения, используемые в примечаниях.

Второй раздел книги — хотя он и самый обширный по количеству страниц — из всего обилия образцов узбекского эпического фольклора представляет лишь два произведения, причем одно —

в отрывках. Понятно, почему — во многих случаях объем таких произведений едва ли не превышает средний том Большой серии «Библиотеки поэта». Другое дело, почему для настоящего сборника выбраны именно эти дастаны. Выбор диктовался несколькими обстоятельствами. Во-первых, желательным было представить наиболее ценные в художественном и жанровом отношении вещи (тут должна была бы возникнуть прежде всего «кандидатура» эпоса «Алпамыш», но, как сказано выше, его текст уже составил отдельный том «Библиотеки поэта»). Во-вторых, необходимо было выбрать дастаны из разных циклов, по возможности не повторяющие друг друга ни тематически, ни в «кочующих» деталях. В-третьих, хотелось представить дастаны, записанные от разных сказителей и передающие разные сказительские и поэтические манеры. Произведения, включенные в сборник, записаны от двух крупнейших узбекских сказителей новейшего времени — Фазыл Юлдаша и Эргаша Джуманбульбульоглы. Наконец, четвертое, не менее важное обстоятельство — качество и характер переводов, которыми дастаны представлены на русском языке. Отобранные переводы принадлежат разным мастерам, и каждый демонстрирует своеобразную и высокую степень проникновения в мир образов и жанровые особенности переведенного эпического повествования. Умелый и точный показ народных характеров, самой стихии народной жизни, с чуть медлительным развитием повествования, пристальным вниманием к подробностям хорошо передал в своем переводе «Рустамхана» С. Северцев; важен и опыт А. Наумова, чей перевод «Далли» отличается не только высокой степенью точности текстуальной, но еще и, насколько это вообще возможно, близким воспроизведением самой поэтической «ткани» оригинала. Рифмованная проза передана здесь русским раешником, почти ощутимо воссоздающим эти «ритмические пробежки» бакши; столь же близки к оригиналу и собственно стихотворные части повествования, следующие за всеми прихотливыми изменениями строфики и метрики узбекского народного текста. Именно в силу большой близости к подлиннику перевод «Далли» и включен в сборник почти без сокращений.

Необходимо оговорить и следующее. Хотя в текстах дастанов наряду со сказочными (скажем, мифологическая гора Койкаф, обиталище дэвов и пери, ее легендарные сады Ирэм и Санам) упоминаются и реальные географические понятия (Дагестан, Эрзерум, ногайские степи и пр.), читатель должен помнить, что география дастанов остается весьма условной, то есть, по сути, той же сказочной. Несколько иначе обстоит дело с этническими обозначениями героев. Главные герои «Далли», скажем, именуются то туркменами, то узбеками, хотя при этом неизменно подчеркивается, что они принадлежат к таки и явмут (племена, которыми, по эпосу, правил бек Гороглы). Тут, однако, нет противоречия: «узбек» и «туркмен» здесь не обозначают национальной принадлежности в современном смысле слова — это древние названия отдельных родов. С другой стороны, и «кизилбаши» — смертельные враги героев «Далли» — тоже не какой-нибудь конкретный народ: так именовали шиитов (одно из двух основных враждующих направлений в исламе; герои эпоса — сунниты), получивших со времен иранского шаха Исмаила Сафави прозвище «кизилбаши» (букв. «красноголовые») за то, что носили красные шапки. Примерно так же обстоит дело в дастане «Рустамхан».

Третий раздел сборника составляют образцы пословичного жан-

ра. Существует несколько изданий узбекских народных пословиц на языке оригинала и в русском переводе. Для настоящей книги отобраны переводы только ритмически организованных и рифмованных пословиц, как бы являющих собой малую поэтическую форму, — и притом переводы такие, которые эту поэтическую организацию подлинника на русском языке воссоздают. Переводы взяты из книги «Узбекские народные пословицы и поговорки». Ташкент: «Узбекистан», 1985.

Условные обозначения источников текста

- Ачилов — Ачилов К. Узбек халк мехнат кушиклари (Узбекские народные трудовые песни). Рукопись — в Издательстве художественной литературы и искусства им. Гафура Гуляма.
- Бойчичак — Бойчичак (Подснежник). Сборник узбекских обрядовых и детских песен. Ташкент, 1984.
- Из фонда — Из фонда фольклорных записей Отдела фольклора Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР.
- Келиной — Келиной кушиклари. Халк кушиклари ва термалари (Песни невестки. Народные песни и частушки). Ташкент, 1981.
- Ок олма — Ок олма, кизил олма. Узбек халк кушиклари (Белое яблоко, красное яблоко. Узбекские народные песни). Ташкент, 1972.
- Романовская, 1939 — Узбекские народные песни (Составители Е. Е. Романовская и Акбаров. Книга I. Ташкент, 1939, на узб. яз.).
- Романовская, 1956 — Узбекские народные песни. Записи Е. Е. Романовской. Ташкент, 1956 (на узб. яз.).
- Сарымсаков — Из записей народных плачей, сделанных сотрудником Отдела фольклора ИЯЛ им. А. С. Пушкина АН УзССР Б. Сарымсаковым.
- Совет даври — Совет даври кушиклари (Песни советского периода). Рукопись — в Отделе фольклора ИЯЛ им. А. С. Пушкина АН УзССР.
- Юнус Раджаби — Узбекская народная музыка. Записи Юнуса Раджаби. Ташкент, 1963—1965. Т. 1—3. (на узб. яз.).

ПЕСНИ

1. Из фонда.

2. Келиной. В основе песни лежит поэтичное поверье о мифической реке *Карадарья* (букв. «черная река») или, по другой версии, *Курдумдарья* (букв. «пересыхающая река»), которая течет через весь мир и каждого человека в отдельности; в нее вливаются все беды

и радости людские, а в конце времен она впадет в безграничный океан небытия. Шум ее течения можно услышать, зажав себе уши... То есть ток нашей собственной крови, а в переносном смысле само движение жизни и времени — это и есть река Кара- или Курдум-дарья.

3. Ок олма.

4. Из фонда. Запись М. Алави.

5. Ок олма.

6—8. Ачилов.

9—13. Из фонда.

14. Романовская, 1956.

15—16. Ок олма.

17—24. Ачилов. *Шахимардан* (ныне Хамзабад) — поселок в предгорьях Ферганской долины; в прошлом — одно из мест поклонения «святым могилам», в частности мазару святого Шахимардана. Там религиозными фанатиками был убит поэт Хамза Хаким-заде Ниязи (1889—1929).

25. Ачилов.

26. Ок олма.

27. Ачилов. *Саном* — род вышивки.

28—29. Ачилов. *Навруз* — мусульманский Новый год, праздник обновления природы. Отмечается весной. *Руза (ураза)* — летний религиозный праздник, сопровождается длительным постом.

30—33. Ачилов.

34. Ок олма.

35. Из фонда.

36—37. Ачилов.

38. Ок олма.

39—40. Из фонда.

41. Ачилов.

42—46. Из фонда. Запись М. Алави.

47. Из фонда. Песня сложена в период империалистической войны; выраженный в ней протест против мобилизации местного населения на тыловые работы в России вылился в конце концов в волнения и восстания 1916 года в Туркестане.

48. Романовская, 1939.
- 49—50. Ок олма.
51. Из фонда.
- 52—61. Ок олма.
62. Из фонда.
63. Романовская, 1956.
64. Романовская, 1956. Исполняется во время веселого застолья.
65. Из фонда. Запись М. Алавии.
66. Из фонда. Запись Х. Раззакова.
67. Романовская, 1939.
- 68—69. Романовская, 1956.
70. Романовская, 1956. Запись В. А. Успенского.
71. Из фонда.
72. Романовская, 1956.
73. Из фонда.
- 74—75. Из фонда. Записи М. Алавии.
76. Из фонда. Запись М. Алавии от народной артистки СССР Халимы Насыровой.
77. Романовская, 1939.
78. Романовская, 1956. Запись В. А. Успенского.
79. Романовская, 1939.
80. Романовская, 1956.
81. Из фонда.
82. Из фонда. Запись Е. Е. Романовской.
83. Романовская, 1956.
84. Из фонда. Запись М. Алавии.
- 85—91. Из фонда.
- 92—96. Ок олма.

97. Ок олма. *Авровый* — сшитый из *авра*, плотной хлопчатобумажной ткани кустарного производства.

98. Ок олма. *Брось мне яблоко...* — бросить в юношу или девушку яблоком означает на языке старинного обычая признаться в любви.

99—104. Ок олма.

105. Келиной.

106—115. Ок олма.

116—119. Из фонда.

120—123. Ок олма.

124—125. Из фонда.

126—128. Ок олма.

129. Из фонда.

130. Келиной.

131—141. Ок олма.

142. Из фонда.

143. Ачилов.

144—147. Ок олма.

148—149. Ачилов.

150. Келиной.

151—153. Ок олма.

154. Из фонда.

155. Ок олма.

156—157. Из фонда.

158—166. Ок олма.

167. Келиной.

168—172. Из фонда.

173—174. Романовская, 1939.

175—178. Из фонда.

- 179—191. Келиной.
- 192—206. Ок олма.
207. Келиной.
- 208—210. Ок олма.
- 211—215. Ок олма. *Шах-туга* — разновидность шелковицы, тутовое дерево с особо крупными плодами.
- 216—221. Ок олма.
222. Юнус Раджаби, 3.
223. Романовская, 1956.
224. Юнус Раджаби, 1.
225. Из фонда.
226. Романовская, 1956.
227. Из фонда. Запись М. Алавии.
228. Романовская, 1939.
229. Романовская, 1956.
230. Из фонда. Запись М. Алавии.
231. Из фонда. Свод записи двух вариантов песни, сделанных Е. Е. Романовской и М. Алавией.
232. Из фонда. Запись М. Алавии.
233. Ок олма.
234. Из фонда.
235. Ок олма.
- 236—238. Из фонда.
- 239—240. Ок олма.
- 241—242. Из фонда.
243. Юнус Раджаби, 3.
244. Из фонда.
- 245—248. Ачилов.
- 249—250. Ок олма.

251. Ачилов.
- 252—258. Ок олма.
259. Келиной.
260. Романовская, 1956.
261. Из фонда. Запись писателя Шукура Сагдуллы.
262. Романовская, 1939.
- 263—264. Из фонда.
- 265—266. Ок олма.
- 267—269. Келиной.
270. Ок олма.
271. Келиной.
- 272—273. Ок олма.
274. Записано Гафуром Гулямом и использовано в повести «Озорник» (Гафур Гулом. Шумбола. Ташкент: «Еш гвардия», 1961. На узб. яз.).
- 275—278. Из фонда.
- 279—283. Келиной.
284. Ок олма.
285. Записано Г. Гулямом, использовано в повести «Озорник» (см. примеч. к № 274).
- 286—288. Ок олма.
289. Келиной.
- 290—291. Ок олма.
- 292—293. Келиной. *Салом и алик* — две части одного приветствия.
- 294—298. Из фонда. *Бусинки на ворот...* — нашиваются в качестве оберега от сглаза.
- 299—300. Ок олма.
301. Романовская, 1939.
- 302—304. Келиной.

305. Сарымсаков.
306. Келиной.
307. Сарымсаков.
308. Келиной.
309. Из фонда.
310. Бойчичак. *Было синим...* — цвет траурной одежды — синий.
- 311—313. Из фонда.
- 314—316. Романовская, 1939.
- 317—318. Из фонда.
- 319—328. Совет даври.
329. Из фонда. Запись Х. Т. Зарифова. *Хасанхан и Авазхан* — герои дастанов из цикла о Гороглы, приемные сыновья Гороглыбека.
- 330—341. Совет даври.

ДАСТАНЫ

342. Рустамхан. Дастан записан от сказителя Фазыла Юлдаш-оглы в 1937 г. в Ташкенте Х. Т. Зарифовым. Рукопись хранится в фольклорном архиве ИЯЛ АН УзССР под инвентарным номером 112. Впервые отрывок из дастана опубликован в хрестоматии Х. Т. Зарифова. В сокращенном виде дастан подготовил к печати Зафар Дияр («Рустамхан». Ташкент, 1942.) Фольклорист З. Каримова осуществила издание дастана в более полном объеме, с незначительными сокращениями (Ташкент, 1950). Полностью издал дастан Х. Т. Зарифов («Мурадхан. Рустамхан», Ташкент, 1965). Перевод на русский язык выполнен на основе последнего издания и опубликован в серии «Узбекское народное творчество» (Ташкент, 1973). Записанный и подготовленный Зарифовым текст выпущен также в академической серии «Эпос народов СССР» с параллельным русским научным переводом Н. В. Кидайш-Покровской и А. С. Мирбадалевой (М., 1972).

«Рустамхан» — центральный и наиболее популярный в цикле дастанов о подвигах легендарного героя Рустама. К самым ярким — и внутренне завершенным — эпизодам дастана принадлежит описание битвы героя с драконом, которое и включено в настоящий сборник. *Синим цветом...* — цвет траура — синий (см. также песню «Разве это платье было синим...», № 310). *Бросила яблоком...* — см. примеч. к песне «У ворот твоих», № 98.

343. Далли. Принадлежит к циклу дастанов о Гороглы. Дастан сложился примерно в XVII — XVIII веках. Записан самим сказителем — Эргашем Джуманбульбуль-оглы в 1926 г. в кишлаке Курган

Кошрабатского района Самаркандской области. Рукопись хранится в фольклорном архиве ИЯЛ АН УзССР под инвентарным номером 1. Впервые в сокращенном виде дастан опубликован поэтом Умарджаном Исмаиловым («Далли». Ташкент, 1942). Наиболее полное издание подготовила известный фольклорист Музайяна Алавия («Эргаш Джуманбулбулугли»: В двух томах. Ташкент, 1972. Т. 2.) Перевод выполнен на основе последнего издания, осуществленного Зарифовым с некоторыми незначительными сокращениями («Булбул таронлари». В пяти томах. Ташкент, 1972. Т. 2.). Опубликован перевод в трехтомнике «Песни Бульбуля». Ташкент, 1977. Т. 2.

Запись эпического текста самим народным сказителем — случай весьма редкий в мировой фольклорной практике; он оказался возможен потому, что, будучи «традиционным», «наследственным» бакши (знаменитыми сказителями были его отец, бабушка и другие предки), и притом бакши высочайшего класса, с изумительной памятью — Эргаш Джуманбульбуль-оглы был одновременно грамотным, «пишущим» человеком, высокоталантливым поэтом. Тексты его, а в особенности текст «Далли», являют образцы огромной и плодотворной работы над словом, выдающегося стихотворного мастерства, использования в тексте сложной строфики и поэтических форм (особенно часто — рубаи). При этом дастан достигает и подлинных высот в изображении душевного состояния героев, поэтической записи «потока сознания», если позволено здесь употребить этот термин; поэтические монологи героев подчас поднимаются на замечательную лирическую высоту. И однако, что важно, в дастане сохраняется народная простота и выразительность лексики. Все это обусловило популярность дастана в современной сказителю слушательской среде и наш сегодняшний к нему интерес.

ПОСЛОВИЦЫ

344—407. Ок олма.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Авахта — искаженное «гауптвахта».

Авр (отсюда «авровый») — полукустарная плотная материя.

Адрас — полупелюшковая ткань.

Адыр — предгорный холм.

Азан — призыв на молитву; первый такой призыв — на восходе солнца.

Азраил — ангел смерти.

Аим (букв. «моя луна») — добавляется к женскому имени в качестве ласкательной приставки.

Айван — крытая терраса или навес, пристроенные к дому.

Айран — прохладительное питье: кислое молоко, разведенное водой.

Ака (букв. «старший брат») — обращение к старшему или ровеснику.

Акаджан — уменьшительное от *ака* (см.).

Аксакал (букв. «седобородый») — старейшина, пожилой, уважаемый человек.

Алатау — горный массив.

Али — зять пророка Мухаммеда, один из первых его преемников на халифском престоле и наиболее почитаемых родоначальников ислама. Считался великим вонтемом.

Алиф — первая буква арабского алфавита; имеет вид вертикальной черты; символ стройности.

Алк — злой демон, связанный с водной стихией, предстает человеком в разных обликах.

Альчики — бабки.

Анар (букв. «гранат») — женское имя.

Анаша — наркотик, добываемый из дикой конопли.

Ангрен — река, правый приток Сырдарьи.

Андижан — город в Ферганской долине.

Арак — водка.

Арбакеш — возница на арбе.

Аргамак — скакун.

Архар — горный баран.

Арча — можжевельник.

Асаль (букв. «мед») — женское имя.

Баба — злой дух.

Базилек — пряная трава, на Востоке имеет название «райхон».

Байвачча (байбачча) — байский сын.

Балахона — балкон.

- Банги** — наркоман, курящий анашу, или вообще наркоман.
- Батман** — мера веса, колебавшаяся в разных районах Средней Азии от двух до одиннадцати пудов.
- Батыр** — богатырь, герой, силач.
- Бахши** — народный певец, сказитель.
- Бедана** — перепелка.
- Бекасам** — полосатая кустарная ткань.
- Бейт** — стихотворная строфа, основная единица арабского, а затем иранского и тюркского стихосложения.
- Бенарес** — шелковая материя индийского производства.
- Бешик** — деревянная колыбель, обычно подвешиваемая к потолку.
- Бобо** — дед, дедушка.
- Буза** — алкогольный напиток, изготавливаемый из проса, мелкого риса и т. п.
- Вайдот** — восклицание, выражающее сильное эмоциональное впечатление: удивление, страх и т. п.
- Визир** (вазир, визирь) — первый министр.
- Газель** — род двустиший с единой рифмой через строку (рифмуются также первые две строки газели), с упоминанием имени автора в последнем двустишии; в другом значении — разновидность антилоп, отличающихся быстротой бега и стройностью.
- Гайиб-эраны** — множественные духи-покровители.
- Ганч** — алебастр.
- Гиджак** — смычковый инструмент, со сферическим кузовом из тыквы или выдолбленной древесины, с двумя или тремя струнами.
- Гиссар** (Гиссарская долина) — межгорная впадина близ южного окончания Гиссарского хребта, на западе современного Таджикистана.
- Гузаяная** — ствол и ветви хлопчатника — высушенные, использовались на топливо.
- Гульер** — праздничная, застольная песня.
- Гурии** — прекрасные женщины, которые, по мусульманским верованиям, будут в раю улаживать праведников.
- Дастархан** (букв. «скатерть») — в переносном смысле угощение, предлагаемое на разостланной скатерти.
- Дервиш** — мусульманский странствующий монах.
- Джан** — душа.
- Джида** — лох серебристый, дикая маслина. Ее терпкие плоды съедобны.
- Джугара** — сорго, злаковое растение, употребляется в корм скоту и в пищу людям. Из джугаровой муки, в частности, пекут сдобные лепешки «загора».
- Домбра** — щипковый инструмент с грушевидным корпусом, длинной шейкой и двумя жильными струнами.
- Дугар** — двуструнный щипковый инструмент.
- Дэв** — злой дух.
- Загора** — лепешка из джугаровой муки.
- Заргар** — ювелир, золотых дел мастер.
- Зиндан** — тюрьма, темница.
- Зурна** — см. сурнай.

- Имам** — духовный наставник у мусульман, лицо, руководящее молитвой в мечети.
- Ирэм** — мифический райский сад; второй такой сад — Санам.
- Искандер** (Искандар) — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), завоеватель Средней Азии, Ирана, Индии, является героем множества восточных легенд.
- Исрык** — гармала, растение, обладающее бактерицидными свойствами, при сжигании дает едкий удушливый дым, используется для окуривания «от злых духов».
- Исфандиер** — хивинский хан (1623—1642).
- Исфаханский** — происходящий из Исфахана, известного с античных времен города в центральной части Ирана. Исфахан славился многими ремеслами.
- Ишан** — глава мусульманской общины.
- Йигит** (джигит) — молодец, молодой парень.
- Кавсар** — мифический райский ручей, берущий начало от одноименного источника.
- Казий** (кази) — судья, судивший по законам шарната.
- Каландар** — странствующий дервиш.
- Калым** — выкуп за невесту, выплачиваемый женихом ее родителям.
- Камча** — ременная плеть.
- Караванбаши** — предводитель каравана.
- Карнай** — большая медная труба, издающая громкие, хриплые звуки.
- Катык** — кислое молоко.
- Кауши** (кавуши) — кожаные калоши.
- Кашгар** — город в так называемом Восточном Туркестане, ныне Уйгуро-Синцзянский район Китая.
- Кеклик** (каменная куропатка) — птица семейства фазановых, обитает в горах.
- Кетмень** — род лопаты, плоскость которой перпендикулярна рукоятке.
- Койкаф** — мифическая гора, обиталище перн.
- Коканд** — город в Ферганской долине. С конца XVIII в. до 1876 г. — столица Кокандского ханства.
- Кузминчак** — амулет.
- Кукнар** — наркотическое вещество в виде сиропа, изготавливаемое из мака.
- Кулан** — дикий осел.
- Кумган** — металлический кувшин с носиком, ручкой и крышкой.
- Кураминец** — житель одной из местностей, прилегающих к Кураминскому горному хребту.
- Курбан** (букв. «жертва») — женское и мужское имя.
- Курпача** — узкое стеганое ватное одеяло, которое стелят на лежанках вместо матраца.
- Куса** — букв. «безбородый».
- Кыбла** — сторона, где находится Мекка, — туда мусульмане поворачиваются во время молитвы.
- Кызыл-сай** — часто встречающееся название небольших речек.
- «Кырк Кыз»** («Сорок Девушек») — каракалпакский народный эпос.

Лапар — частушка.

Лейли — см. Меджнун.

Летовье — летняя стоянка, летнее пристанище.

Лукман — в мусульманской и древнеиранской мифологии праведный мудрец-долгожитель, которому приписывалось множество изречений, поговорок и т. п. В Средней Азии Лукмана почитают как великого лекаря, патрона врачей-врачевателей.

Ляган — керамическое блюдо.

Мадраса — см. медресе.

Мазар — могила, гробница.

Майдан — площадь.

Мангыт — один из древних узбекских кочевых родов; память о том, из какого рода кто происходит, до сих пор сохраняется среди многих узбеков. Названия родов хранят и многие, часто повторяющиеся в разных местах Узбекистана географические названия.

Мардикер — батрак, наемный рабочий.

Маргелан — город в Ферганской долине.

Маства — рисовый суп.

Махалля — городской квартал и вместе с тем объединяемая им квартальная община.

Маш — бобовое растение с мелкими круглыми зернами темно-зеленого цвета.

Машраб Бабрахим (1657—1711) — прославленный узбекский поэт-вольнодумец. За свои смелые обличения правящей верхушки и корыстного духовенства был повешен в Балхе. Образ его стал символом духовной одержимости.

Меджнун (букв. «одержимый») — прозвище Кайса (умер ок. 700 г.), арабского поэта, героя широко распространенного на Востоке сказания о Лейли и Меджнуне. Разлученный со своей возлюбленной Лейли, он сошел с ума и умер. В нарицательном смысле — человек, потерявший голову от любви. *Лейли* — эталон красавицы.

Медина — второй после Мекки священный город мусульман; находится в Саудовской Аравии.

Медресе (мадраса) — высшее мусульманское учебное заведение.

Мекка — главный священный город мусульман; находится в Саудовской Аравии.

Минарет (от арабск. «минара», букв. «маяк») — построенная рядом с мечетью башня, круглая, квадратная или многогранная, с которой выкликают призыв на молитву (см. азан).

Мингбаши — тысяцкий, должностное лицо.

Мираб — лицо, ведающее распределением воды для полива.

Мишаб — стражник, полицейский.

Михманхона — комната, помещение для гостей.

Мускус — пахучий продукт животного или растительного происхождения.

Нават — вареный сахар.

Назира (Назир) — существовал обычай: детей, мальчиков или девочек, чьей жизни грозила опасность, например, от болезни — посвящать шейху при ближайшем святом мазаре, т. е. могиле какого-либо святого, при котором, как правило, находилась мусульманская монашеская обитель во главе с руководителем-шейхом. Такому ребенку обривали голову, непременно оставляя несбритым клок волос в знак посвящения. Впоследствии, в четырех-пятилетнем возрасте, ребенка полагалось либо «выку-

пить» у шейха, либо отдать его шейху в пожизненное услужение, в рабство.

Най — род флейты.

Намаз — обязательная мусульманская молитва, совершаемая пять раз в день.

Наманган — город в Ферганской долине.

Нар — верблюд-самец.

Нарды — игра с фишками и игровой доской.

Нукер — солдат.

Отын (букв. «ученая», «наставница») — женщина, руководящая в доме траурными церемониями.

Пайга — скачки.

Пахлаван — силач, богатырь, борец.

Пахса — строительные блоки, изготавливаемые из глины, замешенной на самане, используются для возведения дувалов, домов, крепостных стен.

Пери (пари) — крылатая красавица, волшебное существо, охраняющее человека от злых духов.

Райхон — ароматная трава, базилик.

Ровница — вытянутая толстая слабо скрученная лента пряжи, идущая затем в дальнейшую обработку.

Рубаб — щипковый музыкальный инструмент с четырьмя или шестью струнами.

Рубаи — стихотворный жанр, самостоятельное четверостишие философского или любовного содержания, в котором рифмуются первая, вторая и четвертая строки.

Саз — щипковый инструмент, распространенный в Закавказье и на Среднем Востоке, грушевидной формы, с тремя-четырьмя парными или тройными струнами. Чаще всего используется для аккомпанеента пению.

Сай — ручей, небольшая речка.

Саман — мелкорубленая солома, используется для изготовления пахсы, сырцовых кирпичей.

Санам — см. Ирэм.

Сарвар — букв. «вождь, руководитель».

Сарыч (канюк) — хищная птица семейства ястребиных.

Ситар — струнный инструмент, род лютни, используется и как щипковый, и как смычковый.

Стригунок — годовалый жеребенок с подстриженной гривой.

Сулейман — библейский Соломон, почитаемый мусульманами в качестве пророка, который повелевал миром духов и миром животных.

Сунбул — шестой месяц мусульманского солнечного года, соответствует периоду от 22 августа по 21 сентября.

Суна — глинобитное прямоугольное сооружение для сидения или лежания.

Сурнай (зурна) — духовой инструмент, близкий к гобою.

Суюнчи — подарок за добрую весть.

Табиб — лекарь.

Тал — ива остролистая.

- Тандыр* — специальная сферической формы печь из обожженной глины для выпекания лепешек и т. д.
- Танга* — среднеазиатская серебряная монета достоинством от пятнадцати до двадцати копеек.
- Тар* — щипковый музыкальный инструмент с несколькими струнами.
- Таш* — букв. «камень».
- Терма* — песенный жанр (см. вступ. статью).
- Той* — пир, трапеза.
- Тош* — мера длины, соответствовавшая примерно восьми верстам.
- Тугаи* — заросли.
- Тулпар* — легендарный крылатый конь; в переносном смысле — быстроногий скакун.
- Тумар* — амулет, оберег от злых сил; вешается на лоб, шею и т. д.
- Тыквянка* — сосуд из высушенной тыквы.
- Тюря* (тура) — букв. «господин».
- Улак* — козлодрание, конно-спортивное состязание, участники которого стремятся завладеть тушей козла, вырывая ее друг у друга.
- Ургенч* — город, центр Хорезмской области.
- Урда* — центральная площадь города; в средневековом значении — ставка правителя.
- Усма* — растение, дающее красящий сок, которым женщины красят брови в черный цвет.
- Уста-бова* — дедушка-мастер.
- Фергана* — город в Ферганской долине, основанный в 1877 г. под названием «Новый Маргилан», в 1910—1924 гг. назывался Скобелев.
- Фисташки* — деревья или кустарники сем. сумачовых. Из двадцати видов фисташек в нашей стране произрастает шесть. Фисташковые орехи используются в пищу.
- Хаким* — правитель области.
- Ханатглас* — дорогая шелковая ткань пестрой расцветки.
- Хандаляшки* — ранний сорт дынь.
- Хауз* — искусственный водоем.
- Хива* — город в Хорезмской области; после разрушения монголами старой столицы Хорезмшахов стала центром Хорезма, со второй пол. XVI в. до 1920 г. была столицей Хивинского ханства.
- Хиндустан* — Индия.
- Хирман* — ток, место сбора урожая на поле.
- Хорманг* (букв. «не уставать вам») — приветствие, обращаемое к работающим.
- Хурджин* — переметная сума.
- Хызр* (Хидир, Хизир) — мусульманский святой, был героем еще домусульманских легенд: хранитель подземного источника живой воды, из которого сам однажды испил, обретя бессмертие. По легенде, сопровождал Искандера в его странствиях по пустыне; почитается как покровитель путников, пустыни, растений.
- Чарас* — сорт черного винограда.
- Чарыки* — грубая кожаная обувь.
- Чагатайский* — Чагатайский улус, наследственное владение монгольских ханов из рода сына Чингиза Чагатая (Джагатая) в Средней Азии, включавшее Междуречье, Семиречье и Кашгар, про-

существовало около полутора веков и оставило после себя, кроме чагатайского (среднеазиатско-тюркского) языка и ряда характерных обычаев, феодальные и династические междоусобицы.

Чапан — стеганый халат, служащий верхней одеждой.

Чачван — сетка из конского волоса, закрывающая лицо женщины; часть паранджи.

Чекмень — мужская верхняя одежда, полукафтан в талию.

Чилим — прибор для курения через воду, часто использовался для курения наркотических смесей.

Чильтаны («сорок чильтанов») — в мусульманской народной мифологии таинственные святые, управляющие различными областями жизни.

Чиммат — см. чачван

Чинар — дерево из сем. платановых.

Чия — загородка из связок камыша.

Шала — неочищенный рис.

Шариат — неписанный свод мусульманских религиозных, гражданских, уголовных законов и установлений, основанных на Коране.

Шах — царь.

Шахзаде — царевич, сын царя.

Шахристан — жилая часть средневекового города на Среднем Востоке, вокруг цитадели («арка» или «калы»).

Шейх — глава мусульманской общины, секты, школы; почетный титул, присваиваемый поэтам и ученым.

Шиит — представитель одного из двух основных направлений в исламе, шиизма (от «ши,а» — группа приверженцев); второе направление — суннизм (от «сунна» — закон). Шииты признают прямыми наследниками Мухаммеда на халифском престоле только Али и его сыновей.

Шираз — город на юге Ирана, родина поэтов Саади и Хафиза.

Шурпа — мясной суп.

Элликбаши (букв. «пятидесятник») — должностное лицо.

Эрзерум — город в Турции; в дастане это название географически условного города.

Эр-Хизира — пустыня Хизра.

Ялла — песенный жанр (см. вступ. статью).

Янга — невестка.

СОДЕРЖАНИЕ

Народная поэзия Узбекистана. Вступительная статья Т. Мирзаева	5
---	---

ПЕСНИ

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ

1. «Отчий край вошел в тебя с дыханьем...» Перевод А. Наумова	35
2. Карадарья. Перевод А. Наумова	35
3. Моя добрая животина. Перевод А. Наумова	36
4. Песня погонщика. Перевод Н. Гребнева	37
5—8. Жалобы вола. Переводы А. Наумова	
1. «Иду я пахать, а глазами молю...»	38
2. «Ночь — на кочках отдыхать...»	39
3. «Стоит только затянуться язве...»	39
4. Ах, мой вол	40
9. Песня жнеца. Перевод Н. Гребнева	40
10. Молотьба. Перевод А. Наумова	41
11. Обмолачивай помалу. Перевод А. Наумова	42
12. После засухи. Перевод Н. Гребнева	42
13. «Повелось у нас искони...» Перевод А. Наумова	43
14. Кто пожалует бедняка. Перевод Н. Гребнева	43

Переводы А. Наумова

15. Песня ручной мельницы	44
16. То были мы	44
17. Скрипит, скрипит	45
18. «Стонет мельница ручная, словно птица...»	46
19. «У дверей лежит плетенка...»	46
20. Не пускает мачеха	47
21. Буду прясть	48
22. Прялка смолкла	48
23. Зеркальце	49
24. Я пряду	49
25. Как выбрать жену	50
26. «Пару ровниц допрядем...»	50
27. Санома	50
28. Тюбетейка	51
29. Шью чапан	52
30. Вышит розами чапан	52
31. Яблоки	53
32. Нет дерева в мире, подобного туту	53
33. Ты давай мне молока	54
34. Пестрая корова	55
35. Доение	55
36. Моя кобыла	56
37. Коза	56
38. Ишачок мой	57
39. Арбакеш. Перевод Н. Гребнева	58

40. Морковь. Перевод Н. Гребнева	59
41. Работал у хозяина. Перевод А. Наумова	61
42. Ай, бай. Перевод А. Наумова	62
43. Эй, эй, Мамаджан. Перевод А. Наумова	62
44. Страдаем мы от тягостного гнета. Перевод Н. Гребнева	62
45. Исфандиер льет нашу кровь. Перевод Н. Гребнева . . .	63
46. Элликбаши. Перевод Н. Гребнева	64
47. Песня мобилизованных на тыловые работы. Перевод	
А. Наумова	65
48. Песня мардикеров. Перевод Н. Гребнева	65
49. «Навек меня наняли...» Перевод А. Наумова	66
50. Уйду неутоленный. Перевод А. Наумова	68

ПЕСНИ ЛЮБВИ

51. Хвала весне. Перевод И. Сельвинского	70
--	----

Переводы А. Наумова

52. Зевиджан	71
53. Я бросила тебя	72
54. Ты лжешь мне	73
55. Платок	74
56. Вот идет любимая моя	75
57. Ах, не надо ходить в Намаган	75
58. Говори	75
59. Мы ведь не мужчины	75
60. Нож	76
61. Улыбка твоя	76

Переводы Н. Гребнева

62. Камень не бросай	76
63. Айланай	76
64. Дуст ялла-ялла	77
65. Если так	77
66. Если кормишь, дай коню пшеницы	78
67. Не мучай	78
68. Не рви цветов	79
69. Брови у тебя черны	79
70. Другие слова	79
71. Пусть спросят	80
72. Вой додэй	80
73. Не горюй	80
74. Здесь растет шиповник	81
75. Не нужна	81
76. Камню что?	81
77. Браслет	81
78. Лунные ночи	82
79. Осторожно	82
80. Не желаю	83
81. Неверный	83
82. Разузнайте	83
83. Любимая моя	84

84. Прозрачная вода	84
85. «Пролетают по небу вороны...»	84
86. «С черной бородой, в халате черном...»	85
87. «Не позвал отец мой птицы-сокола...»	85
88. «В твоём саду цветок увидел я...»	86
89. «На базаре продают фисташки...»	86
90. «Конь стоит у реки, смотрит в воду...»	86
91. Я в плену твоих очей. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	87

Переводы А. Наумова

92. Ушли из Кашгара	88
93. «Я приду в твой город...»	88
94. Сердце не верит	89
95. Две пули твоих	89
96. Здравствуй	89
97. Влюбленные	90
98. У ворот твоих	91
99. Кандалы золотые	92
100. Персики падают	93
101. Уже осень	93
102. Особый подход	93
103. Эти горы — какие горы?	93
104. Алма-Ата	94
105. «Дикие утки над черной горою...»	94
106. Не услышал	95
107. Хоть кричи	95
108. Стою, сражен	95
109. Подожди	95
110. «Так душа, что бедствовать привыкла...»	96
111. «Вот идут они трое, и все — как один...»	96
112. Молчит	97
113. Зеркальце оставила под тополем	97
114. Мой любимый из рода мангыт	98
115. Если б любил	98
116. Соперница	99
117. Два цветка	99
118. Гульёр	100
119. Белый шелк, синий шелк	100
120. Так я одинока	101
121. Ушел от ворот	101
122. Невеста («Этот угол полью, что джидою зарос...»)	101
123. «Черные кудри на брови упали...»	102
124. Я по улице шла	104
125. Шелковая коса	104
126. Бедный арбакеш	105
127. Если любить	105
128. Пою лапар	105
129. Хоть во сне приснись	106
130. Белая юрта	106
131. Что глядите?	107
132. Чернокожая краса	107
133. О творец	108
134. Стань табибом	108
135. Куст посажу	108

136. Судил мне бог	109
137. Ах, вы горы	109
138. Дорога в Ташкент	109
139. Принадлежишь другому	109
140. Гляну в небо	110
141. Ах, розовый бутон	110
142. Яблочко	110
143. «Старый дед завяжет узел туго...»	111
144. Навсегда	111
145. Пью я воду	112
146. «По дороге в милый твой Кашгар...»	112
147. Тонок стан твой	113
148. Не таись	113
149. Я посватаюсь наконец	114
150. Навсегда полюбил я милую	114
151. «Всё я гляжу я в щель да в щель...»	117
152. Родня	117
153. «Ваш дом — я помню — где река...»	117
154. Невеста («Эх, невеста! Глядеть не велено...»)	118
155. Яблок я принес	119
156. Войду	119
157. Ялла	120
158. Не знаю	121
159. Будь любимая у меня	121
160. Пришел взглянуть	121
161. Ах, тетушки	122
162. Буду ждать ответа	123
163. Как прожить без тебя	124
164. Розу не срежешь	125
165. На вершинах гор зеленых	125
166. Я увидел тебя	125
167. «Ах, ты сама, ах, ты сама из бязи сшей платок...»	126
168. «Нелегко попасть на твой порог...»	127
169. «Я б отвернулся от тебя...»	127
170. «Этот мир — сокровище вселенной...»	127
171. «Как ни строптив твой жеребец буланый...»	128
172. «Я отдал рублище в залог...»	128
173. Иной путь	128
174. Анар-хон	129
175. «Кружу вокруг твоей красы...»	129
176. «Я бы жил на земле, не сетуя...»	129
177. «Быть бы рядом — хоть нищим, хоть в рублище...»	130
178. Не лги	130
179—206. Л а п а р ы	
1. «Жду беседы...»	130
2. «По камням Ангрена смело...»	131
3. «Над водою куст миндальный...»	131
4. «Мной не выпит и глоточек...»	131
5. «В Бухаре-то — минареты...»	131
6. «В саду милой росли талы...»	132
7. «В моем маленьком ауле...»	132
8. «Ростом ты — верблюд казахский!...»	132
9. «И опять со мной такое...»	133
10. «У узбека, говорю я...»	133
11. «Пускай сторож неусыпен...»	133

12.	«Я сказал, что ваши щеки...»	133
13.	«Передай приветы наши...»	134
14.	«Саженец у сая посадила...»	134
15.	«Всё я испытала, кроме смерти...»	134
16.	«Над твоим дувалом крик вороний...»	135
17.	«Знаю, что и лжив ты, и порочен...»	135
18.	«Все сады у нас сгубило селем...»	135
19.	«Все сады сгубило нынче селем...»	135
20.	«Ты не стой, не жди часами случая...»	136
21.	«Нрав ершистый я свой не пригладила...»	136
22.	«Человек на углу показался...»	136
23.	«Сколько дней дожди всё лили, лили...»	137
24.	«На рассвете красит листья солнце...»	137
25.	«У меня есть ткацкий стан и прялка...»	137
26.	«Поднимусь-ка лучше я на крышу...»	137
27.	«Встал мой милый на дувал пахсовый...»	138
28.	«Розу привязала я к запястью...»	138
207.	Девушка и чабан	138
208.	Двое влюбленных	141

БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

Переводы А. Наумова

209.	«Хотел в Андижан...»	142
210.	«Носить я устала...»	142
211.	«Танцую всегда я...»	142
212.	«На крыше я села...»	143
213.	«Хотя тубетейка...»	143
214.	«Спешить вам за нею...»	144
215.	Шах-тута	144
216.	Оставь	144
217.	Всех обманул	144
218.	Не пойду я в Сайгузар	145
219.	Только зацветет	145
220.	Бедные джигиты	145
221.	Те, что не женятся	145

Переводы Н. Гребнева

222.	Что нужно молодцу?	146
223.	Мутная вода	146
224.	Не оттого ли?	146
225.	Нет лучше города, чем Фергана	147
226.	На базар не сходить ли, дочка?	147
227.	Золотая стена	147
228.	Я не надену атласное платье	148
229.	Колючка	148
230.	Брови черные	149
231.	Мамочка	149
232.	Коль уйду	150

Переводы А. Наумова

233.	Красавица не обернется	151
234.	Соберемся в горы	151
235.	Назира	151

Переводы В. Орловой

236. Кукнаршик	153
237. Бедный банги	154
238. Чилим	155

Переводы А. Наумова

239. Девочка-пушок	156
240. Пусть поиграют	156
241. Был конь у меня	156
242. Домбра	157

САТИРИЧЕСКИЕ И ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

Переводы А. Наумова

243. На себя трудитесь	158
244. Измельчай, мельчи!	158
245. Малюточка	159
246. «Это вол тучнеет от еды...»	160
247. «Кинул альчик — выиграл...»	160
248. Песня о байской дочке	161
249. Крошка	161
250. Дождь идет	162
251. Поклон невестки	162
252. Песня новобрачной	165
253. Рябой и зобастый	166
254. Милый у меня — хороший	167
255. Гурней хотела стать	167
256. Милый бездельник	167
257. Тонкая душа	167
258. «О яблони ветка, ицу тебя всюду...»	168

Переводы Н. Гребнева

259. Блоха	169
260. Яйцо	170

ТЕРМА

Переводы А. Наумова

261. Прислушайся	171
262. «Певец не может обойтись без струн...»	171
263. «Цены не знает людям падишах...»	172
264. «Голодному — как сахар, загора...»	173
265. «Когда у джигита поспеет еда...»	174
266. «Пока ты живешь — обрастаешь добром...»	175
267. «Во-первых, скажу вам, чем ночью ходить...»	176
268. «Эй, братья, послушайте, вам говорят...»	176
269. «Дело не просто схватить за вихор...»	177
270. О коне	177
271. «Если покупаешь жеребца...»	178
272. Бери благородных	179

273. «Время крепко дубит кожу...»	179
274. Наша знать	179
275. «Оказался в чистом поле...»	179
276. «Слово от слова рождается снова...»	180
277. «Любит розу соловей...»	180

ЯР-ЯР

Переводы А. Наумова

278. «Лети без страха в край любой...»	181
279. «На пути любимого...»	185
280. «Воду делают красивой...»	188
281. «Денек ушел не весь пока...»	191
282. «Мол, в купцы жених попал...»	193
283. «— Говорят, сестрица, твои брови...»	193
284. «Бурная речка, бушует поток...»	194

УЛАНЫ И КУШИКИ

Переводы А. Наумова

285. «Вот и время начинать уланы...»	195
286. «Двор наш там же, на вашей дороге...»	202
287. «Стала бы мечтью madraca...»	205
288. «Когда я уходил в дорогу...»	213
289. «Весна в нашем кишлаке...»	218
290. «Тополь вырастет в саду...»	220
291. «Звезды не потухли...»	221
292. «Обложило небо тучами...»	224
293. Говорят	226

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Переводы А. Наумова

294—306. Заклинания при уходе за младенцем	
1. При первом укладывании в колыбель	228
2. Когда впервые берут из колыбели	230
3. Когда впервые окуривают	230
4. Когда впервые купают	231
5. Когда исполняется пять дней	231
6. Когда исполняется девять дней	232
7. Когда впервые показывают семье	232
8. На первый зуб	232
9. Когда впервые садится	233
10. Когда впервые встает на ноги	233
11. Когда шьют новую одежду	233
12. Когда шьют новую обувь	234
13. Когда впервые моют девочке волосы	234
307. Добро пожаловать!	234
308. На тое	235
309. Чертил я ния	235
310. Сестра и зять	236

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Переводы А. Наумова

311. «Давай я тебя укачаю, алла...»	237
312. «В синих пролетают небесах...»	238
313. «Алла-ю, алла...»	239

ПЛАЧИ

Переводы А. Наумова

314. «Это туча ли тянется черная...»	240
315. «Ах ты, синяя-пресиняя река!..»	240
316. «О бедные рабы, кому — туда...»	241
317. Плач по отцу	241
318. Плач по сыну	242
319. «Из красных маков наберу букет...»	244
320. «Гнется ветка цветущего персика...»	245
321. Плач матери. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	246
322. «Разве это платье было синим...» <i>Перевод А. Наумова</i>	246
323. Плач жены. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	247
324. Плач по кормилице. <i>Перевод А. Наумова</i>	248
325. Плач по любимому. <i>Перевод А. Наумова</i>	248

КОЛХОЗНЫЕ ПЕСНИ

Переводы А. Наумова

326. Играй	249
327. Камыш созрел	249
328. Приятель, не надейся на меня!	250
329. Если нет	250
330. Паранджа	251
331. Не унять любовь	251
332. Поймешь, когда влюбишься	252
333. Лучший парень — не лучше тебя	253
334. Тот, кто нас забыл	253
335. Я уеду	254
336. Ты здорова ли, моя любимая?	254
337. Лучше плакать вдаль	254
338. Вспомни обо мне	255
339. У колодца	256
340. Чего молчишь?	256
341. Песня бахши. <i>Перевод М. Алигер</i>	257

ДАСТАНЫ

342. Рустамхан. <i>Перевод С. Северцева</i>	261
343. Далли. <i>Перевод А. Наумова</i>	294

ПОСЛОВИЦЫ

344—407. <i>Перевод А. Наумова</i>	619
Примечания	631
Пояснительный словарь	641

Узбекская народная поэзия / Вступ. ст., сост.
УЗ4 и примеч. Т. М. Мирзаева.— Л.: Сов. писатель,
1990.— 656 с.— (Б-ка поэта. Большая серия).
ISBN 5-265-01484-5

Настоящее издание впервые комплексно знакомит читателей «Библиотеки поэта» с фольклорным творчеством узбекского народа, создававшимся на протяжении многих веков: песнями разнообразной тематики, дастанами и пословицами.

У $\frac{4803640102-457}{083(02)-90}$ 422—90

ББК 84. Узб.1

УЗБЕКСКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

Художник *В. В. Ерёмин*
Худож. редактор *Б. А. Комаров*
Техн. редактор *Г. В. Мисюль*
Корректор *Э. Н. Липпа*

ИБ № 7710

Сдано в набор 31.03.89. Подписано к печати 22.12.89. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л.
34,44. Уч.-изд. л. 33,26. Тираж 25 000 экз. Заказ № 67. Цена 3 р. 10 к.
Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинград-
ское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ле-
нинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор»
имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136,
Чкаловский пр., 15.